Министерство образования и науки РФ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (36)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2014

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (36). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 259 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцин); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г.Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский Технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2014

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (36)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2014

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 4 (36). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2014. – 259 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Maurizio Pompella Bank ratings inference through principal components – Mahalanobis methodology....9
Яшина Н.И., Прончатова-Рубцова Н.Н. Определение бюджетных рисков Нижегородской области на основе исполнения доходной и расходной части бюджета....16
Башук Е.Н., Орлов А.В. Особенности проявления трудовой мотивации в различных профессиональных группах....25
Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Исследование динамики развития инновационной деятельности промышленных предприятий....37
Богатырев А.В., Трофимов О.В., Макушева Ю.А. Проблемы диагностики экономического потенциала организаций....41
Мизиковский И.Е. Стратегия экономичности затрат на материально-техническое снабжение....46
Коробейникова Е.В. Психологическая подготовка менеджеров в условиях инновационного развития....50
Максимов Ю.В. Кластерные инициативы в экономике Нижегородской области....57
Веселова Н.В. Направления структурной политики в Нижегородской области....62
Рузанов А.И., Рузанов П.А. Компьютерное моделирование поведения сложных экономических систем....69

Социологические науки

Возьмитель А.А., Куконков П.И. Коэволюция органов государственного управления и самоуправления в регионах России....76
Сизова И.Л., Ермилова А.В., Хусяинов Т.М. «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета (на примере факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)....84
Плотников М.В. Модель социальной технологии менеджмента....90
Дробышева Т.В. Факторы формирования экономических представлений у детей в условиях мегаполиса: различия в образах бедного и богатого человека....98
Барлукова О.Д. Китайская интеллигенция: социальные источники воспроизводства (последняя четверть XX в.)....110
Казаков М.А., Лысцев М.С. Активизация России в арктическом регионе: основные направления освоения и факторы ускорения....116
Городнова А.А., Абросимова Е.Б. Программа подготовки управленческих кадров: 15 лет успеха....123
Ефимова О.И. Профилактика суицидального поведения подростков в образовательных учреждениях России: результаты мониторинга....130
Петровская Ю.А. Факторы социального благополучия как научная проблема....137
Коган Е.А. Отношение студенческой молодежи к волонтёрской деятельности....144
Лебедева О.В., Фомина Н.В. Отношение к соматическому здоровью как показатель развития психологического здоровья личности (на материале изучения различных возрастных групп испытуемых)....150
Насыбуллин А.А. Олимпиада-2014 как социальный фактор роста патриотизма....159
Сергеева О.М., Жураковская Н.Ю. Воздействие юмора на семейные установки....166
Ростовская Н.А. Библейские сюжеты в живописи....172
Хымович О.С. Сравнительный анализ уровня этносоциальной дистанцированности среди населения Львовской области, имеющего опыт трудовой миграции....180
Загребин В.В. Отношение учащейся молодёжи к табакокурению (на примере г. Кирова)....188
Шигабетдинова Г.М. Роль рефлексии в конструктивном взаимодействии....194

Педагогические науки

Белобрыкина О.А. Роль искусства в формировании образа профессионала (на примере профессии «психолог») 202
Дятлова К.Д., Швец И.М. Оценка биоэтических знаний как этап в формировании общекультурной компетенции следования принципам биоэтики у студентов-биологов.....211
Май Куок Хань Сравнительная характеристика профессионализма учителей Вьетнама и России в период феодализма.....218
Напалков С.В. Специфика заданий и задачных конструкций информационного контента тематического образовательного web-квеста.....222
Перова В.И. Исследования студентов на основе адаптированных авторских учебных пособий 227
Пономарев С.М. Использование сетевых и мобильных технологий в астрономической подготовке студентов 231
Родионов М.А., Губанова О.М. Особенности проектирования методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ 235
Тестов В.А., Кострова О.Н. Метод проектов в геометрической подготовке младших школьников.....241
Щелина Т.Т. Академическое кураторство в инновационном вузе: психологическая обоснованность и педагогическая целесообразность 248

Авторы 256

CONTENTS

Economic sciences

Pompella M. Bank ratings inference through principal components – Mahalanobis methodology 9
Yashina N.I., Pronchatova-Rubtsova N.N. Determination of budget risks of the Nizhni Novgorod region based on the performance of the revenue and expenditure sides of the budget.....16
Bashuk E.N., Orlov A.V. Special aspects related to manifestation of employee motivation in various professional groups.....25
Boldyrevsky P.B., Kistanova L.A. Investigation of the dynamics of innovation activities of industrial enterprises 37
Bogatyrev A.V., Trofimov O.V., Makusheva Yu.A. Some problems of diagnosis of organizations' economic potential 41
Mizikovsky I.E. Procurement cost saving strategy 46
Korobeynikova E.V. Psychological training of managers in the context of innovative development 50
Maksimov Yu.V. Cluster initiatives in the economy of the Nizhni Novgorod region 57
Veselova N.V. Directions of structural policy in the Nizhni Novgorod region.....62
Ruzanov A.I., Ruzanov P.A. Computer modelling of the behaviour of complex economic systems 69

Sociological sciences

Voz'mitel' A.A., Kukonkov P.I. Coevolution of state administration and self-government bodies in the regions of Russia.....76
Sizova I.L., Ermilova A.V., Khusyainov T.M. "Faculty habitus" and socialization of students in a classical university (a case study of the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod) 84
Plotnikov M.V. A model of social management technology 90
Drobysheva T.V. Factors shaping economic notions of children living in a metropolis: differences in the images of a poor and a rich man.....98
Barlukova O.D. Chinese intelligentsia: social origins of reproduction (the last quarter of the 20th century) 110
Kazakov M.A., Lystsev M.S. The stepping up of Russia's activities in the Arctic region: main areas of development and acceleration factors.....116
Gorodnova A.A., Abrosimova E.B. Management training program: 15 years of success.....123
Efimova O.I. Prevention of suicidal behavior in adolescents in Russian educational institutions: results of monitoring 130
Petrovskaya Yu.A. Factors of social well-being as a scientific problem 137
Kogan E.A. Students' attitudes toward volunteer activities 144
Lebedeva O.V., Fomina N.V. Attitude to somatic health as an indicator of the development of a person's psychological health (based on the study of different age groups of subjects) 150
Nasybullin A.A. 2014 Olympics as a social factor for the growth of patriotism 159
Sergeeva O.M., Zhurakovskaya N.Yu. Effects of humour on family attitudes.....166
Rostovskaya N.A. Biblical subjects in painting 172
Khymovych O.S. Comparative analysis of ethno-social distance among the population of the Lvov region having labour migration experience 180
Zagrebin V.V. Young students' attitude to smoking (a case study of Kirov).....188
Shigabetdinova G.V. The role of reflection in constructive interaction 194

Pedagogical sciences

Belobrykina O.A. The role of art in shaping the image of a professional (illustrated by the example of the profession "psychologist") 202
Dyatlova K.D., Shvets I.M. Assessment of bioethical knowledge as a stage in the development of the general cultural competency (adhering to bioethics principles) in biology students.....211
Mai Quoc Khanh Comparative characteristics of teacher professionalism in feudal Vietnam and Russia 218
Napalkov S.V. Specific features of tasks and problem constructions of the information content of the thematic educational Web quest.....222
Perova V.I. Student research based on adapted author's manuals 227
Ponomarev S.M. The use of network and mobile technologies in student astronomical training.....231
Rodionov M.A., Gubanova O.M. Design features of the methodological system for developing professional competencies of future teachers of computer science and ICT 235
Testov V.A., Kostrova O.N. Project method in geometrical training of primary school students.....241
Shchelina T.T. Academic supervision in an innovative university: psychological validity and teaching effectiveness 248

Authors.....256

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.146

BANK RATINGS INFERENCE THROUGH PRINCIPAL COMPONENTS – MAHALANOBIS METHODOLOGY

© 2014 г.

M. Pompella

University of Siena, Italy

pompella@unisi.it

Поступила в редакцию 06.11.2014

The paper presents the first results of a new approach to evaluate the ratings of the banks, especially non-listed ones, basing on the rank the main rating agencies confer to the listed intermediaries. The outcome of a deep investigation about the discriminating power of main bank ratios is provided, in order to assess the possibility to discriminate, in fact, the group of healthy banks versus selected samples of intermediaries affected by hidden, specific "pathologies".

Statistical tools already available and new statistical discriminating tools are used, to contrast a reference sample of hi-ratingbanks versus selected samples of low-rating ones,and to assess the false allocations rate of error.

An original methodology is applied, the so called "PC-Mahalanobis" (PC-M). It consists of verifying the position of each bank in the (hyper)space of a number of significant principal components, the first two of them for the most, calculated on a peculiar set of transformed indicators, to reveal groups of low performing intermediaries and segregate them as deserving prudential control. The approach seems to provide a powerful tool to unveilprodromic signals of instability for selected banks or groups of them, whether or not they are listed/rated.

Keywords: banking, bank ratings, listing, Mahalanobis methodology.

Introduction

All listed banks are normally rated by rating agencies, the most important being for this kind of intermediaries S&P (Standard and Poor's), Fitch and MOODY'S. This work is based on the average rating delivered by these agencies for a number of listed banks, and it assumes that top performing banks have best ratings, as well as low/bad performing banks have lower, end-list rank. In other words, it assumes that the ratings issued by the agencies are to some extent reliable. This allows to distinguish two groups of intermediaries: the best performing, at the top of the list, and the low performing at the bottom, whereas the central subset is removed. So that we have two subsets remaining, on one hand the ones we call "healthy banks", top list, and on the other the intermediaries who are not in a good shape.

Our PC-M approach has been proved being able to discriminate within a set of individuals, where all these banks have been mixed up, by reconstructing their belonging to the hi or low-quality subsets, starting from a selected array of balance sheet variables or ratios (the same for all banks, of course). This implies that whatever "new entry" – maybe a non-listed bank with no rating available, or just a bank from a different market which is not in the whole set – could be allocated between the good ones or, alternatively, the low performing ones. It will be sufficient, in order to get this result, to have available its peculiar balance sheet values and ratios. Moreover, a distance by the centroid of each of the two groups may be calculated in the hyperspace, as a proxy of the strength of the affinity.

Dataset[1]

Our main source of data was Bloomberg® (BLG).[2] The official ratings of 482 banks, spread

[1] I would sincerely thank dr. Antonio Dicanio, who had the responsibility to download all the data used for the empirical analysis, and gave me proper information about the classification criteria adopted by the provider.

[2] All banks belonging to the subsector "GICS (*Global Industry Classification Standard*)/Financial" were first collected (about 1500); afterward, all non-rated banks have been kicked off, so that 482 remained. The GICS system consists currently of 10 sectors, 24 industry groups, 67 industries and 147 sub-industries.

all over the world, were downloaded, together with their estimated probability of default (one year PD), being the providers S&P, FITCH and MOODY'S. That was repeated for all the 2006 to 2012 years. The average of the three PDs provided were calculated for every bank and every year, and new "average ratings as well".[3] After that, all banks were ordered according to their average rating (decreasing order).

For all considered banks, they were downloaded a series of balance sheet values and BLG calculated ratios, which are described in the Tab. 1.[4]

Methodology[5]

The methodology consists of applying the discrimination technique to a dataset of values which has been pre-emptively treated and conveniently transformed. More in detail: i- a number of transformations is accessed in order to handle the series, and choose the most suitable to optimize the discriminating power (the *asin-h* has been proved being most effective); ii- the *Principal Components Analysis* (PCA) methodology is exploited, to reveal the intimate structure of the relations between the involved individuals and lower the number of dimensions needed to capture the dispersion; iii- the *Generalized Mahalanobis Distances* are calculated eventually, computed within the principal components space, in order to perform the allocation and to assess the discriminating ability of the procedure, eventually.[6] Let's briefly recall the pros of these methods.

The *asin-h* transformation constitutes a very powerful way of data processing, not so used in economic literature indeed, which allows to avoid some of the inconveniences associated to many of the other traditional transformations. One of the advantages is for instance the ability to deal with negative numbers, whereas (e.g.) an "orthodox" log transformation would not.

After a first trial in which the analysis was only performed on the original series, and having calculated z-scores, a few transformations have been put to the test, particularly: logarithmic, *asin-h* (inverse hyperbolic sine) and *asinh(asinh)*.[7] Other transformations have been iteratively explored as well.

The PCA approach [Pearson, 1901, Hotelling, 1933] represents a well known statistical tool to identify hidden patterns within a dataset; as an instrument of the multivariate analysis, principal components can be used to describe the structure of the relationship - or the distances if you like - existing among a given set of individuals in a more agile way that it is allowed by a classic correlation matrix.[8]

The variance-covariance structure of a group of variables is shown through a series of linear combinations of the variables themselves. The operation is an efficient way to decrease the space of representation, once the phenomenon has been reformulated in terms of revealed PCs. A limited number of PCs (the first two columns of the output matrix, in most cases) is sufficient, in fact, to almost integrally describe the phenomenon under study, by explaining nearly all dispersion.

From a set of p original variables $x_1, x_2,...,x_p$ a new set of p variables is found $y_1, y_2,...,y_p$

$$y_1 = a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + ... + a_{1p}x_p$$
$$y_2 = a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + ... + a_{2p}x_p$$
$$...$$
$$y_p = a_{p1}x_1 + a_{p2}x_2 + ... + a_{pp}x_p$$

such that y_p's are uncorrelated (i.e. orthogonal), y_1 would explain as much as possible of original variance, y_2 as much as possible of remaining variance, and so on.

[3] According to some sort of actuarial approach. Ratings provided by the agencies are mostly based on qualitative analyses, but the quantitative profile is not "underrated" obviously. Some indicators, as for instance the Risk Adjusted Capital (RAC) (which is a measure comparing Total Adjusted Capital (TAC) to Risk-Weighted Assets), take on a great relevance.

[4] A series of 27 Balance Sheet indicators (from the Income Statement the BS Assets/Liabilities) were downloaded and tested (for all the sample / the period). But also a number of ratios were extracted/calculated, particularly solvency/regulatory, profitability, and credit quality indicators. All these variables were combined in different mixes and tested.

[5] The software packages that have been used for our empirical analysis are Windows Excel® (just for the management of downloaded data and some row transformations) and Matlab.® As far as the latter, all employed routines have been projected by my colleague and friend Claudio Scala, Professor emeritus of Statistics, who also gave me his precious advise, and myself. Nevertheless, whatever blunder or omission would remain my own, exclusive responsibility.

[6] A false allocation rate of error is also calculated, and ROC (*Receiver Operating Characteristic*) analysis is performed on the first Principal Component of both samples (hi and low performing), to determine cutoff values also with a canonical procedure, but it gave no persuasive results.

[7] That is a ***double asin-h***.

[8] This result is achieved – let's simplify – by rotating the axes along the which the dispersion may be measured, and aligning these to the first two/three diagonals of the ellipsoid representing the dispersion of the phenomenon.

Tab. 1

The indicators used for the empirical analyses

From the INCOME STATEMENT	From the Bal. Sheet, ASSET SIDE	From the Bal. Sheet, LIABILITY SIDE	Other INDICATORS
INTEREST INCOME *The sum of interest income and investment income* **INTEREST EXPENSES** *Interest paid for deposits and borrowings* **NET INTEREST INCOME** *The difference between Interest Income and Interest Expenses* **TRADING INCOME** *Any gain (loss) from market-driven activities* **COMMISSIONS** *Commissions and fees earned from service charges, loan servicing fees, brokerage fees, and trust fees and management fees* **OTHER OPERATING INCOME** *Any other operating income (loss) such as gain on sale of mortgage servicing rights, rental income and income from other real estate owned* **NET REVENUE** *Net interest income + Net financial & trading income + Net Commissions + Other Operating income (losses)* **PROVISIONS FOR LOAN LOSSES** *The periodic expense for possible future loan losses* **NON INTEREST EXPENSES** *Salaries, employee benefits, occupancy expenses, depreciation and amortization, marketing and all other operating expenses* **OPERATING INCOME** *Net revenue – Provision for loan losses – Non interest expenses* **NET INCOME** *Operating Income + Non Operating Income/Losses – Income Taxes.*	**CASH** *Includes cash in vaults and non-interest earning deposits in banks* **INTERBANKING ASSETS** *The sum of Securities Purchased with Resell Agreements and Interbank Assets* **ST INVESTMENTS** *Includes trading securities and securities held for sale. Includes loans and mortgage-backed securities held for sale. Includes treasury bills.* **NET LOANS** *Net loans after reserve for loan losses* **TOTAL LOANS** *Includes Commercial loans, Consumer loans and Other loans* **RESERVE FOR LOAN LOSSES** *Reserve for losses on loans. The reserve is established by management to provide for probable losses in the loan portfolio* **LT INVESTMENTSES** Investments held to maturity and carried at cost that are owned purely for investment purposes **OTHER ASSETS** This field includes all other assets **NET FIXED ASSETS** *Net of accumulated depreciation. Operating fixed assets only.* **TOTAL ASSETS**	**CUSTOMER DEPOSITS** *Total deposits received from customers* **ST BORROWINGS & REPOS** *Interest bearing liabilities due within one year. Includes bank overdrafts, short-term debt, current portion of long-term debts, securities sold with repurchase agreement,* **OTHER ST LIAB** *Short-term liabilities, other than borrowings* **LT BORROWINGS** *All interest-bearing financial obligations that are not due within a year. Includes convertible, redeemable, retractable debentures, bonds, loans, mortgage debts, sinking funds, and long-term bank overdrafts.* **OTHER LT LIAB** *This field includes all other long-term obligations that do not bear explicit interest* **TOTAL EQUITY** *Common Equity + Minority Interest + Preferred Equity*	**CORE TIER 1 RATIO** *A measure of the capital adequacy of a bank. It represents the amount of Core Tier 1 Capital as a percentage of total risk weighted assets* **TIER 1 RATIO** *Tier 1 or Core capital ratio* **TOTAL RATIO** *The ratio of total risk-based capital to risk-weighted assets* **CORE TIER 1** *A measure of the capital adequacy of a bank. It represents the amount of Core Tier 1 Capital that is a component of the Total Tier 1 Capital calculated on a regulatory basis* **TIER 1** *"Returns the Tier 1 capital as disclosed by the company, that is used in the calculation of the Tier 1 Capital Ratio* **TOTAL CAPITAL** *Total amount of risk-based capital for capital adequacy purposes according to BIS. This field is equal to the sum of Tier I and Tier II Capital and is also known as Total Regulatory Capital.* **RWA** *"This field returns the Risk-Weighted Assets, as disclosed by the company, that are used in the calculation of a bank's Tier 1 and Total Capital Ratios. Risk-Weighted Assets is calculated by weighing each type of asset relative to its risk.* **TANGIBLE COMMON EQUITY** *Total common equity - Intangible assets* **TANGIBLE COMMON EQUITY RATIO** *Tangible Common Equity / Tangible Assets* **TCE TO RWA** *Tangible Common Equity/Risk-Weighted Assets * 100"* **ROA** *Return on Asset (in percentage) = Trailing 12M Net Income / Average Total Assets* **ROE** **NET INTEREST MARGIN** *As a percentage, is a performance metric that examines how successful a firm's investment decisions are compared to its debt situations.* **NET INTEREST SPREAD** Expressed as interest yield on earning assets minus interest rates paid on borrowed funds **EFFICIENTY RATIO** Cost to Income Ratio **CE TO TA** *Total Common Equity/Total Assets* **PRICE TO BVPS** *Ratio of the stock price to the book value per share* **PRICE TO TBVPS** *Price to Net Tangible Assets per Share, ratio of the stock price to the tangible book value per share* **NCO TO TOTAL LOANS** **Descrizione Bloomberg**: *Ratio indicating the portion of loans which have been written off during the last twelve months* **PROVISIONS TO TOTAL LOANS** *"Provision for loan losses over the year as a percentage of average total loan.* **LOAN LOSS COVERAGE** *Pretax Profit (Loss) + Provision for Loan Losses/Actual Loan Losses* **RESERVE TO TOTAL LOANS** *Reserve for Loan Losses/Total Loans* **NPL TO TOTAL LOANS** *Ratio comparing the amount of nonperforming loans (NPLs) to total loans in percentage*

Source: Bloomberg® (revised)

After the original variables are transformed in a new set of orthogonal, non-correlated variables through PCA, a set of Mahalanobis distances (MDs) is calculated [Mahalanobis, 1936] in the new space, between each bank and our centroids , to allocate to the leading group or the low-performing one the individuals, according to the lower distance criterion.[9] MDs are suitable to correct the misclassification risk ensuing from a non-spherical distribution, ellipsoidal indeed, of the sample individuals (the banks, as classified in the hyperspace), and "kill" outliers if needed. They give a rectified measure of the distances from the center (the centroid), which is sensitive to the position of the individual with respect to the orientation of the contour ellipse: hi-variability components do receive less weight in the distance calculation.[10]

As above mentioned, a number of subsets of downloaded indicators has been chosen, in order to reveal the best discriminating mix of them, and they all have been tested for all considered years. Afterwards, the following four indicators were selected:

BS_TIER1_CAP_RATIO (TIER)
Tier 1 ratio
NET_INT_SPREAD (NIS)
Net interest spread
COM_EQY_TO_TOT_ASSET (CETA)
Common equity to total assets
NPLS_TO_TOTAL_LOANS (NPTA)
Non performing loans to total loans

so that a matrix [480×4] was obtained, focusing on the 2012. Having removed from the matrix one hundred rows (more or less) with missing values and a convenient number of rows with outliers, the dimension of the matrix became [255×4].

A huge number of trials were made then, with plain and HP filtered data, log and *asin-h* / *double asin-h* transformed series, as well as other transformations were experienced, and a series of tests were performed on the dataset; normality, sampling adequacy, and so on.

The preliminary notable results of this work are presented below for a few different cases, mainly taking into account a group of ten leading intermediaries (AA rated) as a best performing benchmark, and fifty as low performing (BB+ to C rated).

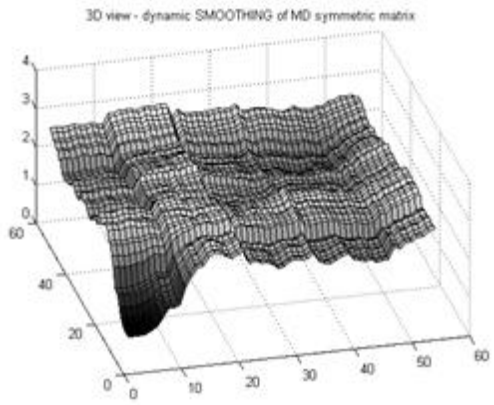


Fig. 1. 10 vs 50 chromatography

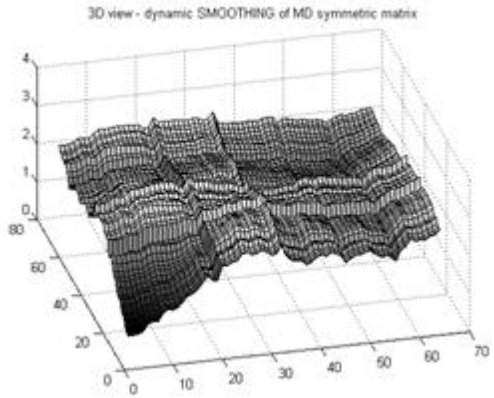


Fig. 2. 10 vs 50 chromatography

Figures 1 and 2 present the (gray scale) *chromatographies* of two distance (vertical axis) matrixes, in fact, calculated within two differently composed groups.[11] In the first one, we set ten leading banks and fifty low-performing in sequence; in the second one, twenty leading and the same fifty low-performing were assorted.

[9] MD is calculated as **D2=[(x-m)T COV-1(x-m)]**, where **x** = a *vector of data*, **m** = the *vector of the mean values* of independent variables, **COV-**1 = the *inverse covariance matrix* of the variables, and **T** means that the basis must be *transposed*. So that MDs would take into account the dispersion of each of involved variables and the covariance between them, by making uncorrelated data standardized, and calculating then the Euclidean Distance on transformed data. MDs would coincide with the Euclidean Distances (EDs) in PCs space, but only if these are computed on standardized PCs.

[10] So that a point may show higher Euclidean distance but same Mahalanobis, if compared to another one, when characterized by the same probability to be included in the contour ellipse associated to a given probability level.

[11] More precisely, Mahalanobis distances between the individuals, using the sample covariance of *row series* of chosen indicators (scored and *asin-h* transformed), were calculated, in order to assess the optimal size of the leading reference group. The more you approach the white color, more distant are the corresponding row/column units. It is worthwhile to note that the distances where smoothed (each cell presents a moving average value), and that plain/dark areas along the main diagonal reveal cohesion within the related groups; see the plot of the diagonals, just below.

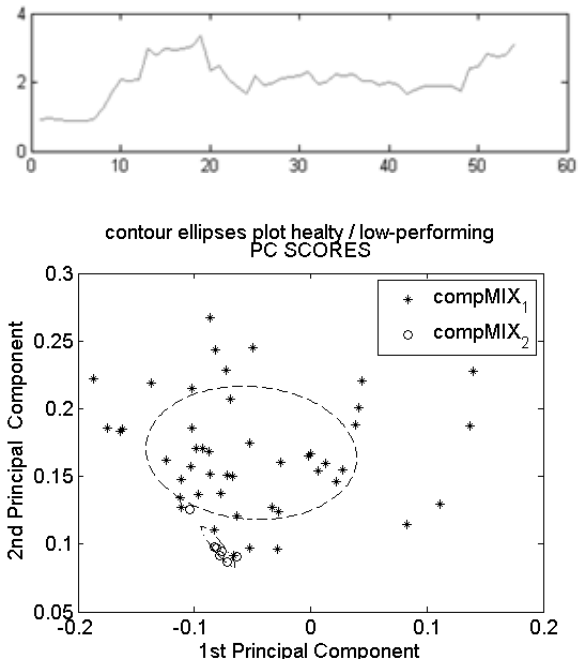


Fig. 3. 10 vs 50 units in the PC space

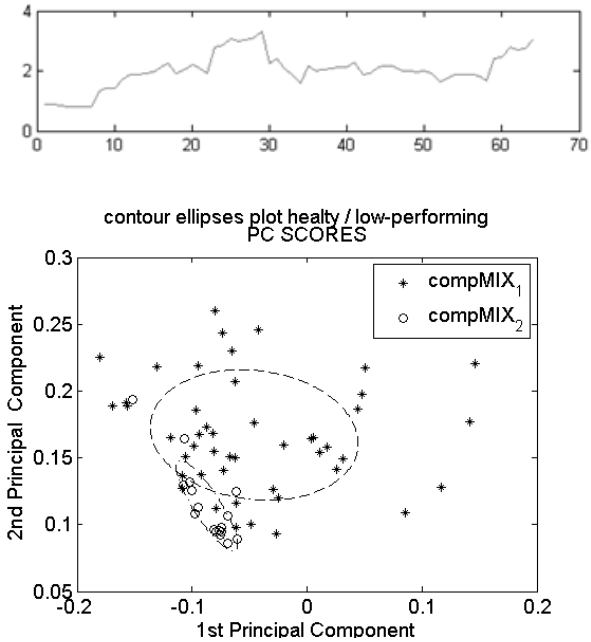


Fig. 4. 20 vs 50 units in the PC space

Both graphs suggest that a leading group of ten banks seems to be better "discriminating", as the cohesion within the group is higher if you take ten, and it lowers by adding ten more, with no significant improvement therefore coming from a sample widening. It also can be shown by plotting the main, smoothed diagonals of the distances matrixes (see). [12]

Results

The following pictures illustrate how healthy ($compMIX_2$) and unhealthy ($compMIX_1$) banks are distributed within the space of the first two Principal Components. The first one (Fig. 3), particularly, takes into account just the 10 top performing intermediaries *versus* the last 50 of the list (low-performing), whereas the second takes 20 *vs* 50.[13]

Contour ellipses are also shown, to give evidence of the distance between the groups, which is related to the distance between the centroids, intuitively. Both graphs do suggest that the leaders are concentrated in a restricted area, while the low performing actors are spread far from them.

Tab. 2 provides for all the individuals (10 *vs* 50) the values of the differences [(MD from the 1st group)-(MD from the 2nd)],[14] whereas Fig. 5, on the other hand, is showing the result of that PC-M trial in terms of the allocation fairness, and allows a first-sight evaluation of its effectiveness.

Tab. 2

MDsdifferences

-4.4336	-3.3328	-2.7856
-9.9485	-7.9015	-5.8719
-13.9659	-0.9205	-2.8725
-0.8186	-0.6083	-0.9531
-0.9812	0.9869	-1.5771
-7.1966	-3.4333	-4.1176
-5.9118	-13.2093	-3.2293
-9.8039	-9.4876	-14.5171
-8.9970	-10.9015	-8.2685
1.6519	-5.2152	-3.6994
-11.7451	-1.6608	-8.0747
-5.3896	-7.0092	5.5781
6.1879	2.7366	5.2357
-4.3238	-2.3370	4.4727
-0.7931	5.2570	4.6278
-6.1265	-12.2352	5.4525
-5.9723	-6.2565	2.3844
-4.5905	-8.5887	6.9870

If a new point (a new bank) would be tested, in order to evaluate its prospective belonging to the first or the second group, and to assign it an "inductive" rating, it's sufficient to input the vector with the four values of our selected variables (TIER, NIS, CETA and NPTA) and start the procedure.[15]

The corresponding figure (Fig. 6) presents the case of a "prototypical" (in practice non-existing) intermediary, whose values are calculated as mean

[12] A few outliers were set-off, as well, in all trials, for you can't see full length series. Note that you should have got zero diagonals if the cells were not smoothed.

[13] Three outliers were excluded in the 10 *vs* 50 case.

[14] First group are unhealthy banks; second group healty.

[15] It means to process the vector in order to make it "equivalent" to the other processed rows, i.e. asin-h transformed, PC converted, and so on, and make the result suitable for M-distances calculation, and allocation.

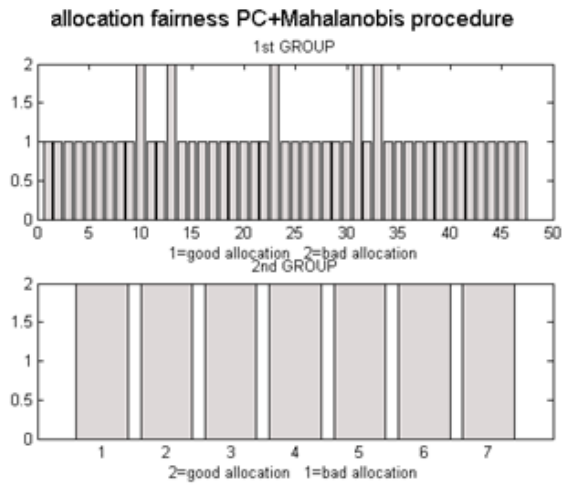


Fig. 5. The allocation fairness

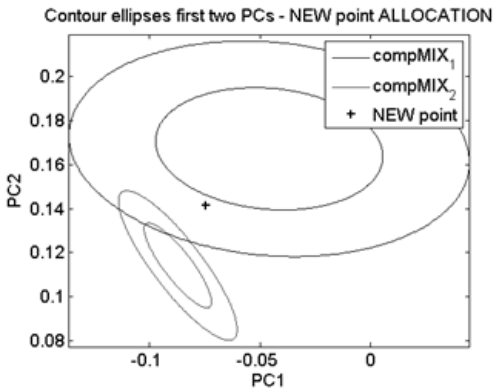


Fig.6. The allocation of a new point

values of the entire set (all the banks included in the sample, in spite of their rank), by column.[16]

The position of this new individual is predictably somewhere in the middle, in the explicit gravitation neither of the leaders, nor of the bottom group.[17]

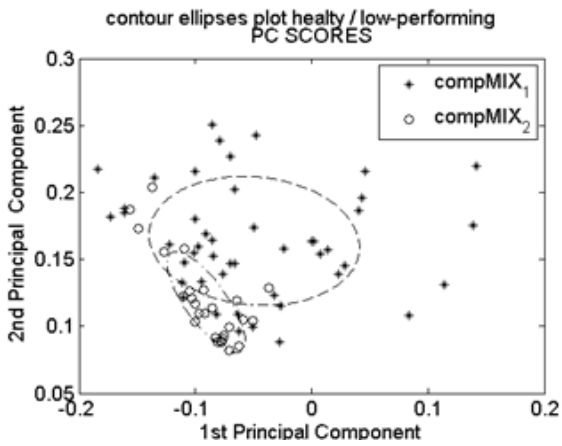


Fig.7. 30 vs 50 units in the PC space

A further 30 *vs* 50 trial (Fig. 7) gives a result which appears to be less blatant. Nevertheless, if we trust our mix of balance sheet indicators, this would legitimate the suspicion that some "good banks" obtained overestimated rating in the considered period, and some bottom-listed got underestimated ones, on the other hand. Some individuals (in both subsets) reveal a relatively peripheral position, in fact, which results being about in the gravitation area of the "counterpart". They correspond indeed, alternatively: i- to intermediaries who are well rated, according to the official rank, but whose balance sheet parameters don't support this result, or ii- intermediaries who got bad rating but present relatively good ratios, as matter of fact.

Conclusions

PC-M methodology allows to discriminate healthy hi-rated banks from low performing ones, basing on a few balance sheet key indicators, with a notably low rate of error. This encouraging result suggests that even more evident outcomes may be expected, probably, and more effective prodromic signals may be obtained, if failed intermediaries would be included in the analysis, instead of low performing.

The approach would be mainly exploited: i- to infer a rating for non-listed intermediaries, coherent with the official ones, by looking at the relative position of whatever new institute with respect to both the discriminated subsets (estimated through the Mahalanobis distance from the centroids); ii- to test the coherence of official ratings with the chosen set of indicators, and consequently their reciprocal reliability, also detecting, possibly, overestimated and underestimated official ratings; iii-to reveal prodromic signals for banks hold to be healthy but approaching the worst set.

A dynamic application of the methodology would be also useful, in fact, as an early warning tool. In other words, it may be adopted to trace the behavior of each intermediary step by step (term by term), in order, first, to give evidence of whatever declining pattern towards the worst set[18] (whatever individual moving faraway from the leading group), and, second, to suggest supervisory authori-

[16] That is **E(TIER)**, **E(NIS)**, **E(CETA)**, and **E(NPTA)**; for we call it benchmark.

[17] We have again 20 leaders versus 50 low-performing. Confidence contours are also plotted, at 0.2 and 0.5 levels, for illustrative purposes.

[18] Even if the bank would keep its official rating year by year.

ties in charge of the banking market surveillance to activate proper countermeasures.

Draft – not to be circulated without permission.

References

Altman E.I., 1968, Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy, Journal of Finance, 23, pp. 189-209.

Antill N., Lee K. 2013, Company Valuation under IFRS, 1st dition, Harriman House Publishing.

Dermine J., 2009, Bank Valuation and Value Based Management: Deposit and Loan Pricing, Performance Evaluation, and Risk, 2nd Edition forthcoming (2014), McGraw-Hill.

Hotelling, H., 1933, Analysis of a Complex of Statistical Variables into Principal Components, Journal of Educational Psychology, 24, 417-441, 498-520.

Jolliffe I.T., 2002, Principal Component Analysis, second edition, New York: Springer-Verlag New York, Inc.

Johnson R.A. - Wichern D.W., 2013, Applied Multivariate Statistical Analysis, Pearson.

Langohr H.M., Langohr P.T., 2009, The Rating Agencies And Their Credit Ratings: What They Are, How They Work, And Why They Are Relevant, Wiley Finance, John Wiley & Sons Inc.

Mahalanobis P.C., 1936, On the Generalised Distance in Statistics, in Proceedings of the National Institute of Sciences of India, vol. 2, nº 1, pp. 49–55.

McLachlan G.J., 2004, Discriminant Analysis And Statistical Pattern Recognition, Wiley Series in Probability and Statistics.

Nobes C., Parker R., 2012, Comparative International Accounting, 12th Edition, Prentice Hall CE.

Nye R.P., 2014, Understanding and Managing the Credit Rating Agencies, Euromoney Books.

Pearson K., 1901, On lines and planes of closest fit to systems of points in space, Philosophical Magazine Series 6, vol.2, issue 11.

Rutigliano M., ed., 2012, L'analisi del bilancio delle banche. Rischi, misure di performance, adeguatezza patrimoniale, Milano.

Saunders A., 1999, Credit Risk Measurement: New Approaches to Value at Risk and Other Paradigms, John Wiley & Sons, New York.

ОБОСНОВАНИЕ БАНКОВСКОГО РЕЙТИНГА ЧЕРЕЗ ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ – МЕТОДОЛОГИЯ МАХАЛАНОБИСА

Маурицио Помпелла

В статье представлены первые результаты применения нового подхода к оценке рейтингов банков, не проходивших процедуру листинга. Исследование основывается на ранжировании основных рейтинговых агентств, применяемом к листинговым финансовым посредникам. Результаты углубленного исследования базовых банковских показателей приводятся с целью оценки возможности выявления фактически благополучных банков в сравнении с отобранными примерами финансовых посредников, подверженных особым скрытым «патологиям». В работе используются известные и новые статистические инструменты с целью сравнения примеров высокорейтинговых банков с выбранными примерами низкорейтинговых, а также для оценки ошибки статистического распределения. Используется оригинальная методология – так называемый метод Махаланобиса (PC-M). Он заключается в проверке положения каждого банка в пространстве векторов значимых показателей, рассчитанных на основе специального набора трансформированных индикаторов. Это позволяет выявить группу финансовых посредников с низкими результатами, которые требуют особого пруденциального надзора. Такой подход представляет собой мощный инструмент для определения опережающих сигналов нестабильности для отдельных банков и групп банков независимо от их участия в листингах или рейтингах.

Ключевые слова: банковское дело, банковские рейтинги, листинг, методология Махаланобиса.

УДК 336.14

ОПРЕДЕЛЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ ИСПОЛНЕНИЯ ДОХОДНОЙ И РАСХОДНОЙ ЧАСТИ БЮДЖЕТА

© 2014 г.

Н.И. Яшина, Н.Н. Прончатова-Рубцова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pronat89@mail.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Определяются бюджетные риски на основе исполнения доходной и расходной части бюджета в целях повышения эффективности управления бюджетами территорий. Исследована сущность бюджетного риска, а также представлен инструментарий его оценки. Определены показатели собираемости доходов и финансирования расходов, а также показатели риска исполнения доходов и расходов бюджета в виде абсолютных и относительных показателей вариации: стандартное отклонение и коэффициент вариации исполнения бюджета. Результаты оценки полезны для органов законодательной и исполнительной власти и способствуют повышению качества бюджетного управления. Расчет бюджетных рисков на примере Нижегородской области за 2011–2012 годы не выявил случаев высокого уровня риска исполнения бюджета, как по доходам, так и по расходам.

Ключевые слова: бюджетный риск, управление бюджетными рисками, оценка рисков, показатель собираемости доходов, показатель финансирования расходов, стандартное отклонение, коэффициент вариации.

Современный этап развития отечественной рыночной экономической системы характеризуется возникновением и обострением множества социально-экономических проблем, решение которых усложняется неоднозначностью и высоким уровнем неопределенности. Постоянно совершенствующийся механизм государственного регулирования призван стать инструментом, умелое использование которого поможет обеспечить социально-экономическую стабильность новой рыночной системы с ее сложными связями и взаимозависимостью отдельных сфер. Поэтому основные силы государства направлены на повышение устойчивости экономики страны, устранение диспропорций социально-экономического развития ее субъектов и обеспечение достойного уровня жизни населения.

Ведется реформирование общественных финансов на всех уровнях для обеспечения высокого качества управления государственными финансами и повышения эффективности бюджетных расходов – источника финансирования социальных процессов в стране [1].

Однако, к сожалению, во многих субъектах РФ качество управления бюджетным процессом остается низким, что подтверждается высокой просроченной кредиторской задолженностью по отношению к их собственным доходам, низким качеством финансового планирования и недостаточным использованием современных методов управления бюджетным процессом. В условиях экономического кризиса и в посткризисный период субъекты РФ столкнулись с проблемами обеспечения сбалансированности бюджетов, снижения занятости населения, сокращения финансовых ресурсов на осуществление капитальных вложений и риска возникновения кредиторской задолженности по первоочередным обязательствам [2, 3].

Существование недостатков и несовершенств модели межбюджетных отношений РФ подтверждено ростом числа дотационных регионов. Возможным вариантом модернизации может стать внедрение в межбюджетные отношения механизмов поддержки из вышестоящих бюджетов лучших, а также стимулирования всех территорий к развитию. Особо стоит отметить, что борьба за источники финансирования обострена их ограниченностью, что в полной мере касается и бюджетных средств, поэтому трансформация механизма управления финансовыми ресурсами становится неизбежной [4]. Итак, актуальность и своевременность мер, направленных на предотвращение новой волны финансовых потрясений, повышение эффективности и качества управления бюджетами, очевидны и необходимы [2, 3].

Бюджетная система очень восприимчива к изменениям макроэкономической ситуации, а на фоне современной глобальной нестабильной экономики ее чувствительность к потрясениям

от разного рода рисков, независимо от их масштаба, не просто резко возросла [5], а приобретает мультипликативный эффект. Это становится аргументом в пользу исследования и уточнения как сущности бюджетных рисков, так и методов их определения и оценки.

Понятие риска в теории управления рассматривается как атрибутивная общесоциологическая характеристика любого вида целесообразной деятельности человека, осуществляемой в условиях ресурсных ограничений и наличия возможности выбора оптимального способа достижения осознанных целей в условиях информационной неопределенности. Практически все параметры риска можно найти в бюджете. Это и целесообразная деятельность по составлению и исполнению бюджета, это и ресурсные ограничения при формировании доходной части, это и выбор оптимального способа распределения расходов, это и информационная неопределенность [6].

Риск – событие, которое может произойти или нет, а вследствие наступления такого события возможны три экономических результата: нулевой (совпадение плановых и полученных значений); положительный (получение дополнительных доходов, финансирование расходов выше запланированных значений); отрицательный (неполучение доходов, недофинансирование расходов). Риск – определенная финансовая потеря, выражающаяся в возможности не достичь поставленной цели, неопределенности прогнозируемого результата, субъективности оценки этого результата.

Констатация факта несовпадения плановых и фактических показателей бюджета позволяет судить о бюджетном риске и говорить о его измерении, структуризации и учете в бюджетном процессе. Можно выделить несколько аргументов, усиливающих данный тезис:

1. Исторически развитие бюджетных систем отражает то, что в национальных экономиках в любые периоды времени фактическое исполнение бюджетов не полностью соответствует плановым показателям; так, расхождения наблюдаются и в объеме средств, и в разрезе статей, а значит, возникает риск отклонения плана и факта.

2. Процесс планирования методологически построен на точном соблюдении запрограммированной последовательности и своевременности действий, приводящих к благоприятному исходу. Однако, ввиду возможного различия результата и предположения о нем, планирование всегда будет предполагать компоненты риска.

3. Исполнение бюджета как по доходам, так и по расходам ведется в условиях высокой вариантности круговорота финансовых ресурсов. Трудно гарантировать заданный объем налоговой базы по конкретному налогу, так как во время бюджетного года она определяется под воздействием большого спектра влияющих параметров, а формирование каждого из них происходит при непосредственных рисках, которые оказывают влияние и на бюджет.

4. Теоретически бюджетный механизм строится на внушительной нормативно-правовой основе, призванной обеспечить незыблемость изъятия средств в бюджет и гарантировать финансирование обязательств перед обществом. Но несмотря на этот неоспоримый факт, на практике всегда присутствует возможность риска смягчения незыблемости или вовсе отказа от гарантированности. Кроме этого, не стоит умалять высокую вероятность возникновения самостоятельного риска изменения правового поля из-за трудно предсказуемых несоответствий между кодексами, законами, указами, постановлениями и т.п. [6].

Огромный интерес к многогранной экономической категории бюджетного риска подтверждается постоянным ростом публикаций отечественных ученых и экономистов, содержащих в себе различные подходы, нюансы и дополнения к его определению. Хочется обратить внимание на поражающее своими масштабами и глубиной исследование В.В. Гамукина [6], содержащее анализ работ по бюджетному риску, которые он предлагает разделить на две группы, различающиеся подходом к формализации бюджетного риска.

В первую группу отнесены труды авторов, разбирающихся больше в специфике именно бюджетного механизма, но в меньшей степени готовых найти подходящие способы его измерения методами рискологии (М.У. Сатаев, А.А. Айвазов, В.А. Гребенникова, Е.А. Степанова, А.Д. Шуваева, О.А. Кирикова, И.М. Соломко и др.).

Вторая группа публикаций посвящена поиску новых путей определения и измерения риска, в т. ч. и не четко формализуемыми инструментами (В.В. Янов, С.А. Коробко, Е.И. Иванова, В.А. Юрга, С.Г. Аюпова и др.). Данные работы объединяет признание объективного характера бюджетного риска в качестве предмета научного исследования, высокого потенциала инструментов измерения риска для практического применения в бюджетном процессе и региональный характер проведения исследований (Волгоград, Калининград, Краснодар, Мур-

манск, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов, Ставрополь, Тольятти и др.) [6].

В РФ на законодательном уровне есть Приказ Минфина РФ № 383 [7], где приведена официальная трактовка бюджетного риска. «*Под бюджетным риском* понимается возможность невыполнения определенных параметров федерального бюджета, неэффективного управления ликвидностью счета по учету средств федерального бюджета, а также неэффективного использования средств федерального бюджета в текущем финансовом году при условии сохранения в течение текущего финансового года качества финансового менеджмента, достигнутого в отчетном периоде». Бюджетные риски рассчитываются по приложению № 1 к этому Порядку и включают следующие 3 группы показателей оценки рисков: неэффективность бюджетных расходов, низкое качество управления доходами и неэффективное управление ликвидностью счета по учету средств федерального бюджета. Интерпретация результатов анализа рисков ведется по форме приложения № 2 к Порядку, где отражены возможные негативные события по итогам финансового года, характеристики федерального бюджета, их значение, соответствующий им размер риска, владельцы высоких рисков и доля владельца высокого риска по данной характеристике федерального бюджета (в %) [7].

Сегодня крайне остро стоит вопрос о возможности управления различного рода рисками, в том числе и бюджетными. В данном случае подразумевается, что органы государственной власти РФ, органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут прогнозировать наступление положительного (отрицательного) результата и принимать превентивные меры к снижению степени риска.

Следует выделить *основные направления системы управления бюджетными рисками*:

1. Формирование политики и принципов управления рисками.
2. Характеристики риска, идентификация отдельных видов рисков.
3. Оценка информации, требуемой для определения уровня рисков.
4. Выбор и применение методов оценки вероятности наступления рискового события.
5. Исследование факторов, влияющих на уровень рисков и установление предельного их уровня по отдельным финансовым операциям.
6. Определение размера возможных финансовых потерь по отдельным видам риска.
7. Выбор и использование внутренних механизмов нейтрализации негативных последствий отдельных видов рисков и, как следствие, оценка результативности нейтрализации рисков и организация их мониторинга.

Одна из важнейших задач бюджетного управления – выявление и минимизация риска бюджета. Поэтому данная работа посвящена определению бюджетных рисков на основе исполнения доходной и расходной части бюджета на примере Нижегородской области в целях повышения эффективности управления бюджетами территорий.

Для оценки исполнения бюджета целесообразно использовать два критерия:

- Показатель собираемости доходов и показатель финансирования расходов;
- Показатель риска исполнения доходов и показатель риска исполнения расходов.

Бюджетный риск количественно характеризуется субъективной вероятностной оценкой ожидаемой величины наиболее вероятного максимального и минимального уровня собираемости доходов и финансирования расходов по сравнению со сметой, планом по бюджету ассигнований. Степень бюджетного риска – вероятность неполного и несвоевременного получения доходов (поступления налогов и других доходов в целом и по каждому источнику) и образование кредиторской задолженности из-за недофинансирования мероприятий в пределах утвержденных сумм и в течение финансового года, на который утвержден бюджет.

Оценивая риск экономической статьи в общей сумме доходов (расходов), можно анализировать бюджет с двух сторон: рассматривать статьи каждую в отдельности или считать их неотъемлемыми частями всех доходов (расходов). Риск — величина непостоянная, зависящая от контекста, где рассматривается данная экономическая статья: изолированно или как часть всех доходов (расходов). *В первом случае* адекватным является общий риск доходов (расходов), который количественно измеряется, например, дисперсией возможных исходов или процентов исполнения бюджета административно-территориальных образований относительно запланированного уровня исполнения бюджета. *Во втором случае* релевантным является риск доходов (расходов), представлявший собой долю риска экономической статьи доходов (расходов) в общей сумме доходов (расходов). При оценке бюджета и принятии решения о целесообразности финансирования каких-либо расходов необходимо определять показатели процента исполнения и риска бюджета в целом. Имея вес каждой статьи доходов (расходов), можно рассчитать исполнение бюджета по

доходам (расходам). Вес бюджета — это процент отдельных статей доходов (расходов) в общей сумме доходов (расходов). Этот метод расчета исполнения бюджета может применяться независимо от количества видов доходов (расходов), включенного в бюджет [8].

Неопределенность бюджета, вызванная политическими, экономическими и природными факторами, приводит к повышению степени бюджетного риска и во многом определяется фактором случайности.

Если трактовать риск бюджета как изменчивость его исполнения в сравнении с ожидаемой величиной, то *стопроцентное исполнение окажется безрисковым бюджетом, а бюджеты, исполнение которых отлично от стопроцентного, будут рисковыми*. Чем больше непостоянство бюджета, тем больше риск. Фактическое исполнение большинства бюджетов различных уровней отличается от планового. Тогда фактическое исполнение бюджета можно рассматривать как случайную переменную, подчиняющуюся закону распределения вероятностей. Распределение вероятностей характеризуется математическим ожиданием исполнения бюджета и стандартным отклонением исполнения бюджета. Распределение вероятностей – набор значений, принимаемых случайной переменной, и вероятностей исходов.

Для измерения разброса величин предлагается использовать стандартное отклонение показателя исполнения бюджета (σ): чем оно больше, тем больше изменчивость бюджета и, следовательно, выше риск бюджета.

Стандартное отклонение бюджета (σ) определяется по формуле (1):

$$\sigma = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot p_i}\ , \qquad (1)$$

где x_i – показатель собираемости i-го доходного источника бюджета / показатель финансирования i-го вида расходов бюджета; $\bar{x}$ – средний показатель собираемости доходов / финансирования расходов бюджета (коэффициент исполнения бюджета по всем доходам / расходам) (средняя обобщает количественную вариацию признака, в средних величинах погашаются индивидуальные различия единиц множества, обусловленные случайными обстоятельствами); p_i –доля i-го доходного источника / финансирования i-го вида расходов.

Значение σ недостаточно при сравнении рисков, так как не учитывает величину риска, «приходящегося на единицу исполнения бюджета». Для определения относительного риска рассматривается коэффициент вариации (*CV*), являющийся относительной мерой риска, приходящегося на единицу исполнения бюджета. Чем больше *CV*, тем больше относительный риск бюджета. *CV* определяется по формуле (2):

$$CV = \frac{\sigma}{\bar{x}} 100\%. \qquad (2)$$

На размер *CV* не оказывают влияние абсолютные значения изучаемого показателя. *CV* может изменяться от 0 до 100%, чем больше коэффициент, тем сильнее колеблемость. Вариация имеет объективный характер, подчеркивает индивидуальные различия отдельных величин, устанавливает типичность или нетипичность найденной средней для конкретной совокупности величин. Чем ближе *CV* к 0, тем типичнее считается средняя величина для изучаемой совокупности. Граничным значением *CV* считается 33.3%. Если *CV* ≤ 33.3%, средняя величина считается типичной для совокупности величин. В противном случае она нетипична, значит, статистические данные некачественны и допущены ошибки при планировании бюджетных доходов или расходов. *Возможна следующая качественная оценка различных значений CV: до* 5% – *низкий;* 5–10% – *умеренный; свыше* 10% – *высокий уровни риска.*

Прежде чем определять бюджетные риски Нижегородской области за 2011–2012 годы, *дадим общую оценку исполнения областного бюджета за этот период.*

Фактически доходы областного бюджета – 100.7 млрд руб., 102.5% плана, расходы – 78% от консолидированного и в сумме 111.8 млрд руб., что составляет 97% от плана. Фактический дефицит – 11.1 млрд руб., при плановом – 16.9 млрд руб. Доходы по сравнению с 2011 г. выросли на 4.2 млрд руб. или на 4%, а по сравнению с 2010 г. увеличились на 15.7 млрд руб. или на 18%. Расходы выросли по сравнению с 2011 г. на 10.0 млрд руб. или на 10% в основном за счет увеличения расходов на образование, здравоохранение, строительство и ремонт дорог, повышение заработной платы работникам социальной сферы. В пределах доведенных объемов финансирования все расходные обязательства областного бюджета выполнены и не допущено образование просроченной кредиторской задолженности [9].

На основании отчетов об исполнении областного бюджета за 2011 и 2012 годы рассчитаны σ и *CV* исполнения доходов и расходов областного бюджета. Сначала будет определен риск исполнения доходной части, а затем расходной части областного бюджета.

Таблица 1

Доходы областного бюджета Нижегородской области за 2011 и 2012 г., тыс. руб.

Наименование показателя	2011			2012		
	План на 2011 год	Исполнено за 2011 год	% исполнения бюджета	План на 2012 год	Исполнено за 2012 год	% исполнения бюджета
Налоги на прибыль, доходы	49169215.4	48058067.1	98	53547013	51457458.3	96
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ	8599667.3	9179923.3	107	10145958.6	11058245.1	109
Налоги на совокупный доход	2557435.4	2714917	106	3455900.3	4227940	124
Налоги на имущество	9045160.6	9245854.7	102	12345876.4	12569061.3	102
Налоги, сборы, регулярные платежи за пользование природными ресурсами	39187.3	45122.7	115	48550.3	55200	115
Госуд. пошлина	120424.5	128526	107	100876	102973	103
Задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным платежам	3619	6631.7	183	5587.9	8650.5	155
Доходы от использования имущества, находящегося в гос. и муниц. собственности	636709.7	667872	105	702356	710856	102
Платежи при использовании природных ресурсов	394548.7	421843	107	435729	459226	105
Доходы от оказания платных услуг и компенсации затрат гос-ва	37860.6	42835.8	113	51369.4	62210.2	121
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	553660.7	649649.9	117	453025.9	501310.2	111
Административные платежи и сборы	614	2467.9	402	3548.3	6042.9	170
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	219485.7	242704.3	111	345781,1	375210.2	108
Безвозмездные поступления	24748480.1	24675071.9	100	20355400	21673600	107
Всего доходов	**96459069**	**96461537.2**	**100**	**98193300**	**100692400**	**103**

1. Расчет риска исполнения областного бюджета по доходам. Исходные данные для оценки сведены в таблицу 1.

Выделим 10 поступлений в областной бюджет Нижегородской области, которые составляют наибольший удельный вес (долю, p_i) в общем объеме доходов (табл. 2).

Далее рассчитаем σ и *CV* исполнения бюджета по доходам в 2011 и 2012 году по формулам (1) и (2) соответственно.

Стандартное отклонение:

$$\sigma_{2011} = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot p_i} = ((0.98-1)^2 \cdot 0.4982 + (1-1)^2 \cdot 0.2558 + (1.02-1)^2 \cdot 0.0959 + (1.07-1)^2 \times 0.0952 + (1.06-1)^2 \cdot 0.0281 + (1.05-1)^2 \cdot 0.0069 + (1.17-1)^2 \cdot 0.0067 + (1.07-1)^2 \cdot 0.0044 + (1.11-1)^2 \cdot 0.0025 + (1.07-1)^2 \cdot 0.0013)^{\frac{1}{2}} = 0.032796 \text{ или } 3.28\%.$$

Таблица 2

Распределение десяти наиболее доходных источников областного бюджета в порядке убывания их доли в общем объеме фактических доходов, 2011 и 2012 г.

№ п/п	Наименование показателя	2011	2012
		p_i	p_i
1	Налоги на прибыль, доходы	0.4982	0.5110
2	Безвозмездные поступления	0.2558	0.2152
3	Налоги на имущество	0.0959	0.1248
4	Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ	0.0952	0.1098
5	Налоги на совокупный доход	0.0281	0.0420
6	Доходы от использования имущества, находящегося в гос. и муниц. собственности	0.0069	0.0071
7	Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	0.0067	0.0050
8	Платежи при использовании природных ресурсов	0.0044	0.0046
9	Штрафы, санкции, возмещение ущерба	0.0025	0.0037
10	Государственная пошлина	0.0013	0.0010

Коэффициент вариации

$$CV_{2011} = \frac{\sigma}{\bar{x}} = \frac{0.032796}{1} = 0.032796 \text{ или } 3.28\%$$

Стандартное отклонение:

$$\sigma_{2012} = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot p_i} =$$
$$= ((0.96-1.03)^2 \cdot 0.5110 +$$
$$+ (1.07-1.03)^2 \cdot 0.2152 + (1.02-1.03)^2 \times$$
$$\times 0.1248 + (1.09-1.03)^2 \cdot 0.1098 +$$
$$+ (1.24-1.03)^2 \cdot 0.0420 + (1.02-1.03)^2 \cdot 0.0071 +$$
$$+ (1.11-1.03)^2 \times$$
$$\times 0.0050 + (1.05-1.03)^2 \cdot 0.0046 +$$
$$+ (1.08-1.03)^2 \cdot 0.0037 + (1.03-1.03)^2 \times$$
$$\times 0.0010)^{\frac{1}{2}} = 0.071775$$
$$\text{или } 7.18\%.$$

Коэффициент вариации

$$CV_{2012} = \frac{\sigma}{\bar{x}} = \frac{0.071775}{1.03} = 0.069685 \text{ или } 6.97\%.$$

2. Расчет риска исполнения областного бюджета по расходам. Исходные данные для оценки сведены в таблицу 3.

Рассчитаем долю расходов (p_i) по каждому показателю в общем объеме расходов за 2011 и 2012 г. (табл. 4).

Так, лидерами по величине расходов на протяжении двух лет остаются разделы, в рамках финансирования которых решаются наиболее важные задачи государства по обеспечению достойного уровня жизни населения: социальная политика, национальная экономика и здравоохранение.

Далее рассчитаем σ и *CV* исполнения бюджета по расходам в 2011 и 2012 году по формулам (1) и (2) соответственно.

Стандартное отклонение:

$$\sigma_{2011} = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot p_i} = ((0.96-0.93)^2 \times$$
$$\times 0.2408 + (0.86-0.93)^2 \cdot 0.1992 + (0.89-0.93)^2 \times$$
$$\times 0.1719 + (1-0.93)^2 \cdot 0.1520 + (1-0.93)^2 \cdot 0.0779 +$$
$$+ (0.96-0.93)^2 \cdot 0.0470 + (1-0.93)^2 \cdot 0.0373 +$$
$$+ (0.97-0.93)^2 \cdot 0.0308 + (0.82-0.93)^2 \cdot 0.0142 +$$
$$+ (1-0.93)^2 \cdot 0.0072)^{\frac{1}{2}} = 0.055460 \text{ или } 5.55\%.$$

Коэффициент вариации

$$CV_{2011} = \frac{\sigma}{\bar{x}} = \frac{0.055460}{0.93} = 0.059635 \text{ или } 5.96\%.$$

Стандартное отклонение:

$$\sigma_{2012} = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot p_i} = ((0.98-0.97)^2 \times$$
$$\times 0.2445 + (0.99-0.97)^2 \cdot 0.2360 + (0.97-$$
$$-0.97)^2 \cdot 0.1882 + (0.99-0.97)^2 \cdot 0.1624 +$$
$$+ (1-0.97)^2 \cdot 0.0533 + (0.91-0.97)^2 \cdot 0.0266 +$$
$$+ (0.99-0.97)^2 \cdot 0.0259 + (0.99-$$
$$-0.97)^2 \cdot 0.0223 + (0.99-0.97)^2 \cdot 0.0094 +$$
$$+ (0.99-0.97)^2 \cdot 0.0073)^{\frac{1}{2}} = 0.018799 \text{ или } 1.88\%.$$

Коэффициент вариации

$$CV_{2012} = \frac{\sigma}{\bar{x}} = \frac{0.018799}{0.97} = 0.019380 \text{ или } 1.94\%.$$

Интерпретация полученных результатов в разрезе отчетных финансовых периодов (2011 – 2012 годы) представлена в таблице 5.

Таблица 3

Расходы областного бюджета Нижегородской области 2011 и 2012 г., тыс. руб.

Наименование показателя	2011			2012		
	План на 2011 год	Исполнено за 2011 год	% исполнения бюджета	План на 2012 год	Исполнено за 2012 год	% исполнения бюджета
Общегосуд. вопросы	3217810	3131654	97	3266900	2972500	91
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность, национальная оборона	3802707	3793417	100	1059200	1052000	99
Нац. экономика	23507983	20271813	86	21699700	21048400	97
ЖКХ	4967637	4786425	96	2911800	2891200	99
Культура, кинематография	736301	736452	100	826200	818200	99
Образование	15478372	15465258	100	18210900	18163600	99
Здравоохранение	19751416.8	17499060.3	89	27931600	27337700	98
Социальная политика	25451523	24505505	96	27325500	26390300	99
Физическая культура и спорт	1761249.3	1446223.5	82	2514100	2488000	99
Межбюджетные трансферты	7930229.9	7930229.9	100	5957000	5957000	100
…						
Всего расходов	**108868319**	**101773210**	**93**	**115528200**	**111820200**	**97**

Таблица 4

Распределение расходов областного бюджета в порядке убывания их доли в общем объеме фактических расходов, 2011 и 2012 г.

2011		2012	
Наименование показателя	p_i	**Наименование показателя**	p_i
Социальная политика	0.2408	Здравоохранение	0.2445
Нац. экономика	0.1992	Социальная политика	0.2360
Здравоохранение	0.1719	Нац. экономика	0.1882
Образование	0.1520	Образование	0.1624
Межбюджетные трансферты	0.0779	Межбюджетные трансферты	0.0533
ЖКХ	0.0470	Общегосударственные вопросы	0.0266
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность, национальная оборона	0.0373	ЖКХ	0.0259
Общегосударственные вопросы	0.0308	Физическая культура и спорт	0.0223
Физическая культура и спорт	0.0142	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность, национальная оборона	0.0094
Культура, кинематография	0.0072	Культура, кинематография	0.0073
…			
Всего расходов	**1**	**Всего расходов**	**1**

За рассмотренный период 2011–2012 гг. зафиксировано, что исполнение бюджета по доходам и расходам не сильно отклоняется от плановых показателей, не было установлено случаев высокого уровня риска исполнения бюджета как по доходам, так и по расходам.

Обладая результатами оценки рисков исполнения бюджета по доходам и расходам, органы

Таблица 5

Оценка исполнения областного бюджета, 2011–2012 гг.

Финансовый период (год)	Наименование показателя	% исполнения бюджета	Качественная оценка значений коэффициента вариации CV		
			Низкий риск (CV от 0 до 5%)	Средний (умеренный) риск (CV от 5 до 10%)	Высокий риск (CV свыше 10%)
2011	Доходы	100	3.28		
	Расходы	93		5.96	
2012	Доходы	103		6.97	
	Расходы	97	1.94		

законодательной и исполнительной власти имеют возможность принимать решения, позволяющие повысить эффективность управления бюджетами всех уровней, в том числе:

- осуществлять планирование доходов и расходов бюджета с учетом риска, перспективное прогнозирование налоговой базы территорий с учетом риска;
- совершенствовать межбюджетные отношения;
- совершенствовать учет поступлений платежей в бюджет и осуществлять контроль за расходованием бюджетных средств;
- совершенствовать работу Федеральной налоговой службы РФ и др.

К сожалению, сфера бюджетных отношений не имеет пока необходимого методического и организационно-правового обеспечения в области оценки и учета бюджетного риска: редкостью являются современные способы расчета степени предположения о бюджетных рисках и правовая база использования результатов этой оценки при исполнении бюджета.

Список литературы

1. Яшина Н.И., Поющева Е.В., Прончатова-Рубцова Н.Н. Совершенствование методологии определения бюджетной устойчивости субъектов РФ: два подхода к оценке в современных социально-экономических условиях // Финансы и кредит. 2013. № 11. С. 2–11.

2. Яшина Н.И., Емельянова О.В., Прончатова-Рубцова Н.Н. Теоретические и методологические аспекты формирования межбюджетных отношений в России на основании оценки финансового состояния субъектов Федерации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 9. С. 7–21.

3. Яшина Н.И., Емельянова О.В., Прончатова-Рубцова Н.Н. Оценка финансового состояния субъектов РФ для определения перспектив развития инновационной деятельности в регионах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3 (3). С. 271–275.

4. Гинзбург М.Ю., Прончатова-Рубцова Н.Н. Проблемы применения метода реальных опционов в оценке инвестиционных проектов на примере биномиальной модели // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 18. С. 14–18.

5. Гребенникова В.А., Степанова Е.А. Управление бюджетными рисками: миф или реальность? // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 3. Ч. 2. С. 119–125.

6. Гамукин В.В. Бюджетные риски: введение в общую аксиоматику // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3. С. 52–61.

7. Приказ Минфина РФ от 19 октября 2011 г. № 383 «О порядке осуществления в Министерстве финансов РФ оперативного мониторинга качества финансового менеджмента» [Электронный ресурс]. – URL: http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 05.02.2014).

8. Яшина Н.И. Некоторые теоретические и методические аспекты оценки рисков расходов бюджета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 1. С. 162–167.

9. Официальный сайт Правительства Нижегородской области. – URL: http://www.government-nnov.ru (дата обращения: 05.02.2014).

DETERMINATION OF BUDGET RISKS OF THE NIZHNI NOVGOROD REGION BASED ON THE PERFORMANCE OF THE REVENUE AND EXPENDITURE SIDES OF THE BUDGET

N.I. Yashina, N.N. Pronchatova-Rubtsova

For increasing the effectiveness of territorial budget management, budget risks need to be determined on the basis of the performance of the revenue and expenditure sides of the budget. The essence of the budget risk is investigated and the tools for its assessment are presented. Indicators of revenue collection and expenditure funding are determined along with indicators of the risk of the budget revenue and expenditure performance in the form of absolute and relative variation measures: standard deviation and variation coefficient of budget performance. The results of such assessment are useful to bodies of legislative and executive power since they contribute to the improvement of the budget management quality. Our calculation of the budget risks on the example of the Nizhni Novgorod region for 2011-2012 did not reveal any cases of high risk level of budget performance, both on the revenue and the expenditure sides.

Keywords: budget risk, budget risk management, assessment of risks, indicator of revenue collection, indicator of expenditure funding, standard deviation, variation coefficient.

References

1. Iashina N.I., Poiushcheva E.V., Pronchatova-Rubtsova N.N. Sovershenstvovanie metodologii opredeleniia biudzhetnoi ustoichivosti sub"ektov RF: dva podkhoda k otsenke v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviiakh // Finansy i kredit. 2013. № 11. S. 2–11.
2. Iashina N.I., Emel'ianova O.V., Pronchatova-Rubtsova N.N. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty formirovaniia mezhbiudzhetnykh otnoshenii v Rossii na osnovanii otsenki finansovogo sostoianiia sub"ektov Federatsii // Finansovaia analitika: problemy i resheniia. 2013. № 9. S. 7–21.
3. Iashina N.I., Emel'ianova O.V., Pronchatova-Rubtsova N.N. Otsenka finansovogo sostoianiia sub"ektov RF dlia opredeleniia perspektiv razvitiia innovatsionnoi deiatel'nosti v regionakh // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 3 (3). S. 271–275.
4. Ginzburg M.Iu., Pronchatova-Rubtsova N.N. Problemy primeneniia metoda real'nykh optsionov v otsenke investitsionnykh proektov na primere binomial'noi modeli // Finansovaia analitika: problemy i resheniia. 2012. № 18. S. 14–18.
5. Grebennikova V.A., Stepanova E.A. Upravlenie biudzhetnymi riskami: mif ili real'nost'? // Terra Economicus. 2010. T. 8. № 3. Ch. 2. S. 119–125.
6. Gamukin V.V. Biudzhetnye riski: vvedenie v obshchuiu aksiomatiku // Terra Economicus. 2013. T. 11. № 3. S. 52–61.
7. Prikaz Minfina RF ot 19 oktiabria 2011 g. № 383 «O poriadke osushchestvleniia v Ministerstve finansov RF operativnogo monitoringa kachestva finansovogo menedzhmenta» [Elektronnyi resurs]. – URL: http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (data obrashcheniia: 05.02.2014).
8. Iashina N.I. Nekotorye teoreticheskie i metodicheskie aspekty otsenki riskov raskhodov biudzheta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2004. № 1. S. 162–167.
9. Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Nizhegorodskoi oblasti. – URL: http://www.government-nnov.ru (data obrashcheniia: 05.02.2014).

УДК 159.9 (7)+ 316.628+ 331.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

© 2014 г.

Е.Н. Башук, А.В. Орлов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

bashuk@fsn.unn.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Раскрывается взаимосвязь трудовой мотивации, лояльности персонала и характера профессиональной деятельности. Рассматривается понятие «мотивационная готовность» как ключевая характеристика трудовой мотивации. Проведено исследование мотивационной готовности у представителей различных профессиональных групп. Трудовая мотивация более выражена у менеджеров высшего и среднего звена, офисных специалистов, работников сферы услуг; она меньше проявляется у водителей и рабочих. Показано, что связь мотивационной готовности с удовлетворенностью трудом и лояльностью к организации носит нелинейный характер. Не установлено прямой зависимости трудовой мотивации от размера заработной платы.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивационная готовность к повышению эффективности работы, лояльность персонала.

Одной из важнейших проблем управления персоналом является поиск эффективных способов мотивации и стимулов к эффективной трудовой деятельности. Оценка мотивации работников, отбор наиболее мотивированных сотрудников, изучение влияния различных факторов на вовлеченность в процесс труда, стимулирование мотивации, развитие интереса к работе, повышение ответственности и трудовой активности – те задачи, которые решает менеджер, организуя систему управления мотивацией персонала [1, 2]. Управление мотивацией предполагает учет интересов и потребностей отдельной личности, трудовых коллективов, организации в целом как составляющих единой социально-экономической системы. Важность этих и других аспектов исследования трудовой мотивации в современных условиях становления инновационной экономики в России возрастает [3], и на передний план выходят такие показатели, как удовлетворенность трудом, преданность организации, вовлеченность в производственные и управленческие процессы. Личностные цели и мотивы работников все теснее пересекаются с целями организации, важность такой взаимосвязи в современной экономике особенно велика.

Однако, несмотря на большое количество теоретических исследований и накопленный практический опыт, в теории и практике трудовой мотивации остаются вопросы, изученные недостаточно полно. Большинство отечественных авторов [2, 4–9 и др.], говоря о трудовой мотивации, полагают, что намерения всегда возникают на базе той или иной потребности. При этом целенаправленное поведение связывается исключительно с потребностями даже в случае принуждения. Предполагается, что даже в нежелательной ситуации действия человеком осуществляются всегда ради какой-то потребности. Например, в случае потребности избегания неприятных ситуаций те или иные действия могут представляться как наименьшее зло, как наилучший выход из положения [10]. Таким образом, по мнению большинства отечественных авторов, внешнее долженствование всегда связывается с внутренними побудителями действия, вследствие чего работа осуществляется почти автоматически. Однако, как справедливо показывает В.Д. Шадриков [11, 12], человек, оценивая ситуацию профессиональной деятельности, должен принять решение о ее осуществлении или неосуществлении, чтобы сформировалась определенная детерминирующая тенденция и, на ее основе, психологическая система деятельности. Это невозможно без осознавания действующих в данной ситуации мотивационных факторов и стимулов, часть из которых противоречат друг другу. Практически всегда в профессиональной деятельности при принятии решения действуют противоположные тенденции, составляющие борьбу мотивов, разрешение которой требует волевых усилий. В отдельных ситуациях волевые действия могут быть основой поведения и деятельности. Вероятно, для осуществления эффективной профессио-

нальной деятельности необходимы не только определенные способности и выраженные потребности, но целый набор взаимосвязанных психологических характеристик, чаще всего определяемых как психологическая готовность. Под этим термином чаще всего понимается совокупность мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых качеств личности как общее психофизиологическое состояние, обеспечивающее актуализацию возможностей и направленность личности на выполнение определенных действий [13, 14].

М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [15, 16] выделяют общую (заблаговременную) и ситуативную (временную) готовность. Заблаговременная готовность представляет собой ранее приобретенные установки, знания, навыки, умения, мотивы деятельности. Ситуативная готовность – это динамичное, целостное состояние личности, внутренняя настроенность на определенное поведение, мобилизация всех сил на активные и целесообразные действия, то есть приведение их в активное состояние. Будучи целостным образованием, ситуативная готовность включает в себя следующие компоненты: 1) мотивационные – потребность успешно выполнить поставленные задачи, стремление добиться успеха и показать себя с наилучшей стороны; 2) познавательные – понимание ситуации, умение оценить действующие факторы, знание средств достижения цели, предвидение возможных изменений ситуации; 3) эмоциональные – интерес, уверенность в успехе, позитивное отношение к деятельности; 4) волевые – адекватная мобилизация сил, стремление преодолеть внутренние и внешние препятствия на пути достижения цели.

Ситуативная психологическая готовность применительно к профессиональной деятельности практически не изучалась. Отчасти это связано с отсутствием надежного и валидного инструмента диагностики данной характеристики, отчасти со сложностью анализа ситуативных факторов деятельности. В целом, ситуативные факторы деятельности можно разделить на несколько классов (уровней), соответственно масштабу влияния. В соответствии с традиционной классификацией социально-экономических систем, мы выделяем несколько уровней профессионально-трудовых систем: экономико-политические, отраслевые, организационные, социально-групповые, личностно-событийные (табл. 1). На каждом из этих уровней действуют свои ситуативные факторы профессиональной деятельности, причем факторы более высокого уровня системы действуют и на включенные подсистемы.

При организации системы мотивации на предприятии и стимулировании трудовой деятельности требуется четкое понимание возможностей и пределов мотивирования, а для этого должны быть определены значения внешних и внутренних факторов, влияющих на профессиональную деятельность [17], как постоянно действующих, так и ситуативных, и дана оценка мотивационной готовности персонала к эффективному труду. Наличие мотива к той или иной деятельности еще не означает ее успешное выполнение. Переход от желания к активному действию требует, с одной стороны, определенной возможности ее осуществить, с другой стороны, психической мобилизации, так как достижение цели требует энергии, ресурсов, времени. Мотивация работника к труду включает, помимо осознаваемых им мотивов и целей, еще и оценку им ситуации, барьеров деятельности, ресурсов и возможностей, а также желание приложить усилия для преодоления внешних и внутренних препятствий для достижения поставленных целей. В оценке трудовой мотивации этот волевой аспект деятельности часто игнорируется, однако представляется необходимым, при оценке трудовой мотивации работников, не только исследовать выраженность отдельных потребностей и мотивов, но и рассматривать психологическую готовность выполнять требуемую работу на высоком профессиональном уровне. С нашей точки зрения, выраженность у работника готовности прилагать волевые усилия для повышения производительности труда является определяющей характеристикой его трудовой мотивации.

Наше исследование проводилось в 2009–2011 годах и направлено на изучение проявлений мотивационной готовности к повышению производительности труда в различных профессиональных группах. Важно отметить, что если на личностном, социальном и организационном уровнях профессионально-трудовых систем исследования трудовой мотивации довольно многочисленны, то на уровне профессиональных групп ситуация иная. Профессии изучались, как правило, с социологической точки зрения. Исследовались престижность профессий и общественный интерес к ним, занятость в профессии, доверие к представителям различных профессий, полезность профессий для общества, стрессогенность профессий [18–25]. Малоизученным является вопрос об особенностях проявления трудовой мотивации у

Таблица 1

Ситуативные факторы, действующие на разных уровнях профессионально-трудовых систем

Уровни профессионально-трудовых систем	Основные группы ситуативных факторов	Система, которая испытывает воздействие*
1. Экономико-политический	Изменение общей экономической, политической и трудовой ситуации в стране; события государственного значения, имеющие отношение к труду и профессиональной занятости; принятие федеральных законов, решения органов власти, процессы на рынке труда	Общество в целом, экономические классы (например, предприниматели, рабочие, аграрии и др.), этнические сообщества (например, национальные диаспоры)
2. Отраслевой	Изменения экономической ситуации в отрасли, в ведущих отраслевых центрах, на отраслевых рынках; события отраслевого значения; введение профессиональных стандартов; конфликты между различными группами экспертов внутри профессионального сообщества; решения отраслевых министерств и ведомств, решения профессионального сообщества; корпоративные установки	Профессиональное сообщество, профессиональные группы
3. Организационный	Изменения экономической ситуации в организации, значимые для организации события, конфликты между разными уровнями организационной системы, решения руководства и трудового коллектива, организационная культура, организационные установки	Предприятия, фирмы, экономические субъекты деятельности, в том числе индивидуальное предпринимательство
4. Социально-групповой	Изменение ситуации в коллективе, социально-психологического климата и отношений; групповые конфликты; значимые для группы события; решения формального и неформального лидера, а также группы в целом; групповая культура, групповые установки	Социальные коллективы, неформальные объединения, малые группы
5. Личностно-событийный	Житейские ситуации, значимые для человека события; изменения межличностных отношений, индивидуальных установок; межличностные конфликты, новая оценка ситуации и принятие на ее основе новых решений	Индивиды, диады, домохозяйства

* Факторы более высокого уровня, действуют как на системы своего уровня, так и на включенные подсистемы нижележащих уровней.

представителей различных профессиональных групп.

Цель исследования: сравнить проявления мотивационной готовности к эффективному труду работников в группах, отличающихся характером труда, а также сопоставить проявления трудовой мотивации работников с одной стороны и их лояльности к организации, удовлетворенность работой – с другой.

Общая выборка работников составила 298 человек из 22 различных организаций. Было выделено несколько групп:

1) менеджеры высшего звена – руководители и заместители руководителей различных организаций, преимущественно малого бизнеса (16 человек);

2) менеджеры среднего звена – работники различных организаций, занимающие должность менеджера и выполняющие различные управленческие функции (43 человека);

3) офис-менеджеры – работники, преимущественно выполняющие функции секретаря (17 человек);

4) специалисты – работники, занимающиеся анализом информации, необходимой для принятия управленческих решений, расчетами, подготовкой документации, в том числе экономисты, бухгалтеры, маркетологи, документоведы, сотрудники отдела кадров и др. (38 человек);

5) инженеры – специалисты с техническим образованием, выполняющие функции по разработке, внедрению, технологическому обеспечению и контролю производства какого-либо изделия (24 человека);

6) работники бюджетной сферы – учителя, воспитатели, социальные работники, библиотекари (24 человека);

7) продавцы магазинов (18 человек);

8) работники сферы услуг – парикмахеры, стилисты, портные, официанты, бармены, спе-

циалисты, оказывающие телекоммуникационные услуги (12 человек);

9) рабочие на производстве (72 человека);

10) водители (19 человек);

11) милиционеры РОВД (исследование проводилось в 2010 году, когда закон «О полиции» еще не вступил в силу) – следователи и дознаватели (15 человек).

Для диагностики мотивированности работников в исследовании использовалась авторская методика «Оценка мотивационной готовности к повышению производительности труда» [26]. В отличие от других методик психодиагностики трудовой мотивации, этот тест измеряет мотивационную готовность, в том числе и волевую составляющую трудовой деятельности. Данный тест базируется на концепции ситуативной готовности М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [15]. Он оценивает мотивационную готовность к повышению производительности труда как намерение прилагать усилия для того, чтобы трудиться эффективно. Данный подход базируется на принципе, что максимальная производительность труда имеет место при максимуме усилий со стороны работающего. На практике это имеет место, когда сотрудник той или иной организации психологически готов работать безупречно, больше положенного, когда он не только укладывается в нормативы, но и старается их превзойти, стремится работать с максимальной самоотдачей. Мотивационная готовность к повышению производительности труда может выражаться также и в том, что работник готов работать сверхурочно, тратить личные время и деньги для повышения квалификации, развиваться профессионально, стремится работать лучше коллег, помогать им в их труде и др.

Методика «Оценка мотивационной готовности» позволяет диагностировать 11 ключевых составляющих трудовой мотивации, которые описываются соответствующими шкалами опросника:

1. Мотивационная ответственность, соответственно условиям труда, – это готовность, желание работника ответственно трудиться при тех условиях труда, уровне заработной платы и организации труда, которые имеют место в данное время в данной организации.

2. Временные трудозатраты – это желание работника тратить свое личное время на работу.

3. Готовность прилагать усилия – это характеристика интенсивности работы сотрудника.

4. Качество работы – это показатель эффективности труда, характеристики стремления сотрудника работать качественно, безупречно.

5. Готовность следовать требованиям – это характеристика исполнительности работника, готовности следовать требованиям руководства.

6. Наличие интереса и позитивных эмоций – это характеристика эмоционального отношения работника к своей работе.

7. Карьерные ожидания, мотивация достижения – это показатель устремлений сотрудника реализоваться на данной работе, в данной организации.

8. Готовность профессионально совершенствоваться – это характеристика стремления работника развиваться в профессиональной сфере.

9. Готовность к социальному взаимодействию в профессиональной сфере – это характеристика стремления развивать межличностные отношения на работе для повышения эффективности труда.

10. Готовность к инновациям – это характеристика стремления работника к преобразованиям в своей профессиональной деятельности.

11. Организация процесса своего труда – это показатель способности работника эффективно организовывать свой труд.

Для оценки проявлений лояльности персонала использовалась методика «Лояльность к организации» (другое название – «Приверженность и лояльность») [27]. Она прошла необходимые процедуры адаптации и стандартизации, доказаны ее надежность и валидность. Методика позволяет диагностировать такие характеристики работников, как приверженность – единство работника с организацией, вовлеченность в ее структуру и организационная терпимость – лояльное отношение работника к организации и к ее проблемам в ситуации кризиса. При этом проводится различение внутренних и внешних составляющих лояльности. Под этим понимается следующее: 1) внутренняя приверженность – это внутренние убеждения работника в значимости для него организации; 2) внешняя приверженность – это убеждения работника в значимости для него организации, сложившиеся на основе мнения коллег или знакомых; 3) внутренняя организационная терпимость – это верность организации, несмотря на наличие в ней кризисных явлений; 4) внешняя организационная терпимость – это пассивная лояльность, которая выражается в том, что человек не склонен выражать в отношении организации недовольство в ситуации кризиса, готовность «затянуть пояса» на время кризиса, но без желания предпринимать какие-то действия для поддержания имиджа и статуса организации, что характерно

для внутренней терпимости и внутренней приверженности.

Также методика позволяет выявить проявления алояльности – эгоистического отношения к организации, направленного исключительно на получение личной выгоды, и невовлеченности – неопределенности положения работника в организации и, как следствие, непредсказуемости его поведения. Сумма терпимости и приверженности определяет общий балл интегрированности, то есть вовлеченности в организационную систему. Сумма алояльности и невовлеченности дает показатель неинтегрированности, характеризующий степень дистанцированности работника от организации, ее процессов и связей. Принципиально важно для организации, чтобы интегрированность работника значительно превышала его неинтегрированность. Это означает, что центростремительные силы, вовлекающие его в систему организационных отношений, сильнее центробежных сил, мешающих единению с организацией как с единым целым. Эти силы могут быть как внешние (обстоятельства, условия труда, взаимоотношения в трудовом коллективе, позиция руководства и др.), так и внутренние (личностные качества, установки, ценности, убеждения).

Для оценки степени удовлетворенности-неудовлетворенности персонала характером труда использовалась методика В.А. Розановой «Удовлетворенность работой» [28]. Данный опросник построен таким образом, что чем больше балл, тем меньше степень удовлетворенности работника своей организацией, работой, производственными отношениями, зарплатой, условиями труда, характером труда, позицией непосредственного руководителя и др.

В исследовании провели диагностику удовлетворенности-неудовлетворенности работой, мотивационной готовности, лояльности к организациям сотрудников. Были рассчитаны средние значения показателей для каждой из изучаемых профессиональных групп. Группы были ранжированы, отмечены те профессиональные группы, которые демонстрируют максимальную (первая тройка) и минимальную (последняя тройка) мотивационную готовность. Все значения в пределах статистической нормы, однако между отдельными группами имеют место различия. Различия в проявлении мотивационной готовности между первой и последней тройками достоверны ($p<0.05$). Анализ различий между группами проводился с использованием коэффициента U Манна–Уитни.

В таблице 2 представлены данные проявления мотивационной готовности в изучаемых группах. Наиболее высокие показатели демонстрируют работники 1-й группы – руководители и заместители руководителей организаций. Практически по всем составляющим мотивационной готовности у них высокие баллы, только по интересу к работе они незначительно уступают инженерам, а по готовности тратить дополнительное время на работу – специалистам и менеджерам среднего звена. По общему баллу мотивационной готовности руководители высшего звена достоверно отличаются от других профессиональных групп, демонстрируя высокое стремление прилагать дополнительные усилия для повышения эффективности труда.

На втором месте по общему баллу мотивационной готовности менеджеры среднего звена. Они демонстрируют баллы, почти равные баллам специалистов, относительно высокие значения мотивационной ответственности (уступают только менеджерам высшего звена и инженерам), высокие баллы готовности тратить дополнительное время на работу (уступают только специалистам), готовности прилагать дополнительные усилия для повышения качества труда (уступают высшим менеджерам). Также они демонстрируют высокие карьерные ожидания, готовность к социальному взаимодействию в профессиональной сфере, стремление к регламентации и организации своего труда.

На третьем месте по общему показателю мотивационной готовности работники сферы услуг. Хотя по совокупности баллов они не намного уступают менеджерам среднего звена, однако структура мотивации выглядит у них несколько иначе. В отличие от второй группы, работники сферы услуг готовы в большей степени следовать установленным в организации требованиям, внедрять в свою работу инновации и нововведения, прилагать больше усилий для повышения качества труда, профессионально совершенствоваться. Различия не достоверны. Важно отметить, что представители данной профессиональной группы демонстрируют слабое желание делать карьеру в данной области, видимо, рассматривая данную работу как временную.

Наиболее низкий общий балл мотивационной готовности у милиционеров районных отделов внутренних дел. Хотя показатели соответствуют среднестатистической норме, однако близки к нижнему пределу. Сравнительно с другими профессиональными группами, у них минимальные стремления в повышении мотивационной ответственности, готовности следовать установленным нормам и требованиям,

эффективно организовывать свой труд; слабые намерения прилагать дополнительные усилия для повышения эффективности труда, желания профессионально совершенствоваться и взаимодействовать в процессе труда, невыраженный интерес к работе, неготовность тратить дополнительное время на работу и использовать инновации для повышения своей эффективности.

На предпоследнем месте по общему баллу мотивационной готовности – водители. У них не выражены стремления работать ответственно, повышать качество труда, прилагать дополнительные усилия для повышения результативности работы, практически не выражены интерес к работе и карьерные ожидания, слабая готовность к нововведениям, отсутствует желание тратить дополнительное время на работу. Учитывая относительно высокие заработки водителей, данный фактор вряд ли влияет на их готовность эффективно трудиться. Возможно, низкая мотивация обусловлена сложностью работы и высоким уровнем стресса, что продемонстрировано в ряде публикаций [29, 30], в том числе и наших исследованиях [31].

В последнюю тройку по проявлениям мотивационной готовности входят также офис-менеджеры, в данной группе выполняющие преимущественно функции секретаря. Некоторые офис-менеджеры исполняют также обязанности документоведа. Как видно из данных таблицы 2, работники данной группы демонстрируют высокое стремление профессионально совершенствоваться, однако при этом у них относительно слабое желание следовать установленным требованиям и нормативам, повышать качество своего труда, взаимодействовать с другими людьми по профессиональным задачам, эффективно организовывать процесс своего труда, работать сверхурочно. Возможно, такая мотивация офис-менеджеров связана с высокой долей неопределенности в их работе, большим количеством дополнительных функций, слабым контролем, эмоциональным выгоранием, являющимся следствием необходимости интенсивного общения по долгу службы и противоречивости отношений.

Противоречивые тенденции в проявлении мотивационной готовности показывают инженеры и работники бюджетной сферы. Первые демонстрируют относительно большой интерес к работе и высокую мотивационную ответственность, но слабую готовность профессионально совершенствоваться, интенсивно социально взаимодействовать, решая общепроизводственные задачи, повышать качество своей работы, внедрять инновации. Вторые показывают высокую мотивацию достижения и желание делать карьеру именно в данной организации, готовность к нововведениям и стремление улучшить организацию своего труда, однако меньше других профессиональных групп стремятся выполнять работу максимально ответственно при тех условиях труда, в которых они работают. В мотивации инженеров видно желание спокойной размеренной жизни по устоявшимся правилам, без особого «напряга» и изменений. Учитывая низкие зарплаты работников бюджетной сферы, не удивительно, что они хотят перемен и не очень хотят брать повышенную ответственность за результаты своего труда.

Также мы провели сравнение данных профессиональных групп по проявлениям удовлетворенности-неудовлетворенности работой и лояльности работников организации. Результаты представлены в таблице 3. Они показывают, что большинство профессиональных групп удовлетворены своей работой. Только сотрудники РОВД, бюджетники и продавцы выходят за пределы статистической нормы и скорее не удовлетворены, чем удовлетворены теми или иными составляющими своего труда. Но из них только милиционеры имеют низкую мотивационную готовность. Продавцы и работники бюджетной сферы гораздо более мотивированы к повышению эффективности своего труда. На основании этого мы можем заключить, что трудовая мотивация не равнозначна удовлетворенности трудом. Высокая удовлетворенность трудом не всегда соответствует высокой мотивации и наоборот [32].

Также, на основании наших данных, высокая лояльность и приверженность организации, то есть интегрированность в ее систему, не означает высокой мотивации. Эти выводы можно сделать, сопоставляя данные таблиц 2 и 3. Сотрудники РОВД и офис-менеджеры, демонстрирующие наиболее низкую мотивационную готовность к эффективному труду (табл. 2), тем не менее, являются одними из наиболее приверженных своим организациям работников. То есть в равной степени в сознании большинства представителей данных профессиональных групп уживаются ощущение ценности организации, ее значимости для человека и слабое желание эффективно трудиться в ней. Также работники с относительно высокой мотивацией, например менеджеры среднего звена, демонстрируют среднюю интегрированность, равную таковой у продавцов, специалистов, которая меньше, чем у инженеров и «бюджетников». Можно предположить, что понятия «моя организация» и «моя работа в организации» между собой связаны слабо. Во всяком случае, отношение к организации не всегда определяет мотивацию работников.

Таблица 2

Сравнение профессиональных групп по проявлениям у работников мотивационной готовности к повышению продуктивности труда

Показатели методики	Показатели статистической нормы	Менеджеры высшего звена	Менеджеры среднего звена	Офис-менеджеры	Специалисты	Инженеры	Работники бюджетной сферы	Продавцы	Работники сферы услуг	Рабочие	Водители	Сотрудники РОВД
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Мотивационная ответственность, соответственно условиям труда	0.8 – 10.8	8.50	6.51	5.64	6.53	7.17	4.29	4.94	5.25	4.54	3.89	2.40
Ранг		**1**	**3**	**5**	**4**	**2**	**9**	**7**	**6**	**8**	**10**	**11**
2. Временные трудозатраты	-3.3 – 6.7	1.83	2.21	-0.55	2.53	0.79	1.43	1.22	1.33	0.43	-0.21	-0.80
Ранг		**3**	**2**	**10**	**1**	**7**	**4**	**6**	**5**	**8**	**9**	**11**
3. Готовность прилагать усилия	-1.5 – 8.1	7.17	4.21	2.64	3.50	2.83	3.00	2.56	3.25	2.32	2.42	1.73
Ранг		**1**	**2**	**7**	**3**	**6**	**5**	**8**	**4**	**10**	**9**	**11**
4. Качество работы	1.4 – 11.8	11.67	6.53	5.55	5.76	4.58	6.00	6.72	8.00	6.38	4.11	5.67
Ранг		**1**	**4**	**9**	**7**	**10**	**6**	**3**	**2**	**5**	**11**	**8**
5. Готовность следовать требованиям	1.8 – 9.8	6.67	5.77	3.36	5.58	4.88	5.07	6.11	6.25	6.03	4.47	1.67
Ранг		**1**	**5**	**10**	**6**	**8**	**7**	**3**	**2**	**4**	**9**	**11**
6. Наличие интереса и позитивных эмоций	0.6 – 11.8	8.33	5.79	2.64	6.03	8.58	5.50	4.28	5.83	4.97	3.47	1.20
Ранг		**2**	**5**	**10**	**3**	**1**	**6**	**8**	**4**	**7**	**9**	**11**
7. Карьерные ожидания, мотивация достижения	-2.8 – 9.2	5.50	3.67	2.09	3.08	3.21	3.93	2.44	1.00	0.81	0.32	1.80
Ранг		**1**	**3**	**7**	**5**	**4**	**2**	**6**	**9**	**10**	**11**	**8**
8. Готовность профессионально совершенствоваться	-1.0 – 9.4	8.00	4.23	4.64	3.87	2.29	3.43	3.83	4.92	2.63	3.21	2.53
Ранг		**1**	**4**	**3**	**5**	**11**	**7**	**6**	**2**	**9**	**8**	**10**

Окончание таблицы 2

9. Готовность к социальному взаимодействию в профессиональной сфере	1.8 – 11.0	9.33	6.65	5.18	5.71	4.58	5.21	5.78	5.58	6.51	5.37	5.20
Ранг		**1**	**2**	**10**	**5**	**11**	**8**	**4**	**6**	**3**	**7**	**9**
10. Готовность к инновациям	-1.1 – 8.3	7.83	2.93	2.55	3.16	2.46	4.86	2.72	5.17	3.35	2.47	-0.13
Ранг		**1**	**6**	**8**	**5**	**10**	**3**	**7**	**2**	**4**	**9**	**11**
11. Организация процесса своего труда	0.3 – 9.8	9.17	5.53	2.91	4.16	3.79	5.57	3.56	4.08	5.21	4.16	1.67
Ранг		**1**	**3**	**10**	**5**	**8**	**2**	**9**	**7**	**4**	**6**	**11**
Общая мотивированность	15.0 – 89.0	84.00	54.05	36.64	49.89	45.17	48.29	44.17	50.67	43.17	33.68	22.93
Ранг		**1**	**2**	**9**	**4**	**6**	**5**	**7**	**3**	**8**	**10**	**11**

Таблица 3

Сравнение профессиональных групп по проявлениям у работников неудовлетворенности работой и лояльности к организации

Показатели методики	Показатели статистической нормы	Менеджеры высшего звена	Менеджеры среднего звена	Офис-менеджеры	Специалисты	Инженеры	Работники бюджетной сферы	Продавцы	Работники сферы услуг	Рабочие	Водители	Сотрудники РОВД
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Неудовлетворенность работой	21–32	25.75	29.57	30.57	27.60	29.22	35.60	35.00	28.71	34.78	34.12	40.14
Ранг		**1**	**5**	**6**	**2**	**4**	**10**	**9**	**3**	**8**	**7**	**11**
Общая приверженность	32–56	68.67	50.26	70.00	52.60	58.23	56.80	46.73	63.25	41.00	42.47	53.77
Ранг		**2**	**8**	**1**	**7**	**4**	**5**	**9**	**3**	**11**	**10**	**6**
Общая лояльность	28–44	45.00	33.04	41.00	33.73	40.18	38.00	32.73	39.88	27.02	30.88	50.31
Ранг		**2**	**8**	**3**	**7**	**4**	**6**	**9**	**5**	**11**	**10**	**1**
Общая алояльность	9–22	3.33	18.22	11.25	10.33	10.23	34.40	18.73	28.75	25.94	29.00	21.08
Ранг		**11**	**7**	**8**	**9**	**10**	**1**	**6**	**3**	**4**	**2**	**5**
Общая невовлеченность	11–31	23.33	32.65	14.25	31.47	15.86	25.80	35.27	14.25	45.28	42.88	28.15
Ранг		**8**	**4**	**11**	**5**	**9**	**7**	**3**	**10**	**1**	**2**	**6**

Окончание таблицы 3

Внутренний фактор приверженности и лояльности	36–64	83.67	38.57	64.25	50.57	49.86	44.20	35.45	55.38	24.92	27.47	70.77
Ранг		**1**	**8**	**3**	**5**	**6**	**7**	**9**	**4**	**11**	**10**	**2**
Внешний фактор приверженности и лояльности	29–52	30.00	44.74	46.75	35.77	51.09	50.60	44.00	47.75	43.08	45.88	34.08
Ранг		**11**	**6**	**4**	**9**	**1**	**2**	**7**	**3**	**8**	**5**	**10**
Интегрированность	55–101	113.67	83.30	111.00	86.33	98.41	94.80	79.45	103.13	68.02	73.35	104.08
Ранг		**1**	**8**	**2**	**7**	**5**	**6**	**9**	**4**	**11**	**10**	**3**
Неинтегрированность	19–62	26.67	50.87	25.50	41.80	26.09	60.20	54.00	43.00	71.22	71.88	49.23
Ранг		**9**	**5**	**11**	**8**	**10**	**3**	**4**	**7**	**2**	**1**	**6**
Заработная плата, тыс. руб.	**17805.8***	**41.7**	**22.3**	**16.27**	**20.24**	**18.5**	**9.2**	**14.8**	**16.0**	**15.7**	**20.4**	**22.8**
		1	**3**	**7**	**5**	**6**	**11**	**10**	**8**	**9**	**4**	**2**

* Средняя заработная плата в Нижегородской области на конец 2010 – начало 2011 года, когда проводились исследования, по данным Нижегородстата (http://nizhstat.gks.ru).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Мотивационная готовность прилагать усилия для повышения производительности труда у представителей разных профессиональных групп проявляется по-разному. Она максимальна для менеджеров высшего и среднего звена, специалистов, работников сферы услуг; минимальна у водителей, рабочих.

2) На проявление мотивационной готовности прилагать усилия для повышения производительности труда оказывают влияние факторы организации профессиональной деятельности, в том числе характер труда работника, его тяжесть и разнообразие.

3) Связь мотивационной готовности работников с удовлетворенностью трудом, лояльностью к организации носит нелинейный характер. Выраженная удовлетворенность трудом и лояльность к организации не всегда соответствуют высокой мотивации.

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Психология управления. М.: Университетская книга; Логос, 2009. 376 с.

2. Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М.: ИНФРА-М, 2013. 524 с.

3. Захарова Л.Н. Ценностно-мотивационные условия становления инновационной экономики в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 28–34.

4. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирования личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.

5. Свенцицкий А.Л., Богданов В.А. Мотивация трудовой деятельности личности // Промышленная социальная психология. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. С. 78–95.

6. Ядов В.А. Мотивация труда: Проблемы и пути развития исследований // Советская социология. М.: Наука, 1982. Т. 2. С. 50–62.

7. Мильман В.Э. Рабочая мотивация и удовлетворенность трудом // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 5. С. 62–72.

8. Каверин С.Б. Мотивация труда. М.: Институт психологии РАН, 1998. 224 с.

9. Пряжников Н.С. Мотивация трудовой деятельности. М.: Академия, 2012. 367 с.

10. Асеев В.Г. Проблема мотивации и личность // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 122–144.

11. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Издательство «Наука», 1982. 185 с.

12. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996. 320 с.

13. Нерсесян Л.С., Пушкин В.Н. Психологическая структура готовности оператора к экстремальным действиям // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 24–31.

14. Пуни А.Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте. М., 1993. 274 с.

15. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 175 с.

16. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект. Минск: Университетское, 1985. 206 с.

17. Прохорова М.В., Ким В.В. Структура мотивации трудовой деятельности на разных этапах организационного развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 363–369.

18. Hughes E.C. The Professions in Society // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1960. Vol. 26, № 1. P. 54–61.

19. Hughes E.C. Careers // Qualitative Sociology. 1997. Vol. 20, № 3. P. 389–397.

20. Saks M. Professions and the Public Interest. London: Routledge, 1995. 320 p.

21. Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. 290 с.

22. Dingwall R. Essays on Professions. Aldershot: Ashgate, 2008. 436 p.

23. Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. 419 с.

24. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социол. исслед. 2009. № 8. С. 36–46.

25. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. 236 с.

26. Орлов А. В. Связь субъектности рабочих с их трудовой мотивацией и отношением к организации // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2011. С. 111–113.

27. Башук Е.Н., Орлов А.В. Ценностные ориентации как фактор лояльности персонала // Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 24–26 ноября 2008 г.: Материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ-СПб», 2008. С. 58–62.

28. Розанова В.А. Психология управления. М.: ЗАО «Бизнес-школа “Интел-Синтез”», 1999. 362 с.

29. Романов А.Н. Автотранспортная психология. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 224 с.

30. Купер К.Л., Дэйв Ф.Дж., О'Драйсколл М.П. Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение. М.: Гуманитарный центр, 2007. 336 с.

31. Башук Е.Н., Орлов А.В. Влияние стресса работников пассажирского автотранспорта на их мотивацию и лояльность к организации // Личность в современных исследованиях. Сборник научных трудов. Выпуск 10. Рязань: ООО «Копи Принт». 2007. С. 6–10.

32. Херцберг Ф., Моснер Б., Блох С.Б.М. Мотивация к работе. М.: Вершина, 2007. 240 с.

SPECIAL ASPECTS RELATED TO MANIFESTATION OF EMPLOYEE MOTIVATION IN VARIOUS PROFESSIONAL GROUPS

E.N. Bashuk, A.V. Orlov

The article reveals the relationship between employee motivation, employee loyalty and nature of professional activity. We consider the notion of "motivational readiness" as a key characteristic of the employee motivation. We conducted a survey to measure motivational readiness on representatives of various professional groups. Employee motivation is more evident in the groups of top and middle managers, office specialists and service workers and it is less evident in the groups of drivers and workers. We show that the relationship between motivational readiness, job satisfaction and loyalty to the organization is not linear. We found no direct relation between employee motivation and the wage rate.

Keywords: employee motivation, motivational readiness to increase work performance, employee loyalty.

References

1. Zakharova L.N. Psikhologiia upravleniia. M.: Universitetskaia kniga; Logos, 2009. 376 s.

2. Kibanov A.Ia., Batkaeva I.A., Mitrofanova E.A., Lovcheva M.V. Motivatsiia i stimulirovanie trudovoi deiatel'nosti. M.: INFRA-M, 2013. 524 s.

3. Zakharova L.N. Tsennostno-motivatsionnye usloviia stanovleniia innovatsionnoi ekonomiki v Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Sotsial'nye nauki. 2012. № 1 (25). S. 28–34.

4. Aseev V.G. Motivatsiia povedeniia i formirovaniia lichnosti. M.: Mysl', 1976. 158 s.

5. Sventsitskii A.L., Bogdanov V.A. Motivatsiia trudovoi deiatel'nosti lichnosti // Promyshlennaia sotsial'naia psikhologiia. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1982. S. 78–95.

6. Iadov V.A. Motivatsiia truda: Problemy i puti razvitiia issledovanii // Sovetskaia sotsiologiia. M.: Nauka, 1982. T. 2. S. 50–62.

7. Mil'man V.E. Rabochaia motivatsiia i udovletvorennost' trudom // Psikhol. zhurn. 1985. T. 6. № 5. S. 62–72.

8. Kaverin S.B. Motivatsiia truda. M.: Institut psikhologii RAN, 1998. 224 s.

9. Priazhnikov N.S. Motivatsiia trudovoi deiatel'nosti. M.: Akademiia, 2012. 367 c.

10. Aseev V.G. Problema motivatsii i lichnost' // Teoreticheskie problemy psikhologii lichnosti. M.: Nauka, 1974. S. 122–144.

11. Shadrikov V.D. Problemy sistemogeneza professional'noi deiatel'nosti. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1982. 185 s.

12. Shadrikov V.D. Psikhologiia deiatel'nosti i sposobnosti cheloveka. M.: Logos, 1996. 320 s.

13. Nersesian L.S., Pushkin V.N. Psikhologicheskaia struktura gotovnosti operatora k ekstremal'nym deistviiam // Voprosy psikhologii. 1989. № 5. S. 24–31.

14. Puni A.Ts. Psikhologicheskaia podgotovka k sorevnovaniiu v sporte. M., 1993. 274 s.

15. D'iachenko M.I., Kandybovich L.A. Psikhologicheskie problemy gotovnosti k deiatel'nosti. Minsk: Izd-vo BGU, 1976. 175 s.

16. D'iachenko M.I., Kandybovich L.A., Ponomarenko V.A. Gotovnost' k deiatel'nosti v napriazhennykh situatsiiakh: psikhol. aspekt. Minsk: Universitetskoe, 1985. 206 s.

17. Prokhorova M.V., Kim V.V. Struktura motivatsii trudovoi deiatel'nosti na raznykh etapakh organizatsionnogo razvitiia // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 1 (1). S. 363–369.

18. Hughes E.C. The Professions in Society // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1960. Vol. 26, № 1. P. 54–61.

19. Hughes E.C. Careers // Qualitative Sociology. 1997. Vol. 20, № 3. P. 389–397.

20. Saks M. Professions and the Public Interest. London: Routledge, 1995. 320 p.

21. Sotsial'naia dinamika i transformatsiia professional'nykh grupp v sovremennom obshchestve / Pod red. V.A. Mansurova. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2007. 290 s.

22. Dingwall R. Essays on Professions. Aldershot: Ashgate, 2008. 436 p.

23. Professional'nye gruppy: dinamika i transformatsiia / Pod red. V.A. Mansurova. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2009. 419 s.

24. Mansurov V.A., Iurchenko O.V. Sotsiologiia professii. Istoriia, metodologiia i praktika issledovanii // Sotsiol. issled. 2009. № 8. S. 36–46.

25. Antropologiia professii: granitsy zaniatosti v epokhu nestabil'nosti / Pod red. P. Romanova, E. Iarskoi-Smirnovoi. M.: OOO «Variant», TsSPGI, 2012. 236 s.

26. Orlov A. V. Sviaz' sub"ektnosti rabochikh s ikh trudovoi motivatsiei i otnosheniem k organizatsii // Sistemogenez uchebnoi i professional'noi deiatel'nosti: Sbornik nauchnykh trudov / Pod red. prof. Iu.P. Povarenkova. Iaroslavl': Izd-vo IaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2011. S. 111–113.

27. Bashuk E.N., Orlov A.V. Tsennostnye orientatsii kak faktor loial'nosti personala // Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia «Ekonomicheskaia

psikhologiia: sovremennye problemy i perspektivy razvitiia». 24–26 noiabria 2008 g.: Materialy konferentsii. SPb.: Izd-vo IMTs «NVSh-SPb», 2008. S. 58–62.

28. Rozanova V.A. Psikhologiia upravleniia. M.: ZAO «Biznesshkola “Intel-Sintez”», 1999. 362 s.

29. Romanov A.N. Avtotransportnaia psikhologiia. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2002. 224 s.

30. Kuper K.L., Deiv F.Dzh., O'Draiskoll M.P. Organizatsionnyi stress. Teorii, issledovaniia i prakticheskoe primenenie. M.: Gumanitarnyi tsentr, 2007. 336 s.

31. Bashuk E.N., Orlov A.V. Vliianie stressa rabotnikov passazhirskogo avtotransporta na ikh motivatsiiu i loial'nost' k organizatsii // Lichnost' v sovremennykh issledovaniiakh. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 10. Riazan': OOO «Kopi Print». 2007. S. 6–10.

32. Khertsberg F., Mosner B., Blokh S.B.M. Motivatsiia k rabote. M.: Vershina, 2007. 240 s.

УДК 005.342

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2014 г.

П.Б. Болдыревский, Л.А. Кистанова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

bpavel2@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

С использованием анализа временных рядов исследуется динамика показателей инновационной активности промышленных предприятий Российской Федерации за временной период с 2000 по 2012 год. Предложена модель, позволяющая определить влияние изменения инновационных технологических затрат на изменение объема отгруженной инновационной продукции промышленных предприятий.

Ключевые слова: инновационная деятельность, динамика, временные ряды, автокорреляционная функция.

Повышение конкурентоспособности российских промышленных предприятий возможно только через развитие инновационной деятельности всех систем их функционирования [1–3]. При выработке стратегических инновационных концепций необходимо учитывать, что активизация инновационной политики имеет множественный и разноплановый характер, так как крупный промышленный бизнес, ориентирующийся на запросы государства, находится в достаточно сложном положении в плане выбора правильных стратегических действий. Поэтому для разработки стратегий в инновационном развитии и прогнозирования необходимо эффективно использовать накопленные в этой сфере статистические данные в виде панельных данных [2] и временных рядов.

В данной работе были проведены исследования временных рядов двух основных показателей инновационной деятельности: объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг всех видов деятельности промышленного производства и затрат на технологические инновации по Российской Федерации, взятых за временной период с 2000 по 2012 год. Информационной базой для выполненного исследования послужили данные статистического сборника Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [4, 5].

Существует несколько методов анализа данных, применимых для временных рядов [6, 7]. Нами использовались такие основные методы исследований, как визуальное изучение графических представлений временных рядов и автокорреляционный анализ. Обработка и анализ статистических данных проводились с помощью пакета прикладных программ STATISTICA [8].

Анализ поведения автокорреляционных функций и оценки числовых характеристик временных рядов позволяет считать, что временные ряды объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг всех видов деятельности промышленного производства и затрат на технологические инновации по Российской Федерации не являются стационарными (рис. 1, 2).

На графике (рис. 1) отражено локальное изменение тенденции в области 2009 года, что связано с влиянием экономического кризиса.

Для устранения влияния тенденции применим метод последовательных разностей [7] и построим уравнение регрессии, отражающее взаимосвязь этих временных рядов. При этом значение зависимой величины Δy определяет изменение объема отгруженной инновационной продукции, а независимой факторной величиной Δx будут изменения затрат на инновационную продукцию (табл.).

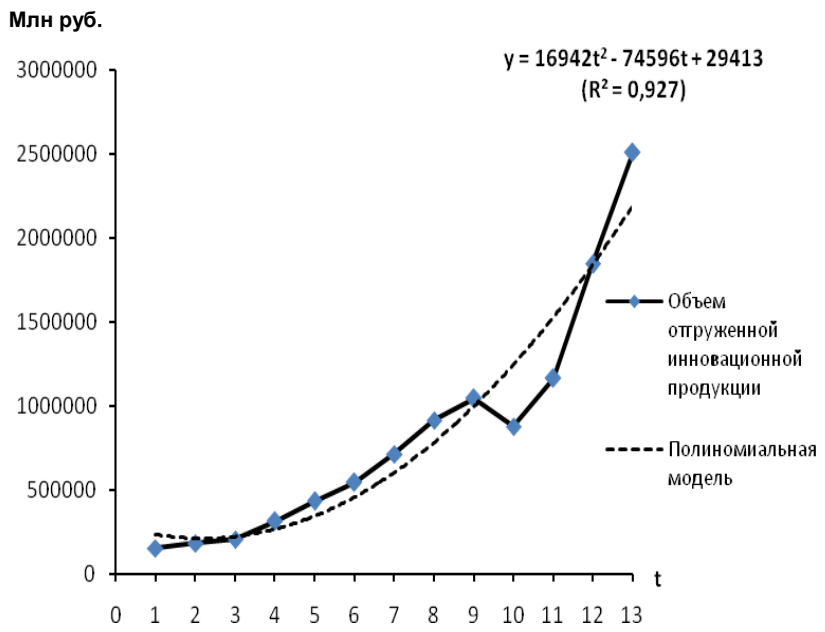
Построенное уравнение регрессии выражается следующим соотношением:

$$\Delta y = 0.0001\,\Delta x^2 - 5.8\,\Delta x + 89142,$$

где коэффициент детерминации $R^2 = 0.76$.

Коэффициенты уравнения регрессионной модели статистически значимы, так как фактические значения t-критерия Стьюдента (4.22; 5.07; 6.86 соответственно) превышают табличное $t_{\text{табл.}} = 2.26$ при 5%-м уровне значимости. Уравнение в целом является статистически значимым, так как расчетное значение критерия Фишера ($F_{\text{расч.}} = 17.88$) существенно превышает табличное ($F_{\text{табл.}} = 4.26$).

а)



б)

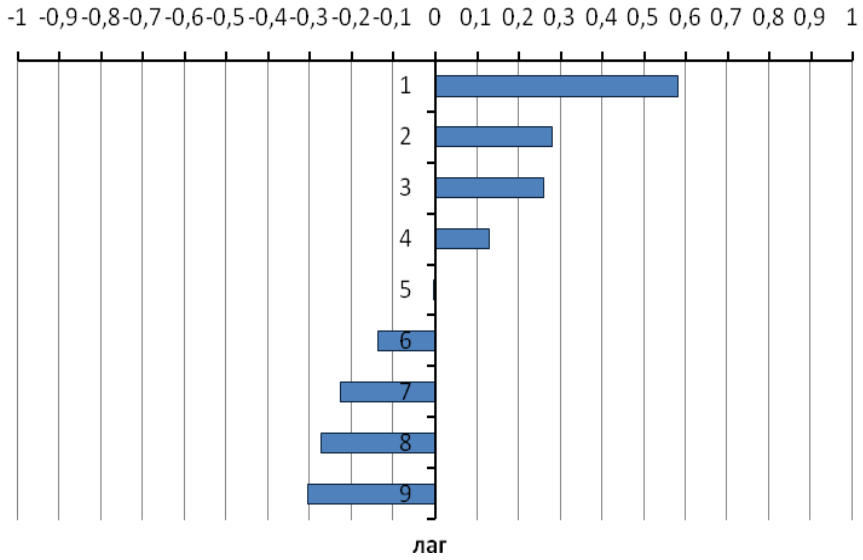
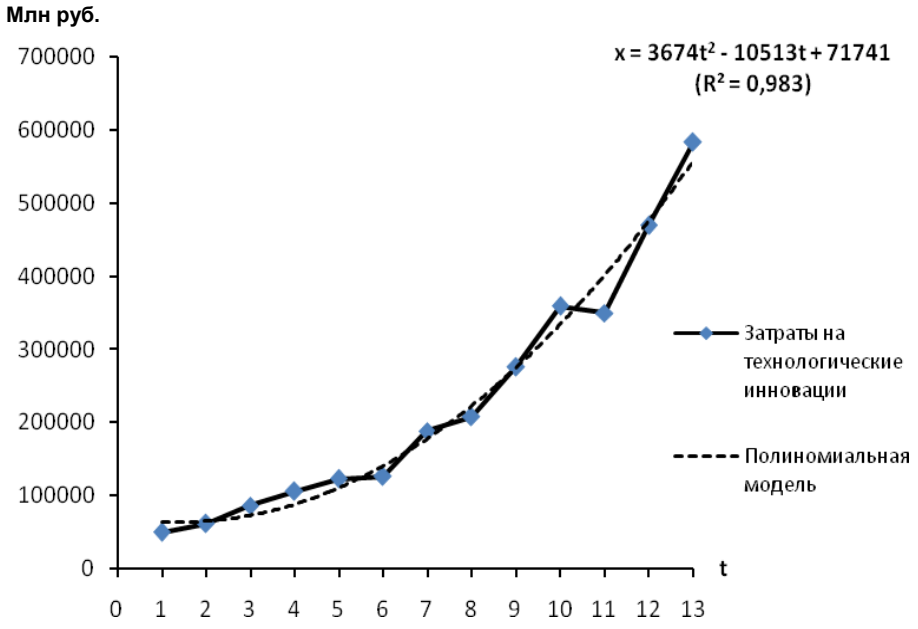


Рис. 1. Динамика объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг всех видов деятельности промышленного производства предприятий Российской Федерации: а) графики временного ряда; б) графики автокорреляционной функции

Экономическая интерпретация этого уравнения такова – при изменении затрат на технологические инновации на 1 млн рублей объем отгруженной инновационной продукции промышленных предприятий Российской Федерации в среднем изменяется на величину 5.8077 млн руб. с учетом знака уровня разностей.

Таким образом, проведенные исследования временных рядов позволили определить характеристики и уровень взаимосвязи таких основных показателей инновационной деятельности промышленных предприятий, как объем отгруженной инновационной продукции и затраты на технологические инновации. С использованием метода последовательных разностей построено статистически значимое уравнение зависимости указанных показателей. Полученные данные могут быть использованы предприятиями в разработках стратегических инновационных концепций и прогнозировании.

а)



б)

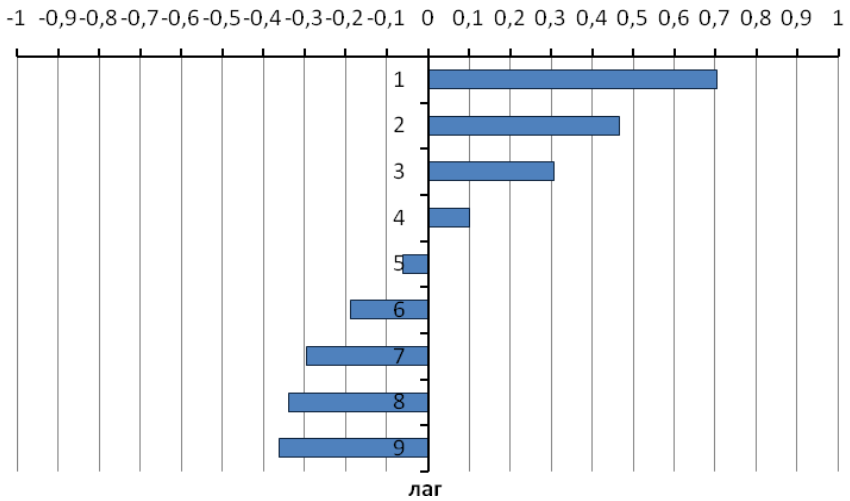


Рис. 2. Динамика затрат на технологические инновации: а) графики временного ряда; б) графики автокорреляционной функции

Таблица

Годы	*t*	*y*, млн руб.	*x*, млн руб.	Δy, млн руб.	Δx, млн руб.
2000	1	154135.0	49428.0	–	–
2001	2	181826.1	61312.9	27691.1	11884.9
2002	3	206313.2	86394.6	24487.1	25081.7
2003	4	312692.0	105444.7	106378.8	19050.1
2004	5	433003.5	122850.5	120311.5	17405.8
2005	6	545540.0	125678.2	112536.5	2827.7
2006	7	714024.6	188492.2	168484.6	62814.0
2007	8	916131.6	207499.2	202107.0	19007.0
2008	9	1046960.0	276262.3	130828.4	68763.1
2009	10	877684.8	358861.1	-169275.2	82598.8
2010	11	1165747.6	349763.3	288062.8	-9097.8
2011	12	1847370.4	469442.2	681622.8	119678.9
2012	13	2509604.4	583660.6	662234	114218.4

Список литературы

1. Трифонова Е.Ю., Приказчикова Ю.В. Оценка уровня инновационного развития экономики России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (2). С. 215–221.

2. Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Математико-статистическая модель инновационной деятельности промышленных предприятий // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 15. С. 57–64.

3. Болдыревский П.Б. Основные элементы системы управления рисками промышленных предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3 (3). С. 31–34.

4. Индикаторы инновационной деятельности: 2013. Статистический сборник. М.: ГУ ВШЭ, 2013. 472 с.

5. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru. (дата обращения 12.03.2014).

6. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика: Начальный курс. М.: Дело, 2004. 492 с.

7. Андерсон Т. Статистический анализ временных рядов. М.: Мир,1976. 310 с.

8. Боровиков В.П. STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере. СПб.: Питер, 2003. 245 с.

INVESTIGATION OF THE DYNAMICS OF INNOVATION ACTIVITIES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

P.B. Boldyrevsky, L.A. Kistanova

Using time series analysis, we investigate the dynamics of innovative activity of industrial enterprises in the Russian Federation during the period from 2000 to 2012. A model that allows to determine the impact of changes in the cost of innovative technological change on the volume of shipped innovative products of industrial enterprises is proposed.

Keywords: innovation, dynamics, time series, autocorrelation function.

References

1. Trifonova E.Iu., Prikazchikova Iu.V. Otsenka urovnia innovatsionnogo razvitiia ekonomiki Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5 (2). S. 215–221.

2. Boldyrevskii P.B., Kistanova L.A. Matematiko-statisticheskaia model' innovatsionnoi deiatel'nosti promyshlennykh predpriiatii // Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika. 2014. № 15. S. 57–64.

3. Boldyrevskii P.B. Osnovnye elementy sistemy upravleniia riskami promyshlennykh predpriiatii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 3 (3). S. 31–34.

4. Indikatory innovatsionnoi deiatel'nosti: 2013. Statisticheskii sbornik. M.: GU VShE, 2013. 472 s.

5. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gks.ru. (data obrashcheniia 12.03.2014).

6. Magnus Ia.R., Katyshev P.K., Peresetskii A.A. Ekonometrika: Nachal'nyi kurs. M.: Delo, 2004. 492 s.

7. Anderson T. Statisticheskii analiz vremennykh riadov. M.: Mir,1976. 310 s.

8. Borovikov V.P. STATISTICA. Iskusstvo analiza dannykh na komp'iutere. SPb.: Piter, 2003. 245 s.

УДК 332.144

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2014 г.

А.В. Богатырев, О.В. Трофимов, Ю.А. Макушева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sjm2@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Статья направлена на определение проблем, которые возникают при оценке экономического потенциала, и возможности их разрешения при балльном подходе. На наш взгляд, данный способ оценки более уместен в условиях жесткой конкуренции среды хозяйствования, так как не только позволяет оценить свои экономические ресурсы собственнику средств производства, но и дает сведения о возможности использования резервов роста.

Ключевые слова: экономический потенциал, оценка потенциала, формы диагностики потенциала, функции управления, методы оценки экономического потенциала, корпоративные ресурсы.

На современном этапе развития экономики остро встают вопросы, связанные с максимальным использованием ресурсов предприятия, их вовлечением в производственно-хозяйственную деятельность по критериям максимума прибыли и минимума затрат. В связи с этим необходимо точно знать, чем располагает предприятие, какие ресурсы может использовать и как обеспечить их рациональное использование в сложившихся условиях. Именно это определяет необходимость всерьез отнестись организациям и предприятиям к проблемам оценки экономического потенциала.

Напомним, что под оценкой экономического потенциала предприятия понимаются его возможности включения экономических ресурсов, которыми владеет и распоряжается данная организация, а также результативность их эффективного использования. Причем стоит отметить, что оцениваться может как общая величина экономических ресурсов, так и их активная часть. Сам процесс оценки экономического потенциала может быть в виде интервальной величины (например, годовой) либо суммарным за период, равный среднему циклу воспроизводства экономических ресурсов организации, либо принимать матричную и индикативную форму в зависимости от характера используемых для оценки показателей [1].

Диагностика экономического потенциала позволяет выявить:

- уровень вовлечения экономических ресурсов в хозяйственный оборот путем сопоставления оценок общей величины экономического потенциала и его активной части;
- уровень использования экономических ресурсов, их активной части, путем сопоставления показателей результативности деятельности организации;
- результативность хозяйственных процессов и как следствие эффективность средств, вложенных в развитие организации, в ее средства производства и иные активы, путем соизмерения достигнутых финансовых показателей с общим объемом экономических ресурсов, выраженных в стоимостных единицах измерения [2].

Диагностика экономического потенциала предприятия и уровня его развития в современных условиях может осуществляться как в натуральных показателях, так и стоимостных.

Оценка и определение уровня экономического потенциала организации в натуральных показателях предполагает определение количества экономических ресурсов, которыми владеет предприятие, и количества товаров, работ и услуг, которые могут быть произведены предприятием при наиболее полном и эффективном использовании ограниченных ресурсов организации. При этом стоит заметить: так как диагностика потенциала предприятия проводится с использованием натуральных измерителей, то она не может использоваться в рамках сравнения предприятий и организаций разных сфер деятельности.

В то же время определение уровня экономического потенциала предприятия в стоимостном выражении заключается в определении стоимости активов предприятия и величины экономических выгод, которые оно может получить в

будущем. Установление степени использования экономических ресурсов предприятия и экономических выгод должно осуществляться на основе стоимостных показателей и измерителей.

К определению стоимостной оценки потенциала следует относить следующие виды активов предприятия, формирующих его экономический потенциал, и занятых в производственной сфере:

- нематериальные активы;
- капитальные инвестиции;
- основные средства;
- долгосрочные финансовые инвестиции;
- производственные запасы;
- незавершенное производство;
- человеческий капитал, привлеченный на предприятие для осуществления производственной и управленческой деятельности.

Стоимостной оценкой экономического потенциала является совокупность доходов, получаемых предприятием от использования его активов по всем направлениям производственно-финансовой деятельности.

Критерием стоимостной оценки экономического потенциала организации являются величина вновь созданной стоимости и ее составные элементы.

В состав доходов и поступлений денежных средств, определяющих экономическую оценку потенциала предприятия по результату его реализации, входят:

- прибыль от операционной деятельности;
- доходы организации за вычетом расходов от производственно-хозяйственной деятельности;
- амортизационные отчисления от стоимости нематериальных активов и основных средств предприятия;
- доходы от привлеченного предприятием человеческого капитала, полученные в форме основной и дополнительной заработной платы производственного персонала с учетом отчислений на социальные нужды (отчисления в пенсионный фонд, социальное страхование, страховые взносы на случай безработицы и т.д.).

Экономический потенциал предприятия в стоимостном выражении оценивается:

- как сумма доходов предприятия, получаемых в течение срока полезного использования соответствующих видов экономических ресурсов с учетом фактора времени. Фактор времени учитывается посредством дисконтирования прогнозируемых по годам расчетного периода доходов предприятия, являющихся результатом реализации экономического потенциала;
- как среднегодовая величина экономической оценки потенциала предприятия – различная по мере образования экономических ресурсов и по его составляющим элементам.

В качестве расчетного периода для диагностики экономического потенциала и определения его уровня следует брать период времени между годом, на момент которого производится данная оценка экономического потенциала, и годом окончания действия экономических ресурсов, участвующих в производственно-хозяйственной деятельности организации [3].

В оценку экономического потенциала предприятия включается сумма ожидаемого возмещения стоимости необоротного актива в форме ликвидационной стоимости.

Основными методами оценки и диагностики различных составляющих потенциала предприятия являются экспертный метод, балльный метод, рейтинговый сравнительный анализ, факторный анализ, экономико-математическое моделирование, имитационное моделирование.

Сам процесс диагностики экономического потенциала предприятия зависит от его организационной структуры, отраслевой специфики и иных факторов [4]. Обычно процедура диагностики экономического потенциала предприятия может осуществляться в виде:

- комплексного исследования (одновременно исследуются все стороны производственно-хозяйственной деятельности организации, т.е. обеспечение производственными ресурсами, кадровое и финансовое обеспечение, особое внимание при этом отводится соотношению затрат и результатов от производственно-хозяйственной деятельности);
- поэтапного (поэлементного) исследования (акцент делается на главные критерии, которые в совокупности определяют способность предприятия решать основные задачи, обеспечивают системный подход к структурированию составляющих потенциала предприятия).

Таким образом, на наш взгляд, оценить уровень использования экономического потенциала и конкурентоспособность предприятия можно с помощью формулы:

$$У_{эп} = \sum_{i=1}^{n} Б_{пр} З_{п}, \qquad (1)$$

где $Б_{пр}$ – балльная оценка перспектив роста i-го показателя из их n-ой совокупности, выбранной для оценки; $З_{п}$ – значимость i-го показателя для общей оценки перспектив роста.

Чем выше значение обобщающего коэффициента, тем лучше перспективы роста конку-

рентного статуса предприятия. Рост использования своих потенциальных возможностей для предприятия обусловливается не только высокими показателями использования внутренних возможностей (производственного потенциала), но и конкурентными возможностями, т.е. условиями внешней среды [5]. Влияние отдельных составляющих экономического потенциала может быть осуществлено на основе как отдельных показателей деятельности предприятия, так и интегрированных систем показателей, характеризующих в целом конкретный ресурс предприятия. Влияние внешней среды, по нашему мнению, может быть дано на базе использования следующей модели:

$$К_{вс} = \frac{K_1 K_3}{K_2}, \quad (2)$$

$$К_1 = Р_с Зк_с, \quad (3)$$

$$К_2 = Р_к Зк_к, \quad (4)$$

$$К_3 = Р_р Зк_р, \quad (5)$$

где $К_1$, $К_2$, $К_3$ – коэффициенты влияния спроса, условий конкуренции и источников ресурсов; $Р_с$, $Р_к$, $Р_р$ – прогнозный индекс роста спроса, условий конкуренции и источников ресурсов; $Зк_с$, $Зк_к$, $Зк_р$ – коэффициенты значимости, которые, соответственно, характеризуют степень влияния спроса, условий конкуренции и источников ресурсов на деятельность предприятия.

Определение параметров модели влияния внешней среды проводится аналогично исследованию внутренних перспектив роста предприятия.

Итак, диагностика экономического потенциала позволяет определить возможности по включению экономических ресурсов в сферу бизнеса для обеспечения наибольшего уровня рентабельности. Экономические ресурсы – факторы бизнеса, используемые собственниками средств производства и управленческим персоналом предприятия для выполнения целей хозяйствующего субъекта в динамичных рыночных условиях [6]. При этом возникают основные проблемы их оценки, такие как:

а) финансовый ресурс. Обеспеченность организации финансовыми ресурсами, необходимыми для предприятия с точки зрения его степени свободы, позволяет приобретать ресурсы и достигать оптимального размера экономических ресурсов, изначально отсутствующих у собственника средств производства. В то же время их оптимальный размер не будет одинаковым для разных сфер деятельности и определяется под воздействием множества факторов;

б) трудовой ресурс. Весь промышленно-производственный персонал организации с его знаниями, опытом и практическими навыками является основным проводящим и связующим звеном, соединяющим воедино все факторы данного бизнеса, обеспечивающим достижение целей бизнеса и решение его задач. Особую роль при этом будут играть количественный и качественный состав персонала организации, уровень его квалификации, его компетентность в рамках выполняемых трудовых функций, а также обеспеченность предприятия данным ресурсом с позиции норм труда;

в) информационно-технологический ресурс. Следует помнить, что информационное обеспечение организации в настоящее время становится наиболее ценным из ресурсов предприятия. Обеспеченность информацией, знание политической, социальной, экономической и экологической ситуации, рынков предприятия позволяет организации грамотно использовать свои экономические ресурсы. Информация технологического и технического характера, т.е. своего рода нематериальные активы предприятия, также участвует в образовании экономического потенциала и является залогом успешности организации в бизнесе. В данном случае актуальной становится оценка деятельности предприятий с позиции затрат и результатов;

г) производственный ресурс. На основе имеющихся у организации производственных возможностей решаются проблемы обеспечения предприятия оборудованием, необходимым (по мнению менеджеров предприятия), оптимальным (с точки зрения затрат и результатов) и доступным (исходя из имеющихся ресурсов). Оценка производственных возможностей, загрузка имеющихся мощностей предприятия будет лежать в основе данного анализа.

В заключение следует особо заострить внимание, что количество составляющих экономического потенциала предприятия может быть увеличено, так как цели и задачи, стоящие перед организацией, многообразны. К тому же на функционирование организации влияют внешние и внутренние факторы, которые постоянно меняют состав и силу своего влияния. В то же время количественное расширение составляющих эко-

номического потенциала при его диагностике в основном будет происходить за счет выделения из ранее перечисленных ресурсов организации. При этом потенциалы будут конкретизироваться, а их название будет содержать указание на цель, источником или средством достижения которой является данный потенциал.

Таким образом, экономический потенциал в целом и каждая его составляющая, вне зависимости от их количества, будут иметь форму выражения и резервы роста: резервы в виде запасов и резервы как возможности роста потенциала за счет эффективности его использования бизнесом.

Список литературы

1. Гехаева П.Т., Булгакова Л.Н. Методика оценки экономического потенциала региона // Современные научные исследования. 2008. № 3. С. 37.

2. Стрелкова Л.В., Макушева Ю.А., Кулаков С.И. Современные аспекты формирования экономического потенциала промышленных предприятий // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 21. С. 189.

3. Макушева Ю.А., Полякова Г.П. О проблемах функционирования регионально-экономической системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5(2). С. 138.

4. Черней О.Т., Макушева Ю.А., Полякова Г.П. Влияние инновационного потенциала региона на устойчивое развитие предприятий и организаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2(2). С. 177.

5. Макушева Ю.А., Кулаков С.И. Современные проблемы протекания инновационных процессов в российской экономике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(3). С.166.

6. Трофимов О.В., Парадеева И.Н. Анализ методических подходов к оценке инновационного потенциала малых экономических субъектов // Управление экономическими системами. Электронный интернет-журнал. 2013. № 10. http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2406-2013-10-07-12-53-32 (дата обращения: 15.01.2014).

7. Стрелкова Л.В., Полякова Г.П. Оценка влияния структурных трансформаций на потенциал региона // Вопросы статистики. 2013. № 1. С. 27.

SOME PROBLEMS OF DIAGNOSIS OF ORGANIZATIONS' ECONOMIC POTENTIAL

A.V. Bogatyrev, O.V. Trofimov, Yu.A. Makusheva

This article aims at identifying the problems that arise when assessing the economic potential. Possibilities for solving such problems with the use of point scoring approach are discussed. In our opinion, this assessment method is more appropriate, because it not only allows the owners of the means of production to assess their economic resources, but also provides information about the possibilities for using growth reserves.

Keywords: economic potential, potential assessment, potential diagnosis forms, management functions, methods for assessing the economic potential, corporate resources.

References

1. Gekhaeva P.T., Bulgakova L.N. Metodika otsenki ekonomicheskogo potentsiala regiona // Sovremennye nauchnye issledovaniia. 2008. № 3. S. 37.

2. Strelkova L.V., Makusheva Iu.A., Kulakov S.I. Sovremennye aspekty formirovaniia ekonomicheskogo potentsiala promyshlennykh predpriiatii // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia). 2009. № 21. S. 189.

3. Makusheva Iu.A., Poliakova G.P. O problemakh funktsionirovaniia regional'no-ekonomicheskoi sistemy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5(2). S. 138.

4. Chernei O.T., Makusheva Iu.A., Poliakova G.P. Vliianie innovatsionnogo potentsiala regiona na ustoichivoe razvitie predpriiatii i organizatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 2(2). S. 177.

5. Makusheva Iu.A., Kulakov S.I. Sovremennye problemy protekaniia innovatsionnykh protsessov v rossiiskoi ekonomike // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 3(3). S.166.

6. Trofimov O.V., Paradeeva I.N. Analiz metodicheskikh podkhodov k otsenke innovatsionnogo potentsiala malykh ekonomicheskikh sub"ektov // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. El-

ektronnyi internet-zhurnal. 2013. № 10. http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2406-2013-10-07-12-53-32 (data obrashcheniia: 15.01.2014).

7. Strelkova L.V., Poliakova G.P. Otsenka vliianiia strukturnykh transformatsii na potentsial regiona // Voprosy statistiki. № 1. S. 27. 2013.

УДК 657.47

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧНОСТИ ЗАТРАТ НА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СНАБЖЕНИЕ

© 2014 г.

И.Е. Мизиковский

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mossad1313@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Экономия ресурсов является признанной стратегией эффективности бизнеса, оптимальное управление затратами на снабжение – неотъемлемым элементом данной стратегии. В традиционной бухгалтерской практике принято «растворять» затраты данного класса в стоимости затрат на производство, что делает невозможной реализацию данной стратегии. В статье рассмотрены пути повышения транспарентности позиционирования затрат и способы реализации указанной выше экономической стратегии.

Ключевые слова: стратегия управленческой деятельности, стратегия экономичности затрат, материально-техническое снабжение, центр снабженческих затрат, элементы расходов, статьи затрат.

Поступательное развитие хозяйствующих субъектов в условиях рыночных отношений предполагает перманентное совершенствование приемов и способов управленческой деятельности. Одним из направлений реализации данной стратегии является обеспечение экономичности затрат на обычную деятельность, важной составляющей которых являются затраты на снабжение. Данный класс затрат производится для поддержания процесса приобретения, хранения и выдачи потребителю товарно-материальных ценностей с целью их дальнейшего использования.

Проведенные нами исследования показали, что на многих исследуемых предприятиях учет затрат на снабжение принято вести обезличенно, «растворять» в статьях материальных и управленческих расходов. Вполне очевидно, что данный подход противоречит принципам формирования качественной информационной базы принятия решений, создает условия для образования «зашумленных» сегментов в корпоративном управлении затратами и их результатами и, как следствие, нерегулируемости и бесконтрольности. Очевидно, что в таких условиях ни о каких режимах экономии не может быть и речи.

Однако реалии хозяйственной деятельности предприятий говорят об очевидной необходимости ликвидации данного «узкого места». В ходе исследований на ряде предприятий нам удалось собрать необходимые сведения о динамике стоимости затрат изучаемого направления. Анализ собранных материалов позволил прийти к выводу о наличии устойчивой тенденции увеличения их уровня. Так, на девяти предприятиях машиностроительной отрасли Нижегородской области средний рост затрат на заготовление ресурсов за 9 месяцев 2013 года составил 3.6%, в том числе транспортно-заготовительные расходы выросли на 7.2%. Эти темпы роста сравнимы с аналогичными показателями за те же периоды 2011 и 2012 годов, которые составили 2, 6 и 3, 2% соответственно. Рост слабо контролируемых расходов сам по себе представляет существенную опасность возникновения кризисных явлений.

Стратегия экономичности затрат требует повышения их управляемости в разрезе центров ответственности. Само понятие ответственности является важнейшим административным ресурсом и условием конструктивного управления, залогом его результативности. Как правило, в любой компании существует определенная степень децентрализации управления и делегирования полномочий исходя из принятой модели управления, организационной структуры и особенностей производственно-технологического процесса.

Центр ответственности можно определить как подразделение, руководитель которого несет персональную ответственность за результаты функционирования этого подразделения [1]. Центром снабженческих затрат на предприятии традиционно считается отдел материально-технического снабжения. Вместе с тем усложнение снабженческих процессов в условиях децентрализации управления предприятием мотивирует необходимость контроля затрат на снабжение не только в разрезе традиционно-

Таблица

Номенклатура калькуляционных статей затрат на снабжение предприятия товарно-материальными ценностями

№ п/п	Наименование статьи
1	Потери ТМЦ в пути в пределах естественной убыли
2	Контроль (аудит) качества заготавливаемых ТМЦ и транспортно-заготовительных работ
3	Транспортно-заготовительные работы
4	Текущий ремонт и эксплуатация складских зданий, сооружений, помещений, оборудования, транспортных средств и инвентаря
5	Аренда складских зданий, сооружений, помещений, оборудования, транспортных средств и инвентаря
6	Амортизация основных фондов снабжения
7	Содержание административно-управленческого персонала службы снабжения
8	Командировочные расходы
9	Использование услуг электронной коммерции и других интернет-ресурсов (за исключением электронной почты)
10	Консалтинговые услуги сторонних организаций
11	Услуги товарно-сырьевых, транспортных и таможенных брокеров
12	Представительские расходы
13	Услуги связи, в том числе электронной почты
14	Прочие расходы

го центра ответственности, но и в разрезе таких подразделений, как:

- специализированные снабженческие подразделения (представительства) предприятия в местах заготовления ТМЦ;
- аффилированные структуры, в функции которых входит выполнение снабженческих операций в интересах материнской компании;
- торговые площадки электронной коммерции;
- товарно-сырьевые, транспортные и таможенные брокеры, работающие по договору о сотрудничестве с предприятием в сфере его снабжения ТМЦ и т.д.

Учет и контроль затрат, как известно, традиционно ведется в разрезе статей и элементов затрат, поэтому немаловажное значение имеет оптимальное структурирование их номенклатуры статей. Исходя из материалов проведенных исследований, мы пришли к выводу, что информационное обеспечение управления затратами на снабжение целесообразно вести в разрезе калькуляционных статей, представленных в таблице.

К сожалению, на всех исследуемых предприятиях затраты на снабжение по элементам расходов не представлены, что, по нашему мнению, значительно снижает качество управления ими. Мы предлагаем следующую схему распределения затрат на снабжение ЗС по экономическим элементам:

$$ЗС = МЗ + ОТ + СН + А + Пр, \quad (1)$$

где МЗ – материальные затраты, ОТ – затраты на оплату труда, СН – отчисления на социальные нужды, А – амортизация, Пр – прочие затраты.

Экономический элемент «материальные затраты» в снабженческой деятельности включает стоимость вспомогательных материалов, запасных частей, топлива, электроэнергии и прочих ресурсов, расходуемых при проведении транспортно-заготовительных работ (ТЗР):

$$ТЗР = ВМ + ЗЧ + Т + Э + Пр1, \quad (2)$$

где ВМ – вспомогательные материалы, ЗЧ – запасные части, Т – топливо, Э – электроэнергия, Пр1 – прочие материальные затраты.

Кроме этого перечня, на стоимость данного элемента целесообразно отнести стоимость контроля качества, санитарного состояния ТМЦ; текущего ремонта и эксплуатации основных средств (складских зданий, сооружений, помещений, оборудования, транспортных средств и инвентаря и т.д.):

$$МЗ = ТЗР + К + С + РСЭОС, \quad (3)$$

где К – контроль качества, С – санитарный контроль, РСЭОС – ремонт и эксплуатация основных средств.

Экономический элемент «затраты на оплату труда» в снабженческой сфере аккумулирует затраты на заработную плату и премии вспомогательным рабочим, обслуживающим складские комплексы, и административно-управленческому персоналу, занятому в процессе снабжения, комиссионные выплаты коммерческим, таможенным, транспортным агентам (брокерам), торговым представителям, другим категориям внештатного персонала службы снабжения, работающим на условиях срочного договора с предприятием.

Уровень затрат, относимых к данному элементу, зависит от выплат исходя из тарифных

ставок и должностных окладов в соответствии с принятыми на предприятии формами оплаты труда; надбавок и доплат к тарифным ставкам и окладам, предусмотренных действующим законодательством и бюджетом предприятия; премий и вознаграждений по итогам работы и выслуге лет, выплат компенсационного характера и прочих выплат, включаемых в установленном порядке в фонд оплаты труда:

$$ОТ = В+Н+П+К+Прв, \quad (4)$$

где В – выплаты исходя из тарифных ставок и должностных окладов; П – премии и вознаграждения; К – компенсации; Прв – прочие выплаты, Н – надбавки и доплаты.

Экономический элемент «отчисления на социальные нужды» отражает установленные законом социальные выплаты с начисленной заработной платы снабженческого персонала. Экономический элемент «амортизация» включает сумму амортизационных отчислений на полное восстановление основных фондов, задействованных в снабженческом процессе. К экономическому элементу «прочие затраты» относят все те виды затрат, которые не вошли в вышеперечисленные элементы: арендные выплаты, представительские и командировочные расходы, плата за консалтинговые услуги и т.д.

Формирование информационной базы управления затратами на снабжение в рассмотренных разрезах позволит, по нашему мнению, в значительной степени повысить качество управления ресурсами, создать условия для введения режима экономии их формирования и использования.

Список литературы

1. Управленческий учет: официальная терминология / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, О.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.
2. Карпова Т.П. Управленческий учет: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 351 с.
3. Керимов В.Э. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник. 7-е изд., изм. и доп. М.: Издательский дом «Дашков и К°», 2009. 477 с.
4. Мизиковский Е.А., Мизиковский И.Е. Производственный учет М.: Магистр: Инфра-М, 2010. 272 с.
5. Мизиковский И.Е., Штефан М.А. Управленческий контроль хозяйственных рисков предприятий железнодорожного транспорта // Экономика железных дорог. Журн. для руководителей и финансово-экономических работников. 2010. № 8. С. 73–79.
6. Фомичев А.Н. Стратегический менеджмент. М.: Дашков, 2011. 347 с.
7. Акчурина Е.В., Солодко Л.П., Казин А.В. Управленческий учет: Учеб.-практ. Пособие. М.: ТК «Велби», Издательство «Проспект», 2006. 480 с.
8. Шеремет А.Д., Николаева О.Е., Полякова С.И. Управленческий учет: Учебник / Под ред. А.Д. Шеремета. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 429 с.
9. Хамидуллина Г.Р. Издержки обращения: учет, анализ, контроль. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Экзамен», 2004. 336 с.
10. Хорнгрен Ч.Т., Фостер Дж. Бухгалтерский учет: управленческий аспект: Пер. с англ. / Под ред. Я.В. Соколова. М.: Финансы и статистика, 2002. 416 с.
11. Хорнгрен Ч., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учет. 10-е изд.: Пер с англ. СПб.: Питер, 2007. 1008 с.

PROCUREMENT COST SAVING STRATEGY

I.E. Mizikovsky

Resource saving is an accepted strategy for business efficiency. Optimal control of supply costs is an essential element of this strategy. In traditional accounting practice, it is customart to "dissolve" the costs of this class in production costs, which makes it impossible to realize this strategy. The article discusses the ways to increase the transparency of costs positioning and the ways to implement the above-mentioned economic strategy.

Keywords: management strategy, cost saving, procurement, procurement cost center, cost elements, cost items.

References

1. Upravlencheskii uchet: ofitsial'naia terminologiia / Per. s angl. O.E. Nikolaevoi, O.V. Shishkovoi. M.: ID FBK-PRESS, 2004. 200 s.
2. Karpova T.P. Upravlencheskii uchet: Uchebnik dlia vuzov. M.: IuNITI-DANA, 2004. 351 s.
3. Kerimov V.E. Bukhgalterskii upravlencheskii uchet: Uchebnik. 7-e izd., izm. i dop. M.: Izdatel'skii dom «Dashkov i K°», 2009. 477 s.
4. Mizikovskii E.A., Mizikovskii I.E. Proizvodstvennyi uchet M.: Magistr: Infra-M, 2010. 272 s.
5. Mizikovskii I.E., Shtefan M.A. Upravlencheskii kontrol' khoziaistvennykh riskov predpriiatii zheleznodorozhnogo transporta // Ekonomika zheleznykh dorog. Zhurn. dlia rukovoditelei i finansovo-ekonomicheskikh rabotnikov. 2010. № 8. S. 73–79.

6. Fomichev A.N. Strategicheskii menedzhment. M.: Dashkov, 2011. 347 s.

7. Akchurina E.V., Solodko L.P., Kazin A.V. Upravlencheskii uchet: Ucheb.-prakt. Posobie. M.: TK «Velbi», Izdatel'stvo «Prospekt», 2006. 480 s.

8. Sheremet A.D., Nikolaeva O.E., Poliakova S.I. Upravlencheskii uchet: Uchebnik / Pod red. A.D. Sheremeta. 4-e izd., pererab. i dop. M.: IN-FRA-M, 2009. 429 s.

9. Khamidullina G.R. Izderzhki obrashcheniia: uchet, analiz, kontrol'. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo «Ekzamen», 2004. 336 s.

10. Khorngren Ch.T., Foster Dzh. Bukhgalterskii uchet: upravlencheskii aspekt: Per. s angl. / Pod red. Ia.V. Sokolova. M.: Finansy i statistika, 2002. 416 s.

11. Khorngren Ch., Foster Dzh., Datar Sh. Upravlencheskii uchet. 10-e izd.: Per s angl. SPb.: Piter, 2007. 1008 s.

УДК 159.922+65.016

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕНЕДЖЕРОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

© 2014 г.

Е.В. Коробейникова

Нижегородский НИИ радиотехники

jara7777@mail.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Исследуются эффективные менеджеры в условиях модернизации российской промышленности. Установлено, что на отечественных предприятиях требуется изменение организационной культуры в направлении рыночно-адхократического типа, как наиболее адекватного инновационной экономике. На основе эмпирических данных описан комплекс психологических характеристик менеджеров, эффективных в данных условиях, руководствуясь которым разработана и апробирована программа психологической подготовки менеджеров.

Ключевые слова: инновационность, эффективность менеджера, организационная культура, психологическая подготовка менеджеров.

Уже многие десятилетия Россия является безусловной частью современного глобального мира. Это предопределяет ее включенность в мировые трансформационные процессы и, как следствие, обусловливает важные изменения, связанные с переходом отечественной экономики на рыночные механизмы регулирования. На уровне отдельных организаций как основных хозяйствующих субъектов любой экономики это проявляется в виде постоянно идущих преобразований, при этом наибольшие сложности обнаруживаются именно при внедрении инноваций. Проводя анализ причин этих трудностей, эксперты-практики единодушно заявляют, что ключевая проблема в российском промышленном комплексе – это несоответствие качества менеджмента сложности стоящих перед ним задач. Наиболее отчетливо низкая эффективность управленческой деятельности проявилась в неспособности менеджеров обеспечить требуемый государством многократный рост производительности труда. В этой связи одним из ключевых шагов на пути модернизации президент РФ назвал создание целостной системы воспроизводства и обновления профессиональной элиты эффективных менеджеров.

До настоящего момента проведено много исследований, направленных на раскрытие личностных особенностей менеджера, достигающего высокой эффективности. Но большинство полученных в них данных описывают реалии менеджмента США и Великобритании, то есть стран с рыночной экономикой (В. Врум, В. Беннис и Б. Нанус, М. Мескон и др. [1–3]). При этом, с одной стороны, сам факт воздействия особенностей среды на эффективность субъекта управления (менеджера) признается большинством исследователей управленческого поведения, с другой же стороны, конкретные условия, в которых трудится менеджер, редко являлись предметом исследования. Наиболее значимым видится изучение разнотипных организационных культур (ОК), так как именно они представляются тем комплексным контекстом (одновременно организационным и социально-психологическим), в котором менеджер реализует свое трудовое и управленческое поведение. Как неоднократно подчеркивал в своих работах, посвященных изучению ОК, Э. Шейн [4], ОК содержит в себе установки, ценности, поведенческие образцы и ожидания членов организации.

Важное место среди работ по исследованию особенностей ОК занимает концепция К. Камерона и Р. Куинна [5]. В ней авторы однозначно определили: 1) разные организации могут быть эффективными, обладая специфическим типом ОК; 2) каждый тип ОК аккумулирует в конечном итоге менеджеров с определенным типом ценностей и детерминирует проявления личностных характеристик персонала, в том числе и управленческого, в формате поведенческих моделей определенного типа ОК.

Данные, полученные в этих исследованиях, не дают возможность в полной мере ответить на вопросы, которые ставят экономики переходного типа. В частности, при рыночных отношениях процессы саморегуляции воздействуют на

особенности ОК предприятия. И если менеджмент хозяйствующего субъекта способствует формированию определенной ОК, не считаясь при этом с вызовами конкурентной среды, ключевыми параметрами бизнеса, то такое предприятие будет уменьшать свою долю на рынке. При нерыночной системе отношений компания имеет возможность поддерживать свои позиции с помощью иных факторов: закрытости внутреннего рынка, поддержки государства и др. Как следствие, неэффективная при рыночных отношениях ОК может оставаться характерной для отечественной компании неопределенное время.

В связи с вышеизложенным высокую актуальность для реалий российской организационной психологии имеет практическая задача, направленная на разработку принципов и конкретных технологий психологической подготовки персонала, в первую очередь управленческого, мотивационно и компетентностно готового к работе при реализации перехода к инновационному пути развития.

Данные психологического анализа деятельности субъекта управления при внедрении организационных изменений отражены в таблице 1 [6, с. 437].

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования личностных особенностей субъектов управленческой деятельности, эффективных в разнотипных ОК [7], позволили с высокой статистической значимостью установить наличие комплекса психологических характеристик, свойственных менеджеру среднего звена в адхократической ОК с элементами рыночного типа. Данный комплекс был назван «Психологическая модель эффективного менеджера (ПМЭМ) по типу «Новатор». Для данной модели характерны следующие основные параметры:

1) в системе самоидентификации доминируют роли частного лица («Я – сейчас» – 47.7% и «Я – через 5 лет» – 45.2%); как известно, они важны для определения своего места в мире и осознания себя как члена социума;

2) в иерархии индивидуальных ценностей субъектов управления значимо преобладает ценность творческой деятельности, далее следует ценность достижения результата (причем индивидуального);

3) комплексная оценка работоспособности соответствует уровню выше среднего (у 73.3% исследованных субъектов), что выражается в высокой точности и надежности деятельности, средней продуктивности и выносливости выше среднего; также на протяжении рабочего дня у менеджеров установлено значимое повышение субъективной оценки настроения;

4) по данным оценочного центра, лидерство у исследованных субъектов было выявлено на уровне выше среднего (77.1% от максимальной) и при этом носило личностный характер;

5) управленческие решения в большинстве случаев характеризуются высокой открытостью и ответственностью; при этом решения, которые принимает сам менеджер, имеют более высокую эффективность по сравнению с решениями, которые он ожидает от коллег, руководства [8].

Следовательно, в ходе эмпирического изучения группы менеджеров среднего звена выявлено, что в ОК рыночно-адхократического типа, который является типичным для экономики в стадии инновационного развития, наибольшую эффективность в деятельности показывают менеджеры среднего звена с определенными характеристиками, имеющими выраженную психологическую природу. Таким образом, разработка принципов и технологий психологической подготовки субъектов среднего звена управления на основе установленного комплекса психологических характеристик способствует значительному росту эффективности их деятельности.

С целью практической реализации полученных данных была проведена разработка тренинговой программы «Эффективный менеджер: развитие личностных качеств и управленческих умений». Модули данной программы направлены на развитие психологических характеристик, востребованных в условиях адхократической ОК с элементами рыночного типа.

Описание программы психологической подготовки менеджеров

Цель программы – развитие психологических характеристик у субъектов, востребованных в адхократической ОК с элементами рыночного типа (ПМЭМ по типу «Новатор»). Основной результат реализации программы: подготовка субъектов, имеющих высокую психологическую пригодность к эффективной деятельности в условиях адхократической ОК с элементами рыночного типа. Программа базируется на рефлексивно-деятельностном подходе, который предполагает высокую активность в овладении управленческой деятельностью, осознанность в развитии психологических характеристик, рефлексивность мышления субъектов, участвующих в обучении. Технологически программа реализуется с

Таблица 1

Требования трудового поста менеджера к его личностным особенностям в условиях организационных изменений

Компоненты трудовой деятельности	Значимые характеристики трудового поста менеджера		
	В условиях относительной организационной стабильности	В условиях организационных изменений	Специфика требований к личностным качествам
Цель труда	Обеспечение некоторого должного хода социальных явлений, процессов (Е.А. Климов)	Обеспечение изменений в организационных подсистемах в определенном направлении	Приверженность не ценности стабильности, а ценности развития; изменения в системе личностных самоидентификаций: от специалиста и администратора к менеджеру
Предмет труда	Отдельные исполнители, социальные группы при соблюдении иерархичности их соподчинения (А.В. Карпов); полная и непротиворечивая информация о состоянии управляемой системы (Л.Н. Аксёновская)	Отдельные исполнители, социальные группы, которые испытывают изменения в формах поведения, мышления, чувствования, вызывающие состояние сопротивления (скрытого/явного); неполная, динамично изменяющаяся информация	Изменения в реализации управленческого стиля: от администрирования к лидерству; изменения в стиле принятия решений от закрытых с перекладыванием ответственности на более высокие уровни управления к открытым с личной ответственностью
Средства труда	Стандартные и нормативно закрепленные схемы принятия решений; организационная и вычислительная техника	Увеличение доли новых и нестандартных схем принятия решений	Приверженность ценностям развития и инновационности
Основные обязанности (трудовые функции)	Планирование: определение показателей деятельности в соответствии с существующими целями; низкая доля стратегического планирования. Организация: ориентация на обеспечение плавного хода работ с помощью известных методов и имеющихся ресурсов. Мотивация: создание для работников возможностей для удовлетворения их потребностей, при условии надлежащего выполнения ими своих обязанностей. Контроль: по стабильным формальным показателям	Планирование: ориентация на достижение долгосрочной цели развития и приведение оперативных задач в строгое соответствие с ней; важность стратегического планирования. Организация: неалгоритмический характер деятельности в условиях большого количества дефицитов; переход к реальной ненормированности рабочего дня. Мотивация: учет происходящей переоценки организационных и индивидуальных ценностей; необходимость проявления личной приверженности к внедряемым изменениям; формирование мотивации к инновационному поведению. Контроль: по показателям реальной результативности, увеличение доли самоконтроля и личной ответственности	Переход от ценности стабильности и ориентации на формальные показатели к приверженности ценности развития с ориентацией на организационную эффективность. Требования деловой обязательности, личной ответственности и высокой работоспособности. Модификация поведения работников лидерской демонстрацией необходимых моделей поведения

помощью пяти относительно самостоятельных модулей.

Модуль 1 «Эффективность управленческой деятельности менеджера» сосредоточен на формировании представлений о структуре управленческой деятельности и особенностях ее реализации в условиях существующей и формирующейся ОК; на анализе психологических детерминант, влияющих на эффективность управленческой деятельности.

В содержание данного модуля входят следующие темы: 1. Понятие управленческой деятельности и психологических детерминант, влияющих на ее эффективность. 2. ОК как основной организационно-психологический фактор, определяющий эффективность мене-

джера: структура, типология и закономерности изменения ОК. 3. Психологическая модель эффективного менеджера: компоненты модели, особенности модели в различных ОК. 4. Критерии эффективности управленческой деятельности в адхократической ОК с элементами рыночного типа.

Основные методы обучения, используемые в данном модуле: мини-лекции с применением таких приемов, как мозговой штурм, самостоятельный поиск определений и содержания понятий, схематизация понятий, вопросы к аудитории; использование диалогического общения на заданные темы.

Модуль 2 «Ценностные регуляторы поведения менеджера и особенности управленческих решений» направлен на рефлексию субъектами особенностей своей ценностной сферы, в том числе существующих стереотипов поведения и принятия решений, которые могут приводить к снижению их управленческой эффективности; ориентирован на актуализацию у субъектов потребности в пересмотре ценностных приоритетов в профессиональной сфере, исходя из доминирующих организационных ценностей формируемой ОК.

В содержание данного модуля входят следующие темы: 1. Индивидуальные ценности субъекта как базис для мотивационного обеспечения деятельности менеджера. 2. Индивидуальные ценности менеджера и их взаимосвязь с организационными ценностями. 3. Конфликт индивидуальных и организационных ценностей, пути его преодоления. 4. Принятие управленческого решения: характеристика процесса, основные факторы, влияющие на его эффективность, типология управленческих решений (по Л.Н. Захаровой [8]). 5. Основные методы и подходы к принятию решений в организации. 6. Существующие стереотипы в принятии решений как результат влияния неосознанных регуляторов поведения субъекта. 7. Развитие рефлексивности мышления как метод преодоления стереотипов в принятии решений.

Основные методы обучения, используемые в данном модуле: мини-лекции, практические занятия (решение проблемных ситуаций, ролевые и деловые игры).

Модуль 3 «Профессиональная идентичность менеджера» направлен на рефлексию субъектами структуры своей системы социальной самоидентификации, ориентирован на актуализацию у субъектов потребности в ее изменении, на проработку вариантов решений управленческих ситуаций с позиции различных ролей и анализ их последствий.

В содержание данного модуля входят следующие темы: 1. Понятие идентичности и особенности ее формирования в условиях современной действительности. 2. Основные элементы и механизмы развития идентичности. 3. Кризис идентичности и пути его преодоления. 4. Социальная идентичность менеджера – определение себя в терминах организационного членства, влияние особенностей ОК на социальную идентичность субъекта управления. 5. Особенности управленческой деятельности менеджера с позиции различных социальных ролей. 6. Доминирование профессиональной роли в идентичности менеджера как фактор его эффективности в адхократической ОК с элементами рыночного типа; способы развития профессиональной идентичности.

Основные методы обучения, используемые в данном модуле: мини-лекции, практические занятия (решение проблемных ситуаций, ролевые и деловые игры).

Модуль 4 «Организационное лидерство» сосредоточен на освоении механизмов изменения социально-психологического статуса субъекта в коллективе и управлении социально-психологической динамикой развития коллектива, а также на повышении уверенности в себе и своей профессиональной компетентности.

В содержание данного модуля входят следующие темы: 1. Понятие лидерства в менеджменте. 2. Ролевая структура группы и организационное лидерство. 3. Основные механизмы выдвижения лидера. 4. Адаптация: взаимосвязь стиля лидерства и особенностей ОК организации. 5. Методы воздействия: специфика различных методов воздействия, мотивирующие и демотивирующие факторы воздействия.

Основные методы обучения, используемые в данном модуле: мини-лекции, практические занятия (решение проблемных ситуаций, ролевые и деловые игры).

Модуль 5 «Работоспособность менеджера» направлен на рефлексию субъектами особенностей собственного функционального состояния, динамики его изменения в период работы; на освоение практических приемов поддержания требуемого уровня работоспособности в течение длительного времени как на субъективном, так и на психофизиологическом уровне; на развитие способности к саморегуляции.

В содержание данного модуля входят следующие темы: 1. Работоспособность и индивидуальные различия. 2. Факторы работоспособности: физический и психический статус, социальные и социально-психологические

Таблица 2

Результаты диагностики менеджеров среднего звена и сотрудников из управленческого резерва, прошедших обучение

Показатели диагностики		Результаты диагностики менеджеров и сотрудников	
		До прохождения обучения	После прохождения обучения
Тип психологической модели эффективного менеджера (ПМЭМ)		Тип «Диктатор» с частью компонентов по типу «Новатор» (в ценностной составляющей)	Тип «Новатор»; есть значимые корреляции между компонентами ПМЭМ (r_s от 0.38* до 0.49**)
Иерархия индивидуальных ценностей		Результат	Творчество ($T_{эмп}$=243.0; p<0.01)
		Творчество	Результат
		Отношения	Мораль
		Мораль	Отношения ($T_{эмп}$=215.0; p<0.01)
Особенности системы социальной самоидентификации	Доминирующие социальные роли	В актуальной оценке – семейные; в перспективной – семейные и профессиональные роли	В актуальной и перспективной оценке – роли частного лица
	Наличие проф. ролей	В актуальной оценке – от 20.0%; в перспективной оценке – от 45.2%	В актуальной оценке – 24.5%; в перспективной оценке –32.1%
Особенности принимаемых управленческих решений	Преоблад. тип решений	«Уклонист», «Безответственный»	«Эффективный менеджер»
	Наличие открытых и ответственных решений	11.7%	38.5% ($T_{эмп}$ от 198.0** до 303.0*)
Организационное лидерство		От уровня ниже среднего до среднего; лидерство ситуативное; самооценка лидерства соответствует экспертной оценке	От уровня выше среднего до высокого ($T_{эмп}$ от 147.0** до 151.0**); лидерство личностное; самооценка лидерства соответствует экспертной оценке
Работоспособность		Средний уровень точности, выносливости; выше среднего уровень продуктивности; к концу трудового дня снижается уровень активности ($T_{эмп}$ от 234.0* до 238.5*)	Высокий уровень точности и надежности деятельности, выносливость выше среднего и средняя продуктивность ($T_{эмп}$ от 186.5** до 265.0*); работоспособность в течение трудового дня стабильна
Предпочитаемые изменения в ОК «ННИИРТ»		Увеличение значимости адхократического типа только в некоторых компонентах ОК	Увеличение значимости рыночного и адхократического типа на фоне существенного уменьшения значимости бюрократического типа во всех компонентах ОК
Степень психологической пригодности к эффективной управленческой деятельности в условиях адхократической ОК с элементами рыночного типа		Годны (условно отвечают выдвигаемым требованиям)	Полностью пригодны (способны взять на себя роль агентов изменений)

**p<0.01; *p<0.05 (значимость коэффициента корреляции r_s Спирмена и T-критерия Вилкоксона).

факторы. 3. Закономерности изменения работоспособности в течение периода работы. 4. Практические приемы развития внимания, памяти, саморегуляции. 5. Практические приемы планирования профессиональной деятельности и постановки целей.

Основные методы обучения, используемые в данном модуле: мини-лекции, практические занятия (решение проблемных ситуаций, ролевые и деловые игры).

Мониторинг эффективности реализации программы осуществляется с помощью методики «Конфликтные ситуации» Л.Н. Захаровой; методики «20 ответов» М. Куна, Т. Макпартленда; теста «Способность к лидерству» Р.С. Немова; теста «САН», разработанного В.И. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, М.П. Мирошниковым и В.Б. Шарай; теста Э. Ландольта, методики диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна.

Апробация модульной тренинговой программы

Апробация представленной программы проведена в 2010–2012 гг. на крупном промышленном предприятии Нижнего Новгорода, который относится к радиоэлектронной промышленности – типичной отрасли для Нижегородского региона. Среднесписочная численность персонала предприятия – 3500 чел. В анализируемый период данное предприятие находилось в процессе организационных изменений, которые отразились, в том числе, на уровне ОК – в виде перехода от бюрократически-адхократической ОК к рыночно-адхократической.

В апробации программы приняли участие: 38 чел. – менеджеры среднего звена в возрасте от 25 до 60 лет (мужчин – 25 чел., женщин – 13 чел.); 43 чел. – сотрудники, зачисленные в управленческий кадровый резерв среднего звена, в возрасте от 25 до 50 лет (мужчин – 29 чел., женщин – 14 чел.). По итогам предварительной диагностики у данной группы испытуемых выявлен психологический профиль, соответствующий ПМЭМ по типу «Диктатор» с частью компонентов по типу «Новатор» (в ценностной составляющей). Данный тип менеджеров наиболее эффективен в бюрократической ОК с элементами адхократического типа.

По итогам прохождения обучения выявлено, что у большинства испытуемых (у 84% менеджеров из группы Б и 60% сотрудников из управленческого резерва) имеют место значимые изменения в психологических характеристиках, направленные на повышение их психологической пригодности к эффективной деятельности в условиях адхократической ОК с элементами рыночного типа (табл. 2). Также прохождение обучения способствовало существенному повышению предпочтительности установления на предприятии рыночно-адхократической ОК у данных испытуемых.

Кроме того, дополнительно прошли обучение испытуемые (8 чел. – менеджеры среднего звена, 28 чел. – сотрудники со статусом «Кандидат в резерв»), у которых в ходе предварительной диагностики выявлен психологический профиль, соответствующий ПМЭМ по типу «Диктатор» с частью компонентов по типу «Наставник». Данный тип менеджеров наиболее эффективен в бюрократической ОК с элементами кланового типа.

Выявлено, что в психологическом профиле указанной дополнительной группы испытуемых имеют место изменения, но они не являются статистически значимыми. Так, обнаружено повышение ответственности в решениях, рост уровня самооценки лидерства и несущественное возрастание значимости ценности результата.

Следовательно, результаты прохождения модульной программы показали, что необходимым базисом для статистически значимого повышения психологической пригодности испытуемых к эффективной деятельности в новых организационно-психологических условиях является изначальное присутствие у них определенной ценностной иерархии. В данном случае речь идет о необходимом доминировании ценностей творчества и результата, что характерно для ПМЭМ по типу «Новатор». Доминирование этих ценностей выявлено в ценностной иерархии испытуемых из основной группы и не выявлено в ценностной иерархии испытуемых из дополнительной группы.

Выводы

1. На уровне экспертов-практиков в сфере менеджмента и исследователей в области организационной психологии однозначно определено, что российским предприятиям необходимо целенаправленное изменение ОК в направлении рыночно-адхократического типа, как отвечающего в максимальной степени требованиям экономики инновационного развития.

2. Наибольшую эффективность в требуемых организационно-психологических условиях проявляют менеджеры среднего звена управления, обладающие определенным комплексом психологических характеристик по типу «Новатор». Элементами данного комплекса являются психологические характеристики социальных ролей, индивидуальных ценностей, принимаемых управленческих решений, работоспособности, лидерства.

3. Разработка принципов и технологий психологической подготовки субъектов среднего звена управления на основе установленного комплекса психологических характеристик способствует значительному росту эффективности их деятельности. При этом следует учитывать, что необходимым базисом для статистически значимого повышения психологической пригодности испытуемых к эффективной деятельности в новых организационно-психологических условиях является изначальное присутствие у них определенной ценностной иерархии. В случае перехода к рыночно-адхократической ОК речь идет о необходимом доминировании ценностей творчества и индивидуального результата.

5. Применение представленной психологической модели эффективного менеджера для психологической подготовки управленческих команд позволяет наиболее быстро обеспечить переход компании на новый уровень развития и способствует личностному совершенствованию субъектов управления.

Список литературы

1. Bennis W., Nanus B. Leaders: the strategies for taking change. New York: Harper Business, 1997. 256 p.

2. Caldwell R. Change leaders and change managers: different or complementary? // Leadership & Organization Development Journal. 2003. V. 24. № 5. P. 285–293.

3. Graetz F. Managing organizational change: a philosophies of change approach. London: Henry Stewart Talks Ltd., 2009. 424 p.

4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2007. 336 с.

5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

6. Захарова Л.Н., Коробейникова Е.В. Проблема отбора и психологической подготовки менеджеров в условиях перехода предприятий на инновационный путь развития // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 435–438.

7. Захарова Л.Н., Коробейникова Е.В. Личностные характеристики менеджеров, успешных в организационных условиях разного типа // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 17. С. 34–38.

8. Захарова Л.Н. Психологические стереотипы в управлении как барьеры социально-экономического развития России // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 2. С. 90–96.

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF MANAGERS IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

E.V. Korobeynikova

This article presents some results of research on the effectiveness of managers in the context of modernization of the Russian industry. Organizational culture of domestic enterprises needs to be changed in the direction of the market-adhocratic type, which is the type most adequate to innovation economy. Based on empirical data, we describe a set of psychological characteristics of managers that are effective in these conditions. This set has provided the basis for the guidelines for developing and testing a program for psychological training of managers.

Keywords. innovation, manager's efficiency, organizational culture, psychological training of managers.

References

1. Bennis W., Nanus B. Leaders: the strategies for taking change. New York: Harper Business, 1997. 256 p.

2. Caldwell R. Change leaders and change managers: different or complementary? // Leadership & Organization Development Journal. 2003. V. 24. № 5. P. 285–293.

3. Graetz F. Managing organizational change: a philosophies of change approach. London: Henry Stewart Talks Ltd., 2009. 424 p.

4. Shein E. Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo. SPb.: Piter, 2007. 336 s.

5. Kameron K., Kuinn R. Diagnostika i izmenenie organizatsionnoi kul'tury. SPb.: Piter, 2001. 320 s.

6. Zakharova L.N., Korobeinikova E.V. Problema otbora i psikhologicheskoi podgotovki menedzherov v usloviiakh perekhoda predpriiatii na innovatsionnyi put' razvitiia // Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniia. Chast' 2 / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. S. 435–438.

7. Zakharova L.N., Korobeinikova E.V. Lichnostnye kharakteristiki menedzherov, uspeshnykh v organizatsionnykh usloviiakh raznogo tipa// Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia). 2011. № 17. S. 34–38.

8. Zakharova L.N. Psikhologicheskie stereotipy v upravlenii kak bar'ery sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossii // Problemy teorii i praktiki upravleniia. 2008. № 2. S. 90–96.

УДК 332.13

КЛАСТЕРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ЭКОНОМИКЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г.

Ю.В. Максимов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mciqre@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Целью статьи является рассмотрение современного состояния и перспектив развития территориальных кластеров. В рамках достижения данной цели дана оценка потенциальных кластеров в соответствии со сложившейся специализацией и имеющихся конкурентных преимуществ. Проведен количественный анализ кластеризации субъектов ПФО. На основе результатов анализа сделаны выводы и даны предложения по совершенствованию механизма организационной поддержки развития кластеров в Нижегородской области.

Ключевые слова: кластерные инициативы, потенциал кластеризации, центр кластерного развития, концепция кластерной политики.

Повышение конкурентоспособности посредством кластерных инициатив становится базовым элементом стратегий развития подавляющего большинства стран. Согласно «Зеленой книге кластерных инициатив» (Cluster Initiative Green book) «кластерные инициативы: организованные усилия для увеличения роста и конкурентоспособности кластера в регионе с участием фирм кластера, правительства и научного сообщества» [1].

При этом основными инициаторами выступают правительства и совместно бизнес и государство (67%), а финансирование кластерных инициатив более чем наполовину (54%) осуществляется государством [1]. Преимущественно кластерные инициативы направлены на поддержку существующих потенциальных территориальных кластеров.

С учетом зарубежного опыта в Российской Федерации Концепцией долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года предусматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территории, формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров в европейской и азиатской частях России [2]. Наряду с этим в целях формирования методологической базы поддержки кластерных инициатив в регионах Минэкономразвития России разработаны методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [3].

В соответствии с методическими рекомендациями по реализации кластерной политики в субъектах «территориальные кластеры (далее – кластеры) – объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг» [3]. При этом в Российской Федерации выделяются с учетом отраслевой специфики шесть типов кластеров (табл. 1).

Согласно базе данных, представленной на сайте Минэкономразвития РФ, в Нижегородской области действуют три типа кластеров: дискретный, процессный и инновационный. Эти кластеры сформированы вокруг таких направлений, как IT-технологии, автомобилестроение и химическое производство. Однако официально закреплены на федеральным уровне и получают финансовую поддержку только два кластера – Саровский инновационный кластер и Нижегородский индустриальный инновационный территориальный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии.

В регионе есть предпосылки и условия для создания и развития практически всех типов существующих и потенциальных кластеров на основе исторически сложившейся специализации отраслей экономики и имеющихся конкурентных преимуществ.

В соответствии со специализацией региона, помимо уже существующих двух кластеров, в Нижегородской области также могут быть сформированы кластеры и по таким видам экономической деятельности, как производство кожи, изделий из кожи и производство обуви;

Таблица 1

Классификация кластеров

Тип кластера	Отраслевая специфика
Дискретные кластеры	Предприятия автомобилестроения, авиационной промышленности, судостроения, двигателестроения, иных отраслей машиностроительного комплекса, а также организации строительной отрасли и производства строительных материалов
Процессные кластеры	Предприятия химической, целлюлозно-бумажной, металлургической отрасли, сельское хозяйство, пищевая промышленность и другие
Инновационные и «творческие» кластеры	Информационные технологии, биотехнологии, новые материалы, секторы услуг, связанные с осуществлением творческой деятельности (кинематография и др.)
Туристические кластеры	Предприятия различных секторов, связанных с обслуживанием туристов (туристические операторы, гостиницы, предприятия общественного питания, производители сувенирной продукции, транспортные предприятия и др.)
Транспортно-логистические кластеры	Организации и компании, специализирующиеся на хранении, сопровождении и доставке грузов и пассажиров (организации, обслуживающие объекты портовой инфраструктуры, компании, специализирующиеся на морских, речных, наземных, воздушных перевозках, логистические комплексы и др.)
Смешанные	Сочетание признаков нескольких типов кластеров

производство кокса и нефтепродуктов; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; транспорт и связь. Остальные кластеры являются потенциальными.

Кластер по производству кожаных изделий может быть сформирован на базе города Богородска. Богородск — город кожевников, широко известный старинный промышленный центр Нижегородской области.

Производство кокса и нефтепродуктов является одним из основных видов обрабатывающих производств в Нижегородской области. Основная доля в объёме отгрузки обрабатывающих производств в январе–декабре 2010 года пришлась именно на этот вид производства (29.9% от общей отгрузки по обработке). Продукция, выпускаемая предприятиями данного вида деятельности, не только востребована на внутреннем рынке, но и составляет значимую часть экспорта Нижегородской области.

Металлургическая промышленность в Нижегородской области специализируется на производстве готовых металлических изделий. Производство труб – ведущее направление нижегородской металлургии. Только для нефтегазопроводов нижегородская металлургическая промышленность производит около 25% от общего объема рынка российских труб.

Считается также, что в Нижегородской области имеются все предпосылки для создания биомедицинского кластера. На территории Нижегородской области уже функционируют компании – потенциальные резиденты кластера. Следует отметить, что соглашение о создании в регионе биомедицинского кластера было подписано в рамках Международного бизнес-саммита губернатором Нижегородской области и ректором ННГУ имени Лобачевского.

Уникальное географическое положение Нижегородской области является хорошей предпосылкой для формирования потенциального транспортно-логистического кластера.

В конце 2011 – начале 2012 года на территории области начата разработка программы развития кластера, направленного на обеспечение производства мяса птицы. Реализация данного кластера предполагается на базе ООО УК «Русское поле».

На территории Нижегородской области также создается туристический кластер. Поддержка проекта создания данного кластера включена в ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 годы» с запланированным объемом финансирования из федерального бюджета 80 млн рублей.

Перспективы кластерного развития Нижегородской области связаны и с созданием межрегионального ядерно-энергетического кластера. Основу кластера составляют предприятия Нижегородской и Владимирской областей Приволжского федерального округа. Кластер относится к инновационному типу и охватывает та-

Таблица 2

Распределение кластеров по субъектам ПФО

Республика Башкортостан	2
Республика Марий Эл	2
Республика Татарстан	4
Удмуртская республика	5
Чувашская республика	5
Республика Мордовия	6
Пермский край	8
Нижегородская область	*3*
Кировская область	6
Оренбургская область	7
Пензенская область	1
Самарская область	8
Саратовская область	3
Ульяновская область	6
ИТОГО	66

Источник: http://cluster.hse.ru/institutes

кие виды деятельности, как инжиниринг сложных инженерных объектов, атомное машиностроение и энергетика и энергосбережение.

Значимым инструментом организационной поддержки развития кластеров является содействие формированию центров кластерного развития для субъектов малого и среднего предпринимательства, которые могут создаваться субъектами Российской Федерации и получать поддержку в рамках Программы поддержки малого и среднего предпринимательства.

Согласно Приказу Минэкономразвития России от 24.04.2013 г. № 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации» (п. 5.2.2.1.1) предусматривается создание и обеспечение деятельности центров кластерного развития для субъектов малого и среднего предпринимательства (ЦКР) в целях содействия принятию решений и координации проектов, обеспечивающих развитие кластеров, в том числе инновационных территориальных кластеров, и кооперационное взаимодействие участников кластеров между собой [4].

В соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года предполагается к 2016 году создать 30 функционирующих более 2 лет центров кластерного развития в субъектах Российской Федерации [5].

К настоящему времени центры кластерного развития сформированы в 6 субъектах ПФО – Татарстане, Башкортостане, Пермском крае, Пензенской, Самарской и Ульяновской областях. Как результат – высокая кластерная активность в большинстве этих регионов (табл. 2).

Таким образом, первое место по количеству кластеров в ПФО поделили Пермский край и Самарская область. То, что Самарская область занимает первое место по количеству кластеров – не случайно, так как она стала первым регионом России, использующим кластерный подход, на основе которого разработана областная стратегия развития на ближайшие годы. В регионе развиваются кластеры, деятельность которых связана с разными отраслями промышленности.

В этой связи одним из наиболее важных механизмов поддержки кластеров в Нижегородской области может стать создание регионального центра кластерного развития. Целью организации такого рода центра является активизация кластерных инициатив в Нижегородской области.

В сферу деятельности ЦКР входят разработка и оказание различного рода поддержки (информационной, консультативной, методической, организационной) программ развития действующих и создаваемых кластеров на тер-

ритории области; обеспечение межкластерного взаимодействия, мониторинг состояния развития территориальных кластеров; содействие участникам кластеров в получении адресной поддержки кластерных проектов, разработка рекомендаций по осуществлению кластерной политики в Нижегородской области. В конечном итоге реализация всех этих направлений деятельности будет способствовать повышению конкурентоспособности, активизации инвестиционной деятельности и обеспечению экономического роста региона.

Одним из важнейших условий функционирования ЦКР является его тесное сотрудничество с исследовательскими и научно-образовательными учреждениями. В Нижегородском университете им. Н.И. Лобачевского на протяжении ряда лет ведутся исследования по кластерной проблематике. В частности, теоретико-методическим аспектам развития кластеров в высокотехнологичных отраслях, оценки эффективности стратегического взаимодействия и кооперации предприятий посвящены работы Ю.В. Трифонова и М.Л. Горбуновой [6–8].

Проработка вопроса о создании в регионе центра кластерного развития должна осуществляться в рамках концепции кластерной политики региона. Первая концепция кластерной политики на региональном уровне была разработана и утверждена в 2009 году правительством Ярославской области. На сегодняшний день такая концепция существует и в ряде других регионов (Ульяновская область, Воронежская область и др.). Необходимо отметить, что Нижегородская область уже проводит активную кластерную политику, но ее концепция до сих пор так и не разработана.

Для повышения эффективности проведения кластерной политики в Нижегородской области назрела необходимость разработки концепции кластерной политики, определяющей приоритетные направления деятельности органов исполнительной власти по формированию кластеров на территории региона. Целью кластерной политики является повышение роста и конкурентоспособности региональной экономики на основе реализации кластерных инициатив путем согласованных действий органов исполнительной власти, хозяйствующих субъектов, учебных заведений и научных организаций.

Список литературы

1. Solvell O., Lindqvist G. & Ketels C. The Cluster Initiative Green book, 2003.

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. 2008. URL: http://www.edqu.ru/upload/iblock/d08/3.1.2009.14.pdf.

3. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (подписаны заместителем министра экономического развития Российской Федерации А.Н. Клепачем от 26.12.2008 г. № 20636-АК/Д19).

4. Приказ Минэкономразвития России от 24.04.2013 № 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации».

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.».

6. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Об оценке эффективности экономического взаимодействия поставщиков и потребителей машиностроительной продукции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2005. № 1. С. 454–459.

7. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Генезис кластеров в высокотехнологичных отраслях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5–1. С. 253–259.

8. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Методика анализа эффективности межфирменной кооперации при разработке новых комплектующих // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 8. С. 2–6.

CLUSTER INITIATIVES IN THE ECONOMY OF THE NIZHNI NOVGOROD REGION

Yu.V. Maksimov

The aim of this article is to examine the current situation and prospects of regional clusters development. Taking into account the current specialization and existing competitive advantages, an assessment of potential clusters was made. A quantitative analysis of clustering in the regions of the Volga Federal District was performed. Based on the results of the analysis, some conclusions and proposals were made to improve the mechanism of institutional support for the development of clusters in the Nizhni Novgorod region.

Keywords: cluster initiatives, clusterization spotential, centre of cluster development, cluster policy concept.

References

1. Solvell O. Lindqvist G. & Ketels C. The Cluster Initiative Green book, 2003.

2. Kontseptsiia dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. 2008. URL: http://www.edqu.ru/upload/iblock/d08/3.1.2009.14.pdf.

3. Metodicheskie rekomendatsii po realizatsii klasternoi politiki v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii (podpisany zamestitelem ministra ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii A.N. Klepachem ot 26.12.2008 g. № 20636-AK/D19).

4. Prikaz Minekonomrazvitiia Rossii ot 24.04.2013 № 220 «Ob organizatsii provedeniia konkursnogo otbora sub"ektov Rossiiskoi Federatsii, biudzhetam kotorykh v 2013 godu predostavliaiutsia subsidii iz federal'nogo biudzheta na gosudarstvennuiu podderzhku malogo i srednego predprinimatel'stva sub"ektami Rossiiskoi Federatsii».

5. Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabria 2011 g. № 2227-r «O Strategii innovatsionnogo razvitiia RF na period do 2020 g.».

6. Trifonov Iu.V., Gorbunova M.L. Ob otsenke effektivnosti ekonomicheskogo vzaimodeistviia postavshchikov i potrebitelei mashinostroitel'noi produktsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2005. № 1. S. 454–459.

7. Trifonov Iu.V., Gorbunova M.L. Genezis klasterov v vysokotekhnologichnykh otrasliakh // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 5–1. S. 253–259.

8. Trifonov Iu.V., Gorbunova M.L. Metodika analiza effektivnosti mezhfirmennoi kooperatsii pri razrabotke novykh komplektuiushchikh // Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika. 2011. № 8. S. 2–6.

УДК 332.14

НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г.

Н.В. Веселова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Veselovv@gmail.com

Поступила в редакцию 06.11.2014

Излагаются подходы к выбору направлений структурных преобразований в экономике, обосновывается необходимость проведения структурной политики на региональном уровне. Рассмотрены модели структурных преобразований в экономике, и выдвинуты предположения их использования в экономике Нижегородской области.

Ключевые слова: структурные преобразования, структурная политика, показатели, определяющие структуру промышленного производства.

Экономическая наука уже долгий период времени изучает проблемы, характер и направления структурных преобразований на разных экономических уровнях. Неугасающая актуальность данного исследования, на наш взгляд, заключается в том, что постоянное изменение абсолютных показателей характеризует только внешние изменения в экономике, а изменения структуры показывают внутреннее содержание процесса.

Подтверждением этому может служить цитата ведущего ученого в данной области д.э.н., академика РАН О.С. Сухарева: «Анализ структурной политики, её предназначение среди видов правительственных воздействий на экономику приобрели такое значение, что теперь вполне справедливо говорить о формировании экономической теории структурных изменений, которая располагает собственным терминологическим аппаратом» [1].

Структурные изменения представляют собой изменение соотношения элементов системы, поэтому при проведении исследования нужно четко определить содержание трех базовых понятий: системы, структуры и функции. Под системой целесообразно понимать «экономическую систему» Нижегородской области, под структурой – отраслевую, размерную, институциональную и технологическую структуру промышленности региона, а под функцией – способ реализации системой той цели, для которой она создана, т.е. увеличение ВРП и рост качества жизни.

Работая уже много лет над проблемой структурных преобразований, мы каждый раз находим дополнительные факторы, влияющие на формирование сбалансированной структуры промышленности. Вследствие действия закона ограниченности ресурсов (производственные, финансовые и трудовые ресурсы ограниченны) нахождение правильной пропорции в их распределении является одной из ключевых задач в теоретическом и практическом аспекте исследования.

Сегодня, на наш взгляд, при формировании сбалансированной структуры промышленного производства следует учитывать фактор открытости экономики, обусловленный вступлением России в ВТО. Причем следует отметить, что это касается не только макроуровня, но и уровня региональной экономики.

Выбор направления структурных преобразований для любого хозяйствующего субъекта остается одной из самых актуальных проблем на любом экономическом уровне (макро-, мезо- и микроуровне). На наш взгляд, на сегодняшний момент существует два основных вопроса, которые требуют решения, – во-первых, какой вид структуры экономики взять за основу (отраслевую, размерную, технологическую или воспроизводственную) и, во-вторых, какую модель структурных преобразований экономики принять за базовую.

Продолжительный период времени работы над данной проблемой привел нас к выводу, что государство должно принимать непосредственное участие при формировании прежде всего отраслевой структуры экономики, в то время как другие виды структуры промышленности (например, институциональная, размерная, внешнеэкономическая) формируются в большей степени «самим рынком».

Каждый регион обладает своими особенностями, и поэтому общих рецептов при опреде-

лении направлений структурной политики не существует, но надо стремиться к определению внутренних отраслевых пропорций, влияющих на прогрессивное развитие экономики и промышленности в целом.

Нижегородская область является одним из крупнейших индустриальных регионов России с высокой долей перерабатывающей промышленности, и поэтому структурные изменения промышленного производства, имея общие тенденции с общероссийскими, обладают рядом отличительных особенностей. При выявлении особенностей структуризации важное место принадлежит анализу и оценке природно-экономических условий региона – его обеспеченности сырьевыми, топливно-энергетическими, трудовыми ресурсами, а также степени их использования в региональной экономике. Начиная с 2006 года структура промышленности Нижегородской области не подвергается существенным изменениям. Доминирующее положение устойчиво занимает вид экономической деятельности (ВЭД) – производство кокса и нефтепродуктов (доля которого в общем объеме промышленного производства составляет около 30%), второе место удерживает металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (чуть более 20%) и третье место уверенно принадлежит производству транспортных средств и оборудования (около 15%).

Эконометрическое исследование, проведенное в рамках данной статьи, выявило, что даже однопроцентное изменение в структуре промышленности оказывает влияние на валовый региональный продукт (ВРП). По результатам проведенного анализа было установлено, что наибольшее влияние на изменение ВРП Нижегородской области оказывает изменение доли выпуска химического производства и производства кокса и нефтепродуктов, на втором месте изменение доли металлургического производства.

Таким образом, при выборе направлений структурных преобразований в промышленности мы предлагаем использовать отраслевую и секторную структуру экономики (промышленности).

Исследуя второй вопрос – выбор модели структурных изменений, – мы предлагаем рассмотреть три основные модели, зарекомендовавшие себя в ряде ведущих экономик мира.

1. Модель импортозамещения. Предполагает создание, стимулирование и поддержание региональных производителей промышленной продукции для насыщения внутреннего рынка при ограничении реализации импортной продукции на территории страны.

Реализация данной модели возможна, если в регионе имеются трудовые ресурсы, полезные ископаемые, внутренние источники инвестиций. Оптимальным при данной модели является формирование полного цикла производства готовой (или конечной) продукции в стране (или группе регионов).

2. Модель экспортоориентирования. Предполагает развитие «локомотивов» или «точек роста» в экономике посредством системы преференций (реализуемой посредством налоговых и таможенных льгот, льготного кредитования предприятий-экспортеров, поддержки низкого валютного курса и создания других благоприятных условий для их функционирования и развития). Реализация данной модели возможна только при консолидации усилий федеральных и региональных властей.

3. Инновационная модель. Предполагает становление и развитие наукоемкой, ресурсосберегающей экономики за счет развития высокотехнологичных производств новейших товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, основанных на разработке, применении наукоемких и капиталоемких производств, формирующих новые рынки сбыта внутреннего и мирового уровней.

Для реализации конкретной модели, на наш взгляд, необходимы:

1. Определение на общероссийском и мировом рынке наиболее востребованных товаров и услуг.

2. Оценка реальных возможностей региона по созданию соответствующих производств, возможности участия в конкуренции с действующими производителями как в ценовом аспекте, так и по качественным характеристикам товара.

В связи с этим считаем целесообразным исследовать секторную структуру экспорта и импорта товаров и услуг, для этого предлагаем выделить 4 сектора экономики: энергосырьевой, инновационно-инвестиционный, потребительский и инфраструктурный. Используем следующую формулу для исследования экспорта:

$$S_1 = \sum_{i=1} S_{it} \times 100\%, \qquad (1)$$

где S_1 – секторная структура экспорта, S_{it} – доля i-го экспортируемого товара или услуги в период t в общем объеме регионального экспорта товаров и услуг (расчеты представлены в табл. 1).

Таблица 1

Ранжированная структура экспорта товаров и услуг в Нижегородской области, % (расчеты автора)

	2000	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Темп роста за 2006–2012 гг.
Энергосырьевой сектор	***44***	***33.5***	***41.4***	***45.5***	***69.9***	***58.1***	***79.3***	***75.84***	***71.8***	***226.37***
1. Минеральные продукты	13.8	16.88	26.39	24.97	13.69	38.84	68.24	67.4	64.8	399.28
2. Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	24.9	8.2	6.6	7.16	7.18	6.06	2.95	3.35	3.34	40.85
3. Металлы и изделия из них	5.2	8.4	8.32	13.09	48.86	12.86	7.92	5.0016	3.515	59.542
4. Кожевенное сырье	0.1	0.031	0.07	0.3	0.16	0.34	14	0.0845	0.176	272.72
Инновационно-инвестиционный		***59***	***51.9***	***48.4***	***26.15***	***37.5***	***18.4***	***21.5***	***–***	***36.45***
1. Машины, оборудование и транспортные средства	33	41.98	35.6	34.05	16.59	24.38	11.6	14.109	14.89	33.60
2. Продукция химического производства	18.6	16.3	15.67	13.62	8.8	12.56	6.7	7.0106	8.338	43.00
3. Услуги в области исследований и разработок	–	0.056	0.44	0.59	0.55	0.39	0.16	0.2685	–	479.542
4. Услуги вычислительной техники	–	0.082	0.07	0.07	0.1	0.099	0.044	0.0645	–	78.67
5. Услуги в области образования	–	0.056	0.056	0.087	0.089	0.084	0.042	0.0467	0.049	83.45
Потребительский сектор	***–***	***1.84***	***2.15***	***2.86***	***2.01***	***1.47***	***1.05***	***1.703***	***2.04***	***92.73***
1. Пр-во пищевых продуктов, включая напитки, и табака	–	1.464	1.787	2.322	1.757	1.245	0.949	1.6019	1.831	109.41
2. Текстиль и текстильные изделия, обувь	1.8	0.371	0.372	0.543	0.256	0.221	0.095	0.1007	0.211	27.14
Сектор инфраструктуры	***–***	***3.51***	***3.16***	***2.82***	***1.31***	***1.21***	***0.77***	***1.091***	***–***	***31.079***
1. Транспортные услуги	–	3.22	2.975	2.45	1	0.988	0.635	0.8944	1.581	27.77
2. Услуги в области права, состав.счетов, бухуч., налогов		0.179	0.065	0.159	0.17	0.127	0.07	0.104	–	58.08
3. Коммерческие услуги	–	0. 000	0	0.018	0.003	0.016	0.0	0.0021	–	15.912
4. Услуги гостиниц и аналогичных мест проживания	–	0.107	0.1	0.185	0.133	0.07	0.065	0.0904	–	84.50

Положительным моментом на сегодняшний день является, с одной стороны, расширение внешнеэкономических связей со многими странами, а с другой стороны, положительное сальдо торгового баланса (в 2012 году в экономике Нижегородской области оно составило 1.7 млрд долларов, при этом доля экспорта в товарообороте установилась на уровне 60%). Негативная динамика наблюдается в структуре экспорта – это, с одной стороны, рост доли энергосырьевого сектора, а с другой стороны, уменьшение удельного веса инновационно-инвестиционного сектора.

Это опасно тем, что при формировании структурной политики курс по-прежнему надо держать на прогрессивность структурных сдвигов, которые в средне- и долгосрочном периоде должны привести к устойчивому экономическому росту.

Исследуя возможность применения модели импортозамещения, необходимо четко понимать возможности и потребности каждого региона на внутреннем и мировом рынке. С этой целью нами подробно исследована секторная структура импорта товаров и услуг Нижегородской области за 13 лет:

$$S_2 = \sum_{j=1}^{n} S_{jt} \times 100\%, \qquad (2)$$

где S_2 – секторная структура импорта, S_{jt} – доля j-го импортируемого товара или услуги в период t в общем объеме регионального импорта товаров и услуг (расчеты представлены в табл. 2).

Структура импорта продукции также заставляет нас задуматься, так как более 60% всей импортируемой продукции приходится на долю инновационно-инвестиционного сектора. Объем импорта оборудования, электрических машин и механических приспособлений в 2012 году по стоимости на 31.4% превысил уровень предыдущего года.

Структурный потенциал региона является определяющим фактором устойчивости функционирования и развития его экономики, который должен формироваться на основе как объективных показателей, отражающих текущее состояние производственных, сырьевых, инвестиционных и инновационных ресурсов, так и прогнозируемых ресурсов.

Рассматривая возможность применения инновационной модели, следует учесть тот факт, что в России сегодня наблюдается невысокая доля затрат на исследования и разработки в процентах к валовому региональному продукту, хотя в абсолютном выражении внутренние затраты на исследования и разработки увеличились за период с 2007 по 2012 г. в 1.9 раза (в 2007 – 371080.3 млн рублей, а в 2012 – 699869.8 млн рублей). Лидером среди федеральных округов в данной области является

Таблица 2

Ранжированная структура импорта товаров и услуг в Нижегородской области, % (расчеты автора)

	2000	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013*	Темп роста за 2006–12 гг.
Инновационно-инвестиционный		***52.4***	***56.9***	***60.2***	***47.08***	***59.5***	***61.4***	***69.64***	***71.7***	***132.85***
1. Машины, оборудование и транспортные средства	39	41.64	44.03	46.49	33.08	41.07	38.33	50.496	50.85	121.26
2. Продукция химического производства	17.4	10.67	12.86	13.64	13.94	18.28	23.08	19.139	20.87	179.36
3. Услуги вычислительной техники		0.104	0.002	0.033	0.055	0.121	0.002	0.0013	–	1.24
4. Услуги в области образования	–	0.005	0.004	0.002	0.0012	0.002	0.008	0.0067	0.003	140.23
Энергосырьевой сектор		***35.3***	***33.3***	***27.6***	***41.01***	***23.9***	***24.1***	***15.3***	***11***	***43.38***
1. Металлы и изделия из них	13.5	34.04	32.23	25.54	37.87	20.1	20.38	12.024	7.649	35.32
2. Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	8	1.12	1	1.933	3.11	3.72	3.145	2.6136	2.679	233.35
3. Минеральные продукты	0.5	0.054	0.028	0.058	0.0283	0.046	0.542	0.6302	0.565	1167.05
4. Кожевенное сырье	0.2	0.054	0.028	0.058	0.028	0.046	0.023	0.0331	0.133	61.21
Потребительский сектор	***18.50***	***7.55***	***6.24***	***8.68***	***9.09***	***12.36***	***9.79***	***10.14***	***11.81***	***134.33***
1. Пр-во пищевых продуктов, включая напитки, и табака	12.90	5.95	5.08	7.55	8.03	10.75	8.69	8.38	10.07	140.90
2. Текстиль и текстильные изделия, обувь	5.60	1.60	1.16	1.13	1.06	1.61	1.10	1.76	1.74	109.92
Сектор инфраструктуры		***0.54***	***0.34***	***0.3***	***0.224***	***0.12***	***0.4***	***0.355***		***65.94***
1. Транспортные услуги		0.41	0.277	0.23	0.067	0.054	0.263	0.2591	0.342	63.19
2. Услуги в области права, состав.счетов, бухуч., налогов		0.111	0.065	0.038	0.111	0.04	0.137	0.0755		67.98
3. Коммерческие услуги		0	0	0.007	0.0076	0.002	0.003	0.0197		161.11
4. Услуги по финансовому посредничеству		0.017	0	0.026	0.038	0.025	0.000	0.0005		3.047

Таблица 3

Внутренние затраты на исследования и разработки, % к ВРП (расчеты автора)

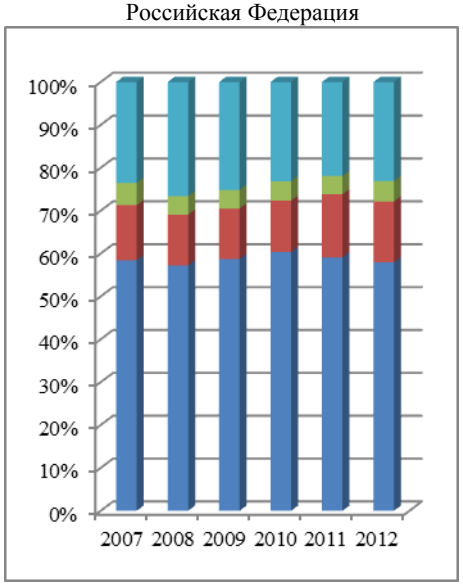
Области	2007	2008	2009	2010	2011	Федеральные округа	2007	2008	2009	2010	2011
Калужская	3.69	3.59	4.41	3.87	3.74	Центральный	2.02	1.88	2.43	2.14	2.05
Московская	3.17	2.8	3.57	3.54	3.57						
г. Москва	2.11	2.01	2.73	2.32	2.18						
Ярославская	2.08	1.71	1.54	1.32	1.42						
Тверская	1.79	1.58	1.40	1.33	1.29						
г. Санкт-Петербург	3.57	3.4	3.61	3.48	3.33	Северо-Западный	1.73	1.72	1.89	1.79	1.73
Нижегородская	4.27	3.92	4.51	4.80	4.70	Приволжский	1.182	1.073	1.29	1.313	1.30
Ульяновская	2.433	2.4	2.808	2.892	3.505						
Самарская	1.622	1.296	1.94	1.799	1.73						
Пензенская	1.311	1.149	1.293	1.45	1.865						
Новосибирская	2.296	2.361	2.839	2.534	2.528	Сибирский	0.797	0.833	0.93	0.82	0.849
Томская	1.73	2.103	2.243	2.062	2.167						
Ростовская	1.333	1.015	1.081	1.011	1.051	Южный	0.707	0.57	0.603	0.557	0.579
Свердловская	1.186	1.21	1.337	1.215	1.227	Уральский	0.503	0.512	0.557	0.575	0.549
Магаданская	1.757	2.086	1.463	1.23	1.08	Дальневосточный	0.581	0.629	0.588	0.462	0.441
максимум	4.274	3.922	4.513	4.804	4.705	Российская Федерация	1.327	1.271	1.518	1.389	1.349

Центральный федеральный округ, а среди областей – Нижегородская область (табл. 3).

Исследуя структуру текущих затрат, можно сделать вывод, что изменений структуры в рассматриваемом периоде не происходило (это подтверждает индекс различий, значение которого стремится к 0) (рис.).

Одна из основных проблем отсутствия инновационного развития в России заключается, на наш взгляд, в отсутствии мотивации у бизнеса к вложению свободных средств в новые разработки. Поэтому в России до сих пор не создан «рынок инноваций», а инновационное развитие подразумевает под собой покупку давно известных технологий за рубежом под видом новейших инновационных разработок. Подтверждением этому являются статистические данные Росстата, согласно которым расходы Рос-

Российская Федерация



Нижегородская область

Диапазон изменения индекса различий (K) за период 2012–2007 гг.

0,00000109–0,00000021 0,000146–0,0000035

$$K = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n}(s_{ij}-s_{ij-1})^2}{\sum_{i=1}^{n}(s_{ij}^2+s_{ij-1}^2)}}, \quad 0 < K < 1,$$

где s_{ij} –удельный вес или рыночной доли.

Таблица 4

Индекс инновационной активности по видам экономической деятельности

№	Вид экономической деятельности	2006	2007	2008	2009	2010	2012
1	Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	8.303	9.428	5.675	3.33	8.848	3.85
2	Текстильное и швейное производство	0.94	1.84	0.47	0.33	0.47	0.14
3	Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	4.05	4.67	0.18	13.75	13.51	16.1
4	Химическое производство	11.37	65.9	39.25	20.77	23.86	31.6
5	Производство резиновых и пластмассовых изделий	10	9.03	14.59	6.77	7.45	4.5
6	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	26.09	13.8	32.95	11.86	14.37	16.7
7	Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	1.61	3.74	46.06	27.69	25.38	25.6
8	Производство машин и оборудования	0.72	19.7	4.608	10.41	4.6	4.1
9	Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	13.82	14.09	35.76	4.84	3.9	4.9
10	Производство транспортных средств и оборудования	12.25	50	50	50	50	50
11	Прочие производства	0.866	1.37	2.45	0.11	0.418	0.8

сии на НИОКР составили в 2012 году всего 1.68% ВВП, причем вклад государства составил 0.56%, а бизнеса 1.12%.

При определении направлений структурной политики следует учитывать индекс инновационной активности k-го вида деятельности с использованием индекса $I_{AK(k)}$:

$$I_{AK(k)} = \frac{G_k}{\max G_k} \times 100\%. \quad (3)$$

Данный индекс рассчитывается с помощью показателя удельных (на одного занятого) затрат на технологические инновации по каждому виду деятельности (G_k), отнесенного к аналогичному показателю лидера по ВЭД. В соответствии с данным подходом все ВЭД имеют значения индекса $I_{AK(i)}$ от нуля до 100%. Проведенный анализ показал, что рост инновационной активности за период с 2006 по 2012 г. наблюдался в Нижегородской области у пяти ВЭД: производства транспортных средств и оборудования, металлургического, химического производства, производства резиновых и пластмассовых изделий (табл. 4).

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что для промышленности Нижегородской области це-

лесообразно использовать сочетание экспортноориентированной и инновационной моделей. При этом «локомотивами» нижегородской экономики могут выступать не только энергосырьевой сектор (в котором доля экспорта многократно превышает долю импорта), но и потребительский сектор.

Первостепенное значение следует уделять государственному регулированию процессов структурных преобразований как в экономике в целом, так и в промышленности в частности. Для этого должны быть сформированы группы приоритетных отраслей, которые можно разделить на «глобальные приоритеты» и «отраслевые приоритеты». «Глобальные приоритеты» должны быть направлены на поддержание инновационноактивных предприятий и на развитие экспортно-ориентированных отраслей. «Отраслевые приоритеты» должны преследовать цель поддержания базовых отраслей Нижегородской области и стимулирования перспективных видов экономической деятельности.

На этой базе необходимо обеспечить также и инновационное развитие Нижегородской области. По нашему мнению, существует два пути инновационного развития Нижегородской области:

– развитие промышленности Нижегородской области должно идти путем модернизации и адаптации уже разработанных и освоенных в других регионах или зарубежных странах технологий;

– приоритетом развития Нижегородской области должны стать не только целые высокотехнологичные виды экономической деятельности, в которых у нас имеется определенный научно-технологический задел, но и конкретные товары и услуги. На их развитии требуется сконцентрировать все внутренние ресурсы области.

Таким образом, осуществление структурных сдвигов в экономике – это задача долгосрочного периода, поэтому структурная политика должна исходить из обеспечения процесса общественного воспроизводства, в котором четко просматриваются контуры укрупненной модели межотраслевого баланса и межрегионального экономического равновесия.

Список литературы

1. Сухарев О.С. Структурный анализ экономики / М.: Финансы и статистика, 2012. 216 с. ил.

2. Балацкий Е., Раптовский А. Инновационные и инвестиционные факторы эффективности производства // Общество и экономика. № 1. 2007.

3. Гречин С.Б., Трифонов Ю.В. Применение генетического программирования для прогнозирования состояния предприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 5. С. 130–133.

4. Дороничев Д.А., Звонов А.А. Организационно-экономический механизм модернизации промышленного производства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3, часть 3. С. 72–76.

5. Прогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период 2030 года с учетом мировых тенденций / Б.Н. Кузык, В.И. Кушлин, А.А. Петров, Ю.В. Яковец. М.: Институт экономических стратегий, 2006. С. 29, 31.

6. Сушников И.А., Трифонов Ю.В. Проблемы реструктуризации российских предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 68–73.

7. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Выбор стратегии развития предприятия в территориально-отраслевом контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 160–165.

8. http://www.gks.ru (Сайт Федеральной службы государственной статистики) (дата обращения 23.06.2014).

DIRECTIONS OF STRUCTURAL POLICY IN THE NIZHNI NOVGOROD REGION

N.V. Veselova

The paper outlines the approaches to the choice of directions for structural changes in the economy. The necessity of structural policy at the regional level is substantiated. A number of models of structural changes in the economy are considered and proposals are made concerning their use in the economy of the Nizhni Novgorod region.

Keywords: structural changes, structural policy, indicators that define the structure of industrial production.

References

1. Sukharev O.S. Strukturnyi analiz ekonomiki / M.: Finansy i statistika, 2012. 216 s. il.

2. Balatskii E., Raptovskii A. Innovatsionnye i investitsionnye faktory effektivnosti proizvodstva // Obshchestvo i ekonomika. № 1. 2007.

3. Grechin S.B., Trifonov Iu.V. Primenenie geneticheskogo programmirovaniia dlia prognozirovaniia sostoianiia predpriiatiia // Vest-nik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2007. № 5. S. 130–133.

4. Doronichev D.A., Zvonov A.A. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm modernizatsii promyshlennogo proizvodstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 3, chast' 3. S. 72–76.

5. Prognoz innovatsionno-tekhnologicheskoi i strukturnoi dinamiki ekonomiki Rossii na period 2030 goda s uchetom mirovykh tendentsii / B.N. Kuzyk, V.I. Kushlin, A.A. Petrov, Iu.V. Iakovets. M.: Institut ekonomicheskikh strategii, 2006. S. 29, 31.

6. Sushnikov I.A., Trifonov Iu.V. Problemy restrukturizatsii rossiiskikh predpriiatii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2004. № 2. S. 68–73.

7. Trifonov Iu.V., Gorbunova M.L. Vybor strategii razvitiia predpriiatiia v territorial'no-otraslevom kontekste // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2004. № 2. S. 160–165.

8. http://www.gks.ru (Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki) (data obrashcheniia 23.06.2014)..

УДК 658.777

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© 2014 г.

А.И. Рузанов, П.А. Рузанов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pavelr70@mail.ru

Поступила в редакцию 06.11.2014

Целью статьи является анализ подходов и моделей исследования поведения сложных социально-экономических систем, выявление достоинств и недостатков каждого метода, анализ областей их применения. В качестве методов исследования сложных систем рассматриваются методология имитационного моделирования, согласно которой процесс функционирования сложной системы представляется в виде набора моделей и алгоритмов, которые реализуются на ЭВМ, а также агентоориентированное моделирование. Последнее представляет собой современную, динамично развивающуюся разновидность численного моделирования. Основным результатом, представленным в статье, является описание различных подходов к измеримости сложности систем, анализ существующих принципов моделирования подобного рода объектов и примеры функционирования некоторых моделей.

Ключевые слова: сложные системы, компьютерное моделирование, имитационное и агентоориентированное моделирование.

Экономические системы – это системы общественного производства, представляющие собой совокупность производительных сил и производственных отношений и включающие трудовые, природные и другие ресурсы. Экономические системы являются типичными примерами сложных систем, потому что имеют целостную иерархическую структуру с многосторонними связями и разнообразными функциями управления. В статье анализируются некоторые подходы к моделированию поведения сложных экономических систем. Представленные обзор и анализ не претендуют на исчерпывающую полноту и отражают авторскую точку зрения на рассматриваемые проблемы.

При математическом моделировании сложных систем становится необходимым переход от одной методологии к другой, и связан он с трудностями или даже невозможностью математического исследования сформулированных соотношений ввиду большой сложности модели. Развитие компьютерных технологий привело к эволюции моделирования: математическая модель стала заменяться на компьютерную. Последнюю можно усложнять сколь угодно, но и здесь имеются ограничения, однако они другого рода – нехватка памяти, быстродействия, мощности компьютера, эмпирических данных. С развитием компьютерных технологий пределы такого рода постоянно отодвигаются. Математическая модель при этом остается как предварительный этап, как блок для построения компьютерной модели. Она сохраняется и как часть компьютерной модели, когда последняя становится достаточно сложной и сама по себе представляет объект для исследования.

Особо актуальными в настоящее время становятся проблемы моделирования экономических систем, связанные с прогнозированием, планированием и стратегическим управлением [1, 2], инновационным развитием [3, 4], инвестиционной политикой [5, 6].

Чтобы адекватно моделировать поведение сложной экономической системы, необходимо создать виртуальный искусственный мир, сравнимый по сложности и структуре с самой системой. Понятие сложности занимает значительное место в современной науке. Выявлено, что системы различной природы (биологические, физические, экономические, социальные и др.) имеют ряд сходных свойств: чувствительность к начальным условиям, адаптивность, способность к самоорганизации и слабая предсказуемость. Такие системы принято называть сложными [7].

Существует несколько подходов к измерению сложности. Один из них сформулирован А.Н. Колмогоровым в рамках алгоритмической теории информации. Здесь мерой сложности является длина программы, необходимой для того, чтобы реализовать на компьютере структуру требуемого типа.

В рамках другого подхода сложность определяется количеством элементов, образующих систему, и числом связей между ними [7, 8]. В этом варианте сложность системы вычисляется как $2^{K+1} \cdot N$, где № – количество элементов системы, K – число связей между ними.

Основные положения и представления по общим и прикладным проблемам математического моделирования сложных систем, в том числе экономических, изложены в работах Л.В. Канторовича, В.С. Немчинова, А.Н. Тихонова, А.А. Самарского, Н.Н. Моисеева, П.С. Краснощекова, А.А. Дородницына, А.А. Петрова, И.Г. Поспелова, Б.Н. Четверушкина, А.Д. Мышкиса, В.Л. Макарова, В.М. Полтеровича, Г.Б. Клейнера и других отечественных ученых. Анализ изложенных в этих работах подходов в рамках ограниченного объема статьи не представляется возможным. В связи с этим ограничимся обсуждением имитационного моделирования [8–10] и его развития – агентоориентированного моделирования, а также вычислимых моделей общего равновесия.

Агентное моделирование представляет собой новый «экспериментальный» подход к исследованию динамики сложных систем [11, 12]. Оно является динамично развивающейся разновидностью компьютерного моделирования, применяемой для исследования сложных систем, эволюционирующих в результате взаимодействия элементов системы (агентов).

Имитационное моделирование

Всякая сложная система, модель которой создается, при своем функционировании подчиняется определенным закономерностям – физического, биологического, химического и т.п. характера. Причем вполне возможно, что далеко не все они к настоящему времени установлены. Всякая модель создается с определенной целью, и выбранный «угол зрения» в значительной степени определяет выбор модели. Еще раз отметим, что при попытке построения математической модели сложной системы, содержащей много связей между элементами, разнообразные нелинейные ограничения, большое число параметров и др., возникают большие трудности, а построенные модели не поддаются математическому исследованию. Суть метода имитационного моделирования (ИМ) состоит в том, что процесс функционирования сложной системы представляется в виде набора моделей и алгоритмов, которые реализуются на ЭВМ. Рассмотрим основные этапы реализации этого метода [8–10].

1. Формулируются основные вопросы о поведении сложной системы. Совокупность этих вопросов позволяет создать множество параметров (вектор состояния), характеризующих состояние системы.

2. Осуществляется декомпозиция системы на более простые подсистемы – блоки. В один блок объединяются родственные, т.е. преобразующиеся по близким правилам, компоненты вектора состояния и процессы, их преобразующие.

3. Формулируются гипотезы и закономерности относительно поведения как системы в целом, так и ее частей. При этом в каждом блоке для описания может использоваться свой математический аппарат, наиболее подходящий для блока. Именно блочный принцип дает возможность при ИМ устанавливать необходимые пропорции между точностью описаний каждого блока, обеспеченностью его информацией.

Обычно в достаточно крупные социально-экономические модели входят материальный, финансовый и социальный блоки.

Материальный блок представляет собой балансы продуктов, производственных мощностей, трудовых, природных ресурсов. Этот раздел, описывающий основополагающие процессы, обычно слабо подвластен управлению, особенно быстрому, поскольку весьма инерционен.

Финансовый блок содержит балансы денежных потоков, правила формирования и использования фондов, правила ценообразования и т.п. На этом уровне можно выделить много управляемых переменных. Они могут быть регуляторами.

Социальный блок содержит сведения о поведении людей. Он вносит в модели много неопределенностей, поскольку трудно точно учесть такие факторы, как структура потребления, мотивация и др.

4. В зависимости от задачи вводится так называемое системное время, моделирующее ход времени в реальной системе.

5. Формализованным образом задаются феноменологические свойства системы и отдельных ее частей. Нередко они просто опираются на результаты длительного наблюдения за системой и недостаточно обоснованы.

6. Случайным параметрам, фигурирующим в модели, ставятся в соответствие некоторые их реализации, сохраняющиеся в течение одного или нескольких шагов системного времени. Далее при необходимости могут отыскиваться новые реализации.

Поскольку осуществление такого подхода возможно только с использованием достаточно

мощного компьютера, то под имитационной моделью системы обычно понимается комплекс программ для ЭВМ, описывающий функционирование отдельных блоков системы и правил взаимодействия между ними.

Очень важно, чтобы модель была не только качественно, но и количественно как можно более близка к реальной системе. При достаточно глубоком знании поведения реальной системы и правильном представлении феноменологической информации в модели имитационные системы характеризуются, вообще говоря, большей близостью к реальной системе, чем математические модели. В значительной степени такая близость обусловлена тем, что блочный принцип построения ИМ (принцип расщепления) дает возможность верифицировать каждый блок до его включения в общую модель.

Работа с имитационной системой по существу представляет собой эксперимент, осуществляемый на ЭВМ, который во многом сродни физическому эксперименту. В ходе эксперимента варьируются экзогенные переменные, параметры модели, совершенствуются ее структура, принятые гипотезы о поведении отдельных частей системы. Имитационные системы позволяют отвечать на вопросы типа: «Что будет, если…?»

Таким образом, имитационная система – это совокупность моделей и алгоритмов, имитирующих протекание изучаемого процесса, объединенная со специальной системой вспомогательных программ и информационной базой, позволяющих достаточно просто и оперативно реализовать вариантные расчеты [9, 10].

Под имитацией понимается численный метод проведения машинных экспериментов с математическими моделями и алгоритмами, описывающими поведение сложных систем в течение некоторых периодов времени [10]. Многие исследователи даже предлагают рассматривать имитационное моделирование как статистический эксперимент.

Круг приложений ИМ определяется, с одной стороны, спецификой изучаемого экономического объекта (это должна быть сложная система), с другой стороны, спецификой исследуемых проблем. Если последние относятся не к выяснению фундаментальных законов и причин, определяющих динамику реальной системы, а к анализу поведения системы, выполняемому в сугубо практических целях, то применение ИМ целесообразно.

Агентоориентированное моделирование

Агентоориентированное моделирование (АОМ) представляет собой современную, динамично развивающуюся разновидность компьютерного моделирования, применяемую для исследования и изучения сложных систем, эволюционирующих в результате взаимодействия агентов. Это специальный класс вычислимых моделей, основанный на индивидуальном поведении множества агентов. За последние годы отчетливо проявились преимущества такого подхода в общественных науках. В частности, агентоориентированные экономические модели позволяют представить экономическую систему в виде результирующей деятельности большого числа агентов, независимо друг от друга принимающих решения в отношении своего жизнеобеспечения, трудоустройства, обмена ресурсами, общения и т.д. Как следствие, АОМ делает возможным более глубокий анализ механизмов и структуры взаимоотношений между людьми за счет того, что эти взаимоотношения фактически становятся каркасом модели. Агентоориентированные модели в ряде проблем позволяют уйти от оперирования некими усредненными и обобщёнными экономическими сущностями (репрезентативный потребитель, совокупное домохозяйство, отрасль в целом и т.п.). В свою очередь, лучшее понимание взаимоотношений между агентами позволяет создать более гибкую модель, повышает надежность ее выходных данных. При этом достаточно простые правила, заложенные в модели, могут давать интересные результаты и предсказывать появление сложных, глобальных явлений (эмерджентный эффект).

Основная идея данного подхода, как развитие метода имитационного моделирования, заключается в построении вычислительного инструмента, представляющего собой множество агентов с определенным набором свойств и правил поведения. Здесь заложен принцип моделирования «снизу вверх», т.е. деятельность независимых агентов на микроуровне влияет на показатели макроуровня – уровня сложных, глобальных и труднопредсказуемых явлений.

Основными понятиями в АОМ являются «агент» и «среда» [11, 12]. Агент – это интеллектуальная автономная компьютерная сущность, находящаяся в окружающей её среде и взаимодействующая с другими подобными сущностями для достижения целей своего существования.

Среда – пространство (множество объектов, ландшафта), окружающее совокупность агентов

одного или нескольких видов, определяющее условия их функционирования и оказывающее на них прямое или косвенное воздействие. В АОМ среда представляет собой непрерывное пространство заданной формы и размера и характеризуется возможными состояниями, сферами влияния, определёнными правилами динамического изменения. В ряде случаев среда может представляться в виде дискретной решетки (квадратной, треугольной или шестиугольной) или просто пассивной платформы для агентов.

Агенты обладают следующими основными свойствами [11, 12]:

1. Автономность. Агенты действуют независимо друг от друга, и нет единой регулирующей структуры, которая контролировала бы поведение каждого агента в отдельности. Взаимодействие микро- и макроуровней в моделях осуществляется следующим образом: на макроуровне задается общий набор правил, а совокупность действий агентов микроуровня может оказывать влияние на параметры макроуровня.

2. Неоднородность. Агенты отличаются друг от друга, что принципиально отличает АОМ от широко распространенных моделей с агентом-представителем, причем различия между агентами могут проявляться по многим параметрам (в случае агентов, отображающих людей, это могут быть параметры уровня здоровья, дохода, культурного уровня, а также правила принятия решений и т.п.). Неоднородность агентов является важным аспектом агентоориентированного подхода. Если в начале моделирования все агенты были одинаковыми, то с течением времени они могут изменяться или эволюционировать ввиду различного характера поведения, наличия или отсутствия определенных ресурсов, используемых методов принятия решений, получаемых в процессе существования данных, дальности горизонта видения, различных способностей к обучению и адаптации.

3. Ограниченная интеллектуальность агентов (или ограниченная рациональность). Другими словами, агенты в модели не могут познать нечто большее, выходящее за рамки макросреды модели.

4. Расположение во времени и в пространстве. Имеется в виду некоторая среда обитания, которая может быть представлена в виде решетки или более сложной структуры, например трехмерного пространства с заданными в нем объектами.

Помимо перечисленного, общей особенностью всех АОМ и одновременно с этим их главным отличием от моделей других классов является наличие в них большого числа взаимодействующих друг с другом агентов. В частности, существуют АОМ, число агентов в которых достигает нескольких миллионов [11]. В качестве агентов в АОМ могут быть вирусы, животные, люди, роботы, автомобили, инфраструктура, недвижимые объекты, совокупности однотипных объектов.

Для описания агента используются параметры, переменные, функции, поведенческие диаграммы, представляющие схемы, отражающие состояния агентов в определенный момент времени. Агенты, имеющие графическое представление, могут перемещаться в рамках [11, 12]:

– двумерного или трехмерного евклидова пространства;

– геоинформационной системы;

– некоторой сетевой структуры.

Для обучения агентов применяются различные механизмы из сферы искусственного интеллекта, такие как экспертные системы, нейронные сети, генетические алгоритмы.

Среди наиболее популярных экономических областей исследования с применением агентных моделей можно выделить такие, как моделирование рыночных механизмов, эволюция поведенческих норм, формирование экономических сообществ, моделирование развития организаций, создание искусственных агентов для автоматизированных рынков.

После того как построен определенный искусственный мир и задан механизм обучения агентов, от исследователя требуется относительно небольшое вмешательство: далее эксперимент развивается сам по себе. Естественно, исход эксперимента во многом зависит от того, какие начальные параметры поведения и взаимодействия агентов заданы исследователем. Если цель моделирования состоит в определении свойств реальной экономической системы, то для получения корректных результатов исследователь должен выбирать указанные параметры так, чтобы они как можно более точно описывали поведение реальных агентов. В связи с этим особое значение приобретает проведение параллельных экспериментов с участием реальных и искусственных агентов.

Для разработки и реализации АОМ можно использовать средства широкого профиля, однако существуют специализированные прикладные пакеты, которые содержат набор готовых библиотек для представления агентов и их среды, в связи с чем предпочтительнее использовать арсенал готовых программных средств.

Отметим прикладной пакет SWARM для моделирования параллельно распределённого виртуального мира. Он создан в США и представляет собой набор библиотек, служащих основой для разработок сложных мультиагентных систем. Разработка виртуального мира здесь осуществляется в два основных этапа:

а) создание среды виртуального мира, где будут сосуществовать агенты, определяемые на втором этапе;

б) создание агентов с описанием их атрибутов и правил взаимодействия. В процессе своего существования созданные агенты будут анализировать получаемые от окружающей среды данные, реагировать на них и обучаться. Этот этап разработки модели очень важен, поскольку агенты, корректно отражающие свойства своего реального прообраза, являются гарантом адекватности построенного виртуального мира.

Более подробно про пакет можно узнать на официальном сайте, а также из русскоязычного источника [13].

Особо следует выделить пакет AnyLogic, который является продуктом нового поколения для разработки и исследования имитационных моделей. Он является, по-видимому, единственным российским инструментом имитационного моделирования, конкурирующим с зарубежными аналогами. AnyLogic поддерживает различные подходы к моделированию, в том числе и агентный, для которого имеется специальная библиотека, представляющая возможность задания требуемой функциональности у агентов модели. Пакет поддерживает большое число способов задания поведения агентов: диаграммы состояний, синхронное и асинхронное планирование событий. AnyLogic обладает хорошими средствами визуализации и позволяет имитировать различные процессы, имеющие место в производстве, бизнесе и т.д. Более подробную информацию про саму среду разработки AnyLogic и некоторые теоретические аспекты имитационного моделирования можно найти в книге [14].

Большинство разработанных АОМ выложены в свободном доступе в Интернете, в частности, существуют специализированные издания, тематика которых напрямую связана с разработкой АОМ.

Широко известными являются сахарная модель, предложенная Дж. Эпштейном и Р. Эстеллом, модель распространения инфекции. Последняя позволяет моделировать скорость распространения инфекции и определять ситуации, при которых определенному социуму удается победить болезнь [11].

Отметим АОМ автомобильных пробок г. Москвы, разработанную в ЦЭМИ РАН. С ее использованием можно решать задачи, связанные с оценкой работы транспортной системы. В модели существуют три типа агентов: человек, легковой автомобиль, перевозящий в среднем двух человек, общественный транспорт. Анимационная диаграмма представляет собой карту города, детализированную до уровня крупных транспортных магистралей. Количество агентов первого типа задается согласно статистическим данным о численности населения в районах города [11].

АОМ является удобным инструментарием моделирования таких сложных объектов, как городские системы. Модели представляются в основном двумя типами агентов: это люди – жители города и предприятия; среда модели – районы, дороги [12].

В качестве примера несколько другого плана отметим АОМ воспроизводства научного потенциала России [11, 15, 16]. Она разработана на базе геоинформационной системы, которая позволяет создавать базы данных, сочетающие в себе графическое и атрибутивное представление разнородной информации.

В заключение отметим, что в последние десять лет были представлены для использования разработки несколько другого инструментария исследования функционирования сложных систем: вычислимые и стохастические модели общего равновесия, а также направление, названное «Системный анализ развивающейся экономики» (см. [15–17] и имеющуюся там библиографию). Предметом исследования является в основном экономика региона или национальная экономика. Основное понятие в этих макромоделях также экономический агент – макроэкономическая структура, объединяющая однотипные субъекты экономики. В ряде случаев в моделях функционируют описания агентов, полученные эконометрическими методами по статистическим данным.

Такие модели используются для оценки последствий макроэкономической политики в стране, межстрановых экономических соглашений, экологических последствий экономического развития. К настоящему времени по данному направлению насчитываются сотни публикаций, и анализ их в рамках этой статьи не представляется возможным.

Список литературы

1. Трифонов Ю.В., Малыженков П.В., Ананьев Ф.Ю. Прогнозирование и планирование в экономических системах: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004.

2. Левашов Д.Н., Трифонов Ю.В. Проблемы стратегического развития предприятий автомобилестроения Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 141–143.

3. Трифонов Ю.В., Жариков А.В., Ширяева Ю.С. Инновационная деятельность и механизмы ее организации на региональном уровне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(1). С. 213–216.

4. Трифонов Ю.В., Горбунова М.Л. Выбор стратегии развития предприятия в территориально-отраслевом контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 160–165.

5. Трифонов Ю.В., Яшин С.Н., Кошелев Е.В. Применение реальных опционов для инвестирования инноваций в условиях ограниченности информации// Финансы и кредит. 2011. № 30. С. 2–9.

6. Косовских Е.А., Трифонов Ю.В. Функциональная модель организационно-экономического механизма управления региональной инвестиционной деятельностью // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2008. № 3. С. 183–185.

7. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. 3-е изд. / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 240 с.

8. Таха Х. Введение в исследование операций. 7-е изд.: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 912 с.

9. Моисеев Н.Н. Математические задачи системного анализа. М.: Наука, 1981. 488 с.

10. Нейлор Т. Машинные имитационные эксперименты с моделями экономических систем. М.: Мир, 1975. 500 с.

11. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Новый инструментарий в общественных науках агент-ориентированные модели: общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12. С. 13–25.

12. Фаттахов М.Р. Агентоориентированная модель социально-экономического развития Москвы // Экономика и математические методы. 2013. Т. 49. № 2. С. 30–43.

13. Гуц А.К., Коробицын В.В., Лаптев А.А. и др. Компьютерное моделирование. Инструменты для исследования социальных систем: Учебное пособие. Омск: Омский гос. ун-т, 2001.

14. Карпов Ю. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic 5. СПб.: БХВ-Петербург, 2006.

15. Макаров В.Л. Обзор математических моделей с инновациями // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 3–14.

16. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бахтизина Н.В. Вычислимая модель экономики знаний // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 70–82.

17. Петров А.А., Поспелов И.Г. Математические модели экономики России // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 62. С. 492–506.

COMPUTER MODELLING OF THE BEHAVIOUR OF COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS

A.I. Ruzanov, P.A. Ruzanov

This article provides an overview and analysis of the current economic and mathematical tools used for modelling the functioning of complex economic systems. Particular attention is given to the notion of complexity of the systems. Simulation methodology applied in the study of complex systems involves agent - based modelling, a modern, dynamically developing type of numerical simulation. We describe different approaches to the measurability of system complexity and analyze the existing principles of modelling of such objects. A number of examples demonstrate the functioning of some models.

Keywords: complex systems, computer modeling, simulation and agent - based modeling.

References

1. Trifonov Iu.V., Malyzhenkov P.V., Anan'ev F.Iu. Prognozirovanie i planirovanie v ekonomicheskikh sistemakh: Monografiia. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2004.

2. Levashov D.N., Trifonov Iu.V. Problemy strategicheskogo razvitiia predpriiatii avtomobilestroeniia Nizhegorodskoi oblasti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2004. № 2. S. 141–143.

3. Trifonov Iu.V., Zharikov A.V., Shiriaeva Iu.S. Innovatsionnaia deiatel'nost' i mekhanizmy ee organizatsii na regional'nom urovne // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 1(1). S. 213–216.

4. Trifonov Iu.V., Gorbunova M.L. Vybor strategii razvitiia predpriiatiia v territorial'no-otraslevom kontekste // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2004. № 2. S. 160–165.

5. Trifonov Iu.V., Iashin S.N., Koshelev E.V. Primenenie real'nykh optsionov dlia investirovaniia innovatsii v usloviiakh ogranichennosti informatsii // Finansy i kredit. 2011. № 30. S. 2–9.

6. Kosovskikh E.A., Trifonov Iu.V. Funktsional'naia model' organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniia regional'noi investitsionnoi deiatel'nost'iu // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Ekonomika i finansy. 2008. № 3. S. 183–185.

7. Prigozhin I., Stengers I. Vremia, khaos, kvant. K resheniiu paradoksa vremeni. 3-e izd. / Per. s angl. Iu.A. Danilova. M.: Editorial URSS, 2001. 240 s.

8. Takha Kh. Vvedenie v issledovanie operatsii. 7-e izd.: Per. s angl. M.: Izdatel'skii dom «Vil'iams», 2005. 912 s.

9. Moiseev N.N. Matematicheskie zadachi sistemnogo analiza. M.: Nauka, 1981. 488 s.

10. Neilor T. Mashinnye imitatsionnye eksperimenty s modeliami ekonomicheskikh sistem. M.: Mir, 1975. 500 s.

11. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. Novyi instrumentarii v obshchestvennykh naukakh agent-orientirovannye modeli: obshchee opisanie i konkretnye primery // Ekonomika i upravlenie. 2009. № 12. S. 13–25.

12. Fattakhov M.R. Agentoorientirovannaia model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Moskvy // Ekonomika i matematicheskie metody. 2013. T. 49. № 2. S. 30–43.

13. Guts A.K., Korobitsyn V.V., Laptev A.A. i dr. Komp'iuternoe modelirovanie. Instrumenty dlia issledovaniia sotsial'nykh sistem: Uchebnoe posobie. Omsk: Omskii gos. un-t, 2001.

14. Karpov Iu. Imitatsionnoe modelirovanie sistem. Vvedenie v modelirovanie s AnyLogic 5. SPb.: BKhV-Peterburg, 2006.

15. Makarov V.L. Obzor matematicheskikh modelei s innovatsiiami // Ekonomika i matematicheskie metody. 2009. T. 45. № 1. S. 3–14.

16. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Bakhtizina N.V. Vychislimaia model' ekonomiki znanii // Ekonomika i matematicheskie metody. 2009. T. 45. № 1. S. 70–82.

17. Petrov A.A., Pospelov I.G. Matematicheskie modeli ekonomiki Rossii // Vestnik RAN. 2009. T. 79. № 62. S. 492–506.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.1

КОЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

© 2014 г.

***А.А. Возьмитель*[1], *П.И. Куконков*[2]**

[1] Институт социологии РАН, Москва
[2]Приволжский филиал ИС РАН, Н. Новгород

kukonkov07@rambler.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Анализируются реальные характеристики управления и самоуправления российским обществом и государством, а также актуальные вопросы взаимодействия этих структур. Основное внимание сосредоточено на описании и оценке актуальной модели местного самоуправления как формы самоорганизации повседневной жизни граждан, а также как важного инструмента повышения демократического участия граждан в управлении общими делами. Анализ основных «проблемных узлов» сегодняшней российской муниципальной практики позволяет сделать вывод о том, что в условиях современной России эти «узлы» могут быть «развязаны» исключительно общими усилиями органов государственного управления и объединений, координирующих деятельность органов местного самоуправления.

Ключевые слова: государственное управление, самоуправление, муниципальные образования, повседневная жизнь, социальная активность, социальная пассивность.

Цель настоящей статьи – анализ процессов самоорганизации повседневной жизни граждан, их включенности в управление общими делами, выявление и описание основных «проблемных узлов» местного самоуправления в России. Ее научная значимость заключается в выявлении и описании «наработанных» со времени принятия Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальных практик, а также отношения к ним населения.

Модернизация современной России предполагает эффективное использование творческого потенциала государства, общества и человека. Мировой экономический кризис актуализирует задачу повышения эффективности российского государства, которая не может быть решена без участия эффективно работающих институтов местной власти, без включения в этот процесс муниципальной сферы, способной не только сохранить и развить потенциал территорий, но и создать новые «точки роста».

1 января 2009 г. закончился переходный период реализации упомянутого выше Федерального закона. Закон предполагал работу публичной власти на максимально близком к населению уровне – в сельских и городских поселениях, четкое разграничение предметов ведения между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления, разграничение расходных обязательств между ними, закрепление доходных источников и ликвидацию нефинансируемых мандатов. Эти проблемы находились в центре внимания участников Всероссийского съезда муниципальных образований в 2013 г., а также во время встречи Президента РФ с участниками этого съезда [1].

В сегодняшней России, ставшей наконец активным субъектом международных отношений, отстаивающим свои национальные интересы, несмотря на противодействие «сильных мира сего», вопросы самоуправления приобретают особую актуальность и значимость, поскольку складывающаяся международная ситуация требует внутренней сплоченности и преодоления раскола между властью и народом, прежде всего с помощью передачи ему реальных полномочий и материальных ресурсов для организации и самоорганизации его повседневной жизни.

Магистральный путь эффективной организации повседневной жизнедеятельности в интересах населения конкретных территорий давно известен. Это прямая демократия, самоуправление, сочетающее демократизм со специализаци-

Таблица 1

Оценка населением направленности и успешности деятельности власти (% к числу опрошенных)

	Решает успешно	Частично решает	Практически не решает
Модернизация российской экономики, ликвидация ее сырьевого характера	8.3	44	45.4
Ликвидация коррупции	5.8	24.2	67.8
Сохранение власти, привилегий и собственности правящего класса	50.4	26.2	19.3
Повышение уровня и качества жизни простых людей	5.7	33.6	58.2
Предотвращение техногенных и природных катастроф	11.6	51.7	34.4
Возрождение передовой науки, культуры, образования	9.8	47.0	40.8
Решение демографической проблемы	11.2	54.8	31.7
Ограничение засилья мигрантов в России	4.9	29.1	69.1

ей, позволяющей востребовать умных и авторитетных людей для поддержания максимально высокого уровня и максимально привлекательного образа жизни на местах. Все это обеспечить и за все это отвечать может только общество, а не ведомства.

В ходе нашего исследования предполагалось оценить актуальную модель местного самоуправления (МСУ) как формы самоорганизации повседневной жизни граждан, а также как важного инструмента повышения демократического участия граждан в управлении общими делами. Также предполагалось выявить и описать основные «проблемные узлы» сегодняшней российской муниципальной практики, которые могут быть «развязаны» исключительно общими усилиями органов государственного управления и объединений, координирующих деятельность органов МСУ.

Мы исходили из того, что существующая система местного самоуправления в РФ сложилась под влиянием ряда противоречивых факторов:

во-первых, декларируемая в упомянутом законе задача укрепления самостоятельности местного самоуправления вошла в противоречие с усиливающимися процессами централизации власти, в результате которых реальные властные полномочия оказались в руках региональных властей;

во-вторых, местные элиты оказались обречены на противостояние с вышестоящими уровнями государственного управления, стремящимися сконцентрировать ресурсы в своих руках, а ответственность делегировать вниз;

в-третьих, очевидная необходимость модернизации страны, требующая резкого повышения социальной активности, столкнулась с отсутствием необходимой мотивации у значительной части населения.

Негативное влияние этих факторов усиливается в условиях резкой дифференциации населения по уровню благосостояния, несправедливости в распределении общественного богатства и явного неравноправия перед законом.

Так, более двух третей населения Орловского региона (69%) испытывают проблемы при приобретении современной мебели, холодильника и т.п. В то же время 1% населения региона может себе ни в чем не отказывать, открыто демонстрируя свое богатство в престижном потреблении. Только каждый десятый (10.4%) не согласен с утверждением о том, что главный замысел проводимых последние 20 лет реформ состоит в перераспределении общественного богатства в пользу узкого круга частных лиц.

Лишь треть опрошенных полагают, что в реальной жизни для всех или для большинства людей в нашей стране соблюдаются равные права на жизнь, работу, жилье, образование, отдых и охрану здоровья, гарантированные всем гражданам Конституцией РФ. Другие же две трети опрошенных, напротив, уверены в том, что эти права не соблюдаются вовсе: ими пользуются лишь те, кто имеет власть и деньги. Соответственно, 95% опрошенных не уверены, что простой человек сможет реально отстоять свои законные права перед местным или региональным чиновничеством, в том числе каждый

пятый (21%) убежден в том, что сделать это невозможно.

Указанные выше факты закономерно формируют отношение населения к власти: только каждый шестой считает, что власть выражает волю большинства граждан России (18%), значительное большинство опрошенных (81%) убеждены в том, что власть обслуживает интересы правящего класса («своим» все – остальным закон). Такое отношение базируется на оценке направленности и успешности деятельности власти (табл. 1).

Приведенные в таблице данные показывают, что нынешняя российская власть наиболее успешно решает задачу сохранения власти, привилегий и собственности правящего класса. Как полагают опрошенные, именно на этой задаче сконцентрированы основные усилия властных структур. Гораздо менее успешно, по мнению респондентов, власть занимается модернизацией российской экономики, ликвидацией ее сырьевого характера, борьбой с тотальной коррупцией в своих рядах, а также повышением уровня и качества жизни простых людей. Наименее успешно власть решает проблемы, связанные с засильем мигрантов.

Негативная в основном оценка сложившейся ситуации и проводимых реформ закономерно определяет спектр возможных вариантов желаемого будущего. Поиск путей выхода из сложившейся ситуации большинство опрошенных видит в смене социально-политической системы. Об этом можно судить на основании распределения ответов на вопрос: «Какая социально-политическая система более всего подходит для Союзного государства России и Беларуси?». И хотя более трети (36.2%) затруднились ответить на этот вопрос, основная масса опрошенных (более 46%) предпочитает социально-политическую модель социалистического типа:

– советская, что была до перестройки – 16.1%;

– советская, но в гораздо более демократическом варианте – 17.9%;

– социально-политическая система современного Китая – 5.7%;

– социализм шведского типа – 6.6%.

Демократия западного типа набрала всего 5.3% голосов. Еще меньше – политические системы, существующие сегодня в России (5.1%) и в Беларуси (2.1%).

Следует подчеркнуть, что желаемых изменений готовы добиваться далеко не все: 24% респондентов относят себя к тем, кто вряд ли что может изменить в своей жизни, не говоря уже о жизни других людей. Также четвертая часть опрошенных (24%) полагают, что сложившуюся ситуацию можно изменить, если больше и лучше работать.

Большинство опрошенных (54%) составляют люди с ясно выраженным конструктивным протестным потенциалом: примерно половина из них (28%) полагают, что надо протестовать против произвола и бездействия властей, организовывать митинги, пикеты и т.п., если понадобится, идти на баррикады, а 26% уверены, что необходимо объединяться в новые профсоюзы, политические партии и организации, которые на деле будут отстаивать интересы и права трудящихся.

Объединение для улучшения своей жизни и жизни окружающих возможно в разных формах. Одной из таких форм выступает Общероссийский конгресс муниципальных образований (ОКМО) – единое общероссийское объединение муниципальных образований, созданное в 2006 г. советами муниципальных образований 83 субъектов Российской Федерации [2]. ОКМО в настоящее время располагает информационной и экспертно-аналитической структурой, включающей Национальное агентство муниципальной информации (НАМИ) и журнал «Муниципальная Россия» – официальный журнал местного самоуправления РФ [3]. В 2007 г. учреждена автономная некоммерческая организация «Центр прикладных исследований местного самоуправления» [4].

Анализ содержания опросов, проводимых Центром, свидетельствует о том, что ОКМО представляет в основном местные элиты, ориентированные на защиту своих интересов на различных уровнях государственной власти [3]. В его деятельности слабо представлены интересы жителей муниципальных образований, которые далеко не всегда совпадают с интересами местных элит и «муниципального класса». Так, в отчете ОКМО за 2013 г. нашли место такие направления работы, как укрепление связей с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, влиятельными некоммерческими организациями, международные связи. Вместе с тем как самостоятельное направление отсутствует работа с местными сообществами, что, на наш взгляд, должно быть главным смыслом деятельности муниципальных образований [3].

Улучшение жизни населения предполагает справедливое распределение национальных богатств – идея широко распространенная в нашей стране. Правда, у наших респондентов единое мнение по этому поводу отсутствует: большинство опрошенных считают, что для этого надо

изымать деньги у богатых (55.9%), тогда как 23.9% опрошенных предпочитает решать этот вопрос на добровольной основе (спонсорство, благотворительность, филантропия...). Лишь каждый пятый убежден, что для справедливого распределения национального богатства не надо предпринимать никаких мер (20.2%).

Поскольку в существующей в России социально-экономической системе изъятие денег у богатых и спонсорство – меры ирреальные, представляется вполне закономерным желание значительного большинства опрошенных уехать из России в одну из развитых стран. Причем каждый четвертый уехал бы без колебаний и навсегда. Оценка власти как выразителя интересов узких групп правящего класса выступает дополнительным стимулом при решении вопроса об эмиграции: респонденты, убежденные в том, что власть обслуживает интересы правящего класса, чаще выражают намерение уехать из страны навсегда и реже заявляют о том, что не уедут ни при каких обстоятельствах.

Правящий класс в России включает в себя две основные группы: верхушку властной вертикали и наиболее богатую и влиятельную часть бизнес-сообщества. По мнению опрошенных, именно эти группы при необходимости всячески поддерживают друг друга в ущерб интересам большинства населения. Причем значительная часть опрошенных (43.3%) уверены в том, что в случае острого конфликта жителей с бизнес-структурами, этническими диаспорами или с коррумпированными силовиками местная власть выступит против народа.

Оценка власти во многом формируется на основе опыта общения граждан с ее конкретными представителями. В связи с этим представляется вполне закономерным совпадение доли опрошенных, считающих, что власть обслуживает интересы правящего класса, и доли тех, кто считает главным смыслом реальной деятельности сотрудников государственных структур личную выгоду и защиту корпоративных интересов. В современной России эта доля запредельно высока – более 80%.

Мы предполагали, чем менее система власти ориентирована на волю большинства, а реальная деятельность сотрудников государственных структур – на защиту интересов граждан, тем больше будет выражена ориентация людей на различные формы самоорганизации. Нам представлялось вполне обоснованным предположение о том, что население не только понимает необходимость объединения, самоорганизации для защиты своих интересов, но и предпринимает определенные усилия для самоорганизации. Тем более что сегодня имеются правовые основы для организации местного самоуправления.

Следует подчеркнуть, что самоуправление в современной России – это, по существу, вопрос о децентрализации власти и определении оптимального варианта ее саморегулирования. Именно об этом говорит С. Киричук, президент ОКМО, председатель Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению: «Конгресс и региональные советы должны и обязаны работать в силу федерального закона, причем работать так, чтобы консолидировать всероссийское сообщество муниципальных служащих ради совершенствования местного самоуправления на благо населения Российской Федерации» [2].

Задача консолидации сообщества муниципальных служащих ставит местные элиты перед непростым выбором: стать ресурсом и реальной опорой федеральной власти или постепенно превратиться в низовое чиновничество, являющееся продолжением регионально-районного звена управления. Поскольку последний вариант явно противоречит логике модернизации страны, достаточно очевидна необходимость увеличения самостоятельности и эффективности муниципалитетов, что неизбежно превратит местные элиты в ресурс поддержки федерального центра.

В соответствии с Конституцией РФ (статья 130) местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Насколько же сложившаяся ситуация соответствует Конституции? Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что население слабо представляет, что такое местное самоуправление, – значительная часть опрошенных затруднились ответить на этот вопрос (42%). Весьма показательно, что лишь каждый четвертый респондент (24.6%) оценивает местное самоуправление как действительную самоорганизацию населения, тогда как каждый третий (33.2%) воспринимает его как государственную власть на местах.

Поскольку значительная часть населения воспринимает самоуправление как местную власть, не удивительно, что на него переносятся все негативные представления о власти. Достаточно распространенным является понимание МСУ как низового звена исполнительной власти, обособленного от населения, часто дей-

Таблица 2

Связь между оценкой смысла реальной деятельности сотрудников государственных структур и восприятием местного самоуправления (%)

В чем состоит главный смысл реальной деятельности сотрудников государственных структур?	Что такое местное самоуправление?		
	государственная власть на местах	форма самоорганизации населения	затрудняюсь ответить
Получение максимального личного дохода	35.0	23.9	41.1
Защита корпоративных интересов	34.4	28.8	36.8
Защита интересов простых граждан России	26.1	21.0	52.9

ствующего в своих корыстных интересах, далеких от интересов жителей.

Следует подчеркнуть, что вовлечение населения в процесс самостоятельного решения вопросов местного значения сегодня не может обойтись без участия государственных структур. Это обстоятельство объясняет связь восприятия местного самоуправления с оценкой смысла реальной деятельности сотрудников государственных структур (табл. 2).

Среди тех, кто смыслом реальной деятельности сотрудников государственных структур считает получение максимального личного дохода или защиту корпоративных интересов, заметно выше доля тех, кто рассматривает МСУ как государственную власть на местах (35%). Среди тех же, кто смыслом реальной деятельности сотрудников государственных структур считает защиту интересов простых граждан, доля рассматривающих МСУ как государственную власть на местах заметно ниже (26%). Симптоматично, что именно среди них большинство затрудняется ответить, что такое местное самоуправление (52.9%). Иначе говоря, большинство опрошенных не представляют себе, как реально организована защита простых граждан на местах.

Интерес простых людей к участию в местном самоуправлении весьма ограничен. И хотя они понимают потенциально высокую значимость этого института, его реальное место в механизмах принятия решений и методы формирования его организационных структур не способствуют созданию действенных стимулов для включения граждан в этот процесс. Не имея ясного представления о сфере деятельности, зоне ответственности и полномочиях МСУ, граждане не стремятся отстаивать свои интересы через участие в самоуправлении. К тому же недоверие и настороженность по отношению к власти любого уровня формируют их исторически и культурно обусловленную позицию «не высовываться».

Убежденность значительной части граждан в невозможности на что-либо влиять закономерно порождает их пассивность в процессе избрания органов местного самоуправления. Как показывают результаты нашего исследования, выборы носят скорее формальный характер: голосуют за того, кого назначат или рекомендуют сверху (79.1%). Другой ответ: «у нас такие выборы не проводятся» или «я о них ничего не знаю» (5.3%). И лишь 11% отмечают самоорганизованность людей на этих выборах: жители сами подбирают кандидатов в органы местного самоуправления, от их мнения зависят результаты голосования.

Сегодня среди населения распространены следующие настроения, связанные с МСУ: власть не заинтересована в том, чтобы граждане участвовали в обсуждении и решении актуальных проблем своих территорий (33.2%), инициатива снизу не востребована, а порой и наказуема (30.3%), закон не требует, чтобы местная власть учитывала мнение людей, проводила референдумы (14.6%), настоящее самоуправление невозможно, пока его местные руководители получают заработную плату от региональной власти (13.7%), люди не хотят в какой-либо форме контактировать с местной властью (12.6%). Весьма важным представляется вывод о том, что самоуправление будет иметь деятельную поддержку граждан тогда, когда они на деле ощутят позитивные результаты своей активности.

Социальная пассивность граждан, увы, один из основных барьеров на пути становления эффективного самоуправления и модернизации страны. Тем более что издержки безальтерна-

тивной централизации власти в стране уже достаточно очевидны: расширение «ручных» методов управления со стороны центра, ухудшение качества управления, рост бюрократии, потеря прозрачности в отношениях между разными уровнями власти и, как следствие, рост коррупции, нерациональное использование государственных ресурсов, корыстно-иждивенческие настроения на всех «этажах» власти, разрыв связи между властью и народом.

Поскольку большинство населения не знает, чем занимается МСУ (52.7%), не удивительно, что его органы фактически не выполняют свои основные функции, определенные статьей 132 Конституции РФ – самостоятельное управление муниципальной собственностью, формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов, осуществление охраны общественного порядка. По мнению опрошенных, МСУ занимается прежде всего благоустройством территорий (23.9%) и агитацией за главу администрации (23.8%).

Определенный оптимизм внушает то, что каждый третий респондент (33.8%) принимал участие в мероприятиях, организуемых жителями самостоятельно. Вместе с тем две трети опрошенных не принимали в них участия (66.2%), что свидетельствует о значительном потенциале вовлечения людей в процесс самостоятельного решения вопросов местного значения. Достаточно очевидно, что инициативные и достойные граждане в органах МСУ могут появиться только в результате их отбора и мобилизации в ходе мероприятий, самостоятельно организуемых населением по месту жительства.

В соответствии со статьей 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что сегодня власть и органы МСУ в своей работе практически не используют формы прямого волеизъявления населения. Лишь 4,6% опрошенных заявили о том, что у них регулярно проводятся референдумы, сходы для решения важных вопросов. О том, что такие мероприятия проводятся редко, заявили 27,3%, а две трети опрошенных (67.3%) отметили, что референдумы, сходы для решения важных вопросов не проводятся никогда.

Вполне закономерен вывод о том, что сегодня органы МСУ, полностью зависимые от губернатора, не испытывают насущной необходимости в опоре на население, его позицию, мнение, преобладающие настроения. Значительная часть граждан, для которых такая позиция органов МСУ очевидна, не спешат «взваливать на себя» ответственность за дело, настоятельно требующее их активного, заинтересованного участия.

Одним из существенных противоречий процесса развития МСУ выступает сочетание двух тенденций: с одной стороны, унификации его правовых основ, с другой – учета местной специфики. Концепция Федерального закона № 131-ФЗ явно тяготеет к максимальной унификации правового регулирования в масштабах страны и оставляет мало места для учета местных особенностей. Заведомая нереалистичность его единообразного применения для всех муниципальных образований страны закономерно привела к принятию норм с весьма размытыми формулировками, предполагающими широкое поле деятельности для разного рода контролирующих органов. На практике регулирующая роль федерального закона оказалась во многом подменена его субъективным усмотрением.

Результаты опросов, проводимых ОКМО среди советов муниципальных образований субъектов РФ, свидетельствуют о том, что указанная подмена привела к гипертрофированной роли государственного контроля за органами МСУ [5]. В большинстве регионов отмечают, что ответы на запросы информации государственными органами отнимают львиную долю времени, еще больше трудностей вызывают бесконечные проверки муниципалитетов. По сути, органы местного самоуправления оказались переподчинены контролирующим органам. Следует отметить, что в январе 2013 г. состоялось заседание Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления, на котором были не только обозначены проблемы взаимодействия органов МСУ с контрольно-надзорными органами, но и было принято решение о подготовке законопроекта, регулирующего эти взаимоотношения [2].

Положение органов МСУ усугубляется тем, что в результате сокращения перечня налоговых источников местных бюджетов практически все муниципальные образования стали дотационными, даже среди наиболее обеспеченных городских округов таковых более 92%. В структуре финансовой помощи местным бюджетам все большее значение приобретают не дотации, направления расходования которых определяются самими муниципалитетами, а субсидии, то есть долевое участие вышестоящего уровня бюджетной системы в расходах, которые субъект Федерации считает необходимыми [6].

Дальнейшее уменьшение бюджетных возможностей муниципалитетов может породить острые проблемы в жизнеобеспечении населения конкретных территорий, а их слабая нацеленность на расширение налоговой базы территории может сократить размеры и без того скудных бюджетов. Исходя из этого, финансовая проблема была и на ближайшую и среднесрочную перспективу останется ключевой в развитии местного самоуправления. Важным фактором развития органов МСУ должно стать освобождение их от участия в решении не свойственных им административных задач без финансовых гарантий со стороны государства [7].

Острой проблемой развития МСУ в современной России является дефицит активности снизу, слабая готовность граждан к участию в местном самоуправлении, обусловленная тем, что большинство из них не видят во всем этом реального смысла [8]. В результате сообщество граждан, проживающих на конкретной территории, не трансформируется в субъект самоуправления. Органы МСУ, не опирающиеся на местное население, неизбежно превращаются в представительства государственной власти на местах, что существенно затрудняет их развитие как института, обеспечивающего эффективное самостоятельное решение населением вопросов местного значения.

Развитие действительного, а не кабинетного самоуправления позволит справиться с главными пороками современной российской власти, и прежде всего с отсутствием контроля со стороны местных сообществ. Снимая с государства тяжелую ношу обустройства всего и вся, занимаясь стратегией обихода «малых», но неотложных дел, выстраивая определенный уклад жизни, самоуправление во многом обусловливает ее качество, когда заботятся не столько о том, чтобы было много, а о том, чтобы было хорошо.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект 13-23-010009.

Список литературы

1. См.: Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по развитию МСУ 31 января 2013 года // Муниципальная Россия. 2013. № 1. URL: http://www.smono.ru/1359.html (дата обращения 14.05.2014 г.); Киричук С. Съезд муниципальных образований: главные выводы // Муниципальная Россия. 2013. № 9 URL: http://www.smono.ru/1359.html (дата обращения 14.05.2014 г.).
2. Киричук С. Вестник ОКМО: деятельность ОКМО и советов муниципальных образований // Летопись МСУ – 2013: факты и комментарии. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=2148 (дата обращения 14.05.2014 г.).
3. ОКМО. Национальное агентство муниципальной информации. Отчет о работе в 2013 году. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=286 (дата обращения 24.04.2014 г.).
4. ОКМО. Национальное агентство муниципальной информации. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=287 (дата обращения 14.05.2014 г.).
5. Власть вприглядку // Муниципальная Россия. 2013. № 2. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=82 (дата обращения 14.05.2014 г.). ОКМО. Национальное агентство муниципальной информации. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=286 (дата обращения 14.05.2014 г.).
6. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. ИНСОР. М.: Эконинформ, 2009. 524 с. С. 27.
7. За тем дело стало, что денег мало. СМО о совершенствовании финансово-экономических основ МСУ // Муниципальная Россия. 2013. № 7. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=82 (дата обращения 14.05.2014 г.).
8. Тлустенко А.П. О роли территориального общественного самоуправления в современном гражданском обществе. // Муниципальная реформа: опыт, проблемы, перспективы. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2007. С. 8–9.

COEVOLUTION OF STATE ADMINISTRATION AND SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

A.A. Voz'mitel', P.I. Kukonkov

The article examines actual characteristics of government and self-government of the Russian society and the state, as well as topical issues of interaction of these structures. The main focus is on the description and assessment of the relevant models of local self-government as a form of self-organization of the citizens' daily life and also as an important instrument to enhance democratic participation of citizens in the management of public affairs. An analysis of the main "problem spots" of Russian municipal practices suggests that in today's Russia, these issues can be resolved only by common efforts of governments and organizations that coordinate the activities of local government bodies.

Keywords: public administration, self-government, municipalities, daily life, social activity, social passivity.

References

1. Sm.: Perechen' poruchenii Prezidenta RF po itogam zasedaniia Soveta po razvitiiu MSU 31 ianvaria 2013 goda // Munitsipal'naia Rossiia. 2013. № 1. URL: http://www.smono.ru/1359.html (data obrashcheniia 14.05.2014 g.); Kirichuk S. S"ezd munitsipal'nykh obrazovanii: glavnye vyvody // Munitsipal'naia Rossiia. 2013. № 9 URL: http://www.smono.ru/1359.html (data obrashcheniia 14.05.2014 g.).

2. Kirichuk S. Vestnik OKMO: deiatel'nost' OKMO i sovetov munitsipal'nykh obrazovanii // Letopis' MSU – 2013: fakty i kommentarii. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=2148 (data obrashcheniia 14.05.2014 g.).

3. OKMO. Natsional'noe agentstvo munitsipal'noi informatsii. Otchet o rabote v 2013 godu. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=286 (data obrashcheniia 24.04.2014 g.).

4. OKMO. Natsional'noe agentstvo munitsipal'noi informatsii. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=287 (data obrashcheniia 14.05.2014 g.).

5. Vlast' vprigliadku // Munitsipal'naia Rossiia. 2013. № 2. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=82 (data obrashcheniia 14.05.2014 g.). OKMO. Natsional'noe agentstvo munitsipal'noi informatsii. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=286 (data obrashcheniia 14.05.2014 g.).

6. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: sostoianie, problemy, puti sovershenstvovaniia. INSOR. M.: Ekon-Inform, 2009. 524 s. S. 27.

7. Za tem delo stalo, chto deneg malo. SMO o sovershenstvovanii finansovo-ekonomicheskikh osnov MSU // Munitsipal'naia Rossiia. 2013. № 7. URL: http://www.xn--j1aeec.xn--p1ai/?id=82 (data obrashcheniia 14.05.2014 g.).

8. Tlustenko A.P. O roli territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniia v sovremennom grazhdanskom obshchestve. // Munitsipal'naia reforma: opyt, problemy, perspektivy. Khabarovsk: Izd-vo DVAGS, 2007. S. 8–9.

УДК 316

«ГАБИТУС ФАКУЛЬТЕТА» И СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (на примере факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)

© 2014 г.

***И.Л. Сизова*[1], *А.В. Ермилова*[2], *Т.М. Хусяинов*[2]**

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
[2]Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sizovai@mail.ru, alena.ermilova@mail.ru, timur@husyainov.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Целью статьи является теоретическое изучение и эмпирическое исследование коллективных габитусов, укорененных в классическом типе российского университета, и их влияния на социализацию студентов, шансы получения качественного профессионального образования, будущее социальное положение. В ходе стандартизированного анкетного опроса были исследованы мнения и оценки студентов первых и последних курсов всех специальностей и направлений подготовки по широкому кругу вопросов, затрагивающих их учебу и жизнь в инновационном университете. В результате анализа полученных данных в контексте теории капиталов и габитуса П. Бурдье сформулированы выводы о роли обновляемого университета в качестве значимого агента социализации студенческой молодежи, формировании установок в отношении профессиональной жизни, оснований для поддержания и/или развития социального неравенства в обществе. В практическом плане итоги исследования являются основой для разработки модели кураторства на факультете социальных наук, а также модернизации образовательной, научной и воспитательной работы со студентами.

Ключевые слова: социализация, габитус факультета, социальное пространство, культурный капитал, стили жизни, классический университет.

Высшая школа как общественный институт считается значимым агентом социализации студентов и одновременно инстанцией с определенной региональной и локальной спецификой. Классический университет отличается от иных высших учебных заведений долгой историей становления и развития, а также наличием потенциала научности. Задача университета не ограничивается передачей профессиональных знаний, помимо этого университет призван формировать у студентов основы критического мышления и восприятия реальности. Университет заинтересован в подготовке кадров, которые могут стать интеллектуалами в широком смысле. С ростом доступности высшего образования в современном обществе возникает важный вопрос, остается ли по-прежнему ценным для общества идеал образования через науку, либо высшим учебным заведениям следует ориентироваться на выработку сугубо профессиональных навыков. Данный вопрос наводит нас и на иную проблему общества – насколько необходимо сейчас государству поддерживать и развивать классические университеты в условиях возникновения новых образовательных форм.

Университет представляет собой инстанцию, где осуществляется социализация студентов. В социологической науке она анализируется с позиций института и индивидов. Социализацию студентов П. Бергер и Н. Лукман [1] рассматривают как вторичный процесс в образовательной, воспитательной и научной подсистемах, когда уже социализированная личность включается в контрастное пространство университета. Здесь важно изучение процесса изменения индивида. Следуя концепции П. Бурдье [2], в рамках высшей школы образуется специфический габитус, который формирует диспозиции обучающихся, результатом практики которых является образование самобытного способа конструирования реальности. Габитус мы определим как систему ценностей и модели восприятия и мышления, которые оказывают влияние на характер действий индивида. Габитус структурирует действительность, и решение проблем достигается специфическим способом, зависящим от габитуса. Отличительные признаки группы определяют содержание коллективного габитуса, в рамках которого образуются господствующие правила, обусловливающие определенное поведение. Габитус университета формируется сту-

дентами и сотрудниками университета, бывшими и настоящими. Какие факторы определяют габитус университета/факультета, как он реализуется на практике и воздействует на индивидов – вот главные вопросы, ответив на которые можно задать курс и сориентировать планы по социокультурной, воспитательной работе со студентами, по формированию инновационной учебной и научной культуры, управлению университетами в России.

Эффект социализации в университете носит долгосрочный характер, оказывая влияние на индивидуальный габитус личности. Главная проблема здесь заключается в выявлении и расшифровке его базовой схемы действий. П. Бурдье отмечал, что габитус может быть усвоен при помощи практических компетенций [2]. Так, если подобная практика признается и применяется, появляется возможность управлять процессом социализации. В современных условиях особенно важно управлять процессом социализации студентов посредством габитуса, поскольку механизмы отчисления, смена направления подготовки и пр. в высших учебных заведениях все меньше зависят от внутренних правил и принципов. Одновременно с этим поддержание габитуса университета в целом и его дифференцированных единиц (факультетов) позволит сохранить ценность университетского образования и профессиональных навыков.

Центральное место в изучении габитуса факультета занимает концепция П. Бурдье о социальном пространстве, категории «габитус», «поле», «социальная репродукция». Кроме этого, в исследовании данного феномена используются идеи У. Бека о стилях жизни [3], жизненный мир А. Щюца [4], символический интеракционизм Дж. Мида [5] и И. Гофмана [6], коммуникации Ю. Хабермаса [7], гуманистическая психология К. Роджерса [8], семейная терапия В. Сатир [9].

Габитус факультета формируется определенной социальной общностью, репродуцируя ее сходное мышление, восприятие, ценности и социальные практики, и этим отличается от других коллективных габитусов. В качестве значимых индикаторов дифференциации габитусов факультета выступают: социодемографические данные, стиль жизни студентов, организация учебного процесса, структуры интеракции, модели самоидентификации. Следует обратить внимание и на данные студентов между началом и окончанием времени обучения, поскольку габитус факультета есть результат социализации. Заключительный аспект исследуемой проблемы состоит в установлении переменных, которые покажут значимость для студентов отдельных областей жизни (наука, профессия, культура, политика) и трудовой культуры (условия труда, доход, профессиональные обязанности, график работы и отдыха, формы занятости и пр.).

Объект исследования – факультет социальных наук (ФСН) классического университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). Нижегородский государственный университет является не только учебным заведением с давними традициями, он динамично развивается в начале XXI в. В рамках университета существует множество факультетов, каждый из которых имеет свою историю, сложившийся имидж. Каждый студент обладает личным габитусом, модифицирует его в ходе пребывания на факультете и в университете в целом, что, в свою очередь, отражается на габитусе факультета.

Основным методом исследования является стандартизированный анкетный опрос студентов первых и последних курсов факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В данной работе приводятся некоторые результаты исследования, проведённого на факультете в период с марта по апрель 2014 г. В ходе исследования было опрошено 150 респондентов, по 50 человек с каждого направления подготовки: социология, социальная работа, психология. При этом каждая группа делилась на две подгруппы по 25 человек. В первую подгруппу вошли студенты первого курса, во вторую выпускники (студенты 4-го курса бакалавриата, 5-го курса специалитета и магистранты).

В ходе исследования было опрошено 81% девушек и 19% юношей, что полностью характеризует особенность гендерной структуры факультета. Большинство учащихся – жители г. Нижнего Новгорода, 21% приехали учиться из села/поселка/города Нижегородской области, 13% из села/поселка/города за пределами Нижегородской области. Отсюда и распределение по месту жительства – коренные нижегородцы проживают вместе с родителями, приезжие снимают квартиры либо живут в студенческом общежитии. В основном студенты факультета социальных наук – выходцы из так называемого среднего класса.

С поступлением в университет многие молодые люди начинают не только самостоятельную жизнь, но и сталкиваются с первыми серьёзными трудностями, одна из которых – выбор будущей профессии. Вуз и факультет, которые выбирает абитуриент, не только оказывают влияние на его будущее профессиональное ста-

новление, но и выступают в роли мощнейшего агента социализации личности.

В целом, по результатам исследования, студенты факультета социальных наук ориентированы на получение профессионального образования и на обучение выбранной специальности (направления подготовки). Более половины студентов заинтересованы в выбранной профессии (58%), для 47% студентов при выборе специальности имели значение их способности и таланты. Однако существенное число студентов при выборе места обучения надеялись, что, получив образование здесь, они будут обладать более разнообразными возможностями трудоустройства (42%), смогут найти стабильную работу и сделать карьеру (37%). Таким образом, можно отметить, что при выборе будущей специальности и поступлении на факультет социальных наук более важным критерием является не столько возможность выгодного трудоустройства, сколько возможность заниматься интересным делом и самореализовываться, используя свои навыки и таланты. Данный вывод подтверждается результатами опроса: необходимость обучения в университете вызвана в первую очередь необходимостью стать образованной личностью (92%), трудоустроиться на интересную работу и развивать собственные идеи (68%). В выбранной профессии большинство студентов факультета социальных наук видят возможность реализации самостоятельности, собственных идей и карьерные перспективы.

По мнению респондентов, для их личностного и духовного роста очень важно завершить учёбу вовремя, приобрести практические навыки во время учёбы в университете, получить как можно более высокие оценки. При этом стоит отметить, что студенты 1-го курса проявляют существенно бóльшую заинтересованность в получении высоких оценок (81%), чем выпускники (52%), и более заинтересованы в участии в различных внеучебных мероприятиях на факультете (41% и 15% соответственно). Иначе дело обстоит с необходимостью параллельно обучаться другой специальности, подобное желание возрастает с 29% у первокурсников до 38% у выпускников.

После окончания университета, а иногда и во время обучения встаёт вопрос о поиске работы. В качестве профессий, пользующихся спросом респондентов, можно выделить СМИ и коммуникации (41%), третья часть студентов хотят работать в органах власти, и 26% видят свое будущее в социальных службах. Приоритетны и свободные профессии, такие как художник, поэт, писатель (23%). Что касается оценки шансов в поиске работы после окончания университета: 60% студентов предвидят трудности с поиском работы, из них 12% указывают на серьезные трудности, а 13% связывают трудности со специфичностью получаемого образования. В итоге имеем следующую картину: студенты хоть и видят в обучении выбранной профессии реализацию личностных и профессиональных амбиций, но в вопросе трудоустройства по специальности оценивают свои шансы достаточно низко.

Отдельный блок вопросов в исследовании уделён учебному процессу на факультете и тому, как его оценивают студенты. В целом, студенты позитивно относятся к обучению на факультете: половина студентов указывают на хорошие отношения с преподавателями, отсутствие дискриминации студентов, ясные требования к учебному процессу. Мнения другой половины студентов разделились, а именно: около 28% затруднились с ответом, остальные не в полной мере удовлетворены процессом обучения. Требования, предъявляемые к студентам в процессе обучения, по мнению большинства опрошенных, соответствуют развитию профессиональных знаний и навыков, однако выпускники все же хотят некоторого снижения требований. Что касается стимулирования развития компетенций, то, по мнению первокурсников, способность критически мыслить, решать и анализировать проблемы, общее личностное развитие не в полной мере представлены, чего не скажешь о выпускниках, которые выделяют перечисленные компетенции как самые доступные на факультете, однако лишь третья часть выпускников отмечают, что учеба стимулирует развитие практических навыков работы по выбранной специальности.

По мнению студентов, учебный план в процессе обучения незначительно/частично меняется; посещаемость аудиторных занятий достаточно высокая, только немного снижается к выпускному курсу. При этом студенты отмечают, что во время занятий внимательно слушают преподавателя (66%), посещают все занятия (72%) и принимают активное участие в групповых работах с другими студентами (47%). Лишь небольшая часть (9%) посещает занятия формально, просто для «галочки». 8% студентов прогуливают занятия, а 5% иначе нарушают учебную дисциплину.

По результатам исследования, студенты факультета социальных наук ориентируются на различные программы дополнительного профессионального образования, тренинги и курсы.

Так, 66% студентов намерены в будущем получить второе профессиональное образование. Другой популярный у студентов ФСН способ повысить свои шансы на рынке труда – посещение курсов иностранного языка, что особенно актуально в свете процессов глобализации, вступления России в ВТО и активного проникновения зарубежных компаний на российский рынок не только сбыта, но и производства. Хорошее знание иностранного языка в дополнение к базовому образованию может повлиять на построение успешной карьеры. Пройти курсы иностранного языка намерено 58%, 18% уже воспользовались этой возможностью. Популярны у студентов различные тренинги и неязыковые курсы, им отдают предпочтение 22%, а ещё 47% планируют. Менее популярно среди студентов ФСН проявление научной активности: участвовали в конференциях и публиковали статьи только 19% студентов, но ещё 34% планируют это сделать в будущем. Данное положение отражает отношение студенчества к науке в целом, а не только на факультете социальных наук. Основное внимание концентрируется на приобретении практических знаний и навыков, которые могут быть задействованы при трудоустройстве после окончания университета.

Ещё один способ получить профессиональный опыт и навыки во время обучения – устройство на работу. Чаще всего это временная, частичная или удалённая занятость. По данным исследования, около 40% студентов ФСН совмещают работу и учёбу. Устроиться по специальности удалось лишь 8%, большинство же работают не по специальности. Среди студентов распространена практика неофициального трудоустройства, когда работодатель не заключает со студентом трудового договора, а их отношения строятся на устных договоренностях. У современных студентов внеучебная занятость занимает все больше времени и, зачастую, выходит на первый план относительно получения высшего образования. Студенты обосновывают это тем, что работодатель требует опыта работы, который, как правило, у студентов очного обучения отсутствует, поэтому необходимо как можно раньше начать трудовую деятельность, к тому же это дополнительный доход, что тоже немаловажно для студентов.

Если данный вопрос дифференцировать по курсам, получается следующая картина: работающих первокурсников 25%, студентов четвертого курса 67%, пятикурсников и магистрантов 39%. Практически 70% студентов четвертого курса работают в сфере, не связанной с получаемой профессией. Полученные данные можно трактовать по-разному, возможно, данная ситуация полностью отражает текущую конъюнктуру рынка труда. Работающие студенты в целом довольны своей внеучебной занятостью, для них главными мотивами являются экономические причины и накопление социальных связей и навыков работы. Студенты испытывают нехватку денежных средств для организации отдыха, покупки желанных вещей и т.п. Помимо материального благосостояния студенты озабочены учебными проблемами (сдача зачетов и экзаменов, проблемы в текущей учебе), и около половины студентов тревожатся за свое профессиональное будущее. 30% студентов испытывают депрессии и страхи, озабочены личными невзгодами. Таким образом, студенческая молодежь живет в напряженное время, когда процесс обучения совмещен с работой, а помимо текущих учебных проблем присутствуют страхи и неуверенность в своем будущем.

Коммуникационное пространство студентов ФСН состоит в основном из друзей, родственников, однокурсников и преподавателей. Однако 70% обучающихся не хотели бы встречаться чаще со своими преподавателями, как и с сотрудниками деканата, кафедр и иными университетскими лицами. Взаимодействием с другими студентами и преподавателями довольна половина студенчества.

Внеучебная деятельность факультета представляет весьма скромный интерес для студентов ФСН: большинство не проявляют интереса к участию в различных конференциях, круглых столах, культурных мероприятиях и т.п., причем эта апатия выше на выпускных курсах. Студенческие объединения, которых в ННГУ им. Н.И. Лобачевского достаточно много, студенты рассматривают не как административные органы, призванные отстаивать и защищать права студентов, улучшать образовательный процесс, а как источник культурно-развлекательных мероприятий.

Во время обучения в университете большинство студентов обеспечиваются родителями, около 13% студентов живут исключительно за счет собственной заработной платы, и приблизительно для 20% студентов их заработной платы хватает, чтобы частично обеспечить себя. Среди студентов старших курсов около половины полностью или частично обеспечивают себя, но все равно многие из них остаются зависимыми от поддержки родителей. Текущие материальные проблемы и те, которые могут возникнуть в будущем, волнуют около 45% студентов.

Активному досугу студенты предпочитают домашние формы: «общаюсь с друзьями» – 82%, «сижу за компьютером, в Интернете» – 79%, «читаю книги, журналы» и «занимаюсь домашними делами» – 71%. Однако это не означает, что активные формы досуга чужды студентам, они редко, но посещают клубы, театры, выставки, ездят на дачу, в деревню и т.п.

Студенты видят следующие направления развития университета: увеличение бюджетных мест, обновление учебных планов и программ, средств и методов обучения, активизация системы изучения предметов по выбору, осуществление работы между университетом и работодателями, увеличение времени на практику. Значительная часть студенчества не удовлетворена организацией питания в университете, техническим и мультимедийным оснащением аудиторий и комфортом помещений. Однако достаточно странным является желание реформировать учебный план и работу преподавателей, поскольку, как говорилось выше, студенты отмечают, что настоящий учебный процесс и методы преподавателей в достаточно высокой степени стимулируют развитие необходимых навыков и компетенций. Вероятно, с техническим прогрессом и переходом на Болонскую систему образования студенты хотят видеть в университете европейские стандарты обучения как в оснащении аудиторий, так и в моделях проведения занятий.

Таким образом, был рассмотрен габитус факультета на примере факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Специфичный габитус факультета, выраженный в оценках студентов ФСН, характеризуется как размытый и недостаточно выраженный и в определённой степени противоречивый. Так, студенты факультета в своём большинстве заинтересованы в получении образования и воспринимают обучение в университете как возможность для саморазвития, однако оценивают свои шансы на трудоустройство как низкие. Вероятно, по этой причине мысли о получении второго высшего образования достаточно распространены среди них. Общение с руководством факультета и преподавателями у студентов не интенсивное, а отношение к процессу обучения скорее равнодушное, частично прагматическое. Работа профессорско-преподавательского состава высоко оценивается респондентами, но, по мнению студентов, нуждается в совершенствовании, как и в целом организация работы факультета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 14-33-01001 «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета (на примере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)».

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдье П. Практический смысл // Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
5. Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Институт бизнеса и политики, 1996. С. 213–222.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 380 с.
8. Роджерс К. Становление личности Взгляд на психотерапию. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 416 с.
9. Сатир В., Бэндлер Р., Гриндер Д. Семейная терапия: Практическое руководство / Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 244 с.

«FACULTY HABITUS» AND SOCIALIZATION OF STUDENTS IN A CLASSICAL UNIVERSITY (A CASE STUDY OF THE FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNI NOVGOROD)

I.L. Sizova, A.V. Ermilova, T.M. Khusyainov

This paper presents the results of a theoretical and empirical study of collective habituses rooted in a classical type of a Russian university and of their impact on the socialization of the students, their chances of getting high-quality professional education and their future social status. The object of study is the faculty of social sciences and humanities of a classical University, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, that has experienced a rapid growth in the post-perestroika period. In the course of a standardized questionnaire survey, the opinions and assessments of students of the first and last years in all areas of studies were collected on a wide range of issues affecting their studies and life in an innovative university. As a result of the analysis of the data obtained, conclusions were formulated in the context of P. Bourdieu's theory of capital and habitus on the role of the University as a significant agent of students' socialization, of shaping their attitudes towards professional life, the grounds for maintaining and/or developing social inequality in society. In practical terms, the results of the study provide the basis for developing a model of academic supervision at the Faculty of Social Sciences, and for modernizing educational, research and character building work with students.

Keywords: socialization, faculty habitus, social space, cultural capital, lifestyles, classical university.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia. M.: Medium, 1995. 323 s.
2. Burd'e P. Prakticheskii smysl // Per. s fr.: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaia, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Otv. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb.: Aleteiia, 2001. 562 s.
3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoi. M.: Progress-Traditsiia, 2000. 383 s.
4. Shiutts A. Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii / Sost. A.Ia. Alkhasov; Per. s angl. A.Ia. Alkhasova, N.Ia. Mazlumianovoi; nauchn. red. perevoda G.S. Batygin. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 336 s.
5. Mid Dzh. G. Ot zhesta k simvolu // Amerikanskaia sotsiologicheskaia mysl': Teksty. M.: Institut biznesa i politiki, 1996. S. 213–222.
6. Gofman I. Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni. M.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2000. 304 s.
7. Khabermas Iu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. SPb.: Nauka, 2006. 380 s.
8. Rodzhers K. Stanovlenie lichnosti Vzgliad na psikhoterapiiu. M.: Eksmo-Press, 2001. 416 c.
9. Satir V., Bendler R., Grinder D. Semeinaia terapiia: Prakticheskoe rukovodstvo / Per. s angl. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2008. 244 s.

УДК 316.014

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА

© 2014 г.

М.В. Плотников

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

plotnikovm@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2014

Предложено авторское понимание определения, объекта, функций и структуры социальных технологий менеджмента. Описанная позиция представляется конструктивной основой для реализации исследовательских и практических задач, а также для разработки профессиональных стандартов социальных технологий менеджмента.

Ключевые слова: социальные технологии, менеджмент, модель, структура.

Разработка, выбор, применение и исследование социальных технологий менеджмента представляют собой непростые задачи, учитывая степень теоретической неопределенности и практическое обилие и разнообразие применяемых и предлагаемых вариантов.

Спецификация социальных технологий менеджмента

Несмотря на разнообразие существующих социальных технологий менеджмента и практики их применения, представляется возможным обозначить их общее целевое назначение. «Социальные технологии, являясь связующим звеном между социологической теорией и методологией, с одной стороны, и социальной практикой – с другой, обеспечивают научно обоснованный выбор оптимальных способов воздействия субъектов управления на объект с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей» [1, с. 51]. В самом общем виде можно утверждать, что «назначение социальных технологий – управляемое воздействие на социальную реальность» [2, с. 5]. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, «характер социальной технологии, ее особенности обусловлены внутренней природой самого объекта технологизации и социальной установкой на ее разработку и внедрение» [3, с. 486]. Таким образом, для того чтобы точнее определить целевое назначение и характер современных социальных технологий менеджмента, необходимо обозначить их объект.

Традиционно в качестве объектов социальной технологии менеджмента принято выделять [4, с. 40]:

– работников, с их социальными качествами, мотивами поведения, социальными ролями, целями и ценностями;

– малые и большие социальные группы организации;

– социальную сущность организации (выступающая неформальной структурой взаимодействия между участниками организации в контексте ее наиболее общих целей и задач);

– социальную реальность (как «моментальный фотоснимок», конструируемый участниками организации в рамках ее социальной сущности посредством взаимодействия в соответствии с их взаимными ожиданиями).

Следует, однако, заметить, что такое разностороннее понимание объектов может существенно затруднять стандартизацию и операционализацию направленной на него деятельности. Если рассматривать социальные технологии как средство менеджмента, то их потенциальным объектом следует признать все социальные объекты менеджмента: «функционирование социальных технологий всегда связано с потребностью оптимизировать социальное управление, быстро и оперативно тиражировать социальные приемы и процедуры» [3, с. 486].

В то же время, учитывая практическую процессную направленность менеджмента, это разнообразие объектов целесообразно сузить до социального взаимодействия сотрудников и контрагентов организации. Следуя предложенной логике, в качестве структурных единиц такого объекта можно выделить:

– социальное поведение – форму и содержание демонстрируемого поведения;

– социальный контекст – нормы, артефакты, структуры, процессы и институты, в контексте которых демонстрируется и воспроизводится поведение.

Эти два компонента являются взаимовлияющими и взаимообусловливающими друг дру-

Таблица 1

Типы ситуаций в объектах СТМ

Критерии		Групповой контекст	
		Совпадает	Не совпадает
Организационный контекст	Совпадает	I Взаимодействие между сотрудниками одного подразделения одной организации	II Взаимодействие между сотрудниками разных подразделений одной организации
	Не совпадает	III Взаимодействие между сотрудниками организации и внешними контрагентами	IV Взаимодействие между сотрудниками разных организаций, работающих в составе одной проектной группы

га. Понимание и изменение одного невозможно в отрыве от другого. Различая групповой и организационный социальный контекст, представляется возможным выделить четыре группы возможных ситуаций – объектов социальной технологии менеджмента, обладающих определенной спецификой (табл. 1.)

Исходя из предложенного понимания объекта, можно выделить три основные функции социальных технологий менеджмента: 1) изучение; 2) обеспечение; и 3) преобразование социального взаимодействия для подготовки и/или реализации управленческих решений.

Обобщая сказанное выше, дадим авторское определение: социальная технология менеджмента – это технология изучения, обеспечения и изменения социального взаимодействия сотрудников и контрагентов организации для подготовки и/или реализации управленческого решения.

Применимость и успешность социальных технологий менеджмента определяется рядом общих и частных требований, предъявляемых к их структуре и процессу использования.

Выделяют четыре общих требования (т.е. универсальных для социальных технологий независимо от функциональной сферы их применения), каждому из которых соответствует определенная группа принципов, направленных на их реализацию [5, с. 47–50]:

1. Требование социальной значимости, диагностичности и достижимости цели. Этому требованию соответствуют следующие принципы:

– принцип актуальности цели, определяющий высокую социальную значимость цели социальной технологии;

– принцип диагностичности, регламентирующий наличие системы критериев и показателей, позволяющих констатировать достижение цели;

– принцип прогностичности, обусловливающий проведение оценки, экспертизы достижимости цели социальной технологии, определение возможных неблагоприятных последствий, вызванных достижением цели.

2. Требование выраженности ценностно-смысловой направленности социальной технологии. Ценностно-смысловая направленность социальной технологии выражает отношение к объекту социальной технологии в профессиональной группе, а также допустимую границу вмешательства в процесс становления и развития объекта социальной технологии, границу трансформации этого объекта. Этому требованию соответствует группа принципов, которая ориентирована на обеспечение взаимосвязи цели и способов ее достижения, а также на сохранение единства системы норм и ценностей профессиональной деятельности разработчиков социальной технологии при переходе от одного плана деятельности к другому:

– принцип константности ценностно-смысловой направленности, определяющий сохранение ценностно-смысловой направленности социальной технологии при переходе от одного плана деятельности к другому;

– принцип взаимосвязи с целью, регламентирующий непротиворечивость цели и ценностно-смысловой направленности социальной технологии;

– принцип инструментальности, определяющий наличие компонента (компонентов) социальной технологии, обеспечивающих реализацию и сохранение ценностно-смысловой направленности социальной технологии.

3. Требование оптимальности социальной технологии. Ему соответствуют:

– принцип нормативности, регламентирующий нормативно-правовое обеспечение разработки и применения социальной технологии в вузах;

– принцип ресурсоемкости, определяющий соответствие уровня ресурсного обеспечения социальной технологии уровню развития вуза, его возможностям;

– принцип наукоемкости, обусловливающий решение социально значимых целей на основе новых научных идей.

4. Требование гарантированности и воспроизводимости результата. Этому требованию соответствует:

– принцип воспроизводимости социальной технологии, определяющий описание диапазона условий, в которых ее применение приведет к достижению поставленной цели;

– принцип гарантированности результата, определяющий необходимость обоснования компонентного состава социальной технологии как необходимого и достаточного для достижения цели.

Современный менеджмент как методология, теория, методика и практика управления организациями имеет ряд характерных особенностей, которые определяют специфику разрабатываемых и используемых в его контексте социальных технологий и предъявляемые к ним частные требования. К наиболее значимым частным требованиям можно отнести:

1. Требование управленческой целесообразности, т.е. ориентацию на достижение результата (цели).

2. Требование применимости, предполагающее соответствие технологии текущему организационно-управленческому контексту и уровню полномочий её пользователя.

3. Требование результативности, т.е. способность технологии обеспечить воспроизводство заданного результата.

4. Требование эффективности, т.е. ориентацию на эффективность решений (как соотношение совокупных затрат и получаемого результата).

5. Требование прозрачности и контролируемости процессов, обусловленное необходимостью оперативного получения достоверных сведений о параметрах и промежуточных результатах внутренних процессов.

6. Требование объективной измеримости процессов и результатов деятельности.

7. Требование эргономичности, т.е. удобства её применения заказчиком (пользователем).

Важно отметить, что применение социальной технологии менеджмента как инструмента управления неразрывно связано с особенностями заказчиков (пользователей).

Заказчиками (пользователями) социальных технологий менеджмента могут быть:

– CEO (Генеральный/исполнительный директор), высшие должностные лица (собственники, топ-менеджеры);

– руководители линейных и функциональных подразделений;

– специалисты функциональных служб (персонал, качество и т.п.);

– консультанты по управлению и развитию организаций;

– исследователи организаций и управления.

К числу наиболее значимых особенностей, которые необходимо учитывать, следует отнести:

– индивидуальные и должностные цели, их согласованность и рассогласованность;

– индивидуальные и должностные ограничения, их согласованность и рассогласованность;

– уровень власти и полномочий в контексте организации;

– квалификацию и компетентность.

Учет приведенных выше общих и частных требований, принципов и особенностей необходим для обеспечения успешности практики применения социальных технологий менеджмента.

Базовые компоненты в структуре социальной технологии менеджмента

Современные технологии менеджмента неоднородны по своей структуре и степени ее сложности. Наряду с относительно простыми моделями, в явном виде включающими только предписываемую последовательность операций и некоторые замечания по их выполнению, существуют технологии, разработанные весьма детально, в структуре которых представлено множество различных компонентов.

Какой же должна быть необходимая и достаточная структура эффективной социальной технологии менеджмента? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к типовой структуре социальной технологии, провести анализ структуры современных социальных технологий менеджмента, сопоставить их с требованиями, принципами и особенностями, обозначенными в предыдущей части.

Наиболее полно структура социальной технологии описана Н.В. Бордовской. Опираясь на сформулированные требования (диагностичность цели, оптимальность средств, гарантированность достижения цели, воспроизводимость результата) и принципы, направленные на их реализацию, она приходит к выводу, что компонентный состав социальной технологии должен включать [6, с. 50–53]:

– целевой компонент, представляющий собой систему критериев и показателей достижения цели. В него входят:

○ система знаний о желаемом состоянии объекта;

○ метод диагностики;

○ средства оценки объекта, его идентификации с моделью;

– содержательный компонент, который определяет отношение между субъектом и объектом социальной технологии. В зависимости от того, выступает социальная технология как теоретическая система, метод или средство достижения социально значимой цели, содержательный компонент может выступать как:

○ модель взаимодействия субъекта и объекта социальной технологии;

○ совокупность социальных норм, регламентирующая последовательность и характер выполняемых действий субъектов социальной технологии и меру их ответственности за свои действия;

○ специфика применяемой системы средств достижения поставленной цели;

– прогностический компонент, учитывающий возможные неблагоприятные последствия от применения социальной технологии, нежелательные изменения в тех социальных системах, в которых она будет применяться. Кроме того, в прогностический компонент могут быть включены возможные пути преодоления возможных неблагоприятных последствий от применения социальной технологии. Соответственно прогностический компонент может выступать как:

○ знание о содержании социального риска, способах определения вероятности его наступления и нейтрализации последствий;

○ предписания, нормы, запрещающие совершение действий, увеличивающих вероятность наступления социального риска, или предписывающие совершение действий, снижающих, нейтрализующих возможные неблагоприятные последствия от применения социальной технологии;

○ средства определения вероятности наступления или нейтрализации неблагоприятных последствий;

– стабилизационный компонент, обеспечивающий воспроизводимость социальной технологии в аналогичных условиях, содержит описание этих условий. В стабилизационный компонент может входить также совокупность факторов, которые влияют на успешность применения конкретной социальной технологии в вузовской практике. Таким образом, стабилизационный компонент может выступать как:

○ знания о факторах, определяющих эффективность социальной технологии, а также об условиях ее применения;

○ правила, допускающие использование социальной технологии;

○ средства, позволяющие идентифицировать условия применения социальной технологии.

Рассматривая структуру социальной технологии менеджмента на примере технологий диагностики, В.В. Щербина и Е.П. Попова выделяют три основных блока [5, с. 201–224]:

1. Блок описания реального состояния объекта (БОРСО). Этот блок составляет информационную основу диагностики. Блок представляет собой относительно самостоятельную технологию получения информации о состоянии социального объекта. Его основная задача – предложить стандартную процедуру получения информации, направленную на непротиворечивое описание социальной целостности, включенную в деятельность в рамках данной системы управления. Содержание БОРСО существенно различается в разных технологиях и зависит от многих факторов. В числе последних:

– тип диагностируемого объекта. В качестве такового могут выступать различные типы социальных целостностей: а) организация, б) целевая группа (коллектив), в) индивид; г) целевое окружение (другие организации, с которыми данная организация находится в социальном взаимодействии);

– тип решаемой задачи. В качестве таковых могут рассматриваться задачи: а) формирования организационной стратегии развития организации; б) формирования кадровой стратегии; организационного проектирования или реконструкции; в) подбора персонала; г) аттестации персонала; д) планирования карьеры работника; е) формирования или изменения состава коллектива; ж) разрешения или смягчения конфликтов; з) формирования организационного ядра; и) стабилизации кадрового состава; к) формирования и корректировки корпоративной культуры и другие задачи, лежащие (по преимуществу) в сфере управления человеческими ресурсами;

– источники получения информации (субъективная информация, объективированная субъективная информация, объективная документальная информация, данные статистики и др.);

– методы получения информации и тип информации;

– способы обработки и анализа полученной информации (например, количественный или качественный анализ);

– степень формализации показателей, в которых происходит описание объекта (количественная или качественная информация);

– степень технологизации и стандартизации процедур диагностики;

– степень возможности переноса данного средства с одного объекта на другой;

– простота заложенных в данное средство процедур;

– надежность и валидность данной методики.

2. Блок задания должного состояния объекта (БЗДСО). Этот блок содержит в себе:

– описание целей;

– описание нормативов.

3. Блок определения рассогласования между должным и реальным состояниями (БОРДР). Этот блок обеспечивает соотнесение реального и должного состояний. На его основе определяются уровень и тип отклонения реального состояния от должного, дается заключение о необходимости и направленности вмешательства в состояние или режим работы объекта. На основе этого соотнесения готовятся соответствующие управленческие решения.

В структуре западных социальных технологий менеджмента часто встречаются следующие разделы:

– кейс (повествование о реальной ситуации, в которой имело место успешное применение технологии);

– концептуальное описание;

– назначение и границы применимости;

– ожидаемые результаты;

– теоретические основы;

– описание процесса реализации технологии (алгоритм действий);

– схема принципов и механизмов действия технологии;

– роли, обязанности и взаимоотношения (конкретное описание способов и качества действия участников процесса реализации технологии);

– прогноз изменений в структуре власти и полномочий;

– прогноз затрат и ожидаемой эффективности;

– риски и способы их компенсации/нейтрализации;

– описание условий успешности применения технологии;

– типовые ошибки и способы их устранения/предупреждения;

– закрепление результатов после реализации/внедрения.

Следует отметить, что наличие многих разделов обусловлено коммерческой необходимостью: технологии являются рыночным продуктом консультантов, обеспечивающим их конкурентные преимущества, поэтому, помимо основной утилитарной функции, такая структура способствует реализации маркетинга и продаже самой технологии, предлагающего её консультанта или консалтинговой компании.

Современные российские социальные технологии менеджмента по своей структуре преимущественно либо повторяют структуру зарубежных технологий-оригиналов, с которых они были адаптированы, либо в упрощенном виде соответствуют структуре исходной теоретической модели, выбранной для работы с конкретной управленческой ситуацией. Согласно В.В. Щербине, к числу наиболее популярных у практиков моделей можно отнести [5, с. 221]:

– «модель сложных организаций» Дж. Томсона. Она показывает логику формирования организационных структур и стратегий развития организаций в связи с типами зависимостей между подразделениями организаций, а также дает представление о принципиальном различии функций подразделений «технического ядра» и «буферной зоны»;

– разработки А. Чендлера, выделяющего два принципиально различных типа стратегий развития бизнес-организаций, детерминирующих формирование двух типов организационных структур;

– разработки Г. Саймона и Ф. Селзника, вводящие критерии оптимальности организационных структур, задающих логику процесса организационного развития, а также признаки этого процесса;

– разработки П. Лоуренса и Дж. Лорша, связывающие логику развития организации с проблемой преодоления неопределенности в организационном окружении и описывающие логику и проблемы развития «комплексных организаций»;

– «модель теории жизненных циклов» И. Адизеса и Л. Грейнера, фиксирующая внимание на закономерностях и стандартных этапах организационного развития, а также на условиях протекания этого процесса и проблемах, возникающих при прохождении каждого этапа;

– модели Г. Саймона, А. Этциони, связанные с выявлением природы, типов и логики формирования разнотипных дисфункций, возникающих в организации в процессе развития.

Опираясь на проведенный теоретический анализ, типовую структуру социальных технологий, варианты структуры социальных технологий менеджмента, применяемых в России и за рубежом, личную управленческую и консультационную практику, автору представляется воз-

Таблица 2

Обобщенная структура социальной технологии менеджмента

Блоки	Элементы	Содержание	Ключевые вопросы, на которые отвечает элемент
1. Блок описания	1.1. Теоретическая модель	Дескриптивная модель объекта, включающая: язык описания; элементы объекта, подлежащие описанию и измерению; единицы измерения	Как устроен объект?
	1.2. Средства описания и измерения	Методы, методики и приемы объективного описания и измерения объекта	С помощью каких средств можно описать и измерить объект?
	1.3. Целевое состояние объекта	Описание должного состояния (нормативов)	Каким должен быть объект?
	1.4. Исходное состояние объекта	Описание текущего реального состояния объекта как измеряемого отклонения от заданных нормативов	Каково текущее реальное состояние объекта? Насколько велико расхождение реального состояния с должным?
2. Блок воздействия	2.1. Алгоритм	Нормативная модель – предписанная последовательность воздействий на объект, содержащая: – стадии, фазы, этапы или шаги осуществления воздействия; – описание принципов и механизмов воздействия; – описание ожидаемых результатов осуществления воздействия на каждом этапе	Что следует делать для приведения объекта к должному состоянию? Как и почему это работает? Что будет происходить с объектом в процессе работы с ним?
	2.2. Средства воздействия	Инструменты, методы, методики и приемы управленческого воздействия: – административные; – экономические; – социально-психологические	С помощью каких средств следует осуществлять воздействие на объект?
	2.3. Сценарий	Описание способов и качества действия участников процесса реализации технологии (для каждого этапа)	Кто должен участвовать, в каком качестве? Что и как они должны делать? Чего и как им не следует делать?
	2.4. Риски и компенсации	Описание типичных ошибок реализации технологии. Описание возможных нежелательных последствий. Описание способов и средств предупреждения ошибок и нежелательных последствий. Предписание действий для устранения ошибок, компенсации или нейтрализации нежелательных последствий	Что может пойти не так? С какими нежелательными последствиями можно столкнуться? Как эти последствия предупредить, компенсировать или нейтрализовать?
3. Блок ограничений	3.1. Условия применимости	Описание условий и границ применимости технологии	В каких случаях технологию применять не следует?
	3.2. Условия успеха	Описание условий, обязательных и желательных для обеспечения успешности реализации технологии	Каковы минимальные и рекомендуемые требования для успешного применения технологии?

можным предложить обобщенную структуру социальных технологий менеджмента. В таблице 2 представлены и описаны выделяемые автором блоки и их элементы.

Описанные блоки в совокупности составляют модель социальной технологии менеджмента, схематично представленную на рисунке.

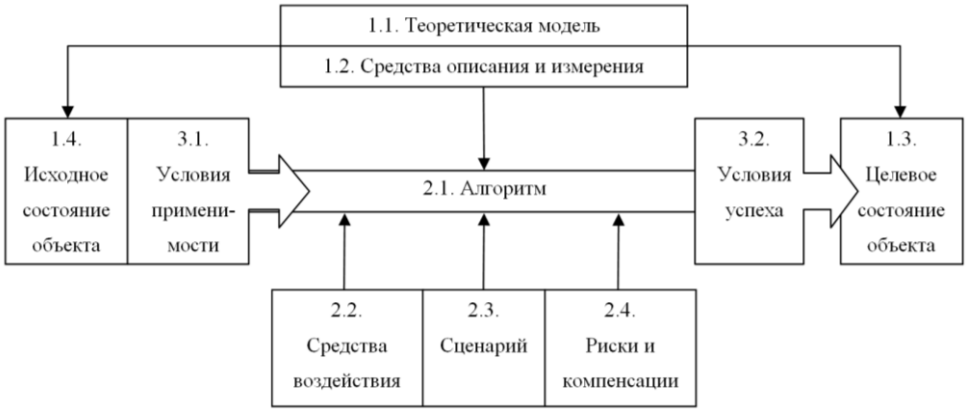


Рис. Модель социальной технологии менеджмента

Основу составляет теоретическая модель объекта (1.1.), которая с помощью средств описания и измерения (1.2.) позволяет определить целевое (1.3.) и исходное (1.4.) состояние объекта. Содержание, характер и последовательность действий, которые необходимо предпринять в отношении объекта, чтобы привести его в целевое состояние, описывает алгоритм (2.1.), предполагающий наличие определенных этапов и промежуточных состояний объекта, которые можно описать и/или измерить. В соответствии с параметрами должного воздействия происходит выбор необходимых средств (2.2.), проектирование сценария (2.3.), прогнозирование вероятных рисков и способов работы с ними (2.4.). Перечень условий применимости (3.1.), характеризующих объект и – более широко – управленческую ситуацию, а также условий успеха (3.2.), характеризующих качество реализации технологии, позволяют принять решение о возможности и целесообразности выбора и применения конкретной технологии для решения поставленной задачи.

Предложенная модель представляется универсальной для всех классов социальных технологий менеджмента, опирается на ключевые принципы, отвечает общим и частным требованиям и способна стать основой для формирования базового стандарта СТМ в практике их разработки, применения и исследования.

Список литературы

1. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001. 277 с.
2. Калачев И.В. Социальные технологии в управлении современной организацией: Дис. … канд социол. наук: 22.00.08. Тюмень, Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2004. 173 с.
3. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. 511 с.
4. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М.: Канон+, 2009. 472 с.
5. Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие: Монография. М.: Школа издательского и медиабизнеса, 2011. 297 с.
6. Бордовская Н.В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 408 с.

A MODEL OF SOCIAL MANAGEMENT TECHNOLOGY

M.V. Plotnikov

The author presents his concept of the definition, the object, the functions, and the structure of social management technologies. The proposed framework is seen as a constructive basis for a range of research and applied tasks, as well as for the development of professional standards of social management technologies.

Keywords: social technologies, management, model, structure.

References

1. Ivanov V.N., Patrushev V.I. Innovatsionnye sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia. M.: Ekonomika, 2001. 277 s.
2. Kalachev I.V. Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii sovremennoi organizatsiei: Dis. … kand sotsiol. nauk: 22.00.08. Tiumen', Tiumenskii gosudarstvennyi neftegazovyi universitet, 2004. 173 s.
3. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiia. Obshchii kurs. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Prometei: Iurait-M, 2001. 511 s.

4. Tikhonov A.V. Sotsiologiia upravleniia. Teoreticheskie osnovy. M.: Kanon+, 2009. 472 s.

5. Shcherbina V.V., Popova E.P. Organizatsionnoe razvitie: Monografiia. M.: Shkola izdatel'skogo i mediabiznesa, 2011. 297 s.

6. Bordovskaia N.V. Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoi obrazovatel'noi praktike: teoriia i metodologiia proektirovaniia: Uchebnoe posobie. SPb.: OOO «Knizhnyi Dom», 2007. 408 s.

УДК 316.61

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА: РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗАХ БЕДНОГО И БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА

© 2014 г.

Т.В. Дробышева

Институт психологии РАН, Москва

tdrobysheva@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Анализируются результаты теоретико-эмпирического исследования экономических представлений детей из мегаполиса. Выявлены различия в образах бедного и богатого в представлениях дошкольников, проживающих в разных условиях мегаполиса. Обнаружено большее сходство между образами богатого, чем бедного человека. Установлено влияние различных факторов на формирование экономических представлений детей.

Ключевые слова: экономические представления, экономическое сознание, факторы мегаполиса, образы бедного и богатого человека, экономическая социализация.

Существующие объективные условия экономической стратификации жителей мегаполиса отражаются на экономической социализации как взрослого населения, так и детей. Причем значимую роль здесь играет тот факт, что экономическая социализация взрослых имеет выборочный характер и определяется кардинальными социально-экономическими изменениями, которые происходят в обществе [1–4]. Экономическая же социализация детей носит сплошной характер и обусловлена в первую очередь микросоциальными (стратегии экономического воспитания родителями своих детей, рекламные ролики детских товаров на телевидении, межличностные контакты детей с представителями разных экономических групп и т.п.) факторами. В качестве когнитивных показателей экономической социализации детей рассматривают сформированность компонентов экономического сознания, их согласованность с распространенными в обществе экономическими представлениями, мнениями, оценками и т.п.

Важную роль в формировании экономического сознания и самосознания детей играют социально-экономические (например, объективный экономический статус семьи, определяющий качество жилищных условий, возможности свободного времяпрепровождения семьи и т.п.), экономико-психологические (например, экономическая идентичность родителей и т.п.), социально-психологические (система ценностей и установок родителей, их экономические представления и т.п.) и даже социально-демографические (размер и состав семьи, продолжительность проживания семьи в мегаполисе и т.п.) характеристики их родителей и семьи в целом. Именно в семье формируются первые экономические представления детей о таких явлениях, как бедность и богатство, бедный и богатый человек, экономическое неравенство и т.п. [1, 5, 6]. Как показали исследования итальянских коллег [7], не последнюю роль здесь играют и условия проживания семьи в том или ином районе большого города (центр, периферия, промышленные районы и т.п.). Районы в мегаполисе так же, как и в большом городе, отличаются не только по объективным (состояние экологии, элементы предметно-пространственной среды, территориальное месторасположение и т.п.), но и по субъективным характеристикам (престижность района, коллективная память об исторических событиях, субкультура жителей и т.п.). Все эти, а также ранее упомянутые характеристики родителей и семьи в целом играют существенную роль в формировании представлений детей о бедных и богатых людях, которые отличаются между собой не только по содержанию, но и факторам их формирования начиная со среднего дошкольного возраста [5, 6].

Теоретико-методологические основы исследования

«Экономическая социализация», как раздел экономической психологии, объединяет исследования зарубежных и отечественных специалистов, большая часть которых ограничивает ее изучение первыми этапами становления психики и поведения формирующейся личности как экономического субъекта [2, 8, 9, 10 и др.].

Независимо от подходов можно сказать, что в основном экономическая социализация понимается как процесс и результат включения индивида в систему экономических отношений общества, в котором он живет. Действительно, человек усваивает экономический опыт общества, социальные и экономические ценности, нормы экономического поведения и, активно преобразуя их, становится субъектом экономических отношений данного общества [1, 2, 11]. С нашей точки зрения, понятие «экономический субъект» в контексте *ранней экономической социализации* включает рассмотрение не субъекта экономической деятельности, но экономического поведения. То есть речь идет о субъекте, характеризуемом проявлением активности, связанной с распоряжением ограниченными ресурсами, включенного в экономические отношения не только производства, обмена и распределения, но также сбережения и потребления. Уже на первых этапах экономической социализации формирование элементарных представлений об экономических явлениях и объектах в сознании ребенка происходит неразрывно с осознанием себя как элемента системы экономических отношений.

Впервые дети сталкиваются с описанием образов бедности и богатства при прослушивании сказок, в общении с родителями и сверстниками. Зарубежные исследования представлений детей о бедном/богатом человеке, бедности и богатстве чаще всего включают описание последовательности в их развитии, анализ возрастных, половых и других различий [8, 9 и др.]. Устанавливая соответствие детских экономических представлений с доминирующими в обществе, авторы оценивают роль агентов и институтов социализации, принадлежность детей к социальному классу и т.п. [1, 8, 9, 10 и др.]. Объединение европейских стран, «прозрачность» территориальных государственных границ внутри Евросоюза и т.п. стимулировали изучение европейскими экономическими психологами различий в экономических представлениях детей, подростков и молодежи разной национальности, проживающих на территории одной страны, т.е. мигрантов и коренного населения [12, 13 и др.]. Результаты этих работ послужили основанием для включения в наше исследование такого фактора формирования экономических представлений, как продолжительность проживания семьи в мегаполисе. Исследования Э. Каннони и С. Бомби отражают специфику влияния районирования и особенностей застройки итальянского города на экономические представления итальянских детей дошкольного возраста [7]. В своей работе мы базировались на методических приемах итальянских коллег. Однако выявление системы факторов формирования экономических представлений на выборке российских детей в условиях их проживания в большом городе, особенно мегаполисе, с нашей точки зрения, требует самостоятельного изучения. В первую очередь в связи с кросскультурными различиями, во вторую – с тем, что мегаполис как тип городского поселения отличается от просто большого города так же, как большой от малого и т.п. Причем в данном случае речь идет не о количественных параметрах, а о том качественном изменении городской среды, которое появляется на этапе перехода большого города в мегаполис. Так, еще в начале прошлого века Л. Мамфорд указывал на негативные стороны жизни населения в мегаполисе: социальную дезинтеграцию, плохую экологию, нехватку элементарных условий жизни (солнечного света, свежего воздуха), беспорядочные городские районы, всевозможные болезни [14].

Понятие «мегаполис» было введено в 1676 г. Т. Гербертом для обозначения столиц крупных государств. Впоследствии данный термин стали ограниченно применять для обозначения объединенных городов, окруженных пригородными зонами [15]. В рамках нашей работы будем придерживаться понимания мегаполиса в терминах Т. Герберта, т.е. как столицы крупного государства (Москва). Тем не менее следует отметить, что мегаполис имеет ряд особенностей, на которые указывают не только психологи, но и другие специалисты. Речь идет о поликультурной среде; «точечной» застройке внутри традиционных районов (центр и периферия); транспортных коллапсах; тенденции к строительству высотных домов; об усиленных процессах информационного обмена; специфичных коммуникациях горожан; плотности населения; концентрации жителей с очень высокими доходами; потенциальных возможностях повышения экономического и социального статуса жителей, которые привлекают трудовые ресурсы из других регионов и т.п. Для современного мегаполиса характерны процессы субурбанизации исторически сложившихся центральных районов, из которых жители переселяются в периферийные районы, отличающиеся более благоприятными и экологическими, и психологическими условиями жизни (пример тому постоянно расширяющаяся зона коттеджных поселков Подмосковья). Отмечают, что с увеличением степени урбанизированности (культурно-информационной, экономической обеспеченности, поли-

тизированности и т.п.) возрастает и воздействие городских условий на ее жителей [15]. Так, условия и продолжительность проживания в мегаполисе влияют на экономическое сознание и самосознание ее жителей. Г. Зиммель, подчеркивая специфику ментальности жителей большого города отмечал не только их приспособляемость, рационализм, склонность к уединению, замкнутость в отношениях, но и блазированность, «обесцвечивание вещей их денежным эквивалентом» [16].

Продолжительность проживания людей в мегаполисе лежит в основе категоризации взрослого населения города на социальные группы: «коренные москвичи», «москвичи в первом поколении» (длительное проживание в столице, но родились в другом месте), «трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья», «северяне» (сотрудники нефтяных компаний и госструктур из нефтедобывающих регионов»), «региональные трудовые мигранты» и т.п. Однако дети жителей столицы из разных вышеназванных социальных групп в основном родились в Москве, посещают одни и те же общеобразовательные учреждения, в которых условия социализации для всех одинаковы. Безусловно, воспитываясь в семье, они привносят элементы субкультуры своей семьи в детское сообщество, транслируют сверстникам экономические представления и отношение своих родителей к таким явлениям, как «бедность» и «богатство», «бедные и богатые люди», «деньги» и т.п. Семьи детей, проживающие в одном и том же районе мегаполиса, отличаются не только по уровню материального достатка, социальному и образовательному статусу родителей, но и по комфортности бытовых условий жизни. Точечная застройка мегаполиса (Москвы) определяет существование в одном и том же районе «ветхого жилья», «стандартного жилого фонда» и домов повышенной комфортности («элитное жилье»).

В упомянутом ранее исследовании итальянских коллег основной акцент был сделан на системе «внешних» факторов, связанных с районом, застройкой города, экономическим и социальным статусом семей исследованных детей. С нашей же точки зрения, изучение феноменов экономического сознания ребенка и такого важного его элемента, как представления о бедном и богатом человеке, включает и выявление в многоуровневой, взаимосвязанной системе детерминант тех из них, которые образуются в результате самопознания себя и других как бедных и богатых людей. Механизм социального сравнения позволяет детям не только воспринимать, но и категоризовать себя и других по экономическим критериям начиная с дошкольного возраста. Дети не являются прямыми трансляторами экономических представлений взрослых. Проявляя свои субъектные качества, они трансформируют интериоризированное знание взрослых относительно явлений и объектов экономического мира и транслируют его сверстникам. Данный факт косвенно доказывается в работах П. Уэбли и Ст. Ли, изучавших «автономный экономический мир детей» в Великобритании, а также в исследовании, проведенном на российских детях автором данной публикации [17, 18]. В настоящей работе одним из «внутренних» факторов конструирования детьми экономических представлений будет рассмотрена экономическая самооценка исследованных детей.

Опираясь на вышеизложенное, сформулирована *цель эмпирического исследования* – выявить различия в представлениях детей о бедном и богатом человеке в зависимости от условий их проживания в мегаполисе. Предположили, что образы бедного и богатого человека в представлениях детей отличаются по периферическим характеристикам (внешний вид, имущественные и финансовые возможности и т.п.) и зависят от объективных условий проживания семьи в том или ином районе мегаполиса, а также от социально-демографических и социально-психологических характеристик родителей и самих исследованных дошкольников. В качестве *объекта исследования* выступили экономические представления о бедном и богатом человеке у детей дошкольного возраста. *Предметом исследования* стали различия в содержании этих представлений у детей, проживающих в мегаполисе, а также факторы их формирования.

В исследовании принимали участие 96 детей в возрасте от 5.5 до 6.5 года, проживающие в Западном, Юго-Западном, Восточном и Северо-Восточном административных округах города Москвы. Поскольку одной из характеристик мегаполиса является точечная застройка старых и новых районов города, в результате которой рядом с элитным жильём могут соседствовать и дома «под снос», то в каждом из округов выделяли районы с тремя типами условий проживания семьи: «ветхое жильё», «элитное жильё», «стандартный жилой фонд». В дальнейшем все дети были разделены на группы по условиям проживания. В целом выборка была примерно уравнена по полу (54% девочек и 46% мальчиков) и по условиям проживания (по 32 человека в каждой из трех групп). Группы были условно названы – «элитное жильё», «стандартный жи-

лой фонд», «ветхое жильё». В каждую из них были отнесены дети, проживающие в четырех разных округах Москвы уже после проведения исследования. Данная процедура проводилась с целью уравнивания влияния предметно-пространственной среды в разных административных округах и вычленения одной переменной – «тип застройки».

Метод

В качестве основного *метода исследования* был выбран «проективный рисуночный тест», который, по мнению итальянских исследователей, успешно применявших его в своей работе, позволяет наиболее точно подчеркнуть особенности представлений детей о богатстве и бедности из различных социальных сред [10]. При анализе рисунков выборочно использовали критерии оценки рисуночных тестов «Нарисуй человека» Гудинаф – Харриса (авт. Ф.Л. Гудинаф) и Д. Дилео. Наряду с рисунками применяли частично структурированное интервью, целью которого стало выявление психологических характеристик изучаемых образов бедного и богатого в представлениях детей. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа. Были выделены две категории: А – образ бедного, Б – образ богатого, каждая из которых включала несколько подкатегорий: положительные личностные характеристики; отрицательные личностные характеристики; внешние характеристики бедного/богатого; отношение богатого к бедному и наоборот; признаки богатства/бедности, значимые для категоризации людей; эмоциональное состояние бедного/богатого и т.п. Также по рисункам анализировали социальную дистанцию между богатым и бедным человеком, которую дети выстраивают в своем сознании (показатели: два рисунка на одном листе без разделения; есть черта между фигурами персонажей на одной стороне листа; каждый рисунок на разных сторонах одного листа; два разных листа бумаги). Дополнительно использовали метод экспертных оценок. С его помощью определяли уровень материального благосостояния семьи (по пятибалльной шкале: высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий). Анкетирование родителей позволило выявить уровень их образовательного статуса, сферу деятельности матери и отца, размер и состав семьи, а также время проживания семьи в мегаполисе. Для выявления самооценки детей по экономическому признаку применяли модифицированный вариант методики «Лесенка» (авт. В.Г. Щур). Детям предлагали оценить себя по пятибалльной шкале: богатый; скорее богатый, чем бедный; ни богатый, ни бедный; скорее бедный, чем богатый; бедный. При интерпретации признаков бедности и богатства опирались на категории анализа, выделенные зарубежными исследователями (Стаси, Фёрнэм, Брусдалл и др.). Все данные заносились в матрицу, которая обрабатывалась с помощью программы SPSS.22.00. Анализ выраженности признаков осуществляли с помощью дескриптивной статистики. Для выявления различий применялся критерий Краскала – Уоллеса; медианный анализ. Влияние совокупности значимых характеристик (условия проживания, социально-психологические характеристики родителей, уровень материального благосостояния семьи, экономическая самооценка ребенка), выступающих как независимые переменные, на зависимые (элементы образов бедного/богатого) изучали с помощью регрессионного анализа.

В связи с ограничением объема публикации ниже будет изложена только часть полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Образ бедного и богатого человека в представлениях детей, проживающих в элитных условиях мегаполиса

К данной группе были отнесены дети, проживающие в улучшенных условиях по сравнению со своими сверстниками: многоэтажные монолитные дома, построенные по индивидуальному проекту, а также несколько 6–9-этажных кирпичных домов, построенных в довоенное время, так называемые «сталинские» дома. Следует отметить, что улучшенные условия включают и особенности предметно-пространственной среды районов проживания: газоны, цветники, деревья. Современные здания отгорожены от других заборами. Детские площадки оснащены хорошим оборудованием и т.п. Подъезды таких домов отличаются чистотой; наличием круглосуточной охраны; качеством ремонта подъезда и т.п. В данную группу вошли 32 ребенка, проживающих в районах Юго-Западного (районы: «Гагаринский», «Тропарёво-Никулино», «Черёмушки»), Восточного (районы «Сокольники» и «Перово»), а также Северо-Восточного (район «Отрадное») административных округов города Москвы. 95% мам данных дошкольников имеют высшее образование, пап с высшим образованием чуть меньше – 70%. Однако большая часть отцов в этой группе заняты коммерческой деятельностью, состоят

на госслужбе, работают в офисах крупных компаний и т.п. Половина мам – домохозяйки, среди работающих мам 32% заняты в коммерческой сфере. По экспертным оценкам, 53% семей в этой группе имеют высокий уровень материального благосостояния, 25% – выше среднего, 15% – средний уровень дохода. По критерию «продолжительность проживания в мегаполисе» оценки распределились следующим образом: 59% семей – «коренные москвичи»; 7% – «москвичи первого поколения», остальные семьи относятся к категории «региональных мигрантов», «северян» и т.п. (34%). Следует отметить, что дети данной группы в основном проживают в полных семьях, в которых есть один (50%) или два (14.3%) ребенка. Анализ показателей самооценки детей по шкале «бедный-богатый» показал, что 71.8% из них отнесли себя к категории богатых людей (высокий уровень), 16% дошкольников отметили, что они «скорее богатые, чем бедные» (выше среднего), остальные сказали, что они «ни бедные, ни богатые».

Изображения бедного и богатого человека в группе детей, проживающих в улучшенных условиях, отличались друг от друга по следующим признакам: цветовая гамма; атрибуты богатства и бедности, позволяющие идентифицировать персонажи; эмоциональное состояние бедного и богатого. Богатый на рисунках всегда ярко одет, рядом с ним – деньги, мешки с золотом. Суждения детей дополняли образ: «…сорит деньгами; купается в золоте; мешки с золотом; сундуки с драгоценностями; дворцы; замки; богатые дома; дорогие автомобили; богатая одежда» (32 единицы анализа (ед.а.)). Изображение богатого включало весь спектр цветов, а контур обязательно обводился простым карандашом. Рисуя бедного, дети чаще использовали монохромную гамму, комментируя свои рисунки: «ничего нет; мало денег; бедная одежда; бедный дом; нет денег; нет банковской карты; неопрятная внешность» (24 ед. а.). И тот, и другой персонаж на рисунках большинства этих детей находились в одном социальном пространстве (75%), однако сюжетного объединения, указывающего на взаимодействие персонажей, в данной группе не было обнаружено. Только часть дошкольников из группы «элитное жильё» делили пространство листа полосой. Однако никто из них не рисовал на двух отдельных листах бумаги фигуры богатого и бедного человека (удаленная дистанция). По всей видимости эти люди в сознании детей живут в одном мире, но не общаются между собой. Заметим, что подобные особенности коммуникаций в мегаполисе (замкнутость контактов внутри своей группы), связанные с пространственно-временными характеристиками города, отмечались многими исследователями [19 и др.]. Часть детей (43%) точно осознавали, что статус богатого в обществе выше, чем у бедного. Они изображали на листе фигуру богатого больше по размеру (или выше по уровню), чем фигуру бедного. Другая часть респондентов уравнивали статусы этих людей, рисуя обе фигуры одного размера или высоты. Однако никто из них не нарисовал бедного больше (выше), чем богатого. Интересно, что в данной группе дошкольников идентификация половой принадлежности бедного и богатого человека встречалась чаще, чем в других группах. 40% детей воспринимали богатого как мужчину, 35% из них приписывали персонажу женский пол (причем и мальчики, и девочки), остальные (25%) же не идентифицировали богатого как человека определенного пола. Такая же картина складывалась при анализе рисунка бедного: 39% дошкольников считали его мужчиной, 32% – женщиной. Различия в образах бедного и богатого в представлениях респондентов были связаны с восприятием их эмоционального состояния. Так, 79% детей изображали богатого веселым, радостным, счастливым человеком. Аналогичные позитивные эмоции бедный человек испытывал на их рисунках только в 32% случаев. И наоборот, 18% дошкольников приписывали негативные эмоции богатому, а 60% – бедному. Интересно, что только в группе «элитное жильё» и бедный, и богатый редко (по 3%), но наделялись признаками агрессии (на рисунках у персонажей прорисованы зубы, сжатые кулаки и т.п.).

Высказывания детей в процессе интервью отражали психологические характеристики образа богатого человека, причем в большей степени позитивной модальности: «…умеет зарабатывать; много работает; помогает другим людям; хорошо учился и учится; хранит деньги; делится деньгами; нашел клад; сделал изобретение» (15 ед. а.). Негативных характеристик у богатого в 2 раза меньше (7 ед. а.): «не дает деньги; отбирает деньги; не работает». Описывая образ бедного человека, дети отмечали: «…ничего не делает; не работает; просит деньги; ищет деньги; в мусоре копается; не учится» (14 ед. а.). Позитивные характеристики ограничивались: «работает» (3 ед. а.). Среди способов достижения статуса бедного дети отмечали: «таким родился» и «плохая работа» (фатализм). Таким образом, положительные качества личности богатого в сознании детей превалируют

над его недостатками. Бедный же, наоборот, воспринимается в первую очередь как отрицательный персонаж. Интересно, что в наших исследованиях с участием младших школьников и подростков также негативные характеристики чаще приписывались бедному, а не богатому человеку [1, 20]. Соответствие представлений о бедном/богатом человеке у детей 5–6-летнего и детей более старшего возраста указывает на сформированность базовых элементов экономического сознания дошкольников и может быть рассмотрено как показатель их ранней экономической социализации. Важно отметить, что дети, проживающие в элитных условиях, указывают на понимание ими разных способов зарабатывания денег и, как следствие, достижения статуса богатого человека: кладоискательство, изобретательство, сбережение. Эти же способы зарабатывания денег упоминал и В. Зомбарт [19]. Возможно, дети 5–6-летнего возраста, проживающие в элитном жилье, уже присвоили установки родителей относительно жизненной стратегии достижения высокого статуса: «хорошо учиться и много работать потом». В сознании дошкольников благотворительное поведение богатого – неотъемлемая часть его статуса. По всей видимости данное представление есть результат влияния общественного мнения (информация СМИ, общение в детском саду, наружная реклама в городе и т.п.), а не родительских установок на экономическое сознание детей.

Образ бедного и богатого человека в представлениях детей, проживающих в стандартном жилье мегаполиса

Ко второй группе были отнесены дети, семьи которых проживают в исторически сложившихся спальных районах (стандартный жилой фонд) Восточного (район «Перово»), Северо-Восточного («Отрадное») и Юго-Западного («Тропарёво-Никулино», «Гагаринский») административных округов города Москвы. Большая часть домов, в которых проживали респонденты, представляли собой девятиэтажные одно- и многоподъездные здания (типичная архитектура «советского периода» 1970–1980-х гг.); дворовые территории оснащены оборудованием для игр (как новые, так и старые карусели, песочницы, горки). Некоторые из детей отмечали, что в подъездах их домов чисто, – «ремонтируют все время», но большая их часть указывали на исписанные лифты и грязные подъезды. Данная категория детей гуляют во дворе с одним из родителей или старшими братьями и сестрами. Часть домов соседствует с элитным жильем (р-н «Тропарево-Никулино», «Гагаринский»). Выборка включала 32 ребенка, поровну мальчиков и девочек. Большая часть родителей данных детей имеют высшее образование. Число пап, работающих в бюджетной и коммерческой сфере, примерно одинаково, мамы больше заняты в бюджетной сфере. Важно отметить, что уровень материального благосостояния в данных семьях в основном средний (53%), выше среднего отметили только 28% семей. Больше половины семей – это «коренные москвичи», меньшая часть из них относится к категории «москвичи первого поколения» и небольшой процент – семьи «региональных мигрантов». 19% дошкольников проживают в полных семьях из трех человек (мама, папа и ребенок), 25% – в расширенных семьях (три поколения живут в одной квартире), остальные – с родителями и сиблингами (брат или сестра). Интересно, что самооценки детей из группы «стандартный жилой фонд» по шкале «бедный-богатый» оказались достаточно высокими: 70% детей оценили себя как очень богатых людей, по 12.5% из них отнесли себя к категориям «скорее богатый, чем бедный» и «ни бедный, ни богатый».

Основные критерии дифференциации образов бедного/богатого человека были связаны с атрибутами их бедности и богатства в представлениях детей данной группы. Так, на рисунках дошкольников образ богатого обязательно дополнялся золотыми монетами, денежными купюрами, мешками с золотом, сундуками с драгоценностями. Высказывания детей относительно признаков богатства по содержанию совпадали с ответами детей из группы «элитное жильё»: «…у богатых много денег и золота; мешки с золотом; сундуки с драгоценностями; дворцы; замки; богатые дома; автомобили; хорошая одежда» и др. (26 ед. а.). Психологические характеристики богатого в представлениях этих детей так же, как и у их сверстников из первой группы, имели в большей степени позитивную направленность: «много работает; умеет зарабатывать; делится деньгами; занимается спортом; хранит деньги; покупает золото; нашел/ищет клад» (15 ед. а.). Негативные характеристики богатого были не столь многочисленны: «не дает деньги, ему не дают деньги, отбирает деньги, не работает» (5 ед. а.). Изображение же бедного намного реже включало периферийные признаки бедности. Так, 44% детей не рисовали их совсем. В остальных случаях респонденты указывали на небольшие дома (по сравнению с жильём богатого), мусорные баки и мусор (банки, бумажки и т.п.), копилки в руках («копит деньги на еду и

т.п.»), заплатки на одежде. Данные контент-анализа дополнили психологический портрет бедного: «…у бедного ничего нет; нет еды; мало денег; бедная одежда; бедный дом» (20 ед. а.); «он не работает; деньги просит и еду на улицах и в метро; он ничего не делает; в мусоре копается; преступник» (14 ед. а.). Среди позитивных психологических характеристик бедного: «…мало работает и мало зарабатывает; занимается творчеством» (3 ед. а.). Заметим, что психологические характеристики бедного в представлениях детей из группы «элитное жильё» имели в большей степени позитивную модальность, представления же в группе «стандартный жилой фонд» – негативную. Более половины этих респондентов (63%) рисовали костюм и бедному, и богатому, однако детализация костюма отличалась. Богатый на рисунке изображался в красивой яркой одежде, мужчины – со шляпой на голове, а женщины – с короной или красивым головным убором. Костюм бедного был украшен заплатками. Важно отметить, что по сравнению с детьми из группы «элитное жилье» данные респонденты в качестве атрибуции богатства чаще рисовали движимое имущество (машины). По их мнению, сам факт наличия в семье машины указывает на ее высокий уровень материального благосостояния. Интересно, что половина дошкольников этой группы (50%) уравнивали статус бедного и богатого, изображая фигуры одного размера. Только 38% признавали, что статус богатого в обществе выше, а 12% из них отмечали более высокий статус бедного. Напомним, что в группе респондентов, проживающих в улучшенных условиях, не обнаружено рисунков, на которых фигура бедного была бы выше (или больше по размеру). Дети из группы «стандартный жилой фонд» чаще, чем их сверстники из группы «элитное жильё», использовали только простой карандаш для изображения богатого (35%), примерно такое же количество дошкольников из этой группы рисовали только простым карандашом бедного, не используя цветные. В целом, можно сказать, что по цветовой гамме образы бедного и богатого на рисунках были приближены друг к другу. Данный факт согласуется и с тем, что 66% дошкольников этой группы не разделяли жизненное пространство персонажей рисунка, демонстрируя тем самым достаточно близкую социальную дистанцию. Только 13% респондентов из стандартного жилого фонда устанавливали дистанцию между бедным и богатым, проводя черту между ними на одном листе или изображая их на разных сторонах одного листа, на двух листах бумаги. Сюжет, указывающий на взаимодействие бедного и богатого, присутствовал на рисунках 38% детей. В интервью дети отмечали: «…богатый дружит с бедным; жалеет его; гуляет с ним; они вместе что-то делают; они соседи и т.п.» (17 ед. а.); наряду с этим: «…богатый обманывает, не жалеет бедного» (4 ед. а.). Если же говорить об эмоциональном состоянии персонажей, то богатый в сознании дошкольников – это счастливый человек (84%), а его негативные эмоции без признаков агрессии. Бедному же в большинстве случаев приписывались негативные эмоциональные состояния (66%), включая (3%) элементы агрессии (зубы, сжатые кулаки и т.п.). Значительная часть дошкольников, проживающих в стандартном жилом фонде, не идентифицировали пол богатого (44%). Другая часть детей отмечали, что богатый – это мужчина (34%) или женщина (22%).

Итак, опираясь на вышеизложенное, можно заметить, что эмоциональное состояние бедного и богатого коррелирует с их психологическими портретами в сознании детей из группы «стандартный жилой фонд». Сравнивая результаты анализа данных в двух группах («элитное жильё» и «стандартный жилой фонд»), следует отметить, что во второй группе образ бедного имел более негативный оттенок, причем в первую очередь по психологическим характеристикам. В целом, образ бедного в представлениях детей из группы «стандартный жилой фонд» был более реалистичен, согласован в характеристиках, чем в представлениях их сверстников из «элитного жилья». Его детализация включала и элементы предметно-пространственной среды города – мусор, грязные контейнеры, ветхое жильё, а также среды социальной – просит деньги вдоль дорог и в метро. Образ богатого включал не только понимание способа разбогатеть (много работать), но и элементы благотворительности. Дошкольники, проживающие в стандартном жилом фонде, так же как и их сверстники, указали на сберегательное поведение богатого, а также отметили его занятия спортом.

Образ бедного и богатого человека в представлениях детей, проживающих в условиях «ветхого» жилья (дома «под снос») мегаполиса

Третья группа включала 32 ребёнка в возрасте от 5.5 до 6.5 года (поровну мальчиков и девочек), семьи которых проживали в ветхом жилом фонде, в домах «под снос». Это в основном панельные и кирпичные пятиэтажки (дома серий 1-511 и 1-447), которые находились в Восточном (район «Перово»), Северо-Восточном («Отрадное») и Юго-Западном («Тропарёво-

Никулино») административных округах города Москвы. К сожалению, статус жилья указывает на предметно-пространственную среду зон проживания этих детей. В некоторых районах такие дома потерялись среди многоэтажек элитного жилья, дворы ограничены стоянками машин и строительными площадками. Подъезды давно не ремонтировались, исписанные стены зданий также не украшают дома. Среди родителей данных дошкольников высшее образование имели преимущественно мамы (70% – мамы, 48% – папы). 43% отцов получили среднее специальное образование. При этом одна половина из них была занята в коммерческой, другая – в бюджетной сфере деятельности. Среди мам 40% – домохозяйки, остальные работают в коммерции (43.7%) и бюджетной сфере (15.7%). Данные семьи не имели оценок как высокого, так и низкого уровня материального благосостояния (62.5% – средний, 25% – выше среднего, 12.5% – ниже среднего уровня). Половина детей из семей «коренных москвичей» (56%); 12.5% респондентов из семей «трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья», остальные воспитывались в семьях «региональных мигрантов». Особенность данной группы респондентов заключается в том, что большинство из них воспитывается в полных семьях, где есть двое детей. Многодетные семьи представлены 16% выборки. В 22% семей проживает три поколения (включая бабушек и дедушек) родственников. Самооценки детей по шкале «бедный-богатый» характеризовались следующим: высокий уровень – 42% выборки; выше среднего отмечали 32% детей; средний – 22.5% данных дошкольников. Интересно, что никто из них не оценил свой экономический статус как «скорее бедный, чем богатый» (т.е. ниже среднего), при этом низкий уровень («бедный») отметили 3.5% детей.

Богатый человек на рисунках более половины детей из группы «ветхое жилье» (67%) в качестве атрибутов своего статуса имеет: деньги (монеты, купюры), мешки с золотом, богато украшенную одежду и головные уборы (мужчины – шляпы, женщины – короны). Рассуждения дошкольников подтвердили значимость внешней атрибуции для идентификации богатого: «…много денег и золота; драгоценности; есть замок или дворец; машина; есть стража; есть друзья; у них все есть» и т.п. (46 ед. а.). Аналогичные периферийные признаки, но в меньшем количестве присутствовали в высказываниях детей из двух других групп. В отличие от них респонденты, проживающие в домах «под снос», обязательно наполняли предметно-пространственную среду богатого человека элементами природного мира (цветы, деревья, солнце, облака). При этом на их рисунках очень редко встречалось изображение недвижимости (дома, замки и т.п.), а также и движимого имущества (машины, кареты, самолеты и др.), хотя в высказываниях они обращали на это внимание. Возможно, этот факт был связан с тем, что дети из данной группы в качестве признака экономического благосостояния богатого воспринимали и особые условия его проживания в мегаполисе. По этой причине не удивительно, что 88% из них считали богатого счастливым и веселым человеком. Его психологический портрет включал следующие суждения: «…много работает и много зарабатывает; любит путешествовать; он тратит много денег; дает деньги; делится деньгами; хранит деньги; нашел клад; занимается спортом» (24 ед. а.). Среди негативных характеристик респонденты отмечали: «тратит; грабит/отбирает деньги; не дает деньги другим» (12 ед. а.). Итак, дети, проживающие в худших по сравнению со сверстниками условиях также приписывали богатому разные виды экономического поведения (инвестиционное, потребительское, сберегательное, благотворительное). Однако среди способов получения денег (кладоискательство, много работать) отмечали и криминальный (грабеж) вариант. При этом только 37% данных респондентов считали, что статус богатого в обществе выше, чем статус бедного. 44% детей уравнивали на листе фигуры и того и другого по размеру или высоте, остальные 19% рисовали бедного больше, чем богатого. Данные по идентификации пола богатого у дошкольников из группы «ветхое жильё» во многом были схожи с аналогичными результатами в группе «стандартный жилой фонд». Т.е. 40% респондентов не указывали на пол богатого, 37% из них считали, что это мужчины и 22% детей отмечали, что это женщины.

Бедный человек на рисунках детей, проживающих в ветхом жилье, отличался от богатого не только монохромной гаммой изображения (темные однотонные цвета, рисунки часто выполнены только простым карандашом), но и детализацией образа. Так, почти половина респондентов (44%) не изображают какие-либо атрибуты бедности, указывающие на статус человека. Только 28% из них включают в образ внешние признаки бедности (чаще соответствующий костюм). Этот факт объясняется тем, что для данной категории детей «бедный человек» – это не столько экономическая, сколько социальная категория людей. Описывая бедного, они уточняли: «бедный – это… раненый;

инвалид; бомж; старушка и т.п.» (11 ед. а.). Т.е. образ бедного в сознании этих респондентов приближен к представлениям взрослых о представителях социальных групп бедных (нищих, малообеспеченных и т.п.). Возможно, на такое восприятие бедного человека оказывает влияние личный опыт детей. В качестве признаков бедности дошкольники указывали не только на отсутствие у этих людей признаков экономического и материального достатка: «мало денег или нет их; бедная одежда; карманы пустые; нет денег и банковской карты; бедный дом и т.п.» (28 ед. а.), но и на их социальные отношения: «нет друзей». Респонденты из этой группы так же, как и их сверстники из группы «стандартный жилой фонд», больше выделяют негативных, чем позитивных характеристик в портрете бедного: «не работает; в мусоре копается; не учится, прогуливает; ищет деньги; просит деньги; не делится деньгами; плохой; грубит» (16 ед. а.). Среди способов достижения статуса бедного дети отмечают: «потерял деньги; потратил деньги; не хочет работать» (6 ед. а.). Позитивные же характеристики бедного были ограничены следующим: «мало зарабатывает; помогает другим; добрый; занимается спортом» (5 ед. а.). Указание на нравственные качества личности бедного, т.е. его доброжелательность, милосердие, ранее мы обнаруживали и в представлениях о бедном и богатом человеке у младших школьников и подростков, а также взрослых людей [1, 20 и др.]. Негативные эмоции, без признаков агрессии, приписывали бедному 75% детей («ему грустно, плачет, не улыбается» и т.п.), а 19% из них отмечали и его позитивное эмоциональное состояние («улыбается»). Признаки половой принадлежности бедного присутствовали на рисунках 62% респондентов из ветхого жилья. Причем в 34% случаев – это мужчина, а в 28% – женщина. Остальные дети не определяли идентичность бедного по полу.

Наконец, половина (53%) всех рисунков дошкольников из группы «ветхое жилье» включала общую сюжетную линию, указывающую на отношения бедного и богатого. Другая же половина детей не изображала общий сюжет. Важно, что 78% респондентов не разделяли жизненное пространство бедного и богатого на листе. Только 22% детей указывали на социальную дистанцию бедных и богатых в обществе. При этом данные дошкольники (по сравнению со сверстниками) в своих интервью много высказывались о взаимоотношениях бедных и богатых. Так, по их мнению: «богатый и бедный дружат, гуляют вместе; богатый приглашает бедного в гости, угощает его; жалеет бедного; познакомил бедного с друзьями» (26 ед. а.); «иногда богатый выгоняет бедного; смеется над бедным, не жалеет его» (9 ед. а.).

Выводы

1. Образы бедного и богатого человека в представлениях всех детей, принимавших участие в исследовании, отличаются между собой по содержанию и выраженности периферийных (финансовые, имущественные) и центральных (психологические) характеристик. В качестве критериев богатства все дети отмечают наличие недвижимого и движимого имущества, денег и т.п. Для них является важным и внешнее оформление социального облика богатого человека – красивая одежда, а также его позитивное эмоциональное состояние. Бедный же в представлениях исследованных дошкольников отличается не наличием, а отсутствием всего того, что имеет богатый, или скудностью того, что имеет (бедный дом, плохая одежда и т.п.). Как следствие, все дети указывают на преобладание негативных эмоций у бедного человека. Психологические портреты бедного и богатого включают как позитивные, так и негативные качества личности. Однако образ богатого в сознании дошкольников отличается от образа бедного более позитивной модальностью психологических характеристик, что подтверждает гипотезу о социальной релевантности образа бедного. Приписываемое богатому благотворительное поведение в представлениях детей согласуется с общественным мнением, что может быть рассмотрено как один из показателей экономической социализированности старших дошкольников.

2. Выявлено, что большинство дошкольников, проживающих в условиях элитного жилья, не разделяют жизненное пространство бедного и богатого человека. Однако в представлениях детей эти люди никогда не взаимодействуют между собой. Возможно потому, что данные участники исследования осознают более высокий социальный статус богатого. В их представлениях и бедный, и богатый общаются с представителями только «своего круга». Такая специфика коммуникаций мегаполиса, безусловно, транслируется родителями дошкольников, мамами в первую очередь. Организовывая жизнь своих детей, мамы из элитного жилья создают искусственную социальную среду, стараясь ограничить потомство от негатива мира реального. Предметно-пространственная среда территории элитного дома, отгороженного за-

бором и охраной, загородного коттеджа, дорогих отелей на отдыхе, детских клубов вносит свой вклад в формирование экономического сознания ребёнка. По этой причине на рисунках детей из элитного жилья богатые люди живут только во дворцах и замках. Образ же бедного в их представлениях не столько отвергаемый, сколько не до конца осознаваемый, условный (бедный т.е. лишенный чего-то), потому и способ достижения статуса бедного в сознании детей не связывается с личными качествами человека – «бедными не становятся, бедными рождаются». Образ же богатого, наоборот, более структурированный, реалистичный. Дети уверены, что богатым становятся благодаря хорошей учебе и упорному труду. Они не упоминают криминальных способов зарабатывания денег. Изобретательство, накапливание и вложение финансовых средств, рациональные траты и т.п. – вот те реальные способы достижения высокого материального статуса, которые включены в детские представления о богатом.

3. Обнаружено, что в сознании дошкольников из «стандартного жилого фонда» бедный и богатый имеют более удаленную социальную дистанцию, чем в аналогичных представлениях их сверстников из элитного и ветхого жилья. Осознавая эту дистанцированность, дети стараются уравнять статус бедного и богатого, подчеркивая, что они могут общаться между собой как соседи. Такое объединение представителей разных экономических групп в общую социальную группу в сознании респондентов объясняется двумя причинами. С одной стороны, данный факт указывает на вытеснение детьми в своем сознании той социальной пропасти между бедными и богатыми людьми, которая реально существует в обществе. Это подтверждается разницей между оценками уровня материального благосостояния семьи (средний) и самооценками детей по шкале «бедный – богатый» («скорее богатый, чем бедный» и «богатый»). С другой стороны, такое объединение людей может быть рассмотрено как эффект «точечной застройки» мегаполиса (дома разных категорий на одной территории). В целом влияние предметно-пространственной среды района проживания на экономическое сознание детей из «стандартного жилого фонда» отразилось в большей степени на образе бедного, чем богатого. Оформление дошкольниками условий проживания бедного включало мусорные контейнеры, грязь окружающей обстановки и т.п., а описание его поведения в городе – указание на зоны мегаполиса («деньги и еду просит на улице и в метро» и т.п.). Бедный человек в представлениях дошкольников этой группы – представитель маргинальной группы бомжей и нищих, стигматизированных в обществе. Формирование же образа богатого в представлениях детей из группы «стандартный жилой фонд» опирается на механизм идеализации. Минимальное количество негативных качеств богатого в представлениях детей полностью компенсируется его достоинствами.

4. В представлениях детей, проживающих в «ветхом» жилье, богатый и бедный – разные категории людей. Конечно, идентифицируя богатого, они упоминают показатели его финансового и материального благополучия. Однако на их рисунках очень редко встречаются изображения замков или шикарных машин, при этом предметно-пространственная среда богатого человека часто дополнена элементами природного мира (цветы, деревья, солнце, облака). Для этих детей цветок в руке богатого – такой же признак экономического статуса, как и корона на голове или мешок с золотом. Данный факт косвенно указывает на значимость в сознании дошкольников, проживающих в домах «под снос», природных условий городской среды. Эти дети, впрочем, как и их сверстники, приписывали богатому разные виды экономического поведения, но только они отмечали криминальный способ получения денег – грабеж. Большая часть респондентов из «ветхого» жилья уравнивали статус бедного и богатого в обществе. Такая ситуация отразилась и на их представлениях о межличностных отношениях двух категорий людей: «бедный и богатый дружат; гуляют вместе; богатый приглашает в гости бедного и угощает его; знакомит со своими друзьями». В этих суждениях усматривается потребность детей в конструировании «картины мира», включающей систему экономических отношений, выстроенных по законам равенства и справедливости. «Бедный человек» в представлениях дошкольников из этой группы – не абстрактный образ, а представитель реальных социальных групп: бомж (нищие), старушка (пенсионеры), инвалид (бедные по здоровью). Все они – носители признаков бедности (нет денег, работы, плохое жилье), но не маргиналы (как в группе «стандартный жилой фонд»). Важно, что дети из «ветхого» жилья отметили и особенности социальных контактов бедных людей – «у них нет друзей». Они понимают связь между тем, что происходит в социальной среде, и статусом бедного: «…потерял деньги, потратил деньги; нет работы». Возможно, жизненный опыт дошкольников, прожива-

ющих в худших, чем их сверстники, условиях, является наиболее важным фактором их экономического сознания.

Список литературы

1. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32 (5). С. 46–68.

2. Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с.

3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400 с.

4. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

5. Дробышева Т.В., Туркина Ю.И. Ранняя экономическая социализация: образ бедного и богатого человека в представлениях дошкольников // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. Т. 1. С. 269–272.

6. Дробышева Т.В., Туркина Ю.И. Условия мегаполиса как фактор экономического сознания московских дошкольников // Высшее образование XXI века: X международная научная конференции: доклады и материалы / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2013. С. 30–35.

7. Bombi A.S., Cannoni E. La rappresentazione della ricchezza e della poverta // Sozializazzione economica tra generi e generazione. Milano: Franco Angeli, 2008. 216 p.

8. Диттмар Х. Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 25–36.

9. Фернам А., Аргайл М. Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 480 с.

10. Roland-Levy C. Economic socialization: basis for international comparisons // Journal of Economic Psychology. 1990. V. 11 (4). P. 469–482.

11. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) // Психологический журнал 2011. Т. 32. № 2. С. 59–81.

12. Benevene P. Adolescents' and young adults' perspectives on child work: a quantitative research // 30th Annual Congress IAREP «Absurdity in the Economy». Prague, Czech Republic. 2005. September 21–24. (CD).

13. Fülöp M., Roland-Levy C. The perception of economic competition among French and Hungarian secondary school students //XXVIII International Congress of Psychology, Beijing, China: Conference abstract book. 2004.

14. Мамфорд Л. Культура городов // avangard-ru.org/files/urbanistika/mumford.ppt

15. Интересные факты о мегаполисе. http://www.xurma.ru/interesnye-fakty-o-megapolise/

16. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь //Логос, 2002. № 3–4. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm

17. Webly P., Lea. St. E.G. Towards a more realistic psychology of economic socialization // Journal of Economic Psychology. 1993. V. 14 (3). P. 461–472.

18. Дробышева Т.В. К вопросу об автономном «экономическом мире» детей: особенности экономического поведения школьников в игре // Психология в экономике и управлении. 2012 № 2 (8) С.18–29.

19. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 443 с.

20. Дробышева Т.В. Представления о бедном и богатом человеке: сравнительный анализ в разных возрастных группах // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергеенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 385–408.

FACTORS SHAPING ECONOMIC NOTIONS OF CHILDREN LIVING IN A METROPOLIS: DIFFERENCES IN THE IMAGES OF A POOR AND A RICH MAN

T.V. Drobysheva

The results of theoretical and empirical study of economic notions of children living in a metropolis are presented. Some differences in the images of the poor and the rich in the notions of preschool children living in different conditions in a metropolis have been identified. More similarities between the images of the rich than the poor have been discovered. The influence of different factors on the shaping of economic notions of children has been revealed.

Keywords: economic notions, economic consciousness, factors of a metropolis, images of a poor and a rich man, economic socialization.

References

1. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Predstavleniia o bednom i bogatom cheloveke kak fenomen ekonomicheskogo soznaniia formiruiushcheisia lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. T. 32 (5). S. 46–68.

2. Drobysheva T.V. Ekonomicheskaia sotsializatsiia lichnosti: tsennostnyi podkhod. Monografiia. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2013. 312 s.

3. Emel'ianova T.P. Konstruirovanie sotsial'nykh predstavlenii v usloviiakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2006. 400 s.

4. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Tsennostnye orientatsii formiruiushcheisia lichnosti v raznye periody razvitiia rossiiskogo obshchestva // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. T. 31. № 5. S. 5–16.

5. Drobysheva T.V., Turkina Iu.I. Ranniaia ekonomicheskaia sotsializatsiia: obraz bednogo i bogatogo cheloveka v predstavleniiakh doshkol'nikov // Chelovek, sub"ekt, lichnost' v sovremennoi psikhologii. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu A.V. Brushlinskogo. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2013. T. 1. S. 269–272.

6. Drobysheva T.V., Turkina Iu.I. Usloviia megapolisa kak faktor ekonomicheskogo soznaniia moskovskikh doshkol'nikov // Vysshee obrazovanie XXI veka: X mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsii: doklady i materialy / Otv. red. A.L. Zhuravlev. M.: Izd-vo Mosk. gumanitarnogo un-ta, 2013. S. 30–35.

7. Bombi A.S., Cannoni E. La rappresentazione della ricchezza e della poverta // Sozializazzione economica tra generi e generazione. Milano: Franco Angeli, 2008. 216 p.

8. Dittmar Kh. Ekonomicheskie predstavleniia podrostkov // Inostrannaia psikhologiia. 1997. № 9. S. 25–36.

9. Fernam A., Argail M. Den'gi. Sekrety psikhologii deneg i finansovogo povedeniia. SPb.: Praim-EVROZNAK, 2006. 480 s.

10. Roland-Levy C. Economic socialization: basis for international comparisons // Journal of Economic Psychology. 1990. V. 11 (4). P. 469–482.

11. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Ekonomicheskaia sotsializatsiia formiruiushcheisia lichnosti: teoreticheskaia model' i eksperimental'noe issledovanie (na primere tsennostnykh orientatsii lichnosti) // Psikhologicheskii zhurnal 2011. T. 32. № 2. S. 59–81.

12. Benevene P. Adolescents' and young adults' perspectives on child work: a quantitative research // 30th Annual Congress IAREP «Absurdity in the Economy». Prague, Czech Republic. 2005. September 21–24. (CD).

13. Fülöp M., Roland-Levy C. The perception of economic competition among French and Hungarian secondary school students //XXVIII International Congress of Psychology, Beijing, China: Conference abstract book. 2004.

14. Mamford L. Kul'tura gorodov // avangard-ru.org/files/urbanistika/mumford.ppt

15. Interesnye fakty o megapolise. http://www.xurma.ru/interesnye-fakty-o-megapolise/

16. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn' //Logos, 2002. № 3–4. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm

17. Webly P., Lea. St. E.G. Towards a more realistic psychology of economic socialization // Journal of Economic Psychology. 1993. V. 14 (3). P. 461–472.

18. Drobysheva T.V. K voprosu ob avtonomnom «ekonomicheskom mire» detei: osobennosti ekonomicheskogo povedeniia shkol'nikov v igre // Psikhologiia v ekonomike i upravlenii. 2012 № 2 (8) S.18–29.

19. Zombart V. Burzhua. Etiudy po istorii dukhovnogo razvitiia sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka. M.: Nauka, 1994. 443 s.

20. Drobysheva T.V. Predstavleniia o bednom i bogatom cheloveke: sravnitel'nyi analiz v raznykh vozrastnykh gruppakh // Psikhologicheskie problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergeenko. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. S. 385–408.

УДК 316.343.65 (510)

КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛЛИГЕНЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

© 2014 г.

О.Д. Барлукова

Бурятская ГСХА им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ

oxana106@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Интеллигенция стала более активной социальной группой, влияющей на ход, содержание и темпы реформ. Источники воспроизводства подверглись трансформации. Установлено, что они претерпели существенные изменения по сравнению с периодом до «культурной революции». От повышения уровня образования интеллигенции, вовлечения её в процессы управления страной зависит успех и развитие страны в целом.

Ключевые слова: китайская интеллигенция, воспроизводство, студенчество, вузы.

Процесс модернизации китайского общества, начавшийся в КНР с декабря 1978 г., повлек возрастание интеллектуального потенциала китайского общества, выразившееся в количественном и качественном росте интеллигенции, поэтому становится актуальным выяснение источников ее пополнения, основные каналы и формы регулирования процесса воспроизводства интеллигенции.

В современном китайском языке слово «интеллигенция» – «zhishifenzi» означает «часть общества, обладающая знаниями». Особенностью определения интеллигенции в КНР является то обстоятельство, что к ней причисляют людей, получивших высшее, среднее специальное или даже просто среднее образование и работающих в сфере экономики, культуры, науки, литературы и искусства, просвещения, медицины. К ним относят и отвечающих этому критерию работников партийного и государственного аппарата (ганьбу), финансово-экономических, правовых и военных организаций, промышленности, сферы обслуживания и торговли. Это особенно характерно для XX в., когда численность интеллигенции была незначительна. В настоящее время Китай обладает самым крупным интеллектуальным потенциалом в мире как в количественном отношении, так и в темпах наращивания качественного состава. Для того чтобы оценить состояние китайского общества в XXI в., необходимо проанализировать начальные этапы становления системы социального воспроизводства интеллигенции в XX в.

На различных этапах развития общества источники, пути и формы воспроизводства интеллигенции не остаются неизменными. В ходе реформирования общества они претерпевают определенные изменения, которые определяются сдвигами в социальной структуре.

К источникам формирования китайской интеллигенции к моменту образования КНР в 1949 г. относили следующие группы: 1) профессиональных революционеров (ганьбу); 2) «пролетарскую» примкнувшую к революции интеллигенцию; 3) буржуазных и мелкобуржуазных специалистов; 4) образованных людей из числа бывших капиталистов, имеющих опыт руководства предприятием; 5) выдвиженцев из числа рабочих, крестьян и служащих [1, с. 34].

Более развернуто состав китайской интеллигенции дан в исследовании «Классы и классовая структура в КНР»: 1) традиционная шэньшийская интеллигенция, получившая классическую каноническую подготовку; 2) буржуазная интеллигенция, представлявшая интересы нарождавшегося китайского капитализма и получившая западное образование в миссионерских школах и колледжах в Китае или за границей: в Европе, США и Японии; 3) мелкобуржуазная интеллигенция, ознакомившаяся частично с западными радикальными идеями – анархизмом, лассальянством, народничеством; часть ее после Октябрьской революции восприняла марксизм-ленинизм; 4) революционная интеллигенция, сформировавшаяся в 1925–1949 гг. из числа передовых рабочих и крестьян, составивших костяк кадров среднего и низшего звена в коммунистической партии Китая, народно-освободительной армии Китая и административных органах освобожденных районов [2, с. 158–159].

Особенность китайской интеллигенции состоит в том, что в неё включают людей не только с высшим, но и средним специальным образованием, поэтому наряду с высшими учебными заведениями основными формами пополнения интеллигенции являются и средние специальные учебные заведения. Именно в рамках данных институтов происходит подготовка молодого поколения к выполнению функций работников интеллектуального труда, окончательно развиваются и закрепляются морально-этические нормы, обогащается мировоззрение и даются установки, которые в дальнейшем воплотятся в практическую деятельность. Изменение источников пополнения интеллигенции можно рассматривать сквозь призму социальной структуры студенчества. Студенчество примыкает к интеллигенции, входит в ее состав, хотя между этими категориями нет полного тождества. В социальной структуре китайского общества в последней четверти XX в. происходит быстрый рост молодежи, обучающейся в высшей школе. Если в 1990 г. доля студентов вузов составляла всего 0.12% всего населения, то в 2000 г. – уже 6% [3, с. 87].

Во многом изменения в составе источников пополнения китайского студенчества регулируются и до настоящего времени партийными органами и государством. С возрастанием дифференциации общества усилилось социальное и экономическое неравенство. Хотя в КНР принят закон об обязательном среднем образовании, это не означает, что оно бесплатное, так же как и среднее специальное и высшее.

На формирование интеллигенции оказывала влияние слабая подготовка сельских школьников, обусловленная недостатком квалифицированных педагогических кадров на селе, недостаточно укомплектованная учебная и материальная база. Рыночные отношения воздействовали на то, что значительное число молодежи предпочитало зарабатывать, а не учиться.

Большое влияние оказывала неразвитая система образования. До освобождения учебные заведения были неравномерно распределены по территории страны. Значительная часть вузов находилась в нескольких больших приморских городах; очень мало их было во внутренних районах, а в Нинся-Хуэйском автономном районе, в провинции Цинхай Внутренней Монголии не было вовсе. В Тибетском автономном районе не было не только вузов, но и средних и начальных школ. В 1984 г. в провинции Цинхай и трех автономных районах было 29 вузов и университетов. В Тибете 3 вуза, 13 профтехучилищ, 55 средних и 2542 начальные школы [4, с. 364].

На протяжении 50–60-х гг. крупными источниками пополнения интеллигенции оставались выходцы из семей интеллигенции, а также представители мелкобуржуазных и эксплуататорских слоев населения. Доля детей рабочих и крестьян на протяжении 1949–1965 гг. практически не менялась. Только 41% из почти 7 миллионов студентов высших учебных заведений составляла доля выходцев из указанных социальных слоев. В средних специальных учебных заведениях их доля была выше – 59% [5, с. 145]. По официальным данным, даже в 1965 г. удельный вес выходцев из эксплуататорских семей составлял 9.6% всех студентов вузов и 5.2% учащихся средних специальных заведений [6].

На Всекитайском совещании по развитию науки, состоявшемся в марте 1978 г., отмечалось, что 2/3 китайской интеллигенции в середине 70-х гг. составили выходцы из семей «трудового народа». Подобный вывод был сделан в связи с тем, что в отличие от 50–60-х и первой половины 70-х гг. интеллигенция стала признаваться составной частью трудящихся. В начале 70-х гг., по мнению В.Г. Гельбраса, доля выходцев из семей рабочих и служащих среди специалистов с высшим и средним специальным образованием, окончивших учебные заведения после 1949 г., составила примерно 41%, выходцы из самой интеллигенции составили около 20% общей численности интеллигенции. Доля представителей мелкобуржуазных и эксплуататорских слоев равнялась примерно 1/3 всей интеллигенции [5, с. 147].

Большую часть пополнения интеллигенции 50-60-х гг. составили практики-самоучки. В 70-е гг. к ним прибавились лица, прошедшие краткосрочные курсы в различных учреждениях, типа «21 июля», то есть имеющие очень слабую подготовку. Все это сказалось на качестве китайской интеллигенции, которая к началу модернизации имела низкую общеобразовательную и профессиональную подготовку. После «культурной революции», которая подорвала и без того низкий уровень образования населения, наметились сдвиги. В 1978 г. в основном определилась политика нового руководства в области образования. В январе-феврале был издан ряд постановлений: решение о создании по стране сети ключевых средних и начальных школ; директива Госсовета КНР о переводе преподавателей в ведение административных учреждений, занимающихся вопросами образования (запрещалось использовать учителей на работе не по специальности, что широко практиковалось в предшествующее десятилетие);

проект введения в опытном порядке системы десятилетнего образования в школах полного учебного дня (вместо 12 лет до 1966 г. и 9 лет, установленных в период «культурной революции», теперь 5 лет начальной школы дополнялись двумя ступенями средней школы – 3 и 2 года). По весьма приблизительным и, вероятно, завышенным оценкам китайских властей, количество учащихся школ различных уровней составляло в 1978 г. около 200 млн (из них 150 млн в начальной и около 58 млн в средней школе) [7, с. 287–288].

До «культурной революции» за годы, прошедшие после образования КНР, количество вузов возросло вдвое. В 1966 г. большинство вузов прекратили свое функционирование и были открыты лишь в 1970 г. В конце 1978 г. насчитывалось 598 вузов, в которых обучалось 850 тысяч человек, к занятиям приступили 276 тысяч человек, было выпущено в общей сложности 166 тысяч специалистов [7, с. 289].

В различные периоды критерии и методы отбора студентов для обучения в вузах имели свою специфику. Поскольку только 1–2% (в последней четверти XX в. 10–11%) молодых людей в Китае имели возможность получить высшее образование, конкуренция среди претендентов была очень высока, и малейшие колебания в критериях отбора тяжело отражались на огромном количестве людей. При приеме в вуз обычно учитывалось классовое происхождение, политические взгляды и поведение, степень подготовленности. Приоритет того или иного критерия зависел от политической линии, проводимой на каждом конкретном этапе. Существует, однако, группа молодых людей, которая при всех возможных комбинациях имеет доступ к высшему образованию. Это дети хорошо образованной политической элиты. Главными соперниками в борьбе за оставшиеся места выступают дети интеллектуальной элиты, кадровых работников среднего звена и городских квалифицированных рабочих [8, с. 88].

Факторы, повлиявшие на изменение социальной структуры студенчества в предшествующий реформам период, названы С. Бродэдом в его исследовании [9]. До «культурной революции», – пишет автор, – основное внимание уделяли оценкам, полученным на вступительных экзаменах. Такая система не устраивала малообразованную часть населения. В 1966 г. были закрыты вузы, и когда они открылись в 1970-х гг., условия приема были изменены. Теперь необходимо было направление с места, где абитуриент проработал не менее 2 лет. Решающими факторами стали классовое происхождение и политическая лояльность [9, p. 77].

С 1970-го по 1976 г. в вузы было принято 940 тысяч студентов. Они представляли собой крайне разнородную возрастную и образовательную структуру, имели опыт практической работы и крайне политизированное сознание [9, p. 89].

Данная когорта студентов имела низкий уровень подготовки, так как занималась больше политическими акциями, критикой и издевательствами над преподавателями и профессорами. В результате они прослыли недоучками, которым трудно подыскать работу, соответствующую их квалификации. Наглядно этот факт был проверен в 1977 г. в Шанхайском университете, когда выпускникам, претендовавшим на работу в научных учреждениях, было предложено сдать экзамены по курсу средней школы по тем предметам, которые они изучали в вузе. В результате 68% провалились на экзамене по математике, 70% – по физике, 76% – по химии [9, p. 86]. Считается, что КНР за годы «культурной революции» потеряла десять выпусков квалифицированных специалистов.

В 1977–1979 гг. изменились условия приема в вузы: тем, кто не имел возможности получить направление с работы, было предоставлено право участвовать в конкурсных экзаменах. В 1977 г. из десяти миллионов желающих к экзаменам было допущено 5.7 млн человек, принято в вузы только 273 тысячи. В 1978 г. из шести миллионов сдавших вступительные экзамены было принято 402 тысячи, а в 1979 г. из 4.7 млн стали студентами 275 тысяч человек [8, с. 90].

К началу периода реформ в вузовском образовании произошел качественный сдвиг. Студентами 80-х гг. стали наиболее способные и подготовленные ученики, их обучали преподаватели из числа наиболее одаренных выпускников.

В 1978 г. были возрождены основополагающие принципы системы образования. Дэн Сяопин подчеркнул важность образования в процессе модернизации. Были восстановлены единые на всей территории страны учебные пособия и учебные программы. В начале 80-х гг. министерство просвещения, сохранив за собой монополию на разработку учебных программ, передало 226 вузов в ведение отраслевых министерств, 411 – провинциальных и городских властей, а в своем подчинении оставило лишь тридцать восемь вузов [10, p. 40].

Важное значение имели решения ЦК КПК о реформе в системе образования от 27 мая 1985 г. Этот документ декларировал двойную

задачу высших учебных заведений: подготовка квалифицированных кадров, а также активное участие в развитии науки, техники, культуры. Вузам предписывалось наладить взаимодействие с производственными и научно-исследовательскими организациями. Университеты и институты получили право принимать дополнительное количество студентов по договорам с предприятиями, заинтересованными в подготовке специалистов для себя. На учебу вне конкурса зачислялись молодые люди, имеющие возможность оплатить образование и не нуждающиеся в гарантированном распределении – это студенты – дети предпринимателей, которые составляли в 90-е гг. всего 4% экономически активного населения. Вузам была предоставлена большая самостоятельность в распределении выпускников. Профессорско-преподавательский состав получил возможность участвовать в разработках учебных планов и программ. Руководство университетов стало самостоятельно распоряжаться средствами, отпущенными государством на нужды развития учебных заведений, самостоятельно устанавливать контакты и налаживать сотрудничество с иностранными партнерами [10, p. 41].

Одним из важнейших путей воспроизводства высококвалифицированной интеллигенции стало направление на учебу за рубеж китайских студентов и специалистов. С 1978 г. в Японию и страны Запада ежегодно выезжало две тысячи студентов, а с 1983 г. их число достигло трех тысяч. К 1985 г. по различным каналам за границей прошли курс обучения около двадцати девяти тысяч студентов, аспирантов и специалистов из Китая. Выезд осуществлялся как на основе официальных соглашений, так и на добровольных началах при наличии возможности самостоятельно оплатить стоимость обучения за рубежом [10, p. 54].

Согласно данным статистического ежегодника, издаваемого Госкомитетом по образованию, общее число студентов, принятых в вузы Китая, составило в 1980-м и 1990 г. 281 тысячу и 608.8 тысячи человек соответственно, то есть число принятых на первый курс увеличилось в два с половиной раза. В 1980 г. от общего числа поступивших в вузы прием на фундаментальные гуманитарные дисциплины составил 4–6%, на специальности: финансы – 4%, экономика – 3%, право – 1%, политология – ни одного. В 1990 г. число принятых по специальностям: финансы и экономика – 11%, политология – 9% [8, с. 95]. При этом общее число студентов составило в 1990 г. 2 млн 95 тыс. (выросло на 83% по сравнению с 1980 г). В сравнении: в 2013 г. число принятых в обычные вузы студентов составило 6.94 млн человек, а магистрантов и докторантов – 608 тыс. человек [11]. Воспроизводство и темпы роста интеллигенции XX и XXI в. несопоставимы.

Для демографической структуры КНР характерна диспропорция между женским и мужским населением в пользу мужчин. Но среди студентов эта пропорция нарушена. Доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляет 20% (в более развитых районах, например, в Шанхайском университете – 30%, а в 60-х гг. равнялась 27%). Источником пополнения высококвалифицированных специалистов является подготовка интеллигенции через систему аспирантуры. В 1978 г. была восстановлена аспирантура (при вузах, НИИ и других организациях), не функционировавшая 12 лет. За последние 25 лет наблюдается рост набора в аспирантуру. Более чем в 4 раза возросло количество аспирантов (с 21.6 тысячи в 1980 г. до 93 тысяч в 1990 г.). Из них доля специализировавшихся в гуманитарных науках составила от общего числа 12% в 1980 г. и 23% в 1990 г. [8, с. 96].

Однако выпускникам вузов и окончившим аспирантуру было трудно устроиться на работу по специальности. Из 360 тысяч выпускников 1992 г. 5 тысяч не были трудоустроены там, куда получили направление. В Пекине 4% из 21 тысячи выпускников не были приняты на работу по месту распределения [8, с. 32].

После событий 1989 г. набор в вузы был сокращен более чем на 70 тысяч человек. При этом четко обозначилась тенденция к сохранению, с одной стороны, направленности на развитие экономического образования и, с другой стороны, решимость политического руководства наложить определенные ограничения на культурные и социальные аспекты процесса. В наибольшей степени урезание плана набора студентов коснулось 36 наиболее престижных вузов Китая, находящихся под непосредственным руководством Государственного комитета по образованию и, по мнению властей, служивших «рассадником демократической инфекции». В этих университетах факультеты филологии, истории и философии были традиционно сильными.

В 1999 г. обычные вузы страны приняли 1.06 миллиона абитуриентов, на 510 тыс. больше, чем в 1998 г., контингент учащихся высшей школы составил 4 млн 30 тыс. человек. Было принято в аспирантуру 90 тыс. человек, на 20 тыс. больше 1998 г. – всего к концу XX в. обучалось 230 тыс. человек [12, с. 155–156].

В конце XX в. высшей школой было охвачено лишь 11% молодежи учебного возраста. Увеличивается количество выпускников, продолжающих учебу за рубежом, ежегодно на 13%. Китай в это время имеет более 120 межправительственных соглашений об обмене и сотрудничестве. В 1999 г. принят «План по образованию навстречу XXI в.». Образование в объеме высшей школы имело лишь 2.9% населения. На 10 тыс. человек приходилось 32.9 студента (для сравнения: в России – 340). Самое решительное увеличение приема в государственные, регулярные вузы, начавшееся с 1998 г. (на 7% в целом на основные и краткосрочные отделения по сравнению с предыдущим годом) было осуществлено за счет стремительного развития краткосрочных высших профессионально-технических училищ. Количество специальностей сокращено с 504 до 249 [13, с. 11–12].

Разные социальные классы и слои китайского общества охватываются разными учебными заведениями. Существует два типа высших учебных заведений для рабочих и служащих: очные и заочные университеты, входящие в ведение промышленных предприятий. Поступать в них имеют право рабочие и служащие, имеющие аттестат об окончании полной средней школы. Вузы предлагают более 260 специальностей в области технических, естественных, гуманитарных наук, медицины, изящных искусств и физической культуры. Срок обучения – 3 года с отрывом и 4–5 лет без отрыва от производства. В 1985 г. в университетах и заочных вузах для рабочих и служащих обучалось 260 200 человек.

За годы существования КНР образованием были охвачены широкие крестьянские массы. Процент неграмотных среди молодежи и лиц среднего возраста в сельской местности сократился с 80% в первые годы после освобождения до 25% в 1980-е гг. и 16% в 1990-е гг. В программе обучения техникумов и профессиональных университетов – политические, естественные и технические науки, включающие сведения по сельскому хозяйству, лесоводству, животноводству, различным промыслам, рыболовству, промышленному производству, торговле, по управлению народным хозяйством и сферой обслуживания. В 1985 г. действовало четыре института, где обучалось 895 тысяч крестьян.

В КНР создана широкая сеть учебных заведений, в которых взрослые могут без отрыва от производства получать образование. С 1953 г. введено высшее заочное обучение для рабочих и служащих. С 1953 г. по 1965 г. в системе заочного образования было подготовлено 80 тыс. человек. В 1965 г. 123 института и университета предоставили возможность заочного обучения 189 тыс. человек, что составляло 28% от общего количества студентов в стране. В 1985 г. число университетов, имеющих заочные курсы, увеличилось до 181, количество действующих вечерних университетов составило 260, из которых 150 имели и заочные курсы. На заочных курсах обучалось 493 100 студентов – 29% от общего количества учащихся вузов [4, с. 376]. В 2000 г. в вузах для взрослых обучалось 3 млн учащихся, а это уже 71% учащихся регулярных вузов [14, с. 318].

В целом источники воспроизводства интеллигенции претерпели изменения с началом модернизации китайского общества. Рыночные экономические условия стали основой формирования новых социальных групп, которые явились новыми источниками воспроизводства интеллигенции. Появились возможности увеличения численности интеллигенции через учебные заведения для взрослых, телеуниверситеты, заочное обучение. Особенностью китайской системы образования являются различные высшие и средние специальные учебные заведения для рабочих, служащих и крестьян. Представительство женщин в воспроизводственной системе не увеличилось по сравнению с периодом до «культурной революции». Дальнейшая трансформация китайского общества повлекла за собой более интенсивные темпы увеличения числа интеллигенции, расширение источников ее воспроизводства.

Список литературы

1. Методологические исследования места интеллигенции в социалистических странах развитого социализма. М., 1979. 214 с.

2. Классы и классовая структура в КНР. М.: Наука, 1982. 344 с.

3. Хун Инфан. Чжунжихань жэньли цзыюань кайфа юй фачжань сяоин гоцзи бицзяо. Чанчунь, 2000. 187 с.

4. Энциклопедия Нового Китая. М.: Прогресс, 1989. 509 с.

5. Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. М.: Наука, 1980. 264 с.

6. Жэньминь жибао // Газета. 18 ноября 1978. URL: http://russian.people.com.cn/ (дата обращения 25.02.2014 г.).

7. КНР в 1978 г. Политика, экономика, идеология. М.: Наука, 1980. 367 с.

8. Котова Р.И. Китайское студенчество в первое десятилетие реформ // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 88–111.

9. Broaded S.T. The Lost and Found Generation: Cohort successesion in Chinese higher education // Austral. J. of Chinese Affairs-Canberra. 1990. Vol. 23. № 1. P. 77–95.

10. Hayhoe R. China's Universities and the Open Door. L.: Sharpe, 1989. 250 p.

11. Доклад о выполнении планов экономического и социального развития за 2012 год и проекте плана на 2013 год // Агентство «Синьхуа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.xinhuanet.com (дата обращения 25.12.2013 г.).

12. Китай: факты и цифры – 2000. Пекин: Издательство «Синьсин», 2000. 205 с.

13. Боревская Н. Не было хлопот – вступили в ВТО // Поиск. 31 мая 2002. № 2. С. 11–12.

14. Китайская Народная Республика в 2000 г.: Политика, экономика, культура. М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2001. 436 с.

CHINESE INTELLIGENTSIA: SOCIAL ORIGINS OF REPRODUCTION (THE LAST QUARTER OF THE 20th CENTURY)

O.D. Barlukova

Intellectuals have become a more active social group that influences the course, content and pace of reforms. Reproduction sources have experienced a transformation. It is established that they have undergone significant changes in comparison with the period before the «cultural revolution». The success and development of the country as a whole depend on raising the level of education of the intelligentsia and its involvement in the governance processes.

Keywords: Chinese intelligentsia, reproduction, students, institutions of higher education.

References

1. Metodologicheskie issledovaniia mesta intelligentsii v sotsialisticheskikh stranakh razvitogo sotsializma. M., 1979. 214 s.

2. Klassy i klassovaia struktura v KNR. M.: Nauka, 1982. 344 s.

3. Khun Infan. Chzhunzhikhan' zhen'li tszyiuan' kaifa iui fachzhan' siaoin gotszi bitsziao. Chanchun', 2000. 187 s.

4. Entsiklopediia Novogo Kitaia. M.: Progress, 1989. 509 s.

5. Gel'bras V.G. Sotsial'no-politicheskaia struktura KNR. 50–60-e gody. M.: Nauka, 1980. 264 s.

6. Zhen'min' zhibao // Gazeta. 18 noiabria 1978. URL: http://russian.people.com.cn/ (data obrashcheniia 25.02.2014 g.).

7. KNR v 1978 g. Politika, ekonomika, ideologiia. M.: Nauka, 1980. 367 s.

8. Kotova R.I. Kitaiskoe studenchestvo v pervoe desiatiletie reform // Perekhod k rynku v KNR. Obshchestvo, politika, ekonomika. M.: RAN INION, 1994. S. 88–111.

9. Broaded S.T. The Lost and Found Generation: Cohort successesion in Chinese higher education // Austral. J. of Chinese Affairs-Canberra. 1990. Vol. 23. № 1. P. 77–95.

10. Hayhoe R. China's Universities and the Open Door. L.: Sharpe, 1989. 250 p.

11. Doklad o vypolnenii planov ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia za 2012 god i proekte plana na 2013 god // Agentstvo «Sin'khua» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.xinhuanet.com (data obrashcheniia 25.12.2013 g.).

12. Kitai: fakty i tsifry – 2000. Pekin: Izdatel'stvo «Sin'sin», 2000. 205 c.

13. Borevskaia N. Ne bylo khlopot – vstupili v VTO // Poisk. 31 maia 2002. № 2. S. 11–12.

14. Kitaiskaia Narodnaia Respublika v 2000 g.: Politika, ekonomika, kul'tura. M.: RAN. Institut Dal'nego Vostoka, 2001. 436 s.

УДК 316.6+32

АКТИВИЗАЦИЯ РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОСВОЕНИЯ И ФАКТОРЫ УСКОРЕНИЯ

© 2014 г.

М.А. Казаков[1], М.С. Лысцев[2]

[1]Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
[2]Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

kazakov_mihail@list.ru; Mlystsev@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2014

Раскрываются основные направления политики освоения Арктического геополитического региона, значимость и естественность ее активизации для современной России. С использованием первоисточников на языке оригинала, трудов зарубежных и отечественных исследователей региона и на основе системного анализа в новых ракурсах рассматриваются основные компоненты политики освоения Арктики с позиций геополитического, военно-стратегического, экономического, правового, экологического и даже ценностного факторов. Дифференцируются основные научные и политические проблемы ее открытия и «секторального» освоения. Вывод авторов: процесс подготовки решений по Арктике должен быть интерактивным, опирающимся на междисциплинарный анализ, процесс принятия решений – интегрированным, согласующим национальные интересы всех ключевых игроков региона, прибрежных и неарктических, в методах и способах их реализации.

Ключевые слова: Арктический регион, геополитика, национальные интересы, методы и способы реализации, стратегии и тактики освоения, решения, элита.

Веками исследуемая, и каждый раз по-новому в зависимости от контекста освоения, Арктика и сегодня остается золушкой, треть недр Земли которой – лишь одно из великолепий ее наряда. Сегодняшнее осмысление её роли в развитии мировой цивилизации предполагает не только определение этого региона как ресурсного и экологического резервуара планеты с возросшим для многих акторов военно-стратегическим и геополитическим значением, но и признание его общечеловеческой ценности. В политическом и социальном аспектах такой *мир-системный* (по И. Валлерстайну) подход необходимо включить в политическую повестку дня *всех заинтересованных государств*, от решений и взаимодействия которых зависит ее состояние.

В русле общей тенденции «экологизации» международного правосознания все больше оценивается биосферная роль Арктики, в том числе в формировании климата планеты, поддержания хрупкого экологического баланса. О необходимости «обеспечить защиту и сохранение хрупкой окружающей среды в Северном Ледовитом океане» говорилось в Илулиссатской декларации 2008 г. министров иностранных дел пяти *арктических государств* (Дании, Канады, Норвегии, России, США), форумах последних лет (2009–2013 гг.). Законодательство Российской Федерации и Канады на протяжении многих десятилетий предусматривает наиболее разработанные положения об особых правах арктических государств в их соответствующих «полярных» *секторах*. Да и как иначе, если история их освоения Россией, например, насчитывает более восьмисот лет, и как минимум с 1930-х гг. вооруженные силы Советского Союза (России) были полновластными хозяевами Арктики.

Начало XXI в. стало стартом нового этапа освоения около- и арктических земель и пространств. Что такое Арктика или Северный Ледовитый океан, Крайний Север с точки зрения современного человека? Прежде всего необходимо задуматься и понять, что таких глобальных проектов, как освоение крайне суровых частей планеты, до сих пор не было.

Постоянно живущее население Арктического региона невелико. Оно живет среди бескрайних белых равнин, используя лишь отдельные районы для рыбных и зверобойных промыслов. В зависимости от внешнеполитического контекста Арктика рассматривалась с различных позиций: в 1940-х гг. – коммуникаций, связывающих СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции; в 1950–1960-х гг. – как полигон, на котором Советский Союз испытывал новейшее оружие (Новая Земля); в 1970–1980-х гг. –

как «передовая линия» в предполагаемой ядерной войне, так как именно через Северный полюс ожидали подлета американских межконтинентальных ракет и стратегических бомбардировщиков. Сюда же относится и реализация оборонных интересов арктических государств.

Известно значение Арктики по добыче стратегических видов сырья (апатиты, титан, никель, медь, кобальт и т.д.) для нужд экономики и военно-промышленного комплекса. С открытием и освоением крупных месторождений возросли инвестиционные, коммерческие интересы к Арктике. В этом контексте важно учитывать как последствия кризисной экономики, так и современные технологические возможности отдельных государств, которые могут существенно повлиять на деятельность активизировавшихся здесь стран, прежде всего России. Чтобы понять текущее состояние экономического среза региона, а также перспективы его освоения и развития, следует обратиться к статистическим демографическим показателям и показателям производимого ВВП страны и ВВП на душу населения. С их помощью можно выделить районы в зависимости от концентрации природных ресурсов и степени их освоения, а также по объему производимого ВВП как в целом по Арктическому региону, так и по приарктическим странам.

Территория Арктики поделена между пятью арктическими государствами, каждое из которых имеет определенную долю в общеарктическом производстве. 89% Арктического региона занимает Северный Ледовитый океан и другие морские пространства. В российском секторе проживает около 2.5 млн человек, что в несколько раз больше, чем в заполярных широтах других приарктических стран [1]. Экономика российской части Арктического региона вырабатывает около 15% ВВП страны, около 70% всего ВВП арктической зоны [2], производит более 20% экспорта (нефтегазовые ресурсы, цветные и драгоценные металлы, рыба и т.д.).

Канадский и датский сектора (о. Гренландия) занимают второе и третье место по территории после российского, однако из-за малой численности населения приарктические территории этих стран вносят меньший вклад в экономику своих государств. В Норвегии население сектора и его экономическая активность достаточно высоки. Штат Аляска (сектор США) по населению и вкладу в ВВП государства в среднем составляет менее 1% от общестранового показателя.

Доля ВВП на душу населения в богатых природными ресурсами приарктических регионах в России, Канаде и США значительно выше, чем в среднем по стране. В российской Арктике этот показатель в три раза превышает общероссийский, что, конечно, находится в прямой зависимости от деятельности ресурсодобывающих компаний (АЛРОСА, Норильский никель, ЛУКОЙЛ, Газпром, Роснефть и т.д.). Экономический рост приарктических регионов РФ примерно в 2 раза больше, чем в других регионах. В целом, в начале третьего тысячелетия освоение Арктического региона рассматривается в первую очередь в контексте добычи различных природных ресурсов, в основном нефти, природного газа, алмазов, никеля и золота.

В будущем арктическим территориям прочат судьбу одной из основных баз развития мировой цивилизации. Многие отечественные и зарубежные ученые, изучающие Арктику, в своих работах акцентируют внимание на крупных запасах нефти и природного газа, на важности развития технических сооружений, инфраструктуры, средств доставки ресурсов [3], восстановления старых маршрутов и прокладке новых транспортных артерий (Северный морской путь) [4], перспективе развития международного сотрудничества [5]. Некоторые российские исследователи говорят о сложном формировании поступательной государственной политики в регионе [6], имея в виду изменения её роли.

Исходя из этого, можно утверждать, что Арктическим регионом (процессами в нём и вокруг него) в начале XXI в. интересуются не только крупные экономические игроки (транснациональные корпорации), но и многочисленные элитные группы – как местные, так и федеральные. Ресурсами региона не прочь воспользоваться и другие государства, и не обязательно приарктические. В настоящее время за контроль над Арктикой активно соперничают пять выше названных государств, имеющих прямой выход к Северному Ледовитому океану. Страны, не имеющие прямого выхода к этому океану (в составе ЕС, а также Япония, КНР и Республика Корея), также не хотят упускать возможность поучаствовать в её освоении. Притязания этих и других стран – постоянный источник противоречий, потенциальных конфликтов и угроз национальным интересам РФ, существенный фактор ускорения адекватного роста военного присутствия России в Арктическом регионе.

Арктика – важный геополитический регион с различных точек зрения: энергетической, социально-экономической, экологической, транспортной, военной. На фоне растущей напряженности в мировой энергетике, например, зна-

чимость ее геополитических слагаемых развития возрастает. Снижение уровня обеспеченности энергоресурсами ведущих экономик мира заставляет их добиваться гарантированного собственного энергоснабжения различными методами (в том числе и военно-политическими) теперь и за счет этого региона, что наращивает его рискогенность.

Практически у всех приарктических государств имеются территориальные претензии друг к другу. Неурегулированных вопросов о границах в регионе, казалось бы, осталось немного, и в основном они затрагивают морские границы и континентальный шельф. Однако эти претензии сохраняют остроту геополитических противоречий: «на кон» поставлены ресурсы, власть, национальные интересы, имидж в мире. Канада спорит по поводу морской границы с США в море Бофорта и по Северо-Западному проходу. Кроме этого, канадцы оспаривают у датчан принадлежность острова Ханс и разграничительную линию в море Линкольна. Правовые споры существуют и по поводу Северного морского пути.

На этом фоне важным фактором ускорения в освоении Арктики выступает система информационно-коммуникационных и иных связей, способная раскрыть для других игроков этого поля нужный потенциал страны в условиях конкурентного давления. И часто проигрывающая в этом аспекте Россия сейчас такую систему формирует.

Каждое государство из арктической пятёрки, а также некоторые организации имеют соответствующие правовые документы, четко обозначающие их интересы в Арктическом регионе, в которых выражается позиция той или иной страны, например норвежская «Северная Стратегия» (HighNorthStrategy), «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», Директива президента США по национальной безопасности № 66 и Директива президента США по внутренней безопасности № 25, «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее».

Некоторые положения перечисленных выше документов совпадают:

а) все они придают Арктике стратегическое значение не только для себя как отдельно взятого государства, но и для всего человечества в целом;

б) каждая страна подчеркивает свое лидерство в регионе и в соответствии с этим ставит задачу закрепления своего суверенитета над определенным сектором Арктического региона;

в) каждая страна планирует развивать экономику и социальную сферу, совершенствовать структуру управления своим сектором, опираясь на широкую базу научных исследований;

г) все считают необходимым военный фактор освоения региона, предполагающий активное создание арктических группировок войск (как сухопутных, так и морских).

В периоды обострения и отстаивания национальных интересов в Арктике, в частности после успешного завершения российской экспедиции «Арктика-2007», как правило, активизируются военно-политические силы приарктических государств. После принятия американским Сенатом осенью 2008 г. положения об определении границ морской экономической зоны и континентального шельфа США была создана комиссия, в задачу которой входит составление точной карты территориальных вод США. В 2009 г. Министерство военно-морских сил (ВМС) США выпустило документ под названием «Арктический план действий ВМС» (NavyArcticRoadmap), который определяет цели и задачи ВМС в Арктике на ближайший период (до 2014 г.).

Несмотря на то что почти во всех официальных документах США подчеркивается необходимость «мирного разрешения споров» в регионе, некоторые их положения содержат уверенность в том, что в будущем Арктика будет рассматриваться американскими элитами как возможное поле боя. Так, в принятых президентом США директивах по национальной безопасности № 66 и по внутренней безопасности № 25 говорится, что «в Арктике Соединённые Штаты имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов» [7]. Национальная арктическая политика призвана объединить усилия Государственного департамента, Министерства внутренней безопасности и Министерства обороны для «расширения возможностей по защите границ США в случае необходимости». В частности, декларируется необходимость обеспечения передового базирования, а также в определённой ситуации возможность сдерживания противников посредством устрашения (deterrence). Именно поэтому у экспертов появляется повод утверждать, что национальные интересы США в Арктическом регионе, как и в большинстве регионов мира, подкрепляются с помощью такого рода сдерживания [1].

В других официальных документах США, посвященных Арктике, подчеркивается (как и в

РФ) особая роль морских сил. Архитекторы американских стратегий включают Арктику в список «вызовов новой эры», к которым США необходимо быть готовыми уже сейчас. Многие аналитики, эксперты и политики уверены, что США будут использовать ВМС для демонстрации своей военной мощи, а также для давления на государства, политика властей которых не устраивает Капитолий. В настоящее время США дислоцируют в штате Аляска 24 тыс. военнослужащих, три базы сухопутных войск и три воздушных сил, а также несколько объектов береговой охраны. За последние 5 лет на самой северной территории США было проведено несколько военных учений. Например, в военных учениях 2008 г. – «Северный край – 2008» участвовали 5 тыс. военнослужащих, 120 самолетов и несколько кораблей, в том числе один авианосец. В 2009 г. аналогичные военные учения OperationNanook проводились в приполярных широтах с участием 500 солдат вооруженных сил Канады.

Для защиты собственных северных территорий канадские власти расширяют военно-учебную базу Резольют на острове Корнуоллис и начинают строительство нескольких арктических патрульных судов для защиты своих границ. В столице Северо-Западных территорий (посёлок Йеллоунайф) на постоянной основе будет развёрнуто подразделение количеством около 100 человек из состава резерва ВС Канады. Эти решения были приняты после завершения крупных военных учений в Арктике «Нанук-2008» с участием 500 военнослужащих, двух кораблей канадских ВМС и нескольких самолётов. В августе 2010 г. были проведены совместные арктические учения ВС Канады, США и Дании, куда были направлены лучшие корабли с каждой стороны: эсминец «Портер» (США); фрегат «Вэдэрэн» (Дания), способный действовать в арктических льдах; фрегат «Галифакс» (Канада) [8].

Основой политики Норвегии в Арктическом регионе является программа развития северных территорий – «Баренц-2020». В действиях руководства государства в начале XXI в. обозначились тенденции сокращения иностранной деятельности на архипелаге Шпицберген, чтобы поставить его под полный национальный контроль и управление. Кроме этого, Норвегия пытается в одностороннем порядке контролировать прилегающие к Шпицбергену морские пространства и континентальный шельф. Российские эксперты обратили внимание на передислокацию пункта операционного командования вооруженными силами королевства из г. Ставангера на юге в местность Рейтан на севере страны. ВС Норвегии принимают активное участие в учениях североатлантического альянса. С 8 по 18 июня 2009 г. Норвегия участвовала в учениях НАТО под кодовым названием «LoyalArrow».

В 2010 г. экс-министр иностранных дел Норвегии Т. Столтенберг предложил создать «оборонительный союз», состоящий из пяти стран Арктического региона (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) для защиты своих интересов в Арктике. По замыслу автора, он может стать основой для широкого сотрудничества и укрепления позиций указанных стран в Арктике. Руководство Дании тоже уделяет большое внимание этому региону, о чем свидетельствует обсуждение его проблем в самых различных форматах. В 2009 г. парламент королевства принял план обеспечения безопасности Дании на 2010–2014 гг., где значительная часть была посвящена Арктике. Дания собирается разместить здесь воинскую часть быстрого реагирования и командный пункт. Согласно плану, на нужды ВС королевства в этот период будет ежегодно выделяться дополнительно 600 млн датских крон.

В настоящее время в Арктическом регионе, несмотря на прогресс, достигнутый на мирных направлениях обеспечения безопасности, сохраняются предпосылки для обострения военной ситуации. Этому способствует возрастание разного рода интереса сторонних государств, а также разнотипных экологических организаций к региону, приобретающего характер нездорового соперничества, за которым может последовать демонстрация силы. Численность дислоцированных в настоящее время непосредственно в регионе вооруженных сил и средств не показательна, поскольку в случае угрозы зарождения военного конфликта сюда могут быть подтянуты гораздо более крупные силы. По этой причине разрешение любого инцидента или конфликта между странами, если они произойдут, лежит в политико-дипломатической плоскости, включая упреждающий резерв разносторонних связей научного сообщества, в частности политологов-международников и элитологов, социологов, экологов и юристов.

Серьезную озабоченность вызывает сохраняющаяся неясность юридического статуса отдельных частей морского пространства и арктического шельфа. Противостояние других приарктических государств обоснованным претензиям России на дополнительные территории шельфа, чтобы обеспечить российским компаниям доступ к разработке природных ресурсов,

реакция на хозяйственную деятельность по добыче полезных ископаемых, рыболовству, служит усугубляющим фактором обстановки в регионе.

Всем арктическим государствам в целях долгосрочной стабилизации ситуации в регионе необходимо предпринять ряд важных шагов навстречу друг другу. Именно правящим группам следует принять необходимые документы, регламентирующие спорные моменты, связанные со статусом и деятельностью государств в Арктике. Иначе за них это сделают другие элиты. Необходимо завершить разграничение морских пространств в Северном Ледовитом океане в интересах всех участников. Этому может способствовать придание Конвенции ООН по морскому праву универсального характера, согласованное «закрытие» вопроса о принадлежности частей арктического шельфа, которым уже «торгуют» контрэлиты.

Одним из важных компонентов освоения Арктического региона является защита местной окружающей среды. Существует необходимость введения обязательного взаимного мониторинга приарктических государств за деятельностью любых морских судов, кораблей, летательных аппаратов, шельфового и другого оборудования неарктических стран, организаций. Для этого следует разработать международный правовой механизм для его проведения.

Выступая в морском порту Архангельска 30 июля 2012 г. перед участниками экспедиции по ликвидации экологического ущерба в Арктике, президент России В. Путин заявил: «Сегодня мы отправляем научно-экологическую экспедицию на острова Земли Франца-Иосифа. Это знаковое событие для всей России, потому что это, во-первых, подтверждает нашу растущую активность в Арктике. Мы собираемся наши усилия здесь наращивать и *будем работать по многим направлениям*: будем осваивать новые месторождения, возводить объекты инфраструктуры, прежде всего порты, дороги, мосты и так далее. Мы, разумеется, будем здесь укреплять и нашу военную составляющую. Но при осуществлении всех этих видов деятельности, безусловно, будем стремиться к балансу между развитием и сохранением природы… Сегодняшним мероприятием – вашей экспедицией – мы, по сути, начинаем большой новый проект: *генеральную уборку Арктики*» [9].

Укреплению стабильности в Арктике способствует уместная корректировка положений законодательных документов в сфере национальной безопасности приарктических государств. Необходимость правового механизма реализации ответственности арктических государств за сохранение арктической экосистемы и международного диалога по этой проблеме Арктики несомненна.

Формат встреч высокого уровня («арктической пятерки» – на уровне глав внешнеполитических ведомств России, Норвегии, Дании, Канады и США) может стать площадкой для разработки различных решений, которые становились бы обязательными для всех участников процесса. Возможно совмещение различных организационных форматов для принятия тех или иных решений (от «пятерки» до «восьмерки» стран – членов Арктического совета). Как показывает практика, заметный импульс продвижению к решению проблем Арктического региона может быть получен в результате проведения саммита всех восьми глав приарктических государств.

Кроме приарктических государств стратегическое значение Арктическому региону в XXI в. придают и *неарктические страны*, такие как КНР, Республика Корея, Япония и Индия. Свою стратегию использования Северного морского пути, например, начинает разрабатывать руководство КНР. Китайские ученые и некоторые официальные лица требуют развития арктической стратегии, чтобы получить «кусочек Арктического пирога». Как говорит Линда Якобсон (член Стокгольмского института исследования проблем мира), «Китай начал замечать коммерческий и стратегический потенциал свободной ото льдов Арктики» [10]. Ху Чжэнъюэ, помощник министра иностранных дел, призывает приарктические страны отказаться от «интересов прибрежных стран» в пользу «интересов всего человечества». Гуо Пхейцин, океанолог, подчеркивает: «Полярные государства должны понять, что арктические дела – это не только региональная тема». Официальный Пекин пока молчит, однако он опасается создания альянса приарктических государств, чтобы не быть лишенным доступа к Арктическому региону.

Проведение встреч «пятерки» (Россия, Норвегия, Дания, Канада и США) в Гренландии (2008 г.) и Канаде (2009 г.) породило упреки со стороны не приглашенных членов Арктического совета – Исландии, Швеции и Финляндии, а также неарктических государств. Участников этих встреч обвиняли в том, что они пытаются сузить круг государств, принимающих решения по вопросам многостороннего регулирования и управления Арктическим регионом, и тем самым пытаются узурпировать право принятия

таких решений, оттесняя от них даже Арктический совет [11].

Акцент в обсуждениях пяти государств и принятой в 2008 г. Илулиссатской декларации был сделан на вопросах, касающихся исключительно прибрежных государств, имеющих право претендовать на расширение своей доли континентального шельфа Арктики. Однако даже приарктические государства не могут принимать решения, затрагивающие права неарктических государств. Это касается, например, прав на проход кораблей через территориальное море, транзитный проход через международные проливы, свободу судоходства в исключительных экономических зонах и в открытом море, свободу пролета в воздушном пространстве, право на разведку и разработку живых и неживых ресурсов открытого моря и другие.

В дискуссии об управлении Арктическим регионом обсуждаются два варианта улучшения механизмов регионального регулирования и управления. *Первый* поддерживается Европейским парламентом [12] – это путь формирования всеобщего политико-правового механизма управления Арктикой, который стоял бы над несовершенными и порой фрагментарными режимами регионального регулирования. Прообразом такого варианта выступает Договор об Антарктиде 1959 г. (Этот проект, однако, не исключает интернационализации решений проблем Арктики.) Он подвергается заслуженной критике со стороны пятерки приарктических государств.

Второй вариант предполагает улучшение правовой и институциональной основы решения арктических проблем с помощью существующих механизмов. За такой путь высказалась приарктическая пятёрка в своих национальных доктринах и в совместно принятых документах. В Илулиссатской декларации 2008 г. сформулирована позиция: «Мы не видим необходимости в разработке нового всеобъемлющего международно-правового режима для управления Северным Ледовитым океаном» [13]. В конечном счете в юридическом плане заслуги России и Канады в Арктике состоят прежде всего в открытии и освоении многих арктических территорий, а право первооткрытия было сообразно международному праву того периода начальным титулом для распространения на них властных полномочий этих государств [14].

РФ в обеспечении своих национальных интересов в Арктике отдает приоритет политико-правовым, дипломатическим и другим несиловым методам, но эффективность их реализации сегодня в значительной мере зависит и от наличия у государства реальной военно-политической мощи.

Список литературы

1. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Ю.Ф. Лукин. Архангельск, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://arctic--and--north.com; http://narfu.ru/aan/ (дата обращения 20.05.2014 г.).

2. Maenpaa Ilmo. Comparative analysis of Arctic economies at macro level // The Economy of the North. 2008. P. 27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssb.no/a/english/publikasjoner/pdf/sa112_en/kap3.pdf (дата обращения 21.05.2014 г.).

3. Савельева С.Б., Шиян Г.Н. Арктика: укрепление геополитических позиций и экономическое развитие // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13. № 1. С. 117.

4. Лысцев М.С. Особенности развития Ямало-Ненецкого автономного округа в контексте взаимодействия российских политических и экономических элит // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 1. С. 38.

5. Загорский А.В. Проблемы и механизмы арктического сотрудничества // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 170–193.

6. Казаков М.А., Климакова О.Н. Государственная политика России в Арктическом регионе: противоречивая поступательность механизмов формирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 36–40.

7. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). January 9, 2009. URL: http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm (дата обращения 17.05.2014 г.).

8. Канада вновь проявила свое присутствие в Арктике // China Radio International. 27.08.2010. URL: http://russian.cri.cn/841/2010/08/27/1s350671.htm (дата обращения 23.05.2014 г.)

9. Встреча с участниками экологической экспедиции на архипелаг Земля Франца Иосифа [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/news/16082 (дата обращения 05.05.2014 г.).

10. Гамилльшег Ханнес. Северный морской путь: новая арктическая стратегия Китая. DiePresse. Австрия [Электронный ресурс]. URL: http://www.inoforum.ru/inostrannaya_pressa/severnyj_morskoj_put_novaya_arkticheskaya_strategiya_kitaya/ (дата обращения 14.07.2014 г.).

11. Ingimundarson V. Die Kartierung der Arktis: Bodenschatze, Grofimachtpolitik und multilaterale Governance. URL: http://www.bpb.de/apuz/33505/die-kartierung-der-arktis-bodenschaetze-grossinachtpolitik-und-multilaterale-governance?p=all (дата обращения: 23.05.2014 г.).

12. European Parliament resolution of 9 October 2008 on Arctic governance. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?tvpe=TA&reference=P6-TA-2008-0474&Ianguage=EN (дата обращения 16.05.2014 г.).

13. Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана. Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/776bbf733e3936cl4543256999005bcbb7/986b38f469167da5c325745800458ire!OpenDocument (дата обращения: 16.05.2014 г.).

14. Международное право: Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Высшее образование, Юрайт-издат, 2009. 1012 с.

THE STEPPING UP OF RUSSIA'S ACTIVITIES IN THE ARCTIC REGION: MAIN AREAS OF DEVELOPMENT AND ACCELERATION FACTORS

M.A. Kazakov, M.S. Lystsev

The purpose of the article is to reveal the main areas in the policy aimed at the development of the Arctic geopolitical region, the importance and naturalness of this policy for modern Russia. With the use of primary sources in their original language, the works of foreign and domestic researchers of the region and on the basis of a systemic analysis, we consider from a new perspective the main components of the policy to develop the Arctic from the standpoint of geopolitical, military-strategic, economic, legal, environmental, and even value-based factors. Major scientific and political problems of its discovery and «sectoral» development are differentiated. The authors arrive at the following conclusion: the process of preparing decisions on the Arctic should be interactive and should rely on an interdisciplinary analysis, the decision-making process should be integrated and should match the national interests of all key players in the region, both coastal and non-Arctic, regarding the methods and means of implementation of such decisions.

Keywords: Arctic region, geopolitics, national interests, implementation methods and techniques, strategy and tactics of development, solutions, elite.

References

1. Lukin Iu.F. Rossiiskaia Arktika v izmeniaiushchemsia mire / Iu.F. Lukin. Arkhangel'sk, 2012. [Elektronnyi resurs]. URL: http://arctic--and--north.com; http://narfu.ru/aan/ (data obrashcheniia 20.05.2014 g.).

2. Maenpaa Ilmo. Comparative analysis of Arctic economies at macro level // The Economy of the North. 2008. P. 27. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.ssb.no/a/english/publikasjoner/pdf/sa112_en/kap3.pdf (data obrashcheniia 21.05.2014 g.).

3. Savel'eva S.B., Shiian G.N. Arktika: ukreplenie geopoliticheskikh pozitsii i ekonomicheskoe razvitie // Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 13. № 1. S. 117.

4. Lystsev M.S. Osobennosti razvitiia Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v kontekste vzaimodeistviia rossiiskikh politicheskikh i ekonomicheskikh elit // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva. Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii. 2013. № 1. S. 38.

5. Zagorskii A.V. Problemy i mekhanizmy arkticheskogo sotrudnichestva // Arktika: zona mira i sotrudnichestva / Otv. red. A.V. Zagorskii. M.: IMEMO RAN, 2011. S. 170–193.

6. Kazakov M.A., Klimakova O.N. Gosudarstvennaia politika Rossii v Arkticheskom regione: protivorechivaia postupatel'nost' mekhanizmov formirovaniia // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriia: Sotsial'nye nauki. 2010. № 2 (18). S. 36–40.

7. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). January 9, 2009. URL: http://www.fas./org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm (data obrashcheniia 17.05.2014 g.).

8. Kanada vnov' proiavila svoe prisutstvie v Arktike // China Radio International. 27.08.2010. URL: http://russian.cri.cn/841/2010/08/27/1s350671.htm (data obrashcheniia 23.05.2014 g.)

9. Vstrecha s uchastnikami ekologicheskoi ekspeditsii na arkhipelag Zemlia Frantsa Iosifa [Elektronnyi resurs]. URL: http://news.kremlin.ru/news/16082 (data obrashcheniia 05.05.2014 g.).

10. Gamill'sheg Khannes. Severnyi morskoi put': novaia arkticheskaia strategiia Kitaia. DiePresse. Avstriia [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.inoforum.ru/inostrannaya_pressa/severnyj_morskoj_put_novaya_arkticheskaya_strategiya_kitaya/ (data obrashcheniia 14.07.2014 g.).

11. Ingimundarson V. Die Kartierung der Arktis: Bodenschatze, Grofimachtpolitik und multilaterale Governance. URL: http://www.bpb.de/apuz/33505/die-kartierung-der-arktis-bodenschaetze-grossinachtpolitik-und-multilaterale-governance?p=all (data obrashcheniia: 23.05.2014 g.).

12. European Parliament resolution of 9 October 2008 on Arctic governance. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?tvpe=TA&reference=P6-TA-2008-0474&Ianguage=EN (data obrashcheniia 16.05.2014 g.).

13. Deklaratsiia Konferentsii po voprosam Severnogo Ledovitogo okeana. Ilulissat, Grenlandiia, 27–29 maia 2008 g. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/776bbf733e3936cl4543256999005bcbb7/986b38f469167da5c325745800458ire!OpenDocument (data obrashcheniia: 16.05.2014 g.).

14. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik / Otv. red. A.N. Vylegzhanin. M.: Vysshee obrazovanie, Iurait-izdat, 2009. 1012 c.

УДК 316

ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: 15 ЛЕТ УСПЕХА

© 2014 г.

А.А. Городнова, Е.Б. Абросимова

НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

agorodnova@hse.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

В условиях перехода к новым социально-экономическим отношениям возникает необходимость профессиональной переподготовки руководителей всех уровней системы народного хозяйства страны. Приводятся данные анализа подготовки управленческих кадров в рамках Президентской программы за 15 лет с момента начала ее реализации. Рассмотрены сетевые особенности данной Программы, анализируются основные модели ее реализации, оценивается ее эффективность с точки зрения возможностей решать задачи по подготовке менеджеров нового поколения, нацеленных на принятие эффективных управленческих решений, в основе которых – стабилизация и экономический рост как в отдельных регионах, так и в России в целом.

Ключевые слова: профессиональная переподготовка, управленческие кадры, образовательные программы профессиональной переподготовки.

Цель статьи – анализ эффективности подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства страны.

Программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации недавно отметила свое 15-летие. Преобразования в экономике страны невозможно эффективно осуществлять без хорошо подготовленных руководителей. Руководство страны, придавая первостепенное значение повышению квалификации директоров и специалистов предприятий и организаций, в 1997 г. приняло решение проводить ежегодную подготовку не менее пяти тысяч российских менеджеров. Правительство Российской Федерации проявило готовность вкладывать значительные бюджетные средства в подготовку молодых руководителей вне зависимости от формы собственности, размера и отраслевой принадлежности предприятий. Обращение руководства нашей страны за поддержкой этой инициативы к лидерам ведущих стран мира получило практически единогласную поддержку. За рубежом намеченная программа подготовки управленческих кадров получила название «Президентская программа».

Программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации – это масштабная и во многом уникальная программа по подготовке современных высококвалифицированных управленцев. Президентская программа реализуется в Российской Федерации с 1998 г., в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 июля 1997 г. № 774 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации» [1] и постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 177 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2007/08–2014/15 учебных годах» [2].

Стратегическая цель Президентской программы – содействие развитию управления предприятиями для повышения их конкурентоспособности и эффективности.

Задачи, которые решает Программа:

- повышение качества и внедрение современных методов управления;
- повышение конкурентоспособности предприятий;
- укрепление существующих и установление новых взаимовыгодных экономических связей, в том числе и с иностранными партнерами;
- ускорение внедрения инновационных проектов.

Организация подготовки управленческих кадров предусматривает следующие этапы:

- конкурсный отбор кандидатов на обучение в рамках Программы;
- обучение специалистов, отобранных из числа кандидатов, в аккредитованном вузе;
- защита проектов (выпускных работ), разработанных специалистами в период обучения;
- стажировки специалистов на предприятиях Российской Федерации или за рубежом;
- постпрограммная работа с выпускниками.

Таблица

Тип организации	Численность персонала	Годовой оборот
Микропредприятия	1–15 человек	До 60 млн руб.
Малый бизнес	16–100 человек	60–400 млн руб.
Средний бизнес	101–250 человек	400 млн – 1 млрд руб.
Крупный бизнес	Более 250 человек	Более 1 млрд руб.

В настоящее время Правительством Российской Федерации поставлена задача по модернизации экономики и развитию ее инновационной составляющей. Президентская программа оперативно реагирует на нужды экономики страны и области. В течение последних лет претерпел изменения и сам формат Президентской программы. Введены программы повышения квалификации по подготовке субъектов малого и среднего предпринимательства и по менеджменту в сфере инноваций.

Обучение специалистов в рамках Программы ведется по трем уровням: образовательные программы профессиональной переподготовки типа «В» (550 учебных часов), обеспечивающие базовый уровень подготовки менеджеров; проектно-ориентированные программы профессиональной переподготовки типа «А», обеспечивающие более высокий уровень подготовки; с 2010 г. реализуются программы повышения квалификации «Развитие предпринимательства» и «Менеджмент в сфере инноваций» (120 учебных часов). Целевой группой для подготовки являются специалисты с законченным высшим образованием, имеющие не менее пяти лет трудового стажа, из них не менее трех – управленческого, и в возрасте, преимущественно, до 40 лет. Чтобы попасть на программу, нужно, во-первых, получить рекомендацию организации, в которой специалист работает, во-вторых, пройти конкурсный отбор в региональных комиссиях. Конечно, если специалист – владелец собственного предприятия, рекомендацию он может дать себе сам [3].

В составе специалистов, проходящих обучение в рамках Программы, представлены руководители из самых разнообразных секторов народного хозяйства, но основную часть специалистов представляет сектор торговли и строительства. В то же время очевидны тенденции изменения качественного состава слушателей Программы: значительную долю представляет сфера промышленности и отрасли непроизводственной сферы.

Большинство направляющих организаций относятся к микропредприятиям и предприятиям малого бизнеса как по численности персонала, так и по годовому обороту (табл.) [4].

Участие в программе подготовки управленческих кадров предоставляет возможность:

Предприятиям и организациям народного хозяйства Российской Федерации

- создать серьезные предпосылки для перехода к новым формам и принципам управления;
- осуществить позитивные изменения в структурах управления, производства и корпоративной культуре;
- решить конкретные проблемы в процессе подготовки и иностранной стажировки своих специалистов (реструктуризации, перепрофилирования, получения инвестиций и заказов и др.);
- установить новые производственно-экономические контакты с российскими и зарубежными предприятиями, а также развить существующие связи с традиционными партнерами;
- участвовать в специализированной федеральной информационной базе данных, что даст дополнительные возможности при участии в конкурсах на получение государственных заказов и привлечение инвестиций.

Специалистам

- пройти специальный (эксклюзивный) курс подготовки и получить профессиональные знания;
- участвовать в стажировке на ведущих российских и зарубежных предприятиях;
- установить деловые и дружеские контакты с российскими и зарубежными коллегами;
- быть включенными в специализированную федеральную информационную базу данных с целью использования ее для формирования федерального и регионального кадрового резерва;
- стать членами объединений выпускников Президентской программы;
- усовершенствовать навыки владения иностранным языком (при необходимости).

В целях реализации Президентской программы была сформирована Комиссия по организации подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства с отделениями в 83 регионах страны. В кратчайшие сроки была создана основная нормативная база по реализации Программы.

Успешная реализация Программы в первую очередь зависела от поддержки в регионах

страны. Такая поддержка была получена, поскольку Программа была направлена на решение первоочередных задач на местах. Следует отметить, что задачи отбора контингента на обучение и его дальнейшее использование были возложены на сами регионы с учетом региональных и отраслевых потребностей. Комиссия формировала стратегию реализации Программы и выполняла организационные, методологические и контрольные функции.

Вопреки преобладающему в обществе мнению, что хорошую подготовку можно получить только в Москве и в Санкт-Петербурге, Комиссией была определена в качестве первоочередной задача обеспечения равномерно высокого уровня качества подготовки во всех регионах страны. В связи с этим в 1998 г. впервые в российской практике в крупных территориальных образованиях было сформировано около 40 образовательных консорциумов, в состав которых вошли ведущие вузы страны. Начиная с 2007 г. обучение специалистов ведется в 102 вузах, то есть практически во всех регионах Российской Федерации.

Ежегодно пять тысяч специалистов – руководителей высшего и среднего звена проходят 550-часовую подготовку по программам: «Менеджмент», «Маркетинг», «Финансы и кредит», а также совершенствуют знания иностранного языка.

После завершения подготовки в российских образовательных учреждениях участникам Программы предоставляется возможность прохождения стажировки на профильных российских и зарубежных предприятиях. В организации и проведении зарубежных стажировок принимают участие ведущие страны мира и Европейский союз. Стажировки за рубежом способствуют созданию условий для установления и развития кооперации между российскими и зарубежными компаниями, для информационного обмена между российскими и зарубежными менеджерами.

Президентская программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации реализуется в Нижегородской области с 1998 г., с момента создания Нижегородского образовательного консорциума. В состав Нижегородского образовательного консорциума вошли ведущие нижегородские вузы: Нижегородский технический университет им. Р.А. Алексеева (НГТУ), Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), Волго-Вятская академия государственной службы (ВВАГС), Нижегородский филиал государственного университета – Высшей школы экономики (НФ ГУ-ВШЭ), Нижегородский региональный фонд подготовки финансовых и управленческих кадров, Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова (НГЛУ). В структуре Консорциума были созданы четыре кафедры: кафедра менеджмента (на базе НГТУ), кафедра маркетинга (на базе ВВАГС), кафедра финансов (на базе ННГУ), кафедра иностранных языков (на базе НГЛУ).

В декабре 2006 г. распоряжением Правительства Нижегородской области № 1131-р в целях эффективной реализации Президентской программы на базе Нижегородского образовательного консорциума было создано Государственное учреждение «Нижегородский региональный ресурсный центр», переименованное в октябре 2011 г. в Государственное бюджетное учреждение Нижегородской области «Нижегородский региональный ресурсный центр».

За период реализации Программы с 1998 г. по 2012 г. на территории Нижегородской области было подготовлено 1789 специалистов по направлениям: «Менеджмент» – 831 человек (46.5%), «Финансы» – 235 человек (13.1%), «Маркетинг» – 413 чел. (23.1%), «Инновационный менеджмент» – 210 чел. (11.7%), «Менеджмент в сфере инноваций» – 67 чел. (3.7%), «Развитие предпринимательства» – 27 чел. (1.5%). Из них 60% мужчин и 40% женщин.

Только на базе НИУ ВШЭ – Нижний Новгород за пять лет, с 2007-го по 2012 г., прошли обучение более 290 человек по самым востребованным направлениям, в том числе по направлению «Инновационный менеджмент».

С 2010 г. в рамках Президентской программы в Нижегородской области реализуется программа повышения квалификации. В результате конкурсного отбора программа повышения квалификации реализуется двумя вузами: Нижегородским филиалом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – по программам «Менеджмент в сфере инноваций» и «Развитие предпринимательства», и Нижегородским государственным педагогическим университетом – по специальности «Развитие предпринимательства».

В 2011/12 учебном году по программе «Экономика и управление» прошли конкурсный отбор и реализовали Президентскую программу в Нижегородской области три ведущих вуза:

✓ Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева – программа «Менеджмент», которую возглавляет д.ф.н., профессор, академик РАЕН В.М. Матиашвили;

✓ Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» – программа «Маркетинг», которую возглавляет д.э.н., профессор Г.А. Морозова;

✓ Нижегородский филиал ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – программа «Инновационный менеджмент», руководитель программы к.т.н., доцент Е.Б. Абросимова.

В целом, к подготовке специалистов привлечены около 80 лучших преподавателей из числа профессорско-преподавательского состава нижегородских вузов.

В 2011/12 учебном году прошли обучение 43% руководителей высшего звена, 57% руководителей среднего звена и линейных менеджеров из Нижнего Новгорода и 12 городов Нижегородской области (Арзамас, Балахна, Богородск, Бор, Дзержинск, Кстово, Павлово, Саров, Городец и др.).

Востребованность Программы на территории Нижегородской области была подтверждена и в 2012 г., при квоте 185 человек на обучение был зачислен 191 специалист, из них 98 в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород.

За время реализации Президентской программы обучение прошли специалисты более 800 предприятий Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

В 2011/12 учебном году защитили выпускные квалификационные работы 167 специалистов, из них 41 человек по программе «Менеджмент», 12 человек по программе «Маркетинг», 73 человека – «Инновационный менеджмент»; по программам повышения квалификации «Менеджмент в сфере инновации» – 25 человек, «Развитие предпринимательства» – 13 человек и 3 человека по программе «Производственный менеджмент» в Московском энергетическом институте.

Завершили обучение в рамках Программы: 41 руководитель высшего уровня производственных предприятий региона, 37 руководителей высшего и среднего звена высокотехнологичных компаний и сферы инновационного бизнеса, 12 человек из оптовой и розничной торговли, 13 специалистов из социальной и культурной сферы, 18 специалистов из сфер образования и здравоохранения, 8 специалистов строительной отрасли, 4 специалиста ЖКХ, 11 специалистов крупных промышленных предприятий, 4 специалиста малого бизнеса, 4 специалиста из транспортной сферы, 7 специалистов, представляющих банковские и финансовые организации, и 8 специалистов различных организаций реального сектора экономики.

В результате реализации программы 35% специалистов достигли карьерного роста на предприятиях, 45% нашли новые, более выгодные места работы, 10% выпускников открыли собственный бизнес. За время прохождения обучения в 2011/2012 учебном году более 5% слушателей получили новые, более высокие должности.

При этом необходимо отметить, что практически все выпускники остались работать на территории Нижегородской области (более 90%).

Динамика количества слушателей, обучающихся в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород по Президентской программе за период с 2007-го по 2013 г., свидетельствует о наличии большого спроса на программы подготовки управленческих кадров, а также о колебаниях спроса в разные периоды, что может быть связано с особенностями набора слушателей на программы и экономическими условиями развития субъектов реального сектора экономики в Нижегородской области (рис.).

Статус Президентской программы высоко оценивается не только в России, но и за рубежом. После вступления России в ВТО выросла заинтересованность в формировании единого подхода к подготовке управленческих кадров, поэтому сейчас особое внимание уделяется взаимодействию с иностранными партнерами. Сегодня в рамках Президентской программы заключены соглашения с Германией, Нидерландами, Норвегией, Финляндией, Японией, Францией и США.

После защиты выпускных аттестационных работ специалисты выезжают на зарубежную стажировку в одну из стран Евросоюза, в США или Японию. За 15 лет реализации программы в Нижегородской области более 30% слушателей прошли зарубежную стажировку. В 2010 г. 23 специалиста прошли стажировку: в Германии (17 человек), Франции (5 человек) и Японии (1 человек). В 2011 г. стажировку прошли 14 выпускников в Германии, Франции, Финляндии и Португалии. В 2012 г. 14 специалистов прошли стажировку в Германии (7 чел.), в Финляндии (2 чел.), в Японии (3 чел.), в Нидерландах и в США по 1 человеку. Общее число специалистов, прошедших зарубежную стажировку, – 581.

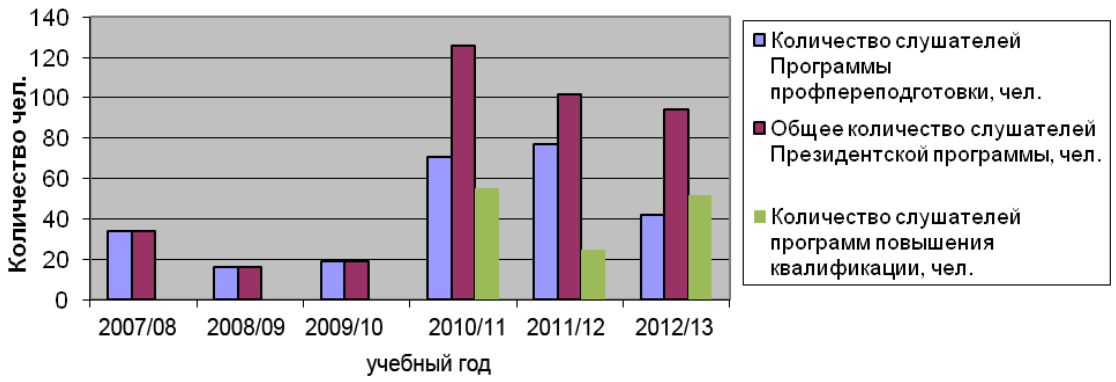


Рис. Динамика числа обучающихся по Президентской программе в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород по годам обучения

За период реализации в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород Президентская программа зарекомендовала себя как конкурентоспособный и значимый инструмент подготовки управленческих кадров в современных условиях.

Значительный интерес к Президентской программе со стороны как работодателей, так и слушателей показывает, что участие в Программе позволяет им быть в центре общемировой тенденции непрерывного образования, лучше понимать экономические взаимосвязи и ориентироваться в постоянно изменяющемся экономическом пространстве. Организации, направляющие на обучение своих сотрудников, участвуют в Программе преимущественно от двух до пяти лет.

Основные причины участия в Программе, с точки зрения руководителей:

- возможность получения современных знаний и навыков в области управления;
- возможность приобрести связи в бизнес-среде;
- возможность зарубежной стажировки.

Главными целями участия в Программе как для руководителей, так и для самих выпускников являются знакомство с новыми технологиями управления, установление новых деловых контактов, проведение организационных изменений в компании. Чаще всего уровень приоритетности целей участия в Программе для специалистов организаций и их руководителей совпадал, однако цели увеличения объёма продаж, привлечения клиентов и повышения качества выпускаемых товаров (услуг) были более важны для руководителей. В то же время подчинённые часто ставили цель изучить методы анализа рыночной среды, хотя их руководители очень редко ставили такую цель перед Программой [5].

По оценкам руководителей, экономическое положение направляющих организаций за весь период, прошедший с окончания обучения специалистов по Программе, значительно улучшилось. В особенности сильное влияние Программы на экономическое положение организации отмечают представители здравоохранения. А вот руководители организаций, предоставляющих услуги IT, напротив, чаще уверены, что Программа скорее не дает такого эффекта.

Основным изменением, которое произошло во многих направляющих организациях после прохождения специалистами Программы, является усовершенствование методов управления. Основные изменения коснулись компаний крупного и среднего бизнеса.

Участие в Программе влияет на различные аспекты деятельности организаций: повышение мотивации персонала; увеличение уровня клиентской удовлетворенности; увеличение числа клиентов. Руководители организаций отмечают, что благодаря Президентской программе удалось создать новые рабочие места и сократить издержки на производство товаров или услуг.

По оценкам участников Программы, значительная часть предприятий испытывает дефицит управленческих кадров. При этом наиболее остро стоит проблема нехватки руководителей линейного и функционального уровней. Кроме того, специалисты предвидят возрастание спроса на управленческий персонал. Структура спроса на управленческие кадры зависит от сектора экономики и размера предприятия. В промышленности наиболее востребованными являются руководители линейного уровня, в то время как в остальных отраслях наиболее востребованы руководители функционального уровня. Руководители линейного уровня более востребованы на крупных предприятиях, а на средних предприятиях более востребованы ру-

ководители высшего уровня. При этом спрос на руководителей функционального уровня не зависит от размера предприятия.

Основой успеха Программы было и остается эффективное сотрудничество. Среди организаций, которые в течение пятнадцати лет оказывали поддержку в реализации программы, необходимо отметить Национальный фонд подготовки кадров, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

И сегодня Программа успешно решает следующие задачи.

1. Обеспечение подготовки менеджеров нового типа для реального сектора экономики, способных эффективно работать в рыночных условиях. Около 96% выпускников и 80% руководителей, направлявших своих работников на подготовку от предприятий, отмечают полезность и, что более важно, применимость приобретенных знаний и навыков.

2. Содействие процессам реформирования российских предприятий, развитию предпринимательства. Более 65% выпускников осуществляют разработанные в ходе обучения и стажировки проекты изменений на уровне предприятия или отдельных подразделений. Большая часть реализуемых проектов направлена на повышение производительности, снижение издержек производства, улучшение результатов финансово-экономической деятельности.

3. Создание условий для установления и развития международной кооперации.

4. Содействие в профессиональном и карьерном росте молодых руководителей. 25% специалистов отмечают должностной рост, а 40% участников подтверждают существенное повышение зарплаты. Более 40% прошедших подготовку получили предложения о работе от российских и зарубежных компаний, а 10% выпускников были приглашены на работу в органы исполнительной власти различного уровня.

5. Развитие предпринимательства и малого бизнеса. Более 30% предприятий, участвующих в программе, относятся к категории малых. Кроме того, 8% выпускников сразу по завершении обучения создали собственные компании.

Таким образом, реализация Программы демонстрирует заинтересованность предприятий в системной подготовке управленческих кадров; способность российских учебных заведений качественно развивать учебные программы в соответствии с едиными требованиями Комиссии по организации подготовки управленческих кадров; возможность гармоничного объединения образовательных программ, реализуемых в Российской Федерации, и программ зарубежных стажировок, эффективность использования федерального и региональных бюджетов.

Бесспорно, потенциал Президентской программы подготовки управленческих кадров большой, и его необходимо использовать для развития экономики страны [6]. Без хорошо подготовленных на современном уровне руководителей невозможно эффективно осуществлять преобразования в экономике.

Список литературы

1. О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1997 года № 774 (в ред. Указов Президента РФ от 16.03.1999 г. № 351, от 15.07.2000 г. № 1323, от 01.04.2003 г. № 382, от 09.09.2006 г. № 985) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pprog.ru (дата обращения 15.04.2014 г.).

2. Положение об отборе вузов: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 года № 177 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pprog.ru (дата обращения 15.04.2014 г.).

3. Президентская программа. Общая информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pprog.ru/about/ (дата обращения 15.04.2014 г.).

4. Анализ руководителей предприятий, направляющих специалистов на Программу: отчет по результатам количественного исследования (февраль 2012 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pprog.ru/ (дата обращения 15.04.2014 г.).

5. Анализ руководителей предприятий, направляющих специалистов на Программу: отчет по результатам количественного исследования (декабрь 2012 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pprog.ru/ (дата обращения 15.04.2014 г.).

6. Христенко В.Б. О перспективных направлениях подготовки руководителей // Бизнес-образование. 2003. № 1 (14). С. 5.

MANAGEMENT TRAINING PROGRAM: 15 YEARS OF SUCCESS

A.A. Gorodnova, E.B. Abrosimova

The article presents an analysis of the management training program in the framework of the Presidential program for 15 years since the commencement of its implementation. We consider the network features of this program and examine the principal models of its implementation. Its effectiveness is estimated from the point of view of fulfilling the task of preparing a new generation of managers capable of making effective management decisions. The empirical basis includes the data on the quality of training obtained in the course of the monitoring. The results of the study may be used by heads of organizations when deciding on professional retraining of managers of different levels.

Keywords: professional retraining, management personnel, educational programs of professional retraining.

References

1. O podgotovke upravlencheskikh kadrov dlia organizatsii narodnogo khoziaistva Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 23 iiulia 1997 goda № 774 (v red. Ukazov Prezidenta RF ot 16.03.1999 g. № 351, ot 15.07.2000 № 1323, ot 01.04.2003 g. № 382, ot 09.09.2006 № 985) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pprog.ru (data obrashcheniia 15.04.2014 g.).

2. Polozhenie ob otbore vuzov: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 marta 2007 goda № 177 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pprog.ru (data obrashcheniia 15.04.2014 g.).

3. Prezidentskaia programma. Obshchaia informatsiia. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pprog.ru/about/ (data obrashcheniia 15.04.2014 g.).

4. Analiz rukovoditelei predpriiatii, napravliaiushchikh spetsialistov na Programmu: otchet po rezul'tatam kolichestvennogo issledovaniia (fevral' 2012 goda). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pprog.ru/ (data obrashcheniia 15.04.2014 g.).

5. Analiz rukovoditelei predpriiatii, napravliaiushchikh spetsialistov na Programmu: otchet po rezul'tatam kolichestvennogo issledovaniia (dekabr' 2012 goda). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pprog.ru/ (data obrashcheniia 15.04.2014 g.).

6. Khristenko V.B. O perspektivnykh napravleniiakh podgotovki rukovoditelei // Biznes-obrazovanie. 2003. № 1 (14). S. 5.

УДК 159.9+316.624

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА

© 2014 г.

О.И. Ефимова

Центр исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики нарокомании и социально-педагогической поддержки детей и молодежи, Москва

efimovao@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Анализируются результаты мониторинга состояния работы по профилактике суицидов в образовательных учреждениях России, которые отражают как позитивные сдвиги в данной области (наличие региональных программ, применение новых подходов и технологий), так и негативные тенденции (отсутствие качественного научного сопровождения, невысокая информированность органов исполнительной власти в регионах по проблеме профилактики детского суицида).

Ключевые слова: суицид, суицидальный риск, группа риска, профилактика суицидального поведения, психолого-педагогическое сопровождение, мониторинг.

Проблема самоубийства является весьма актуальной для России, в которой в период с 1990-го по 2010 г. было зарегистрировано около 800 тысяч самоубийств. Наша страна занимает 6-е место в мире по числу суицидов среди всех возрастов (после Литвы, Южной Кореи, Казахстана, Беларуси и Японии). Еще более удручают статистические данные по подростковым суицидам, количество которых превышает мировые показатели в 3 раза: 19–20 случаев самоубийств на 100 тысяч подростков. Самыми неблагоприятными в этом плане выступают Республика Тыва (120 случаев на 100 тысяч подростков), Бурятия (87 случаев), Якутия (74 случая). Тревожат данные из Забайкалья, Хакасии, Калмыкии.

В 1999 году ВОЗ приступила к осуществлению программы SUPRE – всемирной инициативы по превенции самоубийств, в которой было рекомендовано странам с высоким и средним уровнем суицидальной активности разрабатывать национальные превентивные программы с учетом культурных традиций и системы ценностей в каждой отдельной стране [1].

В последние годы в России также большое внимание уделяют организации превентивной работы. Так, Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351, предусмотрено сокращение уровня смертности от самоубийств за счет повышения эффективности профилактической работы с гражданами из групп риска, включая: развитие системы консультативной и психологической поддержки семьи, профилактики семейного неблагополучия, социальной реабилитации семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Одним из направлений профилактики суицидального поведения является разработка единых межведомственных программ помощи детям, а также конкретных методик и технологий выявления и оказания помощи семьям и конкретным детям, которые входят в группу риска; обобщение и анализ опыта превенции суицидального поведения детей и подростков в рамках сети специализированных медико-психологических центров и др. В рамках данного направления, например, была разработана Типовая модель психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, направленного на профилактику суицидального поведения обучающихся, апробация которой успешно проходила в некоторых школах РФ в течение 2013 года [2].

Вместе с тем, поскольку проблема носит комплексный, системный и междисциплинарный характер, а само суицидальное поведение имеет сложную, как личностную, так и социальную детерминанты, насущной необходимостью является непрерывное отслеживание динамики ситуации; оценка действенности используемых мер, систематическое обобщение имеющегося опыта. Эффективным инструментом, позволяющим решать подобные задачи, выступает мониторинг работы по профилактике детского суицида.

Рис. 1. Процентное распределение данных мониторинга по федеральным округам Российской Федерации

Анализ зарубежного опыта показал, что ни в одной стране, кроме США, не существует централизованного систематизированного постоянного мониторинга программ профилактики суицида в образовательных учреждениях. В США в 2004 г. был принят Закон Мемориал Гаррет Ли Смит (Garrett Lee Smith Memorial Act [GLSMA]), утвержденный президентом Д. Бушем, – первый законодательный акт, который предоставил широкую возможность финансирования программ по всей стране, в том числе финансирование Национальной стратегии по профилактике суицида (NSSP), включая развитие и мониторинг программ профилактики суицидального поведения в общественных и образовательных учреждениях [3–5].

В нашей стране мониторинг состояния работы по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях начал проводиться с 2013 г. в соответствии с планом мероприятий по профилактике суицидального поведения среди обучающихся образовательных учреждений на 2011–2015 годы, утвержденным Приказом Минобрнауки России от 26 октября 2011 г. № 2537.

Мониторинг проходил в несколько этапов: на первом этапе его осуществления сотрудниками ФГБНУ «Центр исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики нарокомании и социально-педагогической поддержки детей и молодежи» была разработана программа мониторинга состояния работы по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях России, которая включала критерии оценки состояния деятельности по профилактике суицида, инструментарий оценки, а также инструкцию по организации сбора информации обо всех аспектах профилактической деятельности. На втором этапе исследования осуществлялась апробация программы мониторинга, сбор эмпирических данных, анализ которых позволил разработать рекомендации по дальнейшему осуществлению мониторинга для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере образования. Все разделы мониторинга были разработаны в соответствии с общими правилами проведения мониторинга в общеобразовательных учреждениях [6].

В результате проведения мониторинга были получены ответы из 38 субъектов Российской Федерации, что составляет 45.8% от числа всех субъектов. Процентное распределение полученных материалов показывает достаточно высокий охват мониторингом территории России. Так, доля субъектов, представивших материалы по отдельным округам, колеблется в пределах от 28.6% – Северо-Кавказский федеральный округ до 66.7% – Южный федеральный округ (рис. 1). Полученные эмпирические данные весьма репрезентативны и могут служить основанием для сравнительного анализа состояния работы по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях России, как в целом, так и по отдельным регионам.

Наличие в регионе комплексного плана работы, региональной программы и иных документов по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях отметили **84.2%** регионов. Такие комплексные планы отсутствуют только в Чукотском автономном округе, Удмуртской Республике, Приморском и Пермском краях, Новосибирской и Томской областях.

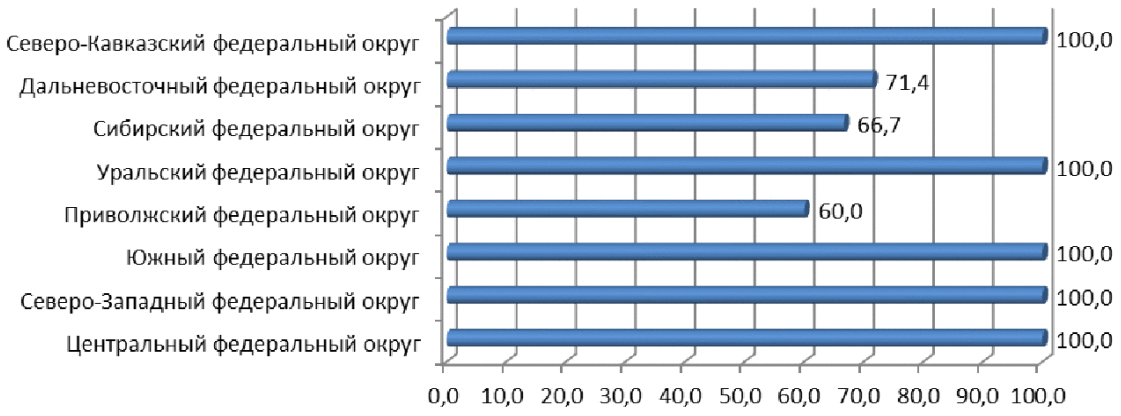


Рис. 2. Наличие комплексного плана работы и региональной программы по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях (по округам РФ в % к числу субъектов РФ, входящих в округ и принявших участие в мониторинге)

На рис. 2 представлена картина, отражающая наличие региональных программ и комплексного плана по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях по федеральным округам, проблемы в данном направлении работы наблюдаются лишь в трех федеральных округах: Дальневосточном, Сибирском и Приволжском.

Достаточно позитивная картина наблюдается и при анализе ответов на вопрос об организации межведомственного взаимодействия по профилактике детского суицида в образовательных учреждениях: такая работа проводится практически во всех регионах, предоставивших информацию в ходе мониторингового исследования. Исключение составляют только Курская, Новосибирская, Сахалинская и Томская области, а также Республика Дагестан.

Интересно отметить, что, с одной стороны, полученные эмпирические данные позволяют говорить об организации на территории Российской Федерации широкомасштабной работы по профилактике детского суицида, разработке новых подходов к решению данной проблемы; с другой стороны, именно в этом направлении работы наблюдается наибольшая дифференциация регионов. Так, например, количество региональных опытно-экспериментальных площадок по проблеме профилактики детского суицида колеблется по субъектам Российской Федерации от их полного отсутствия до не совсем вероятного количества – 354 – в Ханты-Мансийском автономном округе. Если не брать в расчет этот разброс, который может быть отчасти объяснен возможной ошибкой экспертов, то экспериментальные площадки работают сегодня в **36.8%** субъектов Российской Федерации, представленных в мониторинговом исследовании.

Следует отметить, что представленная в ходе мониторинга количественная информация в принципе противоречива, что позволяет высказать предположение о недостаточном владении регионами информацией о реальном положении дел с детским суицидом и его профилактикой в образовательных учреждениях. Так, резко отличается информация об обучающихся, находящихся в «группе риска» по суицидальному поведению; числу завершенных и предотвращенных суицидов. Ряд регионов: Курская, Архангельская, Сахалинская области, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область и Республика Дагестан вообще не смогли представить какую-либо статистическую информацию по данным вопросам.

Несомненно, полученные результаты не могут претендовать на статус статистической информации, поскольку не соотнесены с общим числом жителей региона (обычно показатели завершенных суицидов рассчитываются на 10 000 жителей). Вместе с тем они могут рассматриваться как достаточно ценные, в случае их объективного характера, при условии продолжения данной работы в следующие годы, поскольку с точки зрения сравнительного анализа, оценки динамики состояния проблемы вполне возможно использование абсолютных, а не приведенных значений.

Несмотря на все сказанное, полученные данные позволяют получить некоторую новую информацию, а также подтвердить ранее полученные данные. Так, например, весьма показательной выступает информация о процентном рас-

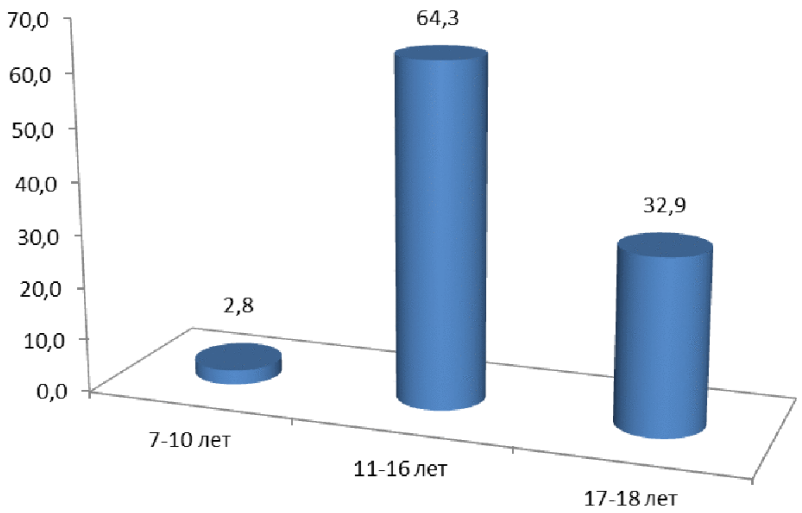


Рис. 3. Распределение случаев суицида и суицидальных попыток по возрастным группам

пределении количества случаев суицида и суицидальных попыток по возрастным группам (рис. 3).

Весьма интересным с этих позиций выступает сопоставление этого распределения с процентным распределением по возрастным группам случаев предотвращения суицидов (рис. 4). С одной стороны, полученные данные подтверждают, что наиболее рискованной с точки зрения совершения суицида является возрастная группа 11–16 лет, с другой стороны, результаты мониторинга позволяют предполагать, что готовность педагогов и психологов к работе по профилактике суицидального поведения с возрастной группой 11–16 лет выше, чем с группой обучающихся более старшей возрастной группы – 17–18 лет.

Отмеченная выше недостаточная информированность органов исполнительной власти в регионах по проблеме профилактики детского суицида в образовательных учреждениях ярко обнаруживает себя и при анализе ответов на вопросы о наличии банка данных семей, находящихся в социально опасном положении, а также об их количестве. Так, наличие банка данных о семьях, находящихся в социально опасном положении, отмечено только в восьми регионах из 38, принявших участие в мониторинге, что составляет всего лишь **20%** от их общего числа. Большинство регионов не смогло представить информацию и о количестве семей и детей в них, находящихся в социально опасном положении. Исключение составляют только Курская и Ростовская области, а также Ямало-Ненецкий автономный округ.

Вместе с тем большинство регионов **(81,6%),** за исключением Ненецкого автономного округа, Республики Адыгея, Самарской области, Республики Хакасия, Еврейской автономной области, Камчатского края и Республики Дагестан, отмечают постоянное проведение мониторинга состояния работы по профилактике детского суицида в регионе. Периодичность данного вида деятельности колеблется от одного раза в год до одного раза в квартал.

Анализ результатов мониторинга свидетельствует, что во многих регионах отсутствует качественное научное сопровождение профилактической работы: научные консультанты по проблемам профилактики детского суицида есть только в 16 из 38 регионов, что составляет чуть более 42%. Отсутствие научного сопровождения отразилось на ответах респондентов; так, рассматривая содержательные основы реализуемых мероприятий (программ) по профилактике детского суицида, респонденты вместо представления методологических и содержательных основ реализуемых мероприятий (программ) чаще просто перечисляют основные мероприятия. Вместе с тем мы попытались выделить несколько блоков ответов: I блок – перечисление основных конкретных мероприятий по профилактике детского суицида, которые осуществляются в регионе (создание профилактических программ; выявление и учёт несовершеннолетних, склонных к суицидальному поведению, т.е. групп суицидального риска; проведение тематических классных часов; организация «телефона доверия»); II блок – перечисление мероприятий, ориентированных на определенные группы (проведение семинаров и круг-

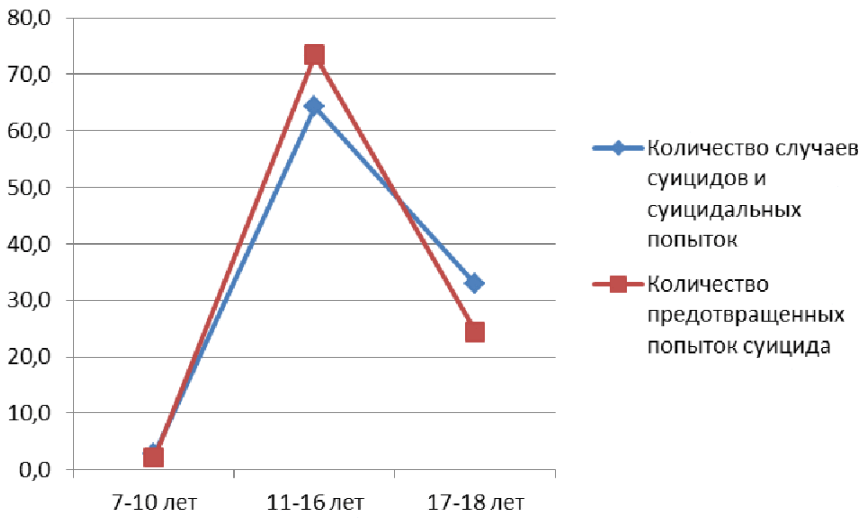


Рис. 4. Сравнение процентного распределения по возрастным группам случаев суицида и суицидальных попыток с процентным распределением случаев предотвращения таких попыток

лых столов с педагогами; индивидуальная работа с несовершеннолетними из «группы риска»; работа с неблагополучными семьями); III блок – декларация целей проводимых мероприятий (формирование ценностно-смысловой жизнеутверждающей позиции; развитие социальной и личностной компетентности; развитие самосознания и самоопределения личности несовершеннолетних; повышение психологической культуры педагогов и родителей и снижение частоты случаев некорректного, психотравмирующего воздействия на детей; повышение информированности педагогов и родителей об особенностях детских возрастных кризисов; создание благополучного климата для учащихся; формирование положительных жизненных установок и жизненной позиции; формирование здорового образа жизни; обучение индивидуальным правилам психологической защиты).

Некоторые регионы, например Ставропольский край, представили конкретные авторские программы, которые напрямую или косвенно ориентированы на профилактику суицидального поведения (программа психолого-педагогического сопровождения учащихся «группы риска» «Все вместе»; школьная программа «Дети «группы риска»; программа «Коррекционная работа с подростками, имеющими высокий уровень тревожности и агрессии» и т.п.).

Анализ результатов мониторинга позволил выделить оригинальные методы профилактической работы, которые используются в ряде регионов. Так, например, в Чукотском автономном округе к семьям с детьми группы суицидального риска относят семьи, в которых имели место завершенные или незавершенные суицидальные попытки (в том числе среди дальних родственников). Как правило, это семьи с серьезными алкогольными проблемами в нескольких поколениях. Поскольку в каждом из сел проживает не более 800 чел. (чаще – 300, 500 чел.), применять специальные методы для выявления таких семей нет необходимости, т.к. история этих семей известна.

В Новосибирской области было проведено несколько профилактических мероприятий: добровольческие акции «Скажи жизни «ДА!», спортивные соревнования для школьников «Жить – здорово!», психологические тренинги в период подготовки и сдачи ЕГЭ и ГИА, которые, как известно, «предъявляют» повышенные требования к эмоционально-волевой сфере подростка. А в Курской области в практику вошли «Почтовые ящики доверия» («Почта доверия», «Поделись проблемой», «Почтовый ящик психолога» и др.).

Представляют интерес ответы на вопрос об информационном обеспечении профилактической работы в регионе. Большинство респондентов в качестве основного информационного обеспечения профилактической работы выделили такие направления деятельности: 1. Размещение информации о работе служб экстренной психологической помощи, детского телефона доверия, а также информации с номерами «телефонов доверия». 2. Информирование обучающихся на классных собраниях, на специальных профилактических мероприятиях. 3. Нали-

чие методической литературы по профилактике детских суицидов. 4. Уроки, направленные на профилактику суицидального поведения в рамках курса ОБЖ.

Наиболее часто используемой формой повышения квалификации работников образовательных учреждений, в том числе руководителей образовательных учреждений, педагогов-психологов, социальных педагогов по проблеме профилактики детского суицида, являются курсы и семинары в рамках переподготовки и повышения квалификации работников образования, а также научно-практические конференции для работников образовательных учреждений.

Изучая формы работы с родителями по профилактике детского суицида, мы пришли к выводу, что в большинстве регионов (Московская область, Архангельская область, Астраханская область, Волгоградская область, Кировская область и др.) наиболее распространенными формами являются родительские собрания, анкетирование, дискуссии, тренинги, лекции. В ряде регионов (Волгоградская область, Забайкальский край, Красноярский край) в работе с родителями используются не только традиционные формы, но и телефоны доверия и телефоны кризисных центров, а также размещение информации в СМИ, сети Интернет. В некоторых регионах (Костромская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ) ведется патронаж семей группы риска, психосоциальное сопровождение, родительские всеобучи. Одной из форм работы с родителями являются акции, используемые в ряде регионов («Подросток», «Неблагополучная семья», «Родительский урок»).

Особый интерес вызывает опыт Костромской области, в которой проходит ежегодный социологический интернет-опрос подростков из государственных и муниципальных образовательных учреждений. В 2012 году в интернет-опросе приняли участие 6597 человек.

Интересные формы работы были предложены и реализованы в Костромской области (в рамках Международного дня детского телефона доверия во всех муниципальных образованиях Костромской области под девизом «Дети говорят телефону доверия ДА!» прошли конкурсы, уроки-тренинги, анкетирование, классные часы и родительские собрания, целью которых было информирование детей, подростков и молодежи о работе телефона доверия; о помощи, которую можно получить; о ситуациях, в которых стоит обращаться за поддержкой) и в Ярославской области (подготовлены, изданы и бесплатно распространены на массовых мероприятиях для детей и родителей такие издания, как справочник о службах психолого-педагогической и медико-социальной помощи Ярославской области «Здесь вам помогут: психолого-педагогическая и медико-социальная помощь семье и детям», рекомендации «Здесь тебе помогут: простые выходы из сложных ситуаций», предназначенные прежде всего для подростков). В Новосибирской области существует отдельная функционирующая бригада экстренной психологической помощи. Там же проводились ролевые и деловые игры по профилактике суицидального поведения. На территории Тюменской области организована «Социальная служба экстренного реагирования», целью которой является оказание помощи в круглосуточном режиме не только несовершеннолетним в трудной жизненной ситуации, но и женщинам, подвергшимся различным видам насилия.

Результаты мониторинга позволили отследить ситуацию по профилактике суицидального поведения подростков и молодежи в целом по РФ, сделать выводы и дать рекомендации по совершенствованию данной деятельности в системе образования.

Список литературы

1. http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html

2. Ефимова О.И. Инновационные методы предупреждения самоубийств в подростковой среде// Справочник педагога-психолога // Школа. 2013. № 9. С. 66–79.

3. Goldston D.B., Walrath C.M., McKeon R., Puddy R.W., Lubell K.M., Potter L.B. and Rodi M.S. National Institute of Health. The Garrett Lee Smith Memorial Suicide Prevention Program. Suicide Life Threat Behav. 2010 June; 40 (3). P. 245–256.

4. Marriott N., Goyder H. Manual for Monitoring and Evaluating Education Partnerships. International Institute for Educational Planning, UNESCO. 2009. Pg. 16.

5. http://www.iiep.unesco.org/fileadmin/user_upload/Info_Services_Publications/pdf/2009/Mariott-Goyder_Partnership.pdf

6. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Интеллект-Центр, 2005.

PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN ADOLESCENTS IN RUSSIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: RESULTS OF MONITORING

O.I. Efimova

The results of the monitoring of the state of work on suicide prevention in educational institutions of Russia are analyzed. They reflect both the positive developments in this area (the existence of regional programs, the application of new approaches and technologies) and the negative trends (lack of high-quality scientific support, low awareness of executive authorities in the regions regarding the prevention of child suicide).

Keywords: suicidal behavior, suicidal risk, group of suicidal risk, prevention of suicidal behavior, psychological and pedagogical support, monitoring.

References

1. http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html
2. Efimova O.I. Innovatsionnye metody preduprezhdeniia samoubiistv v podrostkovoi srede// Spravochnik pedagoga-psikhologa // Shkola. 2013. № 9. S. 66–79.
3. Goldston D.B., Walrath C.M., McKeon R., Puddy R.W., Lubell K.M., Potter L.B. and Rodi M.S. National Institute of Health. The Garrett Lee Smith Memorial Suicide Prevention Program. Suicide Life Threat Behav. 2010 June; 40 (3). P. 245–256.
4. Marriott N., Goyder H. Manual for Monitoring and Evaluating Education Partnerships. International Institute for Educational Planning, UNESCO. 2009. Pg. 16.
5. http://www.iiep.unesco.org/fileadmin/user_upload/Info_Services_Publications/pdf/2009/Mariott-Goyder_Partnership.pdf
6. Maiorov A.N. Monitoring v obrazovanii. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Intellekt-Tsentr, 2005.

УДК 316.3

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

© 2014 г.

Ю.А. Петровская

Петрозаводский госуниверситет

julia_petrovskaya@yahoo.com

Поступила в редакцию 07.11.2014

На основе анализа научной социологической литературы обосновывается недостаток социологических знаний о факторах социального благополучия в рамках существующих объективистского и субъективистского подходов. Представлен анализ теоретических подходов к исследованию социального благополучия, выявлены противоречия, лежащие в основе исследовательской проблемы, выражающейся в нехватке и противоречивости социологических знаний о факторах благополучия, о влиянии социальных изменений на субъективное благополучие индивида и соотношение социального и индивидуального благополучия, обоснована необходимость комплексной интегративной модели социального благополучия.

Ключевые слова: социальное благополучие, индивидуальное благополучие, факторы социального благополучия, соотношение социального и индивидуального благополучия.

В последние несколько десятков лет активизировался научный интерес к проблеме социального благополучия, а также факторов, оказывающих влияние на его характеристики. *Актуальность* этой проблемы во многом обусловлена противоречиями, которые обнаруживаются в ходе анализа исторического развития общества, его изменений и теоретических подходов к исследованию.

Изучая результаты социологических исследований, можно отметить, что благополучие государства и общества не всегда означает субъективное благополучие для отдельных его индивидов. Цели государства, общества и отдельного индивида, а также их понимание социального благополучия совпадают отнюдь не всегда. Соответственно, социальное благополучие прямо и исключительно не детерминируется только уровнем и качеством жизни или совершенством государственной системы управления, а зависит также от других факторов, таких как ценности и потребности индивида, культура и традиции самого общества.

По мнению А.В. Тихонова, весь смысл управления общественными процессами и отношениями состоит по существу в создании благоприятных социальных и экономических условий [1], в которых индивиды посредством личного и коллективного труда смогут достигать благополучия, как собственного, так и общественного. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, предполагая, что в любом обществе органы управления в конечном итоге не нацелены на создание равно благоприятных социальных условий для всех его членов, так же как и на решение абсолютно всех социальных проблем, препятствующих социальному благополучию. Именно поэтому в любом обществе сохраняется социальная дифференциация. В то же время большинство социальных теорий осуществляют свой научный поиск в попытках ответить на вопрос о соотношении индивидуального и общественного благополучия. Ответы на этот вопрос весьма разнообразны – от превалирования общественного благополучия над индивидуальным до полярного подхода. Нельзя, однако, не отметить, что еще в середине XIX в. К. Маркс писал, что превалирование личной свободы человека, его предприимчивости как основы для достижения благополучия в либерально-демократическом обществе не подрывает в итоге благополучия общества [2].

Изучая факторы социального благополучия, необходимо начать с интерпретации самого понятия благополучия. Анализ социологической литературы позволяет определить два основных теоретических подхода: объективистский, основанный на положениях социологического позитивизма, и субъективистский, в рамках которых и конструируются социологические модели социального благополучия. В контексте объективистской модели социальное благополучие рассматривается как объективное явление социальной жизни и анализируется на социетальном уровне, где общество понимается как целостная система, включающая совокупность функционально взаимосвязанных элементов. В этой системе социальное благополучие отождествляет-

ся с равновесием, обеспечивая стабильность функционирования ее составляющих, а также прогрессивное развитие всего общества. В рамках объективистской модели можно выделить разные подходы к пониманию социального благополучия. Ряд авторов характеризуют благополучие как состояние общественной системы – с абсолютным равновесием, стабильностью и способностью к развитию. Другие ученые всё чаще дают определение благополучия через отрицание признаков «неблагополучия».

Т. Парсонс к основным функциям общества относил функцию адаптации – приспособление к внешней окружающей среде; функцию целедостижения – удовлетворение личных потребностей; функцию интеграции – обеспечение бесконфликтных отношений; функцию поддержания – воспроизводство структуры и снятие напряженности. В соответствии с данными социальными функциями Т. Парсонс выделял в обществе четыре основные системы: социальную, органическую, личностную и культурную. Функционирование социальной системы определяют выполняемые личностью социальные роли, а функция интеграции реализуется через правовые институты. Определяющим моментом функционирования органической системы выступают материальные потребности общества, а реализация функции адаптации обеспечивается с помощью экономических институтов. Для личностной системы главным побудительным стимулом будут личные мотивы, функция же целедостижения реализуется с помощью политических институтов. Для культурной системы фактором функционирования становятся ценностные ориентации, а в реализации функции поддержания активная роль принадлежит семейным, образовательным, моральным, художественным и религиозным институтам. При этом органическая, личностная и культурная системы представляют собой окружающую среду социальной системы. Важной проблемой функционирования современного общества Т. Парсонс считал проблему удержания общества в стабильном и гармоническом состоянии, достижение «абсолютного равновесия». Существующие социальные конфликты и противоречия, по его мнению, свидетельствуют о «болезненном состоянии» общества. Чтобы достичь социального равновесия, необходимо, во-первых, согласовать функционирование всех систем социального действия; во-вторых, удовлетворить потребности большинства членов общества; в-третьих, добиться эффективности социальной интеграции, социализации и социального контроля [3].

В отличие от Т. Парсонса, который подчеркивал значимость анализа механизмов поддержания социального порядка, Р. Мертон обратил основное внимание на изучение функциональных и дисфункциональных явлений, возникающих вследствие напряжений и противоречий в обществе и его социальной структуре. Под функциями американский социолог понимал те «наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы», а под дисфункциями – те «наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы». Он также предположил эмпирическую возможность нефункциональных последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы [4].

Социальное благополучие, по Э. Дюркгейму и в рамках его концепций социального факта и общественной солидарности, – это наилучшее общественное устройство, основанное на социальной солидарности, существующей благодаря всеобщему признанию и реализации социальных фактов, представляющих собой нормы, идеи, ценности, вырабатываемые коллективным сознанием людей. Социальные факты лежат в основе социального порядка, являющегося главным условием социального благополучия. Сама по себе «общественная солидарность» формируется на основе реализации социальных фактов как фундамент наилучшего общественного устройства. Она существует до тех пор, пока члены общества признают значимость социальных фактов и руководствуются ими в своей жизни [5]. Это во многом объясняет современный кризис социального благополучия в условиях отсутствия общей, объединяющей идеи.

Что касается субъективистской модели благополучия, то в современных социологических исследованиях все чаще акцентируется внимание на необходимости изучения соотношения внешних и внутренних факторов и их взаимосвязей, влияющих на становление и поддержание оптимального уровня субъективного благополучия. Не менее значимым является и то, что интенсивные социальные изменения находят свое отражение в плоскости субъективных отношений и переживаний индивида, определяющих социальное самоопределение, самореализацию, социальную активность в разных сферах социальной жизни [6]. Современная научная литература, в первую очередь зарубежная, обращается к данным, подтверждающим, что приоритетными факторами субъективного благополучия являются прежде всего культура, традиции и подлежащие контролю брак и доход [7,

8]. Однако, по некоторым оценкам, совокупный вклад этих переменных в изменчивость уровня субъективного благополучия не превышает 8–15% [9]. Уровень материального благополучия, бесспорно, положительно коррелирует со степенью субъективного благополучия. Однако влияние дохода на субъективное благополучие опосредовано улучшением условий жизни, увеличением возможностей поддержания здоровья, получения образования, доступа к другим ресурсам, возможности помогать родным и близким и т.д. Таким образом, промежуточным звеном между финансовым и субъективным благополучием становятся отнюдь не всегда материальные ценности. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что такие институты, как брак, деньги и отношение к ним, также подвержены влиянию социальных изменений, а потому нуждаются в дополнительном анализе и не позволяют делать однозначные выводы о том, что именно эти факторы оказывают определяющее влияние на субъективное восприятие благополучия.

В современных условиях само восприятие индивидуального (субъективного) социального благополучия значительно отличается от восприятия его в другие исторические периоды. Субъективное социальное благополучие воспринимается сегодня через призму потребительского общества и возросшего уровня притязаний. Растет объект этих притязаний, растет уровень жизни, а удовлетворенность и субъективное благополучие скорее падают. Опираясь на теорию потребностей А. Маслоу, можно предположить, что современные члены общества уже гораздо менее озабочены удовлетворением витальных (физиологических) потребностей, а также потребности в безопасности именно ввиду того, что возросший уровень и качество жизни позволяют это делать практически беспрепятственно. Что касается вышестоящих ступеней пирамиды Маслоу, то уже на следующей из них (потребность в привязанности и любви, принадлежности к какой-либо социальной группе) современный индивид сталкивается с определенными сложностями. Член современного общества, с одной стороны, вступает в многочисленное количество социальных связей. Вместе с тем теснота и прочность этих связей заметно ослабевают и довольно часто не имеют самостоятельной ценности, а лишь обусловлены конкретными жизненными обстоятельствами (бизнес, трудовые отношения и другие внешние обязательства). Социальные связи, образующие, с одной стороны, социальный капитал индивида, а с другой стороны, своего рода «социальные скрепы», перестают полноценно выполнять свою связующую функцию [10, 11, 12, 13]. Не преодолев «барьер» этих нереализованных потребностей, индивид не может далее реализовать потребность в уважении, над которой Маслоу поставил познавательные и эстетические потребности и, наконец, потребность в самоактуализации [14].

Трудно сказать однозначно, насколько ценны для индивида те или иные социальные связи, поскольку современное общество, характеризующееся разнообразием и большой дифференциацией, нельзя назвать однородным с точки зрения единой шкалы ценностей. Ценностные установки, проявляющиеся в поведении индивидов разного возраста и социального статуса, оказываются крайне разнородными и трудно согласуемыми друг с другом, а также с нормами общественной морали. Каналы социальной мобильности, особенно молодежи, размыты и неустойчивы, что приводит к тому, что индивиды в поисках себя и своей идентичности определяют или формируют эти каналы самостоятельно. Еще П.А. Сорокин выделял подвижные и неподвижные типы обществ. В подвижном типе общества степень вертикальной мобильности очень велика, а в неподвижном – очень мала, хотя и никогда не равна нулю. Вместе с тем, – писал Сорокин, – степень вертикальной мобильности должна быть ограничена. На каждом «этаже» должно быть «сито», просеивающее индивидов, иначе на руководящих постах могут оказаться непригодные для этой роли люди, и всё общество может погибнуть во время войны или в результате отсутствия реформ [15].

На основе анализа объективистского и субъективистского подходов к исследованию социального благополучия и его факторов не возникает ощущения необходимости абсолютно противопоставлять эти подходы. Скорее обнаруживается потребность в создании комплексной интегративной модели социального благополучия в современном российском обществе. В связи с нарастанием познавательных и социальных противоречий многими учеными предпринимались попытки изучить факторы социального благополучия. Однако большая часть исследований оказалась направленной на отдельные аспекты социальной жизни. Данные многих исследований не позволяют сделать однозначный вывод о причинах и факторах неблагополучия современного российского общества. Согласно докладу «Жить в России. Социальное благосостояние российского населения в исторической перспективе» [16], подготовленному Институтом глобализации и социальных движений, для населения России 2000-е годы оказались одним

из успешных исторических периодов относительно социального благосостояния, а также по количественным и качественным показателям потребления. Это благополучие было достигнуто в условиях, когда страна не вела крупных кровопролитных войн, а граждане пользовались значительно большей свободой, чем в предшествующие периоды. Вместе с тем интенсивные социальные изменения оказывают существенное влияние на субъективные отношения и переживания индивида, задающие направление социального самоопределения и самореализации личности в разных сферах общественной жизни. В связи с этим представляет интерес сравнение индивидуального аспекта социального благополучия «эпохи дефицита товаров» и «эпохи дефицита денег», а также сравнение объективных и субъективных характеристик социального благополучия в кросскультурном срезе. Таким образом, актуальность комплексного интегративного исследования факторов социального благополучия определяется как потребностями развития социологического знания, необходимостью углубленного анализа факторов, социальных и индивидуальных характеристик благополучия, так и социальной значимостью проблемы благополучия для современности.

Проблема социального благополучия разносторонне разработана в различных отраслях научного знания: социологии, психологии, экономике, социальной политике, медицине, экологии и философии. Эта проблема детально и глубоко отрефлексирована в социальной философии, хотя она, безусловно, открывает в себе всё новые стороны и социологическую специфику. Вместе с тем довольно часто понятие благополучия употребляется как синонимичное понятиям «качество жизни», «счастье», «удовлетворенность» и др. Сами по себе эти отдельные понятия не являются абсолютно тождественными, но пересекаются в понятии субъективного социального благополучия. Интерес к этой проблеме возрастает и в отечественной, и в зарубежной науке в связи с выявлением и изучением не только относительно объективных, но и субъективных критериев и факторов социального благополучия.

Начиная с античной философии, осмысление сущности благополучия развивалось в различных направлениях и аспектах научного знания. Благополучие как воплощение нравственных добродетелей, духовной гармонии, счастья и блаженства анализируются представителями различных философских течений: Платоном, Аристотелем, Дж. Локком, Т. Гоббсом, И. Кантом, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спинозой, С.Л. Франком и др. Благополучие как стратегическая цель политики государства определялось Аристотелем, Т. Гоббсом, Дж. Локком, Н. Макиавелли и др. В отличие от понятия «счастье», принадлежащего области философско-этической мысли, термины «благосостояние» и «благополучие» лежат в плоскости экономических, социологических и политологических исследований. Существенный вклад в разработки идеи благосостояния внесли Т. Кампанелла, Т. Мор, Ф. Кенэ. Теоретическое оформление она получила в рамках классической экономической теории А. Смита, а также теории воспроизводства К. Маркса и Ф. Энгельса. Представители неоклассической теории (Л. Вальрас [17], К. Менгер [18], В. Парето [19] и др.) главенствующую роль отводили индивидуальному благосостоянию.

Среди западных «образцов» социального благосостояния особое место занимает модель социального государства, основными принципами которого являются социальная справедливость, социальное равенство и обеспечение социальных гарантий (Д. Крефт, И. Милец). Нельзя не упомянуть также концепцию государства всеобщего благосостояния (Г. Мюрдаль, П. Самуэльсон, Р. Титмус, Э. Хансен), которая сформировалась как модель политической системы, для которой характерны демократия, правительственные субсидии, коллективные гарантии социальной поддержки, рыночная экономика.

Попытки анализа социального благополучия предпринимались и в социологии, в частности в работах Р. Дарендорфа [20], Э. Дюркгейма [5], Л. Козера [21], О. Конта [22] и др., в которых в качестве синонима благополучия рассматривалось идеальное социальное устройство. П. Блау [23], М. Вебер [24], Дж. Мид [25], Ю. Хабермас [26] и др. отождествляли благополучие с результатом согласованного социального поведения и эффективного взаимодействия. Отечественные ученые М. Горшков [27], Н. Давыдова, Н. Тихонова [28] и др. также осуществляли попытки социологического анализа благополучия.

Проанализированные подходы, несомненно, внесли большой вклад в развитие научных представлений о социальном благополучии, однако представляют собой отдельные аспекты этой проблемы и не дают ответа на вопрос о факторах социального и субъективного благополучия, а также о влиянии социальных изменений на субъективное благополучие индивида и, соответственно, не позволяют однозначно разрешить обнаруживающиеся противоречия:

– во-первых, социальный статус и материальное благополучие отнюдь не всегда совпадают с субъективным благополучием индивида. Свидетельством этому может стать анализ результатов исследований социального благополучия, проводимых в европейских странах [29], [30], [31];

– во-вторых, под влиянием социальных изменений, происходящих в обществе, изменяется субъективное благополучие, и не всегда это связано только с экономически благоприятными для населения преобразованиями. В данном случае необходим анализ того, как изменяются представления людей о благополучии в современной России по сравнению, например, с советским периодом;

– в-третьих, социальное благополучие само по себе в разных странах может пониматься и восприниматься по-разному, независимо от географических, климатических и некоторых других особенностей территории. Примером таких различий могут быть приграничные зоны Российской Федерации и других стран (например, Финляндия и Республика Карелия).

Таким образом, автором статьи предпринята попытка на основе анализа научной социологической литературы – трудов классиков и современных ученых обосновать научную проблему, выражающуюся в нехватке и противоречивости знаний о критериях и факторах социального благополучия, о влиянии социальных изменений и социальной политики государства на субъективное благополучие индивида и, в конечном итоге, о соотношении социального и индивидуального благополучия. Эту научную проблему способна решить комплексная интегративная модель социального благополучия.

Список литературы

1. Тихонов А.В. Социология управления: теоретический анализ / 2-е изд. М.: Канон+, 2007. 472 с.

2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1, Том 2 / Перевод П. Клюкина. М.: Изд-во «Манн», 2012–2013. 1200 с.

3. Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Система современных обществ. М.: АспектПресс, 1998. 270 с.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.

5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. 576 с.

6. Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 8 (16). URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/bocharova.pdf (дата обращения: 24.03.2014 г.).

7. Aspinwall L.G., Richter L., Hoffman R.R. Understanding how optimism works: An examination of optimists adaptive moderation of belief and behavior [Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice]. Washington, In E.C. Edwards 2011. P. 217–238.

8. Pavot W., Deiner E. Review of the satisfaction with life scale [Personality Assessment]. 1993. No. 5. P. 164–172.

9. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271 с.

10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

11. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and Reconstitution of Social Order. New York: Free Press, 1999. 350 p.

12. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.

13. Putnam R.D. The decline of civil society: How come? So what? // The John L. Manion Lecture, Canadian Centre for Management Development, Ottawa, Ontario, 22 February 1996. P. 4–5.

14. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954. 164 c.

15. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

16. Кагарлицкий Б. Жить в России: социальное благосостояние населения в исторической перспективе. Экспертный доклад Института глобализации и социальных движений. Электронный ресурс. URL: http://igso.ru/articles.php?article_id=462 (дата обращения: 05.03.2014 г.).

17. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. 448 с.

18. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 450 с.

19. Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2013. 208 с.

20. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: Росспэн, 2002. 289 с.

21. Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

22. Конт О. Общий обзор позитивизма / Пер. с франц. И.А. Шапиро / Под ред. Э.Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 296 с.

23. Blau P. Exchange and power in social life. N.Y., 1964. 212 с.

24. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

25. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).

26. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с. («Слово о сущем»).

27. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (Социологический анализ). М., 2003. 512 с.

28. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М. Социальное неравенство в России: субъективный аспект // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005. 305 с.

29. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе 2012 г.: выработка курса на благополучие. Резюме. Всемирная организация здравоохранения, 2013. URL: http://www.euroosvita.net/prog/data/attach/2566/the-european-health-report-2012-executive-summary-w-cover-rus.pdf (дата обращения: 05.05.2014 г.).

30. Связь между социальным доверием и человеческими ценностями в Европе. Экспертный сайт Высшей школы экономики. Электронный ресурс. URL: http://opec.ru/data/2013/12/12/1234087123.pdf (дата обращения: 05.05.2014 г.).

31. Авдеева М.А. Государственная поддержка семей с детьми в Европе // Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение: Вторая международная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова; 22–24 апреля 2009 г., Сборник статей: Том 3 / Под ред. В.П. Колесова и Л.А. Тутова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. С. 601–616.

FACTORS OF SOCIAL WELL-BEING AS A SCIENTIFIC PROBLEM

Yu.A. Petrovskaya

The aim of this article is to justify, based on an analysis of scientific sociological literature including the classics and modern scholars, the existence of a scientific problem, which is expressed in a lack of sociological knowledge about the factors of social welfare in the framework of existing objectivist and subjectivist approaches. The author presents an analysis of theoretical approaches to the study of social well-being, reveals some contradictions underlying the research problem, which is expressed in the lack and contradictory nature of sociological knowledge about the factors of well-being, about the impact of social changes on the subjective well-being of an individual and about the correlation of social and individual well-being. The need to develop a comprehensive integrative model of social well-being is substantiated.

Keywords: social well-being, individual well-being, factors of social well-being, correlation between social and individual well-being.

References

1. Tikhonov A.V. Sotsiologiia upravleniia: teoreticheskii analiz / 2-e izd. M.: Kanon+, 2007. 472 s.

2. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. Tom 1, Tom 2 / Perevod P. Kliukina. M.: Izd-vo «Mann», 2012–2013. 1200 s.

3. Parsons T. O postroenii teorii sotsial'nykh sistem: intellektual'naia avtobiografiia // Sistema sovremennykh obshchestv. M.: AspektPress, 1998. 270 s.

4. Merton R. Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura. M.: AST, Khranitel', 2006. 880 s.

5. Diurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. M.: Nauka, 1991. 576 s.

6. Bocharova E.E., Tarasova L.E. Sub"ektivnoe blagopoluchie i sotsial'naia aktivnost' lichnosti v razlichnykh sotsiokul'turnykh usloviiakh // Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem. 2012. № 8 (16). URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/bocharova.pdf (data obrashcheniia: 24.03.2014 g.).

7. Aspinwall L.G., Richter L., Hoffman R.R. Understanding how optimism works: An examination of optimists adaptive moderation of belief and behavior [Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice]. Washington, In E.C. Edwards 2011. P. 217–238.

8. Pavot W., Deiner E. Review of the satisfaction with life scale [Personality Assessment]. 1993. No. 5. P. 164–172.

9. Argail M. Psikhologiia schast'ia. SPb.: Piter, 2003. 271 s.

10. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 3. S. 121–139.

11. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and Reconstitution of Social Order. New York: Free Press, 1999. 350 p.

12. Putnam R. Bowling Alone: America’s Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.

13. Putnam R.D. The decline of civil society: How come? So what? / R.D. Putnam // The John L. Manion Lecture, Canadian Centre for Management Development, Ottawa, Ontario, 22 February 1996. P.4–5.

14. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954. 164 s.

15. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiia. Obshchestvo / Obshch. red., sost. i predisl. A.Iu. Sogomonov: Per. s angl. M.: Politizdat, 1992. 543 s.

16. Kagarlitskii B. Zhit' v Rossii: sotsial'noe blagosostoianie naseleniia v istoricheskoi perspektive. Ekspertnyi doklad Instituta globalizatsii i sotsial'nykh dvizhenii. Elektronnyi resurs. URL: http://igso.ru/articles.php?article_id=462 (data obrashcheniia: 05.03.2014 g.).

17. Val'ras L. Elementy chistoi politicheskoi ekonomii. M.: Izograf, 2000. 448 s.

18. Menger K. Izbrannye raboty. M.: Territoriia budushchego, 2005. 450 s.

19. Pareto V. Transformatsiia demokratii. M.: Territoriia budushchego, 2013. 208 s.

20. Darendorf R. Sovremennyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody / Per. s nem. L.Iu. Pantinoi. M.: Rosspen, 2002. 289 s.

21. Kozer L.A. Funktsii sotsial'nogo konflikta / Per. s angl. O.A. Nazarovoi; Pod obshch. red. L.G. Ionina. M.: Ideia-Press, Dom intellektual. knigi, 2000. 205 s.

22. Kont O. Obshchii obzor pozitivizma / Per. s frants. I.A. Shapiro / Pod red. E.L. Radlova. Izd. 2-e. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. 296 s.

23. Blau P. Exchange and power in social life. N.Y., 1964. 212 p.

24. Veber M. Izbrannye proizvedeniia: Per. s nem.; sost., obshch. red. i poslesl. Iu.N. Davydova; predisl. P.P. Gaidenko; komment. A.F. Filippova. M.: Progress, 1990. 808 s.

25. Mid Dzh.G. Izbrannoe: Sb. perevodov / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauchn.-inform. issledovanii. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Sost. i perevodchik V.G. Nikolaev. Otv. red. D.V. Efremenko. M., 2009. 290 s. (Ser.: Teoriia i istoriia sotsiologii).

26. Khabermas Iu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie / Per. s nem. pod red. D.V. Skliadneva, poslesl. B.V. Markova. SPb.: Nauka, 2000. 380 s. («Slovo o sushchem»).

27. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo v usloviiakh transformatsii: mify i real'nost' (Sotsiologicheskii analiz). M., 2003. 512 s.

28. Tikhonova N.E., Davydova N.M. Sotsial'noe neravenstvo v Rossii: sub"ektivnyi aspekt // Sotsial'noe neravenstvo v Rossii: vyzovy obshchestvu i publichnoi politike. M., 2005. 305 s.

29. Doklad o sostoianii zdravookhraneniia v Evrope 2012 g.: vyrabotka kursa na blagopoluchie. Reziume. Vsemirnaia organizatsiia zdravookhraneniia, 2013. URL: http://www.euroosvita.net/prog/data/attach/2566/the-european-health-report-2012-executive-summary-w-cover-rus.pdf (data obrashcheniia: 05.05.2014 g.).

30. Sviaz' mezhdu sotsial'nym doveriem i chelovecheskimi tsennostiami v Evrope. Ekspertnyi sait Vysshei shkoly ekonomiki. Elektronnyi resurs. URL: http://opec.ru/data/2013/12/12/1234087123.pdf (data obrashcheniia: 05.05.2014 g.).

31. Avdeeva M.A. Gosudarstvennaia podderzhka semei s det'mi v Evrope // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Rossii: resursnoe obespechenie: Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia; Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova; 22–24 aprelia 2009 g., Sbornik statei: Tom 3. / Pod red. V.P. Kolesova i L.A. Tutova. M.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS, 2009. S. 601–616.

УДК 316.346.32-053.6

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2014 г.

Е.А. Коган

Московский авиационный институт (НИУ)

kogan2502@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Рассматривается отношение молодежи к феномену волонтерства в России: информированность московских студентов о деятельности волонтерских организаций, отношение к волонтерам, мотивация их участия в добровольческом труде и наиболее привлекательные для них направления деятельности, а также причины нежелания заниматься волонтерством.

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, молодежь, информированность о волонтерских организациях, мотивация волонтерской деятельности.

Как известно, волонтерство имеет давние исторические корни. Развитие волонтерства на Руси начинается после 988 г., с принятием христианства, когда добровольцы приходили трудиться в монастыри. В более позднее время более состоятельные граждане оказывали безвозмездную помощь нуждающимся согражданам. В период советской власти о волонтерстве как таковом практически не упоминали, но в 90-е гг. XX в. добровольческая деятельность в России вновь начала возрождаться.

Сейчас в России функционирует множество общественных волонтерских организаций, тем не менее наша страна отстает от уровня развития волонтерства за рубежом. Сегодня у нас добровольческий труд не является нормой повседневной жизни. К сожалению, пока волонтерство не перетекает за рамки узкого круга людей, в этой деятельности задействована лишь незначительная часть молодежи.

Проблема в том, что волонтерская деятельность не является систематизированной, отсутствуют механизмы привлечения к добровольческому труду. Многие молодые люди просто не знают о деятельности волонтерских организаций, а часть молодежи не готова предпринять реальные действия для помощи. Среди людей также бытует точка зрения, что помочь нуждающимся можно только деньгами, которыми располагают преимущественно богатые спонсоры. Но на самом деле очень часто люди нуждаются в чисто человеческой помощи.

Тем не менее мы уже можем говорить, что волонтерство в России постепенно набирает силу. В СМИ появляется все больше публикаций о волонтерстве, открывается все больше благотворительных фондов, организуются волонтерские движения, все больше людей, и, в частности представителей молодежи, приходят в эти движения и фонды. В последние годы проведено множество различных исследований, посвященных волонтерству в различных регионах [1–3].

Популярность волонтерства значительно выросла в период подготовки к Олимпийским играм в Сочи, где волонтеры сыграли важную роль в организации этого мероприятия.

Целью данной статьи является выявление особенностей восприятия волонтерской деятельности московскими студентами в современных условиях повышения актуальности добровольческого труда в России.

В марте 2014 г. был проведен опрос студентов московских вузов для выявления их отношения к волонтерству как социальному явлению. В частности, были выяснены степень желания студентов заниматься волонтерской деятельностью, их восприятие волонтеров, мотивация добровольческого труда среди студентов, причины отсутствия стремления к добровольческому труду, наиболее популярные направления волонтерского труда.

Научная новизна исследования состоит в том, что показана специфика отношения студенческой молодежи к волонтерству в связи с проведением зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г.

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 300 студентов, обучающихся в 4 известных вузах Москвы: МАИ (НИУ), МГПУ, НИУ ВШЭ и МГУ. Анкетный опрос осуществлялся по квотной выборке. Среди ре-

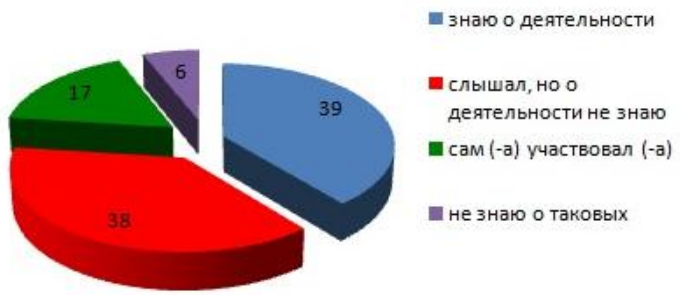


Рис. 1. Информированность студентов о деятельности волонтерских организаций

спондентов 154 представительницы женского пола (51%) и 146 представителей мужского пола (49%). Доли студентов по вузам распределились следующим образом: 32% (95 человек) – студенты МАИ, 30% (90 человек) – студенты МГПУ, 20% (60 человек) – студенты Высшей школы экономики, 18% (55 человек) – студенты МГУ.

Полученные данные были обработаны с помощью компьютерной статистической программы SPSS 17.0.

Прежде всего в ходе исследования было выявлено, кто такой волонтер с точки зрения студентов. Большинство опрошенных характеризовали волонтера как активиста, добровольца, помощника, который безвозмездно и бескорыстно выполняет общественно полезную работу, помогает людям в трудных ситуациях, а также помогает в организации каких-либо мероприятий, что не противоречит определениям, данным в научных источниках.

В словаре С.И. Ожегова волонтер (доброволец) определяется как «тот, кто добровольно взял на себя какую-нибудь работу» [4].

Один из российских социологов, Е.И. Холостова, дает следующее определение волонтеров:

«Волонтеры – это люди, делающие что-либо неформально, работая бесплатно как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или сферы социального обеспечения, либо являются членами добровольческих организаций» [5].

При этом студентами отмечались такие качества, присущие волонтеру, как доброта, отзывчивость, внимательность, коммуникабельность, ответственность, бескорыстность: «*Волонтер – это добрый, отзывчивый человек, который помогает окружающим, не задумываясь при этом о своей выгоде*». Отдельные респонденты подчеркнули еще одну особенность волонтеров – они получают удовольствие от своей работы, от того, что могут быть кому-то полезны. Но лишь один из опрошенных дал критическое определение волонтеров – «*бесплатная рабсила*».

Интересно, что в восприятии московских студентов волонтер не ассоциируется с богатым человеком, занимающимся благотворительностью, что было выявлено, например, в рамках исследования, проведенного в Ярославской области в 2012 г. [2] Также не был отмечен героический характер деятельности волонтеров, их работа воспринимается как хорошее, но обычное дело.

Большинство участников опроса (64%) считают, что волонтерство среди молодежи в России недостаточно популярно, хотя большая часть из них (48%) скорее склонны к этой точке зрения и лишь 16% убеждены в этом. Информированность молодежи о деятельности волонтерских организаций нельзя назвать высокой. Так, в ходе исследования выяснилось, что только 39% опрошенных знают о деятельности волонтерских организаций, примерно столько же (38%) слышали, что таковые имеются, но об их работе не осведомлены, и лишь 6% не знают даже об их существовании (рис. 1).

Доля тех, кто сам принимал участие в деятельности таких организаций, составила 17% (51 человек).

Таким образом, 44% опрошенных не знакомы с деятельностью волонтерских организаций. К этой цифре можно относиться по-разному. С одной стороны, радует то, что 56% осведомлены о добровольческих организациях, с другой стороны, 44% – это достаточно большой сегмент молодежи, который в той или иной степени мог бы быть задействован в волонтерской деятельности при надлежащем информировании.

Большинство респондентов (68%) отметили, что среди их знакомых и друзей есть несколько волонтеров, при этом каждый четвертый (26%) указал, что в его окружении таковых нет, и лишь 6% имеют много знакомых добровольцев.

Рис. 2. Отношение студентов к волонтерству

Рис. 3. Согласны ли Вы или не согласны с суждением: «Волонтерство – это хорошо, но не для меня»

Опыт участия в волонтерской деятельности имеют 17% опрошенных (51 человек), причем 16% указали, что занимались этим ранее, и лишь 3 человека (1%) продолжают эту работу в настоящее время. Их деятельность связана с организацией спортивных мероприятий, акций в честь празднования победы в Великой Отечественной войне, оказанием помощи детям и др.

Большинство опрошенных (83%) никогда не занимались волонтерской деятельностью, но при этом 45% хотели бы стать волонтерами. Это говорит о том, что среди молодежи есть группа людей, потенциально готовых помогать людям при определенном информировании и работе с ними.

Отметим, что стремление к волонтерской деятельности намного больше выражено среди представительниц женского пола (58% – 88 человек), чем среди мужского (31% – 46 человек), что может быть обусловлено их большей склонностью к состраданию и сопереживанию.

Какие же направления волонтерства являются наиболее привлекательными для современных студентов? Большинство тех студентов, кто хотел бы заниматься добровольческой деятельностью, испытывают желание помогать детям (20%), находящимся в детских домах, больным и детям из неблагополучных семей. Примерно 15% заинтересованы в волонтерской работе на олимпиаде и других спортивных мероприятиях, 12% хотели бы оказывать помощь пенсионерам, ветеранам, инвалидам. Каждый десятый изъявил желание помогать бездомным животным. Чуть меньше (9%) указали на потенциальное стремление участвовать в организации торжественных массовых мероприятий. Встречались упоминания таких направлений, как улучшение состояния окружающей среды (озеленение парков, скверов, посадка растений и т.д.), помощь больным и бездомным людям, спасение людей в экстренных ситуациях (катастрофы, стихийные бедствия), пропаганда здорового образа жизни.

Доля тех, кто не желает в будущем заниматься волонтерством, составила 36%. Среди мужчин доля таковых почти в 5 раз превышает процент женщин в этой категории (59% среди мужчин – 88 человек и 13% среди женщин – 20 человек), что говорит о яркой гендерной направленности этой деятельности.

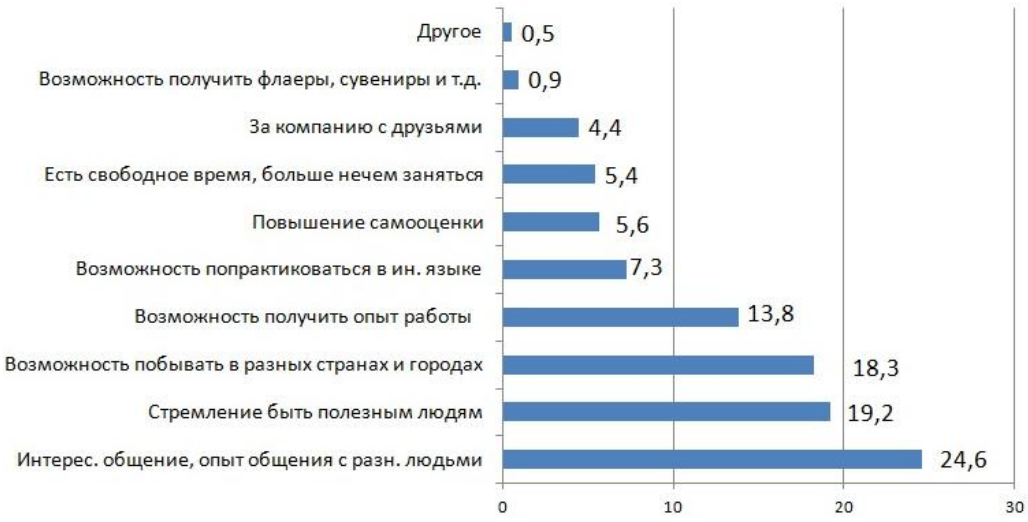


Рис. 4. Мотивы волонтерской деятельности среди студентов

По каким же причинам студенты не хотят заниматься добровольческой деятельностью? Большинство респондентов из тех, кто не желает работать волонтером (55%), объясняют это отсутствием свободного времени, почти трети опрошенных (29%) этот вид деятельности просто не интересен (есть другие, более интересные виды деятельности), а каждый десятый считает, что любая работа должна быть оплачиваема.

В ходе исследования было выявлено принципиальное отношение молодежи к феномену волонтерства в целом и к волонтерам в частности.

Опрос показал, что большинство опрошенных студентов относятся к волонтерству как социальному явлению в целом положительно (81%), при этом более половины (57%) оценивают волонтерскую работу однозначно положительно, а почти каждый четвертый (24%) – «скорее положительно». Доля тех, кто относится к волонтерской деятельности нейтрально, составила 18%, лишь 3 респондента мужского пола (1%) выразили негативное отношение.

Тем не менее позитивное восприятие феномена волонтерства далеко не всегда связано с потенциальным желанием принимать участие в этой деятельности. Так, почти 45% опрошенных в той или иной степени согласились с утверждением, что «*волонтерство – это хорошо, но не для меня*». Эта категория респондентов одобряет волонтерскую деятельность как таковую, но сами они не готовы отдавать свое время и силы на работу, которая не оплачивается.

50% опрошенных не согласны с этим. Если учесть, что большинство опрошенных положительно относятся к волонтерству, то это означает, что они не исключают для себя возможности заниматься этим видом деятельности при возникновении определенных условий.

Доля тех, кто относится к самим волонтерам положительно, высока – 2/3 респондентов уважают их, 23% относятся равнодушно и лишь 9% – скептически. При этом 2% (6 человек) отметили, что их отношение зависит от личности волонтера: «*Волонтеры разные, и отношение к ним разное*».

Что же движет волонтерами в их стремлении работать безвозмездно? По мнению участников опроса, главными мотивами волонтерской деятельности студентов являются как получение нового опыта общения с разными людьми (24.6%) и новых впечатлений (возможность побывать в разных странах и на интересных мероприятиях – 18.3%), так и стремление быть полезным людям (19.2%).

Подобные тенденции были выявлены и в другом региональном исследовании, проведенном в 2012 г. в г. Кропоткине Краснодарского края [1].

Несколько менее популярными оказались прагматичные мотивы – получение опыта для дальнейшего трудоустройства (13.8%) и возможность попрактиковаться в иностранном языке (7.3%). Волонтерство как способ занять свободное время, и как возможность повысить свою самооценку воспринимают лишь по 5% опрошенных.

Только 4.4% респондентов считают, что в волонтеры идут «за компанию» с друзьями. Это говорит о том, что решение об участии в добровольческой деятельности большинство студентов принимают осознанно.

Отметим, что большинство опрошенных студентов (62%) не согласны с тем, что волон-

Рис. 5. Развитие направлений волонтерства в России

терством занимаются те, кто имеет возможность не работать. Зачастую волонтерская деятельность привлекает именно социально активных людей, которые стремятся реализоваться в разных сферах.

Несмотря на то что в последнее время волонтерство упоминалось преимущественно в связи с зимними Олимпийскими играми в Сочи, большая часть респондентов (около 60%) не связывают волонтерскую деятельность студентов только с Олимпиадой. Волонтерство на Олимпиаде – это лишь одно из популярных направлений добровольческой работы.

По мнению участников опроса, наиболее активно в ближайшей перспективе будут развиваться такие направления волонтерства, как помощь детям (детским домам, многодетным семьям – 15.9%), содействие в организации массовых, социально значимых мероприятий (14.6%), а также поддержка ветеранов, пенсионеров, инвалидов (12.7%).

Достаточно актуальными видами волонтерской деятельности респонденты считают пропаганду здорового образа жизни и профилактику наркомании (10.6%), помощь в ликвидации последствий катастроф (9.5%), защиту окружающей среды и помощь животным (по 8%).

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что оно позволило выявить наличие среди молодежи, обучающейся в московских вузах, потенциального слоя, испытывающего желание заниматься волонтерским трудом, причем их интерес связан не только с участием в крупных спортивных и культурно-массовых мероприятиях, но и со стремлением оказывать помощь социально незащищенным слоям населения.

Опрос показал, что студенты московских вузов, участвующие в исследовании, в целом воспринимают волонтерство положительно, но недостаточно хорошо информированы о деятельности добровольческих организаций. Необходимо развивать систематическую работу с молодежью в этом направлении, прежде всего информационную.

Список литературы

1. Молчанова Е.В. К вопросу мотивации вовлечения молодежи в современное волонтерское движение: региональный аспект // Экономика и социум. 2013. № 1 (6). URL: http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_osnovnoy_6_2013/Molchanova%20E.V.doc.pdf (дата обращения 20.04.2014 г.).

2. Итоги областного социологического исследования «Отношение молодежи региона к участию в добровольческой деятельности» // Ярославский областной молодежный информационный центр. URL: www.yaomic.yaroslavl.ru (дата обращения 28.04.2014 г.).

3. Гареева Е.В. Анализ волонтерства как процесса социализации современной молодежи. URL: http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6348.pdf (дата обращения 25.04.2014 г.).

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство «Азъ», 1992. URL: http://ozhegov.info (дата обращения 12.05.2014 г.).

5. Холостова Е.И. Волонтеры // Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. Е.И. Холостовой. М.: Институт социальной работы, 1997. 427 с.

STUDENTS' ATTITUDES TOWARD VOLUNTEER ACTIVITIES

E.A. Kogan

The article presents the results of research of the attitudes of young people toward the phenomenon of volunteering in Russia. We analyze the level of awareness of the Moscow students about the activities of volunteer organizations, their attitude to volunteers, their motivation to participate in volunteer work and their areas of interest, as well as the reasons for the reluctance to engage in volunteering.

Keywords: volunteer, volunteering, youth, awareness of voluntary organizations, motivation of volunteer activities.

References

1. Molchanova E.V. K voprosu motivatsii vovlecheniia molodezhi v sovremennoe volonterskoe dvizhenie: regional'nyi aspekt // Ekonomika i sotsium. 2013. № 1 (6). URL: http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_osnovnoy_6_2013/Molchanova%20E.V.doc.pdf (data obrashcheniia 20.04.2014 g.).

2. Itogi oblastnogo sotsiologicheskogo issledovaniia «Otnoshenie molodezhi regiona k uchastiiu v dobrovol'cheskoi deiatel'nosti» // Iaroslavskii oblastnoi molodezhnyi informatsionnyi tsentr. URL: www.yaomic.yaroslavl.ru (data obrashcheniia 28.04.2014 g.).

3. Gareeva E.V. Analiz volonterstva kak protsessa sotsializatsii sovremennoi molodezhi. URL: http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6348.pdf (data obrashcheniia 25.04.2014 g.).

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. M.: Izdatel'stvo «Az"», 1992. URL: http://ozhegov.info (data obrashcheniia 12.05.2014 g.).

5. Kholostova E.I. Volontery // Slovar'-spravochnik po sotsial'noi rabote / Pod red. E.I. Kholostovoi. M.: Institut sotsial'noi raboty, 1997. 427 s.

УДК 159.922+316.64

ОТНОШЕНИЕ К СОМАТИЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ (на материале изучения различных возрастных групп испытуемых)

© 2014 г.

О.В. Лебедева, Н.В. Фомина

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

lebedeva-oksana.nn@yandex.ru, fominataly@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Рассмотрена проблема соотношения соматического, психического и психологического здоровья человека, выделены некоторые структурные компоненты психологического здоровья, рассмотрены основные положения «психологии отношений», проанализированы результаты изучения отношения к здоровью у представителей разных возрастных групп.

Ключевые слова: психологическое здоровье, психическое здоровье, структура психологического здоровья, психология отношений, отношение к здоровью.

В современном общественном сознании прочно укоренилось представление о гармонично развитой личности как особой целостной системе, которую должно характеризовать не только здоровье физическое и психическое, но и благополучие в познавательной, личностной, социальной сферах жизни. На наш взгляд, данное представление тесно взаимосвязано с понятием «психологическое здоровье» человека, которое «представляет собой динамическую совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение своей жизненной задачи» [1, с. 5].

Актуальность проблемы сохранения, укрепления и развития психологического здоровья человека подчеркивается большим количеством отечественных и зарубежных исследователей (Б.С. Братусь, И.В. Дубровина, А.И. Захаров, В.Э. Пахальян, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн, О.В. Хухлаева, А.В. Шувалов, U. Flick, C. Fischer, M. Diefenbach, H. Leventhal, A.H. Maslow, A. Neuber и др.).

Подчеркивая сложность социально-психологической ситуации развития современного человека, Д.И. Фельдштейн отмечает ее двойственный характер: с одной стороны, сложившаяся ситуация требует мобилизации человека, роста его самостоятельности, самосознания, самоопределения, критического мышления, интеллекта. «С другой – возникшая неустойчивость социальной, экономической, идеологической обстановки, дискредитация многих нравственных ориентиров вызывают массовый психологический стресс, который сказывается на общем духовном и физическом здоровье, обусловливая, в частности, пассивность, безразличие людей, неуверенность, напряженность, тревожность» [2, с. 187].

В то же время сохраняется неоднозначность подходов к определению сущности исследуемого понятия. Как справедливо подчеркивают В.И. Слободчиков и А.В. Шувалов, «…с одной стороны, психологическое здоровье детей в самом общем, интуитивно понятном значении предложено как смыслообразующая и системообразующая категория профессионализма психологов образования, как существенный критерий эффективности образовательных стратегий; с другой – психологическое здоровье остается метафорой, не имеющей строгого научного определения» [3, с. 92].

По мнению И.В. Дубровиной, термин «психологическое здоровье» позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы здоровья человека в отличие от медицинского, социологического, философского и других аспектов. Однако в психологической литературе понятия «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» зачастую отождествляются, что связано, на наш взгляд, с выраженным комплексным характером проблемы здоровья в теоретико-экспериментальных исследованиях.

Термин «психическое здоровье» связывает две относительно самостоятельные области знания – психологию и медицину, и в основе данной связи лежит понимание того, что любое соматическое нарушение всегда, так или иначе, связано с изменениями в психическом состоя-

нии человека. «Психическое здоровье рассматривается как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности» [4, с. 48–49].

Использование термина «психологическое здоровье» подчеркивает неразделимость телесного и психического в человеке, необходимость и того, и другого для полноценного функционирования. В последнее время выделилось такое новое научное направление, как психология здоровья – «наука о психологических причинах здоровья, о методах и средствах его сохранения, укрепления и развития» (В.А. Ананьев). В рамках этого направления подробно изучается влияние психических факторов на сохранение здоровья и на появление болезни, а само «здоровье осмысляется не только как оптимальное функциональное состояние индивида, но и как определенная социальная ценность, входящая в число ценностных универсалий человеческой культуры» [5]. Следовательно, опираясь на положения психологии здоровья, можно предположить, что именно психологическое здоровье является предпосылкой здоровья физического. В этой связи немаловажно вспомнить положения теории Г. Олпорта, который определял личность как динамическую организацию, имея в виду под «организацией» единство в личности телесного и психического [6].

Рассмотрение здоровья с позиции его субъекта предполагает обращение к теоретической концепции «психологии отношений», широко представленной в отечественной психологической школе трудами В.М. Басова, В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова и др.

Проблема отношений в отечественной психологии была поставлена уже в конце XIX – первой трети XX века в рамках целостного подхода к пониманию личности. Отношения человека В.Н. Мясищев определял как «…сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях» [7, с. 48]. Отношение является важнейшим механизмом саморегуляции деятельности и поведения человека в сфере здоровья.

Опираясь на имеющиеся в данной области исследования, мы рассматриваем понятие «отношение к здоровью» как систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего физического и психического состояния и своих стратегий поведения по поводу здоровья.

Сообразно концепции В.Н. Мясищева, в составе отношения к здоровью выделяют три основных компонента: *когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий*. Когнитивный компонент характеризует знания человека о своем здоровье, понимание роли здоровья в жизнедеятельности, знание основных факторов, оказывающих как негативное, так и позитивное влияние на здоровье человека. Во многом зависит от психологической компетентности личности, ее желания «вникать», получать знания в этой области. Большую роль играют возрастные особенности людей.

Эмоциональная составляющая отношения к здоровью, подразумевающая переживания своего здоровья или нездоровья, является крайне значимой в контексте общей самооценки личности, в определении ее «линии жизни», «плана жизни», «жизненного стиля». Эмоциональный компонент отражает переживания и чувства человека, связанные с состоянием его здоровья, а также особенности эмоционального состояния, обусловленные ухудшением физического и психического самочувствия.

Мотивационно-поведенческий компонент определяет место здоровья в индивидуальной иерархии терминальных и инструментальных ценностей человека, особенности мотивации в области здорового образа жизни, а также характеризует особенности поведения в сфере здоровья, степень приверженности человека здоровому образу жизни, особенности поведения в случае ухудшения здоровья. При этом все компоненты тесно взаимосвязаны.

По мнению Л.В. Куликова, отношение к здоровью, т.е. предрасположенность к его сохранению или растрачиванию, может рассматриваться как личностное качество, которое у современного человека достаточно противоречиво [8]. К сожалению, приходится констатировать, что «современные люди, достаточно много зная об особенностях здоровья и основных факторах, на него влияющих, имея высокую значимость здоровья в индивидуальной иерархии ценностей и сформированную мотивацию на сохранение и укрепление здоровья, мало тревожатся о нем на эмоциональном уровне и, тем более, практически ничего не делают на поведенческом уровне» [5, с. 44]. Причем это свойственно не только здоровым людям, но и

тем, кто уже имеет достаточно серьезные заболевания [9, 10, 11].

Одним из центральных является ценностный аспект отношения к здоровью и здоровому образу жизни, что составляет суть и психического здоровья личности. С психологической точки зрения ценностное отношение к здоровью представляет собой внутренний механизм регуляции поведения, основанный на высокой субъективной значимости здоровья и его осознании в качестве предпосылки реализации своих жизненных задач и сопровождаемый активно-позитивным стремлением к его сохранению и укреплению. Р.А. Березовская убедительно доказывает, что отношение человека к своему здоровью формирует психологическое «ядро» здоровой личности. Следовательно, обязательным фактором развития здоровой личности является формирование **особого отношения к здоровью**, которое выражается в осознании его личностной и общественной ценности, а также в осознанном и позитивно-эмоциональном стремлении действовать по его укреплению и совершенствованию. Такой тип отношения называется гармоничным и предполагает оптимальное соотношение активности и эмоциональности [12]. В основе такого отношения лежит автономная мотивация, связанная с внутренним контролем поведения, когда действия, направленные на укрепление и сохранение своего здоровья, вызваны потребностью изнутри, самодетерминированы. Доказано, что автономная мотивация поведения в отношении своего здоровья оказывает позитивное и долговременное влияние на его показатели [13].

Таким образом, можно предположить, что психологическое здоровье личности во многом будет зависеть от изменения отношения к соматическому здоровью. В психологических исследованиях доказывается мысль, что категория «отношение» имеет выраженный временной характер. Безусловно, данное положение касается и отношения к здоровью, которое характеризуется возрастной динамикой, так как отношение к здоровью зависит от возраста индивида.

Проблематикой здоровья и здорового образа жизни занимались многие авторы, но вопрос о том, как меняется это отношение, какими смыслами оно наполняется, что происходит в его развитии у представителей разных возрастных групп людей, изучен еще недостаточно. Между тем развитие ответственного отношения к здоровью должно начинаться уже с детства. С другой стороны, есть возрастные периоды, когда смысловые аспекты отношений сдвигаются, не подчиняясь логике здравого смысла. В плане отношения к здоровью подобные изменения чреваты необратимыми последствиями. Таким образом, актуально проследить динамику и детерминанты отношения к здоровью в возрастном аспекте, понимание которых позволит внести вклад в развитие психокоррекционной помощи как широкому населению, так и врачам.

Это обусловило цель нашего эмпирического исследования, которая состояла в том, чтобы проанализировать динамику и детерминанты отношения к своему здоровью представителей разных возрастных групп (в рамках данной статьи мы остановились на следующих группах – младший школьный возраст, подростковый возраст, юношеский период и период зрелости). В исследовании приняли участие 164 человека. Выборку испытуемых составили: учащиеся первых классов школ г. Н. Новгорода в возрасте 7–8 лет в количестве 32 человека (группа 1); учащиеся 9–10-х классов школ г. Н. Новгорода в возрасте от 14 до 16 лет в количестве 32 человека (группа 2); студенты пятых курсов очного отделения из разных высших учебных заведений г. Н. Новгорода в возрасте 21–22 лет в количестве 50 человек (группа 3); выбранные случайным образом взрослые люди, занимающиеся разной профессиональной деятельностью и имеющие разные социальные статусы, в возрасте от 35 лет до 55 лет в количестве 50 человек (группа 4). Все респонденты на момент исследования были здоровы. Исключались лица, имеющие тяжелые хронические заболевания.

Были использованы следующие методики исследования: модифицированная в целях исследования методика «Незаконченные предложения»; проективная методика для детей младшего школьного возраста – рисунок «Здоровье – болезнь» (Васильева О.С., Филатов Ф.Р.) и методика «Линейки самооценки» Дембо – Рубинштейн, в других группах применялись методики «Шкалы самооценки» (Manaster G.J., Gorsini R.J.). Математический анализ проводился с помощью компьютерной программы SPSS-12.

С целью изучения отношения к здоровью как социально-психологическому феномену в экспериментальной группе 1 (младший школьный возраст) была проведена проективная методика – рисунок «Здоровье – болезнь». Проанализировав цветовые предпочтения, можно отметить преобладание «позитивных» цветов (голубой, розовый, зеленый, желтый и т.п.) как для рисунка «здоровье», так и для рисунка «болезнь», что позволяет сделать вывод об отсутствии у испытуемых четкой дифференциации в понятиях «здоровье» и «болезнь». В процессе

Таблица 1

Содержание и доля сюжетных линий о здоровье и болезни у младших школьников (%)

	Характер сюжетной линии	%		Характер сюжетной линии	%
ЗДОРОВЬЕ	Прогулки на свежем воздухе	**50**	БОЛЕЗНЬ	Ребенок лежит на кровати, диване	**57**
	Школьные занятия, школа, уроки	**22**		Прогулки на свежем воздухе	**22**
	Занятия спортом	**14**		Просмотр телевизора, лежа на кровати	**7**
	Витамины, вкусная и полезная еда (фрукты овощи)	**14**		Процесс лечения – таблетки, градусник	**7**
				Отсутствие школьных занятий	**7**

Таблица 2

Показатели самооценки у представителей разных возрастных групп (%)

Шкалы	Группа 2 (подростки)	Группа 3 (юноши)	Достоверность различий	Группа 3 (юноши)	Группа 4 (взрослые)	Достоверность различий
1	54	72	$p<0.001$	72	61.2	$p<0.05$
2	53	70	$p<0.03$	70	69	
3	90	85		85	80	
4	61	85	$p<0.001$	85	59.5	$p<0.001$
5	78	90	$p<0.05$	90	88	

Шкала № 1 – «мое здоровье сейчас», шкала № 2 – «мое здоровье, по мнению окружающих», шкала № 3 – «мой максимальный уровень здоровья», шкала № 4 – «мое здоровье через 5 лет», шкала № 5 – «каким бы мне хотелось видеть свое здоровье уже сейчас».

анализа сюжетной линии, которая имеется у большинства испытуемых (70%), были выделены наиболее часто встречающиеся сюжеты представлений данного феномена (см. табл. 1).

Как представлено в табл. 1, половина испытуемых (50%) изображают здоровье в виде прогулок на свежем воздухе, ассоциируя его с позитивной и активной деятельностью (занятия спортом – 14%, школьные занятия, школа, уроки – 22%, витамины, вкусная и полезная еда (фрукты овощи) – 14%). Что касается рисунка «болезнь», большинство респондентов (57%) не дают определения данного феномена, а связывают его с определенным набором стереотипных действий (лежать на кровати – 57%, быть не в школе, смотреть телевизор – 7%, пить таблетки – 7% и т.д.). Прослеживается логическая цепочка событий, связанных с возникновением болезни, и устойчивая атрибутика здоровья и болезни.

По шкале «самооценка здоровья» у первоклассников выявлены неадекватно завышенные показатели (в среднем 85%), что говорит о том, что дети не могут критично оценить свое здоровье и недооценивают понятие «болезнь» (подчеркнем, что в данной группе не было детей, страдающих серьезными хроническими заболеваниями). Притязания здоровья имеют крайние оценки (95–100%). Таким образом, полученные данные позволяют говорить о наличии у детей поверхностного и стереотипного представления о здоровье как социально-психологическом феномене, образ которого детерминирован информацией, полученной от взрослых, литературных произведений и т.п. Мы предполагаем, что в данном возрасте преобладает эмоциональное и довольно позитивное восприятие этих феноменов, что может служить свидетельством психологического здоровья детей.

Самооценка здоровья и ее динамика в других группах испытуемых проводилась с помощью методики «Шкалы самооценки» (Manaster G.J., Gorsini R.J.). Для определения значимости различий использовались непараметрические коэффициенты Манна – Уитни и Вилкоксона, которые позволяют сравнивать средние значения без оценки нормальности распределения каждого признака в разных по величине выборках. Данные, полученные в результате обработки, представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, *подростки* более критично, по сравнению с юношами, относятся к своему здоровью. Возможно, это связано с особенностями возраста, в котором критические оценки различных сторон собственной личности преобладают. Причем мы не наблюдаем

Таблица 3

Сравнительная таблица значений процентных долей выборов у исследуемых выборок по показателям методики «Незаконченные предложения»

Категории	Уровни категорий	У.О.	Гр. 1	Гр. 2	Гр. 3
1. Определение понятий: «Здоровье» «Болезнь»	Эмоциональные состояния человека	З Б	75% 65%	30 %	10 %
	Выполнение определенной деятельности	З Б	15% 35%	25 %	20 %
	Мотивационно-поведенческая направленность	З Б		65 %	10 %
	Когнитивный акцент определений	З Б		5%	60 %
	Высшая ценность	З Б			
2. Характеристики здорового человека, больного человека	Положительные (отрицательные) характеристики чел. с акцентом на эмоциональное состояние	З Б	100% 100%	20% 10%	30%
	Выполнение определенной деятельности	З Б		80% 80%	70%
3. Значимость здорового образа жизни	Атрибутика ЗОЖ	З Б	75%	100%	90%
	Эмоциональные состояния	З Б	25%		10%
4. Ответственность за состояние своего здоровья	Личная ответственность	З Б		55%	60%
	Значимость внешних обстоятельств	З Б		45%	40%

значительной разницы в самооценке и социальной оценке окружающих. Зато максимальный уровень своего здоровья данная возрастная группа оценивает достаточно высоко (см. табл. 2). Это свидетельствует о важности для данного возраста внешних обстоятельств, влияющих на сохранение здоровья, экстернальности в отношении здоровья. Но по шкале № 4 показатель среднего значения значительно ниже показателя по шкале № 3. Это может говорить о присутствии неуверенности в собственных силах и также о значимости влияния внешних обстоятельств. В группе подростков мы наблюдаем значительную разницу между идеальной и реальной оценкой своего здоровья.

В юношеской группе показатели средних значений самооценки здоровья в целом выше показателей других исследуемых групп. Можно предположить, что в период юношества происходит идеализация своей силы, бодрости, молодости. Самооценка и оценка окружающих совпадают. Разница между показателями по шкале № 1 и № 3 небольшая, а показатели по шкалам № 3 и № 4 одинаковы. Это может говорить о наличии уверенности в себе, в своих силах. Причем респонденты этого возраста сами сознательно готовы «управлять» своим здоровьем, в полной степени используя свои силы и желание. Здоровье принимается как данность, которая будет всегда, следовательно, юноши не всегда бережно относятся к своему здоровью в плане его сохранения, но много усилий тратят на физические занятия, укрепление фигуры, повышение физической силы и т.п. Идеальный образ здоровья в этой группе достаточно высокий.

В группе взрослых получен средний уровень самооценки своего здоровья. Люди этого возраста явно уже болели, переживали трудности, связанные со здоровьем, что не позволяет им строить иллюзий по поводу своего здоровья. С другой стороны, это достаточно адекватный (не заниженный показатель). Причем испытуемые данной возрастной группы считают, что окружающие оценивают их здоровье лучше, чем они сами. По шкале интернальности в отношении своего здоровья не выявлено критических оценок, это говорит о том, что, имея желание улучшить здоровье, взрослые люди все же склонны в большей степени полагаться на себя. Поэтому и сдвиг в отношении здоровья через 5 лет выражен незначительно. Однако идеальное представление о своем здоровье достаточно высоко, но не находится в критических пределах. В целом, мы можем наблюдать достаточно адекватную самооценку своего здоровья у представителей данной возрастной группы.

Специфика особенностей отношения к здоровью во всех группах испытуемых была проанализирована с помощью методики «Незакон-

ченные предложения» (см. таблицу 3). При обработке полученных данных использовался метод контент-анализа.

1. Отношение к здоровью и болезни. Полученные данные позволяют предположить, что в младшем школьном возрасте преобладает эмоциональный компонент восприятия и отношения к здоровью, а степень сформированности представлений о здоровье и болезни находится на начальном уровне относительно других возрастных групп. Большинство испытуемых (75%) определяли здоровье как эмоционально окрашенное состояние человека («когда человек счастливый», «веселье», «когда человек радостный» и т.д.). Остальные испытуемые (15%) определяли здоровье как деятельность, связанную с данным феноменом («есть фрукты», «бегать по улице», «есть витамины», «ходить в школу» и т.д.). В определении феномена болезни мы получили следующие данные: большинство испытуемых (65%) определяют болезнь как эмоционально негативное состояние человека («когда грустно», «хочется плакать», «тоскливо и одиноко», «вялый и плохо чувствуешь себя» и т.д.). Остальные же испытуемые (35%) определили болезнь как деятельность, выполняемую в этом состоянии («когда лежишь в постели»).

При анализе ответов 2-й группы испытуемых (подростковый период) можно отметить следующее. Незначительное большинство подростков (60%) в ответах на вопрос «Что такое здоровье» делают акцент на свои ощущения и поведение в отношении к своему здоровью («когда мне не грозит опасность», «когда я слежу за собой» и т.д.). Данный аспект позволяет говорить о появлении мотивационно-поведенческого критерия определений здоровья. Эмоциональный критерий в ответах подростков наблюдается в меньшей степени (30%), присутствуют определения с выполняемой деятельностью (25%).

В 3-й группе испытуемых (период юности) уже практически отсутствует эмоциональный компонент отношения к здоровью (10%), но появляется когнитивный аспект отношения к своему здоровью. Большинство испытуемых (60%) дают определение здоровью с научной точки зрения («физиологическое и психологическое нормальное функционирование организма» и т.д.). Остальные ответы распределились таким образом: 20% испытуемых связывают понятие здоровья с какой-либо деятельностью и 10% испытуемых в ответах акцентировали свое влияние на данный феномен. Таким образом, мы предполагаем, что в данном возрасте появляется более глубокое понимание ценности состояния своего здоровья.

В последней экспериментальной группе (период зрелости) большинство испытуемых (70%) определяли здоровье как высшую ценность всей жизни, 30% испытуемых определяли здоровье как различные эмоциональные проявления и состояния. В определении болезни испытуемые также опирались на эмоциональную окраску восприятия (55%). Остальные 45% испытуемых в своих ответах определяли болезнь как следствие своего поведения и образа жизни. Таким образом, мы можем предположить, что на данном возрастном этапе здоровье рассматривается человеком как одна из важнейших жизненных ценностей. Также в ответах испытуемых следует отметить появление эмоциональной окраски, что говорит об эмоциональном восприятии данного феномена.

2. Определение понятий «Здоровый человек», «Больной человек». Младшие школьники (гр. 1) (100%) при определении данных понятий называли положительные или отрицательные качества человека («хороший», «добрый», «плохой», «грубый») и позитивные или негативные состояния («веселый», «грустный», «радостный», «счастливый»). В группе подростков большинство испытуемых (80%) делали акцент на определенную деятельность, выполняемую здоровым и больным человеком («который не курит, занимается спортом, ведет активный образ жизни» и т.д.). Большинство испытуемых в гр. 3 (период юности) (70%) связывали данные понятия с выполнением определенных действий, остальные 30% определяли различные эмоциональные состояния, присущие здоровым и больным людям. Большинство испытуемых в последней группе (100%) определяли здорового человека как «счастливого», «радостного». Понятие «больной человек» 20% испытуемых связывали с невыполнением определенных действий («тот, кто не следит за своим здоровьем», «кто не соблюдает правильный режим дня» и т.д.).

3. Значимость здорового образа жизни. В результате обработки полученных данных мы можем предположить, что отношение к здоровому образу жизни у представителей разных возрастных групп практически не изменяется. Это может быть связано с тем, что в процессе воспитания ребенок получает определенный стереотип представлений о здоровом образе жизни, который сохраняется на всю его жизнь. С приобретением знаний, умений и навыков представления о здоровом образе жизни расширяются и углубляются. Так, в четвертой экспе-

риментальной группе большинство испытуемых (70%) не только перечислили критерии здорового образа жизни, но и отметили эмоциональную составляющую здорового образа жизни (здоровый образ жизни сопровождается эмоционально позитивными состояниями – счастье, радость, хорошее настроение). В остальных экспериментальных выборках преобладает наличие атрибутики здорового образа жизни («занятие спортом», «правильное питание» и т.д.).

4. Готовность нести ответственность за состояние своего здоровья. Проанализировав данные, полученные у испытуемых 2-й группы (подростковый возраст), мы предполагаем, что данная возрастная категория в равной степени возлагает ответственность за состояние своего здоровья как на собственное поведение, так и на внешние обстоятельства (55% испытуемых готовы нести ответственность, а остальные 45% приписывают ответственность внешним обстоятельствам).

В 3-й группе экспериментальной выборки также большинство испытуемых (60%) чувствуют ответственность за состояние своего здоровья, считая, что именно от их образа жизни и поведения зависит уровень здоровья. Остальные испытуемые (40%) возлагают ответственность за состояние своего здоровья на внешние обстоятельства (экологию, продукты питания и т.д.).

Большинство испытуемых в четвертой группе (74%) уверены, что состояние здоровья зависит только от них самих. Это дает возможность предположить, что испытуемые чувствуют ответственность за свое здоровье и опираются на собственные силы, а не на внешние обстоятельства. Остальные испытуемые (26%) считают, что на состояние их здоровья большое влияние оказывают внешние обстоятельства.

Итак, наблюдается динамика в отношении представлений о своем здоровье у представителей всех возрастных исследовательских групп по критерию самооценки, социальной оценки, идеального представления здоровья, в отношении интернальности по поводу здоровья.

Выводы

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что отношение к здоровью как социально-психологическому феномену у представителей разных возрастных групп различно, что подтверждается следующими положениями.

1. Динамику развития можно наблюдать в проявлении эмоционального компонента восприятия здоровья. Эмоциональный компонент отношения к своему здоровью в большей степени проявляется в младшем школьном возрасте. Как показало экспериментальное исследование, ребенок определяет здоровье на уровне проявления эмоций. В дальнейшем этот аспект ослабевает и в подростковом возрасте практически не проявляется, а появляется он в более старшем возрасте (35–55 лет). Следовательно, целенаправленная работа по воспитанию здорового образа жизни уже у детей позволит развивать определенные стереотипы поведения, направленные на сохранение здоровья.

2. Наблюдается динамика развития готовности нести ответственность за состояние своего здоровья у представителей разных возрастных групп. Большинство подростков склонны считать, что болезнь и здоровье являются результатом случая, действия врачей (внешние обстоятельства). У них ответственность за состояние своего организма проявляется на низком уровне. С возрастом человек более осознанно понимает значимость его действий для состояния своего здоровья. Больший процент испытуемых в группе 3 по шкале интернальности в области здоровья имеют высокие показатели. Это позволяет говорить о высокой степени ответственности за свое здоровье у юношей и девушек. В последней возрастной экспериментальной группе значительное число испытуемых чувствуют прежде всего себя ответственными за состояние своего здоровья. В данной группе мы наблюдали самые высокие показатели по интересующей нас шкале.

3. Мотивационно-поведенческий аспект отношения к своему здоровью в большей степени проявляется в экспериментальной группе № 2 (подростковый возраст). Причиной этому могут быть глубокие как физиологические, так и психологические изменения, сопровождающие данный возраст.

4. Когнитивный аспект восприятия здоровья проявляется в большей степени у представителей третьей экспериментальной группы (юноши и девушки в возрасте 21–22 лет), что свидетельствует о более зрелых тенденциях в осмыслении проблем, связанных со здоровьем, переход от подросткового негативизма к психологически здоровым позициям в отношении собственной жизни в целом, а значит, и здоровья.

5. Отношение к здоровому образу жизни у представителей разных возрастных групп практически не изменяется. Это может быть связано с тем, что в процессе воспитания ребенок по-

лучает определенный стереотип представлений о здоровом образе жизни, который сохраняется на всю его жизнь. С приобретением знаний, умений и навыков представления о здоровом образе жизни расширяются и углубляются. Поэтому в четвертой экспериментальной группе большинство испытуемых не только перечислили критерии здорового образа жизни, но и отметили эмоциональную составляющую здорового образа жизни (то есть здоровый образ жизни сопровождается эмоционально позитивными состояниями – счастья, радости, хорошего настроения).

6. Последняя экспериментальная группа определяет здоровье как высшую ценность человека. Также на данном возрастном этапе наблюдается вновь появление эмоционального компонента в восприятии здоровья и болезни. Однако когнитивный компонент отношения выражен слабее, что часто приводит к тому, что здоровье в данной возрастной группе взрослых людей – это не реально действующая, а понимаемая и эмоционально переживаемая ценность, и, как следствие, активная забота о нем в данной возрастной группе не всегда является приоритетной.

Таким образом, выраженная возрастная динамика отношения к здоровью на уровне разных его компонентов показала, что в каждый возрастной период компоненты отношения к здоровью меняются, а значит, меняется и спектр задач, направленных на его развитие в каждом возрастном периоде, решение которых, безусловно, влияет на развитие психического здоровья населения.

Список литературы

1. Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

2. Фельдштейн Д.И. Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 336 с.

3. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91–105.

4. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. СПб.: ТЦ «Сфера», 2004. 592 с.

5. Васильева О.С., Шинкаренко М.В. Внутренняя картина здоровья у представителей разных профессий // Здоровая личность: Материалы международной научно-практической конференции 21–22 июня 2012 года. СПб.: СПбГИПСР, 2012. С. 43–47.

6. Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. NewHaven: YaleUniversity-Press, – К.: PSYLIB, 2005.

7. Мясищев В.Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды / Под редакцией А.А. Бодалева. Москва – Воронеж, 1995. 356 с. С. 48–53.

8. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 464 с.

9. Фомина Н.В. Самооценка здоровья хроническими соматическими больными и здоровыми людьми пожилого и зрелого возраста // Психология человека в условиях здоровья и болезни: Материалы Второй международной конференции (6 июня 2012 г.). Тамбов, ТГУ, 2012. С. 37–41.

10. Flick U., Fischer C., Neuber A. et al. Health in the context of growing old: social representations of health // Journal of health psychology, 2003, vol. 8, No 5.

11. Leventhal H., Diefenbach M. The active side of illness cognition // Mental representations in health and illness / Eds. by J.A. Skelton, R.T. Croyle. N.Y., 1991.

12. Березовская Р.А. Отношение к здоровью как психологический механизм самоуправления здоровой личности // Здоровая личность: Материалы международной научно-практической конференции 21–22 июня 2012 года. СПб.: СПбГИПСР, 2012. С. 20–23.

13. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Чирков В.И., Лю Ц. Культурно-психологические особенности отношения к здоровью у русских и китайских студентов // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 64–74.

14. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М.: Академия, 2001. 352 с.

15. Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970. К.: PSYLIB, 2004.

ATTITUDE TO SOMATIC HEALTH AS AN INDICATOR OF THE DEVELOPMENT OF A PERSON'S PSYCHOLOGICAL HEALTH (BASED ON THE STUDY OF DIFFERENT AGE GROUPS OF SUBJECTS)

O.V. Lebedeva, N.V. Fomina

We consider the problem of correlation between somatic, psychical and psychological health. Some structural components of psychological health are identified; key issues of the «attitudes psychology» are discussed. The results of the study of attitude towards health among members of different age groups of subjects are presented.

Keywords: psychological health, psychical health, structure of psychological health, attitudes psychology, attitude towards health.

References

1. Khukhlaeva O.V. Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniia i psikhologicheskoi korrektsii: Ucheb. posobie. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2001. 208 s.

2. Fel'dshtein D.I. Mir Detstva v sovremennom mire (problemy i zadachi issledovaniia. M.: MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 336 s.

3. Slobodchikov V.I., Shuvalov A.V. Antropologicheskii podkhod k resheniiu problemy psikhologicheskogo zdorov'ia detei // Voprosy psikhologii. 2001. № 4. S. 91–105.

4. Prakticheskaia psikhologiia obrazovaniia / Pod red. I.V. Dubrovinoi. SPb.: TTs «Sfera», 2004. 592 s.

5. Vasil'eva O.S., Shinkarenko M.V. Vnutrenniaia kartina zdorov'ia u predstavitelei raznykh professii // Zdorovaia lichnost': Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 21–22 iiunia 2012 goda. SPb.: SPbGIPSR, 2012. S. 43–47.

6. Allport G.W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. NewHaven: YaleUniversityPress, – K.: PSYLIB, 2005.

7. Miasishchev V.N. Poniatie lichnosti v aspektakh normy i patologii // Miasishchev V.N. Psikhologiia otnoshenii. Izbrannye psikhologicheskie trudy / Pod redaktsiei A.A. Bodaleva. Moskva – Voronezh, 1995. 356 s. S. 48–53.

8. Kulikov L.V. Psikhogigiena lichnosti. Voprosy psikhologicheskoi ustoichivosti i psikhoprofilaktiki. SPb.: Piter, 2004. 464 s.

9. Fomina N.V. Samootsenka zdorov'ia khronicheskimi somaticheskimi bol'nymi i zdorovymi liud'mi pozhilogo i zrelogo vozrasta // Psikhologiia cheloveka v usloviiakh zdorov'ia i bolezni: Materialy Vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii (6 iiunia 2012 g.). Tambov, TGU, 2012. S. 37–41.

10. Flick U., Fischer C., Neuber A. et al. Health in the context of growing old: social representations of health // Journal of health psychology, 2003, vol. 8, No 5.

11. Leventhal H., Diefenbach M. The active side of illness cognition // Mental representations in health and illness / Eds. by J.A. Skelton, R.T. Croyle. N.Y., 1991.

12. Berezovskaia R.A. Otnoshenie k zdorov'iu kak psikhologicheskii mekhanizm samoupravleniia zdorovoi lichnosti // Zdorovaia lichnost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 21–22 iiunia 2012 goda. SPb.: SPbGIPSR, 2012. S. 20–23.

13. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Chirkov V.I., Liu Ts. Kul'turno-psikhologicheskie osobennosti otnosheniia k zdorov'iu u russkikh i kitaiskikh studentov // Psikhologicheskii zhurnal. 2007. T. 28. № 4. S. 64–74.

14. Vasil'eva O.S., Filatov F.R. Psikhologiia zdorov'ia cheloveka. M.: Akademiia, 2001. 352 s.

15. Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970. K.: PSYLIB, 2004.

УДК 316.334:796.01

ОЛИМПИАДА-2014 КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РОСТА ПАТРИОТИЗМА

© 2014 г.

А.А. Насыбуллин

Казанский национальный исследовательский технологический университет

redgreen2003@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2014

На основе вторичного анализа статистических данных и контент-анализа оценивается уровень связи профессионального спорта с государством, а также успехи на международной спортивной арене с ростом патриотизма в стране-победительнице. На примере Олимпиады-2014 в Сочи автор исследует влияние спорта на авторитет государства и политиков, на социальные настроения и гражданскую активность.

Ключевые слова: социология спорта, спорт и государство, спорт и политика, спорт и патриотизм, Олимпийское движение, Олимпиада-2014.

В России спорт неразрывно связан с государством, а значит, так или иначе, с властью и политикой. Немецкие ученые Г. Дигель и М. Фарнер сравнили 8 ведущих спортивных держав и пришли к выводу, что в России спорт – это действительно дело государственной важности. Сравнительный анализ показал, что в отличие от тех же США и Италии, где профессиональный спорт во многом предоставлен сам себе, имеет самостоятельность и перешел на коммерческие рельсы, в таких странах, как Россия, Китай, Франция, Австралия, спорт тесно связан с государственной поддержкой. «В США вообще нет ведомства, в задачи которого входила бы поддержка спорта. Спортивный бюджет определяется напрямую конгрессом, и также конгресс определяет регламент деятельности спортивных организаций. Разработка спортивной политики в специальном министерстве означает, что спорту приписывается большое социальное значение, тогда как в других странах этого не требуется постоянно подчеркивать. В любом случае мы можем считать позитивным фактом, когда государственная поддержка спорта находится под демократическим парламентским контролем и все финансовые расходы напрямую выводятся из текущих возможностей бюджета. Правда, при этом существует риск, что государственная политика будет следовать интересам спортивных организаций, которые могут расходиться с действительными интересами спортсменов» [1, с. 41–42].

В нашей статье мы делаем попытку проанализировать связь отечественного профессионального спорта высоких достижений с государством на примере крупнейшего спортивного события 2014 г., которое несколько лет готовилось Оргкомитетом Олимпийских игр и было проведено в Сочи. Прежде всего интересовало внимание граждан России к этим играм, их реакция на выступления спортсменов, оценка успешности соревнований и влияние этих показателей на авторитет страны в целом и рейтинг Президента в частности. Впервые по итогам проведенной в современной России Олимпиады, на основе вторичного анализа статистических данных и контент-анализа, делается попытка оценить влияние Игр на социальные ожидания, настроения, гражданскую позицию и рейтинг страны и политиков, с точки зрения социологической науки.

Связь спорта и государства может приводить к продвижению отдельных политиков на волне спортивных успехов. Так, в Казани бывший мэр города Камиль Исхаков является почетным президентом футбольного клуба «Рубин», а депутат Госсовета Татарстана и предприниматель Дмитрий Самаренкин сделал себе имя как успешный управленец в бенди.

«В логике политиков такие вещи, как здоровье, образ жизни и телесный облик, переводятся в сферу индивидуальной ответственности человека; и если кто-либо отличается по стилю жизни или физическому облику от моделей, принятых в господствующих классовых фракциях, – тот может подвергнуться моральному осуждению или экономическим штрафам» [2, с. 145].

И если спорт и политику многие специалисты зачастую связывают между собой, то влияние спортивных успехов страны на электорат изучается не столь активно. В 2008 г. после успешного выступления сборной России на чемпионате Европы по футболу, где россияне впервые за долгие годы завоевали бронзовые

медали престижного континентального турнира, в России наблюдался серьезный подъем патриотизма. При этом с 2002 г. до 2007 г. в стране шел не столь стремительный, но стабильный рост заинтересованности граждан в спорте. Таким образом, в 2008 г. футбол выступил как катализатор патриотизма [3]. Говоря о культурном аспекте спорта, историк С. Абдулкаримов отмечал, что «одним из способов утверждения культурного национализма для некоторых болельщиков является посещение футбольных матчей с участием любимых национальных команд» [4, с. 151]. Ту же мысль высказывает и немецкий социолог Э. Геннинг: «Локальные условия вызвали к жизни, произвели и сформировали именно этот, а не другой спорт. Когда Парлеба сравнивает местный спорт и местный язык, он имеет в виду те особенности в культуре игры, которые столь же неповторимы, сколь и подбор лексем в каждом языке. Всякая культура в своем игровом аспекте оказывается более соревновательной или менее соревновательной, скорее быстрой или скорее сильной, индивидуалистической или коллективистской, особым образом справляющей церемонии, особым образом танцующей, медитативной или спонтанной, боевой или мирной, достиженческой или же поощряющей только коллективный успех. Так уже на этнологических основаниях возрождается понятие «национального характера», представляющего собой статическую фиксацию каждой культурой» [5].

Нидерландский философ и культуролог Й. Хейзинга в своем классическом труде «Человек играющий» утверждает, что игра старше культуры и зачастую выступает в виде сражения. В таком случае при крупных международных играх исход соревнований может стать делом чести для целого народа. Естественно, в такой ситуации может наблюдаться подъем национального самосознания и рост патриотизма среди населения страны. «В некоторых архаических формах войны игровой характер, по природе ей свойственный, выражается самым непосредственным и утонченным образом. В фазе культуры, когда отправление правосудия, жребий, игра на удачу, спор об заклад, вызов, единоборство и суд божий, как вещи священные, располагались рядом друг с другом в одной сфере понятий, как мы уже это пытались описать выше, война, по роду ее, неминуемо должна была попасть в тот же самый круг представлений. Война ведется, дабы через испытание победой или поражением сподобиться решения, освященного благоволеньем богов. Решение можно вытянуть метанием жребия или меряясь силами в метком слове, а то и берясь за оружие. Если выбирают последнее, то исход выявляет волю богов столь же непосредственно, как и при других испытаниях» [6, с. 52]. Отметим, что в античные времена Олимпийские игры проводились во имя богов, а древнегреческие атлеты давали клятву Зевсу. При этом они осознавали опасность состязаний, особенно таких, как панкратион (смесь бокса и борьбы), и были готовы погибнуть на арене.

В 2014 г. таким знаковым спортивным событием для России стала зимняя Олимпиада в Сочи. Опрос россиян ВЦИОМ летом 2013 г. показал, что за последние 10–15 лет граждане РФ видят среди поводов для гордости – Президента страны Владимира Путина (9% респондентов) и сочинскую Олимпиаду (7%) [7].

Б. Чолкли и С. Эссекс в своей статье об инфраструктуре городов [8, p. 831], принимавших Олимпийские игры, указывают на важность подготовки городских служб к международным соревнованиям. Каждая страна-хозяйка старалась вписать свое имя в летопись Олимпийского движения и стать «лучшей в истории». На эти цели бросались огромные средства. Нередко при подготовке к Олимпиаде лидеры стран называли этот спортивный проект «делом национальной важности». Не стала исключением и Россия.

Западный социолог М. Манн подчеркивает важную роль международных соревнований для национального самосознания: «Когда мы следим за Олимпийскими играми или иными событиями и зрелищами (в том числе спортивного характера), пробуждающими у нас национально-патриотические эмоции, нам трудно поверить в то, что национальному государству приходит конец» [9, с. 384].

Социолог Ю. Фомин в своих работах подчеркивает важную роль спорта в формировании личности и влиянии на патриотические чувства граждан. Он указывает на идеологизированность и политизированность спорта с самых давних лет. Несмотря на олимпийский девиз «спорт вне политики» и проведение Олимпиады-1980 в советской Москве, в истории Олимпийского движения были такие прецеденты, как недопущение сборной Югославии к Играм в Барселоне в 1992 г. «Во-первых, сам спорт продуцирует идейные установки, касающиеся нравственности, эстетики, образа жизни, что неизбежно выводит его на политическую идеологию. Во-вторых, идеология включает влияние спорта, учитывая его колоссальную распространенность в мире, в объекты своего воздействия. Использование спорта официальной

идеологией в каждой стране осуществляется с той же целью, что и других общественных явлений: пропаганда политического и экономического строя, господствующих духовных ценностей, обоснование и оправдание политики государства и его конкретных акций, воспитание у населения нужных политических и нравственных качеств… Идеологический компонент в спорте проявляется и в том, что в нем реализуется патриотическая идея. Особенно четко это демонстрируется на международном уровне, где спортсмены отстаивают престиж своей страны, что выражается в различных организационных формах и ритуалах (гимн, подъем флага, неофициальный подсчет очков по странам, который, тем не менее, используется в официальных материалах, и др.). Более того, патриотическая идея находит реализацию через спорт на уровне местного и клубного патриотизма. В периоды избирательных кампаний поддержка тех или иных партий, объединений, отдельных кандидатов спортивным электоратом, как бы он ни дробился, означает его причастность к поддерживаемым идеологическим платформам» [10, с. 143].

Иностранные СМИ изначально пытались позиционировать Олимпийские игры в Сочи как «личный проект Путина». В ноябре 2013 г. в Амстердаме на Международном фестивале документальных фильмов режиссер Александр Гентелев представил скандальную картину «Игры Путина». Продюсер С. Бауманн утверждала, что фильм пытались выкупить, чтобы не допустить к показу [11]. В турецком издании Zaman накануне старта сочинских Игр вышла статья с заголовком «Игры Путина» [12]. Таким образом, иностранная пресса пыталась задолго до самих соревнований сформировать общественное мнение, отождествив Олимпиаду-2014 с Президентом России, что заранее проецировало успех или провал на Играх на авторитет самого национального лидера.

Кроме того что зарубежная пресса привязала сочинские Игры к имени Владимира Путина, ряд крупных изданий создавали негативный фон перед стартом Олимпиады-2014 [13]. После окончания триумфальных для России зимних Игр Джеймс Карден, который был советником Американо-российской двусторонней президентской комиссии при Госдепартаменте США в 2011–2012 гг., связал западную критику сочинской Олимпиады с обидой США на защиту Сирии со стороны России [14]. В целом информационный фон накануне и во время проведения соревнований казанской Универсиады-2013 и сочинской Олимпиады-2014 можно назвать идентичным. Если перед Играми было немало критики и опасений, то уже в дни самих состязаний и после их окончания тон менялся на положительный и хвалебный.

Прогнозы на выступления сборной России были осторожными. Министр спорта РФ Виталий Мутко ставил задачу попасть в общем зачете в пятерку лучших стран мира [15]. Атлеты из России оправдывали в первые дни соревнований такие ожидания, однако на финише Игр заметно прибавили, став впервые с 1993 г. лучшими на планете.

Олимпиаду удалось провести на высоком уровне, обеспечив при этом безопасность гостям Сочи, которая первоначально вызывала сомнения у иностранцев. «Говоря о специфике Олимпийских игр как объекта деятельности террористов, следует также отметить их скоротечность (они длятся 19 дней, а после них в течение 12 дней проводятся Паралимпийские игры) и прямую трансляцию игр. Интерес террористов в данном случае состоит в том, что при совершении теракта он поступит к конечному потребителю – рядовому гражданину страны в первозданном виде. Важно учитывать и то, что город, где проходят Олимпийские игры, находится в центре общественного внимания всего мира. Это обеспечит террористам максимально возможное отражение происходящих в этом районе событий» [16, с. 62].

«При подготовке и проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи потенциально существует ряд террористических угроз, различаемых по степени опасности. К ним можно отнести недовольство части населения Сочи в связи с его отселением в другие районы, беспокойство экологических неправительственных организаций по поводу возможности нанесения ущерба природе. Существенное значение, с точки зрения обеспечения безопасности, имеет напряженная обстановка в Северокавказском регионе и ситуация вокруг Абхазии» [17].

Ради обеспечения безопасности организаторы сочинских Игр пошли на беспрецедентные меры. Например, было введено ноу-хау с паспортом болельщика – бейджем с микрочипом и личными данными болельщика. Без такого дополнительного документа попасть на соревнования было невозможно, даже приобретя билет. При этом Оргкомитет Сочи-2014 имел возможность отказывать в выдаче этого бейджа без объяснения причин. Многие правозащитники и общественные активисты увидели в этом нарушение гражданских прав, а некоторые из болельщиков, которым отказали в выдаче этого

паспорта, а соответственно и в посещении спортивных объектов, даже подали в суд на Оргкомитет [18].

Кроме того, критику правозащитников вызывал указ Президента России Владимира Путина, ограничивающий на время проведения Олимпиады въезд в Сочи автомобилей с регистрационными номерами других регионов, а также предписывающий гостям города становиться на учет и получать временную регистрацию в столице Олимпийских игр. Тем не менее эти протестные настроения не получили большого резонанса.

После завершения сочинских зимних Игр директор ФСБ России Александр Бортников признал попытку совершения терактов на Олимпиаде-2014. «Примером тому является совместная работа ФСБ России с коллегами из США, Австрии, Франции, Германии и Грузии в отношении группы лиц, намеревавшихся осуществить террористические атаки на олимпийские объекты в Сочи. Совместными усилиями эта угроза была локализована», – поделился информацией глава ФСБ [19].

Тем не менее важнейший вопрос безопасности был решен ответственными службами как на Универсиаде-2013 в Казани, так и на Олимпиаде-2014 в Сочи.

По данным «Левада-Центра», 81% россиян считают, что Олимпиада вызвала всплеск патриотизма. Если в 2008 г. главным героем футбольной национальной команды России стал полузащитник Андрей Аршавин, то на Олимпиаде в Сочи россиянам больше остальных понравились фигуристки Юлия Липницкая (33% опрошенных) и Аделина Сотникова (32%), а также конькобежец Виктор Ан (31%). У более чем половины россиян выступления спортсменов сборной России вызвали гордость и радость. При этом для граждан РФ победы отечественных атлетов (73%) оказались важнее, нежели удовольствие от выступления лучших спортсменов мира (20%) [20].

Кроме роста российского патриотизма рекордного рейтинга достиг и глава государства Владимир Путин. ВЦИОМ сразу после зимних Игр отметил, что рейтинг Президента РФ на максимуме и составляет 67.7% [21]. «Левада-Центр» дает еще более высокую оценку одобрения гражданами первого лица государства в феврале 2014 г. – 69% [22]. После завершения в марте Паралимпийских игр Фонд общественного мнения (ФОМ) зафиксировал еще одну цифру – 64% поддержки гражданами России лидера страны, если бы выборы проходили в ближайшее воскресенье. При этом политологи оценивают реальную поддержку нынешнего главы государства в случае выборов в ближайшее время в 86–87% [23].

О повышении авторитета России на международной арене после проведения Игр заявили и политики, и сами спортсмены. «Олимпиада в Сочи, и то, как выступили наши ребята, и на каком высочайшем уровне были организованы Игры, несомненно, будет способствовать повышению авторитета России в мире», – заявил вице-спикер Госдумы РФ Сергей Неверов [24]. С ним соглашается и депутат Госдумы РФ Игорь Ананских: «Авторитет, безусловно, вырастет, причем не только в политическом аспекте, но и как крупнейшей спортивной державы. Такого количества масштабных спортивных состязаний на мировом уровне в нашей стране еще никогда не было. Например, в прошлом году у нас проходил и чемпионат мира по легкой атлетике, и Кубок мира по регби, и Универсиада, в этом году – Олимпиада в Сочи, а в ближайшее время – чемпионат мира по водным видам спорта, по хоккею и так далее, не говоря уже о чемпионате мира по футболу. Всего за несколько лет в нашей стране их уже будет более 20» [25].

Победы российских олимпийцев в феврале и паралимпийцев в марте, а также проведение Игр без сбоев и полное обеспечение безопасности при подготовке Олимпиады и ее проведении предопределили серьезный рост российского патриотизма и рейтинга Владимира Путина.

Некоторые историки указывают на сакрализацию олимпийцев в Древней Греции, где атлеты отождествлялись с полубогами, героями мифов. Несмотря на секуляризацию в XXI веке, современные спортсмены зачастую представляются прессой и самими болельщиками как некие нынешние супергерои. «По словам Конрада Лоренца, спорт в современном мире стал «особой ритуализированной формой борьбы, развившейся в культурной жизни людей». В плакатном искусстве и на страницах печати мифологизированные образы мускулистых атлетов служат воплощением позитивных образов, обращенных в будущее. Демонстрация во время Олимпиады в Атланте в 1996 г. на рекламных роликах телепередач атлетов, «взбегающих» вверх по стенам зданий и совершающих фантастические прыжки с высоких скал в глубокие каньоны под вывеской «пределов нет!», по замечанию Фрэнсиса Фукуямы, стала символом перехода человечества в век информации и компьютерных технологий» [26, с. 165–166].

Таким образом, проведя анализ статистических данных, контент-анализ, нам удалось достичь поставленной научной цели, а именно оценить связь государства и профессионального спорта в России, отношение граждан страны к выступлениям и тем или иным атлетам, а также влияние успеха Игр на авторитет страны в мире и рейтинг Президента, в частности. Полученные знания можно использовать в дальнейшем для сравнительного анализа с иными крупными международными соревнованиями, их влиянием на социальные настроения, рейтинги политиков и государств.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1) Успех выступлений спортсменов и проведения крупного международного соревнования ведет к росту патриотизма в стране-победительнице, повышает авторитет государства на мировой арене, а также укрепляет доверие граждан к национальному лидеру.

2) Усилия иностранных СМИ по созданию политизированного и негативного образа Олимпиады в Сочи имели противоположный результат – рейтинг Владимира Путина после успеха «Игр Путина» (как позиционировали Олимпиаду в Сочи зарубежные журналисты) оказался на максимально высоком уровне. Однако стоит отметить, что если бы спортсмены и организаторы в чем-то проявили себя слабее и допустили ошибки, то негативный дискурс западных СМИ мог стать эффективным в «черной» имиджевой кампании.

Список литературы

1. Дигель Г., Фарнер М. Большой соревновательный спорт: сравнение опыта разных стран // Логос. 2009. № 6 (73). С. 35–57.

2. Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3 (54). С. 141–146.

3. Борусяк Л.Ф. Футбол как катализатор патриотизма // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 95. № 3. С. 51–61.

4. Абдулкаримов С.А. Агрессивность в спорте сквозь призму истории и культурных традиций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 145–157.

5. Геннинг Э. Культура олимпийского и других движений: исключение, признание, праздник // Логос. 2009. № 6 (73). С. 58–81.

6. Huizinga Johan. Homo Ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

7. День России: чем и кем мы можем гордиться // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 23233. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114195 (дата обращения 29.03.2014 г.).

8. Brian Chalkley and Stephen Essex, The evolution of infrastructural implications of theWinter Olympics, Bollettino della Societa Geografi ca Italiana, 2002, Series XII, Vol. 7. No. 4. P. 831–851.

9. Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 381–410.

10. Фомин Ю. Влияние спорта на формирование личности // Социологические исследования. 2008. № 10. С.143–146.

11. Скандальный фильм «Игры Путина» вышел в свет // Сочи-24, 29.11.2013. URL: http://sochi-24.ru/sochi-2014/skandalnyj-film-igry-putina-vyshel-v-svet-video.20131129.71292.html (дата обращения 29.03.2014 г.).

12. Игры Путина // ИноСМИ, 04.02.2014. URL: http://inosmi.ru/russia/20140204/217149739.html (дата обращения 29.03.2014 г.).

13. Что пишут иностранные СМИ о Сочи за несколько дней до Олимпиады // Сочи-Экспресс, 05.02.2014. URL: http://www.sochi-express.ru/sochi/news/olimpiada/30932 html (дата обращения 29.03.2014 г.)

14. Американские СМИ признались, почему критиковали Олимпиаду в Сочи // Петербургский дневник, 24.02.2014. URL: http://www.spbdnevnik.ru/news/2014-02-24/amerikanskiey-smi-priznalis-zachem-kritikovali-olimpiadu-v-sochi/#ad-image-0 html (дата обращения 29.03.2014 г.).

15. Виталий Мутко: сборная России рассчитывает попасть в пятерку на Играх-2014 // Sportbox, 28.12.2013. URL: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Sport/spbnews_NI425979_Vitaliy-Mutko-Sbornaya-Rossii-rasschitivaet-popasti-v-pyaterku-na (дата обращения 29.03.2014 г.).

16. Журавель В.П. Олимпийские игры – объект для террористов // Обозреватель-Observer. 2011. № 4. С. 60–64.

17. Селезнев И.А. Противодействие политическому терроризму в сфере международного спорта // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: Изд-во Российской академии государственной службы (РАГС), 2008. 24 с.

18. В Сочи болельщики будут судиться за отказ в выдаче паспорта для Олимпиады // ИА REGNUM, 03.02.2014. URL: http://www.regnum.ru/news/1761859.html (дата обращения 29.03.2014 г.).

19. ФСБ совместно с коллегами из других стран предотвратила теракт в Сочи // РИА Новости, 09.04.2014. URL: http://ria.ru/incidents/20140409/1003146249.html (дата обращения 29.03.2014 г.).

20. Итоги Олимпийских игр в Сочи // Левада-Центр, 03.03.2014. URL: http://www.levada.ru/03-03-2014/itogi-olimpiiskikh-igr-v-sochi (дата обращения 29.03.2014 г.).

21. Рейтинг Путина – на максимуме после Олимпийской победы и на фоне украинских неурядиц // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 2524, 26.02.2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114724 (дата обращения 29.03.2014 г.).

22. Февральские рейтинги одобрения и неодобрения // Левада-Центр, 26.02.2014. URL: http://www.levada.ru/26-02-2014/fevralskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya (дата обращения 29.03.2014 г.).

23. ФОМ: рейтинг Путина – на историческом максимуме // Newsland, 26.03.2014. URL: http://newsland.com/news/detail/id/1345450/ (дата обращения 29.03.2014 г.); В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы // ФОМ, 28.03.2014. URL: http://fom.ru/Politika/10946 (дата обращения 29.03.2014 г.).

24. Неверов: Успех Олимпиады повысит авторитет России // Взгляд. 24.02.2014. URL: http://vz.ru/news/2014/2/24/674062.html (дата обращения 29.03.2014 г.).

25. Две недели покажут, сможет ли Россия возродить спортивное мастерство СССР // Однако. 06.02.2014. URL: http://www.odnako.org/blogs/dve-nedeli-v-sochi-pokazhut-smozhet-li-rossiya-vozrodit-sportivnoe-masterstvo-sssr/ (дата обращения 29.03.2014).

26. Абдулкаримов С.А. Спорт в культурно-исторической ретроспективе: между сакральным и профанным // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 160–169.

2014 OLYMPICS AS A SOCIAL FACTOR FOR THE GROWTH OF PATRIOTISM

A.A. Nasybullin

Based on secondary analysis of statistical data and content analysis, we assess the relationship between the state and professional sports, as well as between the successes in the international sports arena and the growth of patriotism in the country that wins the games. On the example of the 2014 Olympics in Sochi, the author explores the impact of sports on the authority of the state and politicians, on social attitudes and civic engagement.

Keywords: sociology of sport, sport and state, sport and politics, Olympic movement, 2014 Olympics.

References

1. Digel' G., Farner M. Bol'shoi sorevnovatel'nyi sport: sravnenie opyta raznykh stran // Logos. 2009. № 6 (73). S. 35–57.

2. Alkemaier T. Sotsiologiia sporta. Telesnye praktiki sub"ektivatsii i samoinstsenirovki // Logos. 2006. № 3 (54). S. 141–146.

3. Borusiak L.F. Futbol kak katalizator patriotizma // Vestnik obshchestvennogo mneniia: Dannye. Analiz. Diskussii. 2008. T. 95. № 3. S. 51–61.

4. Abdulkarimov S.A. Agressivnost' v sporte skvoz' prizmu istorii i kul'turnykh traditsii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2006. T. 9. № 3. S. 145–157.

5. Genning E. Kul'tura olimpiiskogo i drugikh dvizhenii: iskliuchenie, priznanie, prazdnik // Logos. 2009. № 6 (73). S. 58–81.

6. Huizinga Johan. Homo Ludens. M.: Progress-Traditsiia, 1997. 416 s.

7. Den' Rossii: chem i kem my mozhem gordit'sia // VTsIOM, press-vypusk № 23233. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114195 (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

8. Brian Chalkley and Stephen Essex, The evolution of infrastructural implications of theWinter Olympics, Bollettino della Societa Geografi ca Italiana, 2002, Series XII, Vol. 7. No. 4. P. 831–851.

9. Mann M. Natsii-gosudarstva v Evrope i na drugikh kontinentakh: raznoobrazie form, razvitie, neugasanie // Natsii i natsionalizm / B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh i dr. M.: Praksis, 2002. S. 381–410.

10. Fomin Iu. Vliianie sporta na formirovanie lichnosti // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2008. № 10. S.143–146.

11. Skandal'nyi fil'm «Igry Putina» vyshel v svet // Sochi-24, 29.11.2013. URL: http://sochi-24.ru/sochi-2014/skandalnyj-film-igry-putina-vyshel-v-svet-video.20131129.71292.html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

12. Igry Putina // InoSMI, 04.02.2014. URL: http://inosmi.ru/russia/20140204/217149739.html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

13. Chto pishut inostrannye SMI o Sochi za neskol'ko dnei do Olimpiady // Sochi-Ekspress, 05.02.2014. URL: http://www.sochi-express.ru/sochi/news/olimpiada/30932 html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.)

14. Amerikanskie SMI priznalis', pochemu kritikovali Olimpiadu v Sochi // Peterburgskii dnevnik, 24.02.2014. URL: http://www.spbdnevnik.ru/news/2014-02-24/amerikanskiey-smi-priznalis-zachem-kritikovali-olimpiadu-v-sochi/#ad-image-0 html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

15. Vitalii Mutko: sbornaia Rossii rasschityvaet popast' v piaterku na Igrakh-2014 // Sportbox, 28.12.2013. URL: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Sport/spbnews_NI425979_Vitaliy-Mutko-Sbornaya-Rossii-rasschitivaet-popasti-v-pyaterku-na (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

16. Zhuravel' V.P. Olimpiiskie igry – ob"ekt dlia terroristov // Obozrevatel'-Observer. 2011. № 4. S. 60–64.

17. Seleznev I.A. Protivodeistvie politicheskomu terrorizmu v sfere mezhdunarodnogo sporta // Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. M.: Izd-vo Rossiiskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby (RAGS), 2008. 24 s.

18. V Sochi bolel'shchiki budut sudit'sia za otkaz v vydache pasporta dlia Olimpiady // IA REGNUM, 03.02.2014. URL: http://www.regnum.ru/news/1761859. html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

19. FSB sovmestno s kollegami iz drugikh stran predotvratila terakt v Sochi // RIA Novosti, 09.04.2014.

URL: http://ria.ru/incidents/20140409/1003146249.html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

20. Itogi Olimpiiskikh igr v Sochi // Levada-Tsentr, 03.03.2014. URL: http://www.levada.ru/03-03-2014/itogi-olimpiiskikh-igr-v-sochi (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

21. Reiting Putina – na maksimume posle Olimpiiskoi pobedy i na fone ukrainskikh neuriadits // VTsIOM, press-vypusk № 2524, 26.02.2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114724 (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

22. Fevral'skie reitingi odobreniia i neodobreniia // Levada-Tsentr, 26.02.2014. URL: http://www.levada.ru/26-02-2014/fevralskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

23. FOM: reiting Putina – na istoricheskom maksimume // Newsland, 26.03.2014. URL: http://newsland.com/news/detail/id/1345450/ (data obrashcheniia 29.03.2014 g.); V. Putin: reiting, otnoshenie, otsenki raboty // FOM, 28.03.2014. URL: http://fom.ru/Politika/10946 (data obrashcheniia 29.03.2014g.).

24. Neverov: Uspekh Olimpiady povysit avtoritet Rossii // Vzgliad. 24.02.2014. URL: http://vz.ru/news/2014/2/24/674062.html (data obrashcheniia 29.03.2014 g.).

25. Dve nedeli pokazhut, smozhet li Rossiia vozrodit' sportivnoe masterstvo SSSR // Odnako. 06.02.2014. URL: http://www.odnako.org/blogs/dve-nedeli-v-sochi-pokazhut-smozhet-li-rossiya-vozrodit-sportivnoe-masterstvo-sssr/ (data obrashcheniia 29.03.2014).

26. Abdulkarimov S.A. Sport v kul'turno-istoricheskoi retrospektive: mezhdu sakral'nym i profannym // Etnograficheskoe obozrenie. 2007. № 4. S. 160–169.

УДК 159.9.7+316.648

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЮМОРА НА СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ

© 2014 г.

О.М. Сергеева, Н.Ю. Жураковская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sergeeva_oxana@bk.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Описываются результаты исследования влияния юмора на семейные установки. Выявлено, что юмористическое воздействие приводит к снижению ситуативной тревожности и к изменению семейных установок. Взгляд на семью становится более позитивным, возрастает ценность семьи, увеличивается идентификация с партнером.

Ключевые слова: юмор, юмористическое воздействие, семейные установки, молодые семьи, семантический дифференциал, ситуативная тревожность.

Сегодня психология юмора находится на пути своего становления и развития. Юмор широко распространен в социальных взаимодействиях, выполняет множество функций, однако объем накопленного теоретического и эмпирического материала по данной проблеме не велик вследствие того, что феномен юмора игнорируется в большинстве исследований. По словам канадского психолога Дэниэла Берлайна, «кажущееся легкомыслие юмора – это серьезное основание для большего, а не меньшего внимания к нему, чем к другим формам поведения. Тот факт, что в любом обществе люди тратят много времени и энергии на юмор и смех, хотя цель этой деятельности неочевидна, является загадкой, достойной тщательного и систематического изучения» [1, с. 49].

Конечно, в последнее время количество работ по психологии юмора возрастает. Прежде всего активно изучается терапевтическая функция юмора, его применение как средства совладания, способного изменить состояние в стрессе (Иванова Е.М., Ениколопов С.Н.; Зайва О.А.; Martin R.A., Nicholas A., Kuiper L., Olinger J., Kathryn A Dance) [2–8]. Однако в рассмотренной нами литературе почти не встречается исследований влияния юмора на установки в целом и на семейные установки в частности.

Сегодня данное направление исследований особенно актуально в связи с существующей проблемой кризиса семьи. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики за 2011 год, на 9 браков приходится 5 разводов, то есть 51% молодых семей распадаются [9]. Исследования в области брачно-семейных отношений свидетельствуют о том, что стабильность молодой семьи зависит в числе прочего от степени готовности к семейной жизни молодых людей; под готовностью к семейной жизни, в свою очередь, понимается совокупность семейных установок. В этой связи представляется целесообразным изучение юмористического воздействия для возможного применения его в качестве средства коррекции установок, препятствующих сохранению брака и семьи.

Таким образом, целью данной работы является изучение влияния юмора на семейные установки.

В данной работе под семейной установкой, в соответствии с определением Т.Ю. Сорокиной, мы рассматриваем разновидность социальной установки, позицию личности в отношении брака и семьи, сформированную на основе опыта взаимодействия с социальной средой, определяющую состояние готовности к браку и поведение человека в семье [10, с. 90].

Экспериментальная часть

В исследовании приняли участие молодые семьи в количестве 53 пар и 32 пары, состоящие в незарегистрированном браке (от 20 до 30 лет). Всего в исследовании приняло участие 170 человек.

Исследование представляло собой эксперимент с юмористическим воздействием. Экспериментальный план – простой с предварительным и итоговым тестированием на одной экспериментальной группе (O1 X O2, тест – воздействие – ретест). Для исключения взаимовлияния испытуемых друг на друга эксперимент строился как индивидуальный – испытуемые работали в одиночку, в домашней обстановке. В

целях стандартизации процедуры исследования и автоматизации эксперимента была создана специальная компьютерная программа.

Для выявления семейных установок в предварительном и итоговом тестировании применялись опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП, А.Н. Волковой) [11] и Метод семантического дифференциала (МСД, модификация И.Л. Соломина) [12]. Выбор второй методики обоснован в первую очередь ее возможностью диагностировать неосознаваемые человеком отношения и установки как динамичные и ситуационно обусловленные особенности сознания [13], а также тем, что, в отличие от традиционно используемых методик, МСД в большей степени защищен от неискренности испытуемых. Кроме того, исследователь может свободно определять набор объектов для оценивания в соответствии с целями и задачами проводимой работы. Так, список объектов оценивания, предлагаемый испытуемым в рамках представленной работы, был определен под ее цели и задачи на основе варианта, предложенного И.Л. Соломиным, в него вошли 16 понятий:

Мой супруг/супруга	Родители супруга/супруги
Дети	Мои друзья
Семья	Друзья супруга/супруги
Любовь	Секс
Ревность	Обязанности
Деньги	Независимость
Мои родители	Конфликты

Кроме этого работе также использовалась методика «Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера - Ю.Л. Ханина.

Юмористический материал был представлен серией анекдотов, что обусловлено преобладанием у молодых людей рационального типа чувства юмора [14, с. 17]. Анекдоты были подобраны по следующим темам: отношения с родственниками и друзьями, дети, автономия, развод, ревность, денежные отношения, взаимоотношения полов (или сексуальная сфера), семейные неурядицы (или конфликты), быт. Список тем согласуется с перечнем объектов МСД и шкалами опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке». При подборе юмористического материала использовались различные печатные издания и интернет-ресурсы.

Работа с юмористическим материалом была построена по следующей схеме. В рамках компьютерной программы испытуемым предъявлялись анекдоты. Испытуемым предлагалось выбрать семь анекдотов, наиболее интересных и смешных. Затем им необходимо было подобрать к ним картинки с забавными животными, которые, на взгляд испытуемых, могли бы рассказать подобные анекдоты; а также, по возможности, подобрать к выбранным анекдотам картинки (из числа картинок с животными), способные послужить забавными иллюстрациями для выбранных анекдотов.

Процедура работы с юмористическим материалом позволила избежать поверхностного просмотра испытуемыми содержания анекдотов на основе только когнитивного анализа. Подобная схема работы с юмористическим материалом использовалась в работе по изучению влияния юмора на предубеждения, авторы которой подчеркивали значимость эмоционально-образного восприятия материала, а не его когнитивного анализа, так как «смешное» исчезает там, где начинается «сухой» серьезный анализ» [15, с. 112].

Статистическая обработка экспериментальных данных проводилась в программном пакете «Статистика 6.0» с помощью непараметрического статистического критерия различий для связных выборок Т-Вилкоксона, непараметрического критерия U Манна – Уитни для несвязных выборок, а также критерия ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим результаты, полученные по итогам исследования.

Для начала остановимся на показателе *ситуативной тревожности*. В рамках данного исследования различия в показателях ситуативной тревожности до и после юмористического воздействия достигли высокого уровня статистической достоверности ($p = 0.00$) для всех исследуемых групп испытуемых. Если до воздействия юмора среднее значение тревожности в целом по выборке составило 36.5 балла, то после юмористического воздействия этот показатель составил 32.4 балла, что представляет собой уровень, близкий к верхней границе низкого уровня тревожности. Это согласуется с данными многих исследований [16, 17]. Многие авторы отмечают роль юмора в преодолении стресса и вместе с тем то, что эмоция радости, сопровождающая юмор, замещает чувство тревоги [2, 4, 7].

Интересно рассмотреть гендерный аспект изменения ситуативной тревожности. Средний показатель ситуативной тревожности до юмористического воздействия на начало эксперимента выше у группы женщин и составляет 39.5 баллов по сравнению с группой мужчин – 33.4 балла (табл. 1). Вместе с тем именно у женской половины испытуемых отмечается боль-

Таблица 1

Реактивная тревожность до и после юмористического воздействия по разным группам испытуемых

Группы испытуемых	Среднее значение		p-уровень
	До	После	
Вся выборка	36.5	32.4	0.00
Мужчины	33.4	30.7	0.00
Женщины	39.5	34.1	0.00

шее снижение уровня реактивной тревожности после юмористического воздействия. Это говорит о том, что женщины более чувствительны к такого рода воздействиям.

Рассмотрим теперь изменения, произошедшие по результатам юмористического воздействия в *семейных установках*.

Достоверные изменения в установках по методике *РОП* на всей выборке выявлены по следующим шкалам: интимно-сексуальная ($p < 0.05$), личностная идентификация ($p < 0.05$), хозяйственно-бытовая ($p < 0.01$). Произошло увеличение значимости для испытуемых своих партнеров с точки зрения выполнения их роли в интимных отношениях, усиление установки на личностную идентификацию с брачным партнером и усиление установки относительно значимости партнера в организации совместного быта. Причем эти изменения характерны прежде всего для женщин из молодых семей

Увеличение в сознании женщин после работы с юмористическим материалом ожиданий в отношении выполнения мужчинами хозяйственно-бытовой роли вызывает особый интерес в связи с особенностями современной российской семьи. Женщины, стремящиеся к профессиональной самореализации, также продолжают в полном объеме вести домашнее хозяйство – имеет место «двойная нагрузка» современной женщины [16, с. 104]. В этой связи можно предположить, что изменение в установках женщин относительно роли мужчины в хозяйственно-бытовой сфере произошло вследствие снятия напряжения под влиянием юмористического воздействия и преодоления действия механизма социальной желательности. Вероятно, женщины, которым в российском обществе транслируется гендерный стереотип особой роли женщины и меньшей значимости мужчины в организации быта, под влиянием юмора смогли изменить свое отношение к данной ситуации.

Также нами был проведен статистический анализ для проверки достоверности изменений в оценках понятий *семантического дифференциала* до и после юмористического воздействия. Анализ результатов, полученных на всей выборке испытуемых, показал наличие достоверно значимых изменений в оценках следующих понятий. По фактору «ценность» (Е): «я» ($p < 0.001$), «семья» ($p < 0.05$), «любовь» ($p < 0.05$), «секс» ($p < 0.05$) (рис.). Значимые изменения обнаружены также в оценке понятия «родители супруга» ($p < 0.01$) по фактору «активность» (А). После работы с юмористическим материалом испытуемые в целом стали оценивать себя, семью, любовь и интимные отношения как нечто более ценное и эмоционально значимое.

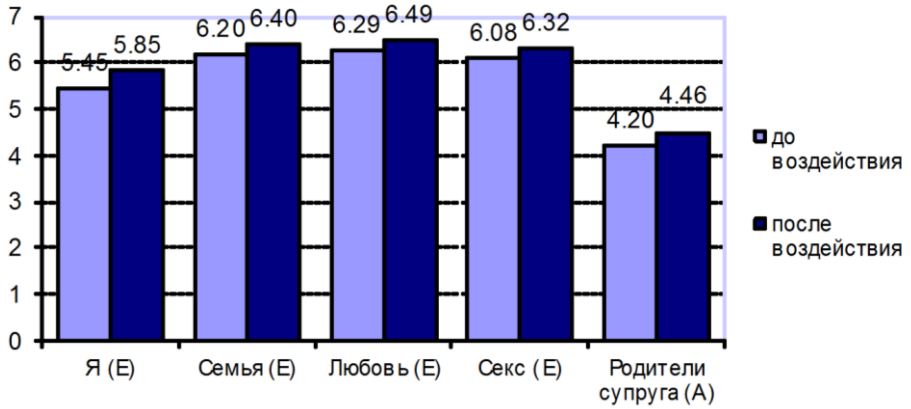


Рис. Средние показатели оценок понятий семантического дифференциала до и после юмористического воздействия

Таблица 2

Средние значения семантических расстояний до и после юмористического воздействия

Понятия		Среднее значение		p-уровень
		До	После	
Наши отношения	Я	2.11	1.56	0.006
	Мой партнер	1.08	0.94	0.018
	Любовь	1.38	1.17	0.037
	Мои родители	1.82	1.62	0.034
	Мои друзья	1.66	1.37	0.002
	Друзья супруга	1.77	4.7	0.000
Дети	Мой партнер	1.69	1.51	0.044
	Наши отношения	1.74	1.44	0.008
	Родители супруга	2.45	2.25	0.020
	Мои друзья	1.72	1.51	0.019
	Секс	1.65	1.42	0.027
Семья	Дети	1.58	1.35	0.052
	Мои друзья	1.48	1.23	0.009

Интересным является изменение оценок испытуемых в отношении родителей своих супругов, которые стали оцениваться ими как более активные и изменчивые.

Стоит отметить, что у мужчин, по сравнению с женщинами, достоверные изменения были выявлены по меньшему количеству понятий. У женщин изменения произошли в оценках по фактору «ценности» понятий: «я» ($p < 0.001$), «мой партнер» ($p < 0.05$), «семья» ($p < 0.05$), «любовь» ($p < 0.05$), «секс» ($p < 0.01$), – и по фактору «активност»ь изменилась оценка «родителей супруга» ($p < 0.05$). У мужчин значимые изменения наблюдаются в оценке по фактору «ценность» понятий: «я» ($p < 0.05$), «дети» ($p < 0.05$), «мои друзья» ($p < 0.05$). Обращает на себя внимание факт изменения именно у группы мужчин оценки понятия «дети» по фактору «ценность». Возможно, это связано с тем, что женщины изначально оценивают детей как нечто более ценное по сравнению с оценками мужчин.

В ходе анализа данных семантического дифференциала также проводилась оценка сходства между объектами до и после юмористического воздействия. При этом мы не производили построение матриц сходства и ограничили расчет семантических расстояний всех понятий до трех объектов, выделенных нами в качестве ключевых, а именно: «наши отношения», «семья», «дети». Дальнейший анализ строился на основе положения о том, что сходство и идентификация между объектами в сознании испытуемого предполагают меньшее расстояние между ними, а семантическая близость понятий, в свою очередь, характеризует сходство эмоциональных отношений к ним испытуемых [12, с. 20].

В семантическом пространстве ближе стали располагаться по отношению к понятию «наши отношения» такие понятия, как: «я» ($p < 0.01$), «мой партнер» ($p < 0.05$), «любовь» ($p < 0.05$), «мои родители» ($p<0.05$), «мои друзья» ($p < 0.01$), – увеличилось расстояние между понятиями «наши отношения» и «друзья супруга» ($p = 0.00$). Ближе к понятию «дети» стали располагаться понятия: «мой партнер» ($p < 0.05$), «наши отношения» ($p < 0.01$), «родители супруга» ($p < 0.05$), «мои друзья» ($p < 0.05$), «секс» ($p < 0.05$). Уменьшились и расстояния между понятиями «семья» и «дети» ($p = 0.05$), а также между понятиями «семья» и «мои друзья» (табл. 2).

На наш взгляд, особо позитивным с точки зрения изменения семейных установок выглядит сближение в семантическом пространстве понятий «наши отношения», «я», «мой партнер», «любовь» и «дети». представляется любопытным характер изменений в семантических расстояниях между ключевыми понятиями и понятиями «мои друзья» и «друзья супруга». В представлении испытуемых увеличилась значимость для семейных отношений собственных друзей и значительно уменьшилась значимость

друзей супруга. Выявленная закономерность заслуживает в дальнейшем отдельного изучения.

Заключение

В целом по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1) Юмористическое воздействие приводит к снижению ситуативной тревожности и к изменению семейных установок;

2) Взгляд на семью становится более позитивным:

a) увеличиваются ожидания относительно роли партнера в браке с точки зрения выполнения его роли в интимных отношениях, в организации совместного быта, повышается личностная идентификация с партнером;

b) возрастает ценность понятий, непосредственно связанных с семьей: семья, любовь, секс;

c) сближаются в семантическом пространстве понятия «наши отношения», «я», «мой партнер», «любовь» и «дети».

3) Происходящие изменения в большей степени характерны для женщин по сравнению с мужчинами.

Так как проверка показала наличие позитивных изменений в семейных установках под влиянием юмористического воздействия, целесообразным является проведение дальнейших исследований в данном направлении. В частности, возможна разработка психотерапевтических методик, основанных на юмористическом воздействии, направленных на поддержание и сохранение брака.

Список литературы

1. Мартин А.Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. 480 с.

2. Иванова Е.М., Ениколопов С.Н., Максимова М.Ю. Психологические механизмы нарушения чувства юмора при шизофрении и циклотимии // Психиатрия. 2005. № 3. С. 60–65.

3. Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Исследования чувства юмора в психологии (обзор) // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 122–133.

4. Зайва О.А. Особенности использования чувства юмора как ресурса психологического совладания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/143503.html

5. Martin R.A., Kuiper N.A., Olinger L.J., Dance K.A. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. // Humor International Journal Of Humor Research. 1993. Vol. 6. N. 1. P. 89–104.

6. Martin Rod A., Patricia Puhlik-Doris, Gwen Larsen, Jeanette Gray, Kelly Weir. Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire // Journal of Research in Personality. 2003. N. 37. P. 48–75.

7. Martin R.A., Nicholas A., Kuiper L.J., Olinger K. A Dance. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. // Humor International Journal Of Humor Research. 1993. Vol. 6. N. 1. P. 89–104.

8. Abel M.H. Humor, stress, and coping strategies // Humor International Journal of Humor Research. 2002. Vol. 75. N. 4. P. 365–381.

9. Федеральная служба государственной статистики. Демография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru

10. Сорокина Т.Ю. Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи: Автореферат дис. кандидата психологических наук: 19.00.05. Самара, 2007. 22 с.

11. Волкова А.Н. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 110–116.

12. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. Методическое руководство. СПб.: ГМНПП «ИМАТОН», 2001. 112 с.

13. Соломин И.Л. Современные методы психологической экспересс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006. 280 с.

14. Ульянова Ю.И. Индивидуально-психологические особенности чувства юмора в профессиональной деятельности социальных работников: Автореферат дис. кандидата психологических наук: 19.00.01. М., 2012. 25 с.

15. Арбитайло А.М. Этнические предубеждения и возможности юмора для их преодоления: Диссертация кандидата психологических наук: 19.00.05. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008. 183 с.

16. Kuiper Nicholas A., Nicola McHale. Humor styles as mediators between self-evaluative standards and psychological well-being // The Journal of psychology. 2009. Vol. 143. N. 4. P. 359–376.

17. Hampes W.P. Correlations between humor styles and loneliness. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geocities.ws/mse600qu/docs/Hampes_2000.pdf

18. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. М., 2006. 768 с.

EFFECTS OF HUMOUR ON FAMILY ATTITUDES

O.M. Sergeeva, N.Yu. Zhurakovskaya

In this article we explore how humour influences family attitudes. The research results demonstrate that humour can reduce situational (reactive) anxiety of a family member and changes his/her family attitudes. Members view their families as more positive, the value of the family and identification with the partner increase.

Keywords: humour, effects of humour, family attitudes, young families, semantic differential, reactive anxiety.

References

1. Martin A.R. Psihologija jumora. SPb.: Piter, 2009. 480 s.
2. Ivanova E.M., Enikolopov S.N., Maksimova M.Ju. Psihologicheskie mehanizmy narushenija chuvstva jumora pri shizofrenii i ciklotimii // Psihiatrija. 2005. № 3. S. 60–65.
3. Ivanova E.M., Enikolopov S.N. Issledovanija chuvstva jumora v psihologii (obzor) // Voprosy psihologii. 2006. № 4. S. 122–133.
4. Zajva O.A. Osobennosti ispol'zovanija chuvstva jumora kak resursa psihologicheskogo sovladanija. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/143503.html
5. Martin R.A., Kuiper N.A., Olinger L.J., Dance K.A. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. // Humor International Journal Of Humor Research. 1993. Vol. 6. N. 1. P. 89–104.
6. Martin Rod A., Patricia Puhlik-Doris, Gwen Larsen, Jeanette Gray, Kelly Weir. Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire // Journal of Research in Personality. 2003. N. 37. P. 48–75.
7. Martin R.A., Nicholas A., Kuiper L.J., Olinger K. A Dance. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. // Humor International Journal Of Humor Research. 1993. Vol. 6. N. 1. P. 89–104.
8. Abel M.H. Humor, stress, and coping strategies // Humor International Journal of Humor Research. 2002. Vol. 75. N. 4. P. 365–381.
9. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Demografija. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru
10. Sorokina T.Ju. Osobennosti brachno-semejnyh ustanovok studencheskoj molodezhi: Avtoreferat dis. kandidata psihologicheskih nauk: 19.00.05. Samara, 2007. 22 s.
11. Volkova A.N. Metodicheskie priemy diagnostiki supruzheskih zatrudnenij // Voprosy psihologii. 1985. № 5. S. 110–116.
12. Solomin I.L. Psihosemanticheskaja diagnostika skrytoj motivacii. Metodicheskoe rukovodstvo. SPb.: GMNPP «IMATON», 2001. 112 s.
13. Solomin I.L. Sovremennye metody psihologicheskoj jeksperess-diagnostiki i professional'nogo konsul'tirovanija. SPb.: Rech', 2006. 280 s.
14. Ul'janova Ju.I. Individual'no-psihologicheskie osobennosti chuvstva jumora v professional'noj dejatel'nosti social'nyh rabotnikov: Avtoreferat dis. kandidata psihologicheskih nauk: 19.00.01. M., 2012. 25 s.
15. Arbitajlo A.M. Jetnicheskie predubezhdenija i vozmozhnosti jumora dlja ih preodolenija: Dissertacija kandidata psihologicheskih nauk: 19.00.05. Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2008. 183 s.
16. Kuiper Nicholas A., Nicola McHale. Humor styles as mediators between self-evaluative standards and psychological well-being // The Journal of psychology. 2009. Vol. 143. N. 4. P. 359–376.
17. Hampes W.P. Correlations between humor styles and loneliness. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.geocities.ws/mse600qu/docs/Hampes_2000.pdf
18. Shnejder L.B. Semejnaja psihologija. M., 2006. 768 s.

УДК 316

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЖИВОПИСИ

© 2014 г.

Н.А. Ростовская

ГБОУ СОШ № 121, Москва

narostovskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Рассматривается Библия, а соответственно и сами библейские сюжеты как источник вдохновения для создания огромного ряда произведений мировой художественной культуры, литературы и музыки. Раскрывается само понятие «Библия», исследуется эволюция художественного прочтения и отражения библейских сюжетов в живописи, а также выявляются основные факторы, детерминирующие соответствующие тенденции.

Ключевые слова: Библия, библейские сюжеты, Священное Писание, мировая художественная культура, живопись, музыка, история художественной культуры, христианство, культурологическое влияние, фреска, икона, храм.

Счастливы те, кто в состоянии открыть двери
Библии и решительно идти по ее путям.
Джордж Ноэл Гордон Байрон [1, с. 36]

Современное гуманитарное образование, и прежде всего культурологическое, невозможно без изучения одного из базовых текстов, ставших своего рода фундаментом современной цивилизации, сокровищницей духовного и культурного наследия. Бесспорно, Библия и описанная в ней Священная Библейская история должны занимать и занимают одно из ведущих мест в культурологии как кладезь культурологического, исторического, духовного и нравственного знания и воспитания для каждого человека, стремящегося к интеллектуальному и духовному обогащению. Для того чтобы дать лаконичную характеристику содержания Библии, обратимся к словам великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [2, с. 100]. Созданная в период с XII в. до н.э. по начало II в. н.э., Библия стала духовной основой иудейской, христианской и исламской культур, во многом определивших развитие философии, искусства, литературы, музыки и культуры в целом – как европейской, так и мировой. Она до сих пор остается одной из наиболее популярных, читаемых и любимых книг. «Никакая книга во всей истории человечества, – говорит немецкий журналист и исследователь Библии Вернер Келлер, – не имела такого революционного влияния и не оказала столь решительного воздействия на развитие Западного мира, не имела такого влияния во всем масштабе, как «Книга книг» – Библия. Сегодня она переведена на 1120 языков и диалектов и после 2000 лет она не обнаруживает ни малейшего признака убывания своего триумфального шествия» [3, с. 6].

Целью данной работы является рассмотрение Библии, а соответственно и самих библейских сюжетов с точки зрения ее культурологического влияния на мировую художественную культуру, в частности живопись, с целью дальнейшего детального анализа отдельных библейских сюжетов в хронологическом порядке, нашедших отражение в мировой художественной культуре. Произведения искусства, созданные на библейские сюжеты, никогда не были простой иллюстрацией Священного Писания, в них заключены духовное содержание и глубокий нравственный смысл, понять, оценить и почувствовать красоту которого в наши дни не так-то просто. Исходя из поставленной цели, задачей работы является следующее: раскрыть само понятие «Библия» и проследить эволюцию художественного прочтения и отражения библейских сюжетов в живописи.

Библейские образы сопровождают большинство из нас на протяжении всей жизни. Они встречают наш взгляд, когда мы всматриваемся в лики героев Священного писания на картинах в музее и на иконах в церкви. Их ненавязчивое, порой даже как бы завуалированное присутствие подсознательно или же вполне осознанно отмечаешь в прочитанных книгах или в повседневных разговорах. Иногда мы встречаемся с

ними во время просмотра кинофильма или телепередачи, а порой они принимают форму афоризма. В самом деле, кому не знакомы высказывания наподобие этих: «Кто роет яму другому, сам упадет в нее» или «И глупец, когда молчит, может показаться мудрым». Многие библейские высказывания нетронутыми вошли в пословицы и поговорки, другие, слегка изменив форму, разошлись по страницам произведений художественной литературы, философских и социологических трудов, газетных и журнальных публикаций. И мы зачастую не отдаем себе отчета в том, что перед нами слова из священной книги иудеев и христиан.

В подтверждение наших слов ниже приведем лишь небольшое количество библейских изречений, плотно вошедших в нашу повседневную речь и жизнь: «*…Ты воздаешь каждому по делам его*» (Пс. 61. 13), «*…да минует меня чаша сия*» (Мф. 26. 39), «*В начале было Слово…*» (Ин. 1. 1–3), «*И был вечер, и было снова утро…*» (2 Слав.), «*И сотворил Бог человека по образу Своему…*» (Быт. 1. 27–28), «*Кто не со Мною, тот против Меня…*» (Мф. 12. 30), «*…вы от мира сего, Я не от сего мира*» (Ин. 8. 23), «*…а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку…*» (Исх. 21. 23–24), «*…когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне…*» (Мф. 6. 3–4), «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 22. 37–40), «*Камень, который отвергли строители, соделался главою угла: это от Господа, и есть дивно в очах наших*» (Пс. 117. 22–23), «*Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими…*» (Ис. 40. 3–4), «*И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки*» (Мф. 7. 12), «*Никто не может служить двум господам…*» (Мф. 6. 24), «*Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас*» (Мф. 7. 6), «*…что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах*» (Мф. 16. 19), «*…суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы… должно ли в субботу добро делать, или зло делать? Душу спасти или погубить?*» (Мк. 2. 27–28; 3, 4), «*Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным*» (Мк. 4. 22), «*Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет; сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную*» (Гал. 6. 7–8), «*…наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял…*» (Иов. 1. 21), «*Легко для Господа – в день смерти воздать человеку по делам его*» (Сир. 11. 26), «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга*» (Ин. 13. 34), «*Не оставайтесь должными никому и ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон… люби ближнего твоего, как самого себя*» (Рим. 13. 8–10), «*А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше*» (1 Кор. 13. 13), «*Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать… время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий… время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру*» (Еккл. 3. 1–2, 5, 8), «*…не одним хлебом живет человек…*» (Втор. 8. 3), «*Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам…*» (Мф. 7. 7–9), «*…трудящийся достоин пропитания*» (Мф. 10. 10), «*…кто имеет уши слышать, да слышит!*» (Мк. 4. 9), «*Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы*» (Мф. 7. 1–3), «*Когда ты вынешь бревно из глаза твоего, тогда ты увидишь, как вынуть сучок из глаза твоего брата*» (Фом. 26), «*…все, взявшие меч, мечом погибнут*» (Мф. 26. 52).

Разумеется, не только собрание афоризмов, а с ними и житейской премудрости представляет собой в наших глазах Библия. Ни для кого не секрет, что Священное Писание как источник неисчерпаемого вдохновения явило миру великое множество произведений живописи, графики и скульптуры. На библейские сюжеты были написаны тысячи картин, фресок, икон, гравюр, а также созданы различные скульптурные произведения искусства. Бесспорно, что многие из них, как и сами книги Библии, пронизаны единой сюжетной линией, однако стоит отметить, что каждое произведение, в зависимости от личности, таланта и мироощущения его творца, а также особенностей культурно-исторического периода создания данного произведения, является уникальным в своем роде и требует отдельного пристального изучения, прочтения и обсуждения.

Однако для начала нам нужно освежить в памяти сведения о самом библейском тексте, послужившем для художников, скульпторов, поэтов, писателей, композиторов, кинорежиссе-

ров и многих других источником сюжетов, вспомнить или узнать, каким образом происходило сложение этого обширного комплекса исторических хроник и записей легендарных преданий, освещающих всю историю человечества с религиозно-догматических и культурологических позиций.

Би́блия – собрание священных текстов христиан, состоящее из Ветхого и Нового Заветов [4]. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла дает следующее определение: «собрание ветхозаветных и новозаветных книг, написанных боговдохновенными авторами, принятое в христианских Церквах в качестве Священного Писания» [5].

Изначально для обозначения священного текста употреблялось еврейское слово «книга», которое в греческом переводе еврейской Библии – Септуагинте [6] – стало переводиться как «biblia». Следует отметить, что именно этот вариант закрепился за полным собранием священных книг.

Библия состоит из большого количества частей, объединенных в Ветхий Завет и Новый Завет. Рассмотрим значение слова «завет» в толковых словарях русского языка. В словаре Ожегова «завет» – «наставление, совет последователям, потомкам» [7]. В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова «завет» – «наставление, воля, совет, данные последователям или потомкам (преимущ. умершего)». В словаре синонимов и сходных по смыслу выражений «завет» – «договор, приказ» [8]. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси дает нам следующее определение слова «завет», на которое мы и будем опираться в нашей работе: «[евр. בְּרִית, *bərîṯ;* греч. дйбиЮкз], в Библии формы установлений между Богом и человеком: заповеди, повеления, соглашения, договоры. Значение слова «завет» в русском переводе связано с греческим термином дйбиЮкз – договор, завещание, ставшим в переводе Септуагинты главным эквивалентом еврейского слова *bərîṯ* – договор, соглашение. Смещение значения слова «договор» к смыслу слова «завет» стало возможным благодаря многозначности греческого слова, но решающим фактором в этом процессе явилась интерпретация текста в раннехристианской экзегезе» [9]. Итак, слово «Завет» обозначает союз Бога и человека (людей). Ветхий Завет был заключен при Адаме и продолжался до пришествия в мир Иисуса Христа. Соответственно, Новый Завет ведет свою историю с пришествия Спасителя до настоящего времени.

Все 39 книг (в еврейской традиции – 22), вошедшие в палестинский иудейский канон, входят в состав Библии в христианских Церквах. Число книг в протестантской Библии такое же, как и в еврейской. Помимо этих книг в состав православной и католической Библии входит ряд книг, либо изначально составленных по-гречески, либо дошедших до нас в греческом переводе [10]. В христианских Церквах Запада и Востока с конца IV в. в состав Библии входят 27 книг. Вместе с тем Церковь Востока сохраняет сокращенный канон сирийской Церкви в 22 книгах.

Несмотря на значительные различия содержания Библии, в ней прослеживается единый смысловой стержень. Тем самым она являет собой «яркий образец органического единства в разнообразии» [11, с. 13], что не могло не найти отражения в произведениях художественного искусства, литературы, музыки, театра, кинематографа.

Рассматривая главную идею Библейской истории, следует отметить то, что, несмотря на большое количество скептически настроенных людей по данному вопросу, библейские тексты имеют научно доказанные сходства с историей человечества, тем самым подтверждая тот факт, что они не являются каким-то отвлеченным от реальности мифом и выдумкой или буйной фантазией религиозного человеческого воображения. Примером вышесказанного могут служить открывшиеся миру культурные и исторические богатства, найденные при раскопках в долинах Нила, Тигра и Евфрата, а также других районах Ближнего Востока, которые не только закрыли пробелы в истории человечества, но и открыли целый мир культурологического знания.

А как прочитывали Библию художники? Их отношение к библейским текстам на протяжении длительного времени определялось сознанием того, что они имеют дело со священным, боговдохновенным текстом, интерпретация которого требует предельной осторожности. В противном случае могло возникнуть неправильное в догматическом отношении истолкование того или иного образа, эпизода, сюжета, что было чревато обвинениями в ереси. Именно поэтому сфера религиозного искусства, находившаяся под зорким и неусыпным контролем церкви, всегда отличалась консерватизмом.

Самые первые изображения ветхозаветных и евангельских сюжетов появились уже в II–III веках. Они украшали и по сей день украшают стены катакомб – подземных галерей, выполнявших у ранних христиан функцию клад-

бищ и одновременно мест для тайных собраний, появляются они и в рельефах христианских саркофагов. Сам по себе этот факт способен вызвать немалое удивление: ведь поначалу христиане негативно относились к самой возможности создания культовых изображений, усматривая в этом занятии некое подобие ненавистного им языческого идолопоклонничества, да и в Библии сказано: «Не делай себе кумира…» (Втор. 5: 6–21) Но, видимо, искушение было слишком уж велико. В своем длительном развитии античное искусство накопило огромное богатство визуальных образов, как же не воспользоваться им в благих целях? Кроме того, христианство, тогда еще молодая религия, нуждалось в привлечении большего количества людей, которым нужно было разъяснять основы вероучения, в том числе и при помощи доступных любому, даже неграмотному человеку зрительных образов. Поэтому в раннехристианском искусстве II–III вв. постепенно появляется все больше религиозных сюжетов. В основном они заимствовались из Ветхого Завета. На потускневших от времени фресках катакомб наш взгляд встречает изображения пророка Ионы, спасшегося из чрева кита, или Даниила, божьим промыслом спасенного изо рва, в котором находились львы, или же трех отроков, брошенных в горящую печь за то, что отказались поклоняться истукану, но оставшихся живыми и невредимыми. Вероятно, основным критерием при отборе подобных сюжетов служило то, что все они повествуют о милосердии Божьем и о спасении праведников, вселяя надежду на спасение души в сознание верующих, молящихся под низкими сводами галерей в катакомбах или в аскетически простой обстановке ранних христианских храмов.

В памятниках раннехристианской эпохи обнаруживает себя одна важнейшая особенность художественного прочтения библейских сюжетов, которая станет основополагающей для искусства Средних веков и Возрождения, – стремление к использованию сложного языка символических образов. От античной философии христианство унаследовало традицию символического истолкования явлений окружающего нас мира. Причем такому толкованию подвергаются не только явления материального порядка, сопровождающие нас в повседневной жизни, она также распространяется и на тексты Священного Писания, в которых усматривают сокровенное значение, скрытое от поверхностного взгляда при помощи изощренной тайнописи символического иносказания.

Какие последствия для искусства таились в дальнейшем развитии этой традиции? Уже для раннехристианского искусства было характерно стремление к выражению в зрительных образах сложнейших религиозных догм, толкующих такие трудные для восприятия вопросы, как, например, идеи индивидуального спасения или искупительной жертвы. Чтобы представить эти идеи в наглядной и ясной форме, художники и прибегали к языку иносказательных значений, необходимым условием для понимания которых было знакомство с текстом Библии и со всем миром библейских образов и сюжетов.

Емкий и многозначный символ (в переводе с греческого «знак») нес в себе достаточно сложное содержание, которое современный исследователь отгадывает, обращаясь к соответствующим местам библейского текста. Наиболее выразительный пример такой символики – изображение так называемого «Доброго пастыря», которое мы постоянно встречаем в раннехристианском искусстве во фресках, рельефах и даже в круглой скульптуре в виде юного пастуха, несущего на плечах барашка. Этот мотив пришел из античного искусства: в рельефах саркофагов II в., а еще раньше во фресковой живописи, украшавшей стены античных вилл и городских жилищ, можно встретить немало подобных изображений, отмеченных идиллической интонацией пасторали, однако теперь он получает новое значение. Такое изображение рассматривается как символ любви к ближнему и как олицетворение милосердия. Но этим его символическое значение не ограничивается. Отталкиваясь от текста Нового Завета, в «Добром пастыре» усматривают изображение Иисуса Христа, в своих проповедях употреблявшего как раз такие аналогии, например: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11). Или, уже после воскресения, обращаясь к Петру, Христос говорит: «Паси агнцев моих» (Ин. 21:15). Другой символ – символ Христа в раннехристианском искусстве – рыба, поскольку греческие буквы слова «рыба» (ΙΧΘΥΣ) составляют первые буквы греческих же слов «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель». В христианской традиции имеется много примеров обращения к образу рыбы, не связанных с данной расшифровкой. Рыба использовалась и как символ веры, чистоты, девы Марии, а также крещения и причастия.

Ситуация резко меняется после 313 г., когда указом императора Константина христианство было освобождено от преследований, которым оно подвергалось вплоть до IV в., и получило равные с другими религиями права. Приток верующих значительно усилился, и церковь быстро осознала необходимость создания таких

изображений, которые бы облегчали понимание религиозных догм и могли наставлять верующих на путь истинный. Повсюду строятся христианские базилики, стены которых украшаются живописными изображениями на сюжеты Ветхого и Нового Заветов. Монументальные фресковые росписи или мозаичное убранство интерьеров с его сияющими золотыми фонами создавали в христианских храмах особую, проникнутую торжественностью и покоем атмосферу, настраивающую прихожан на благочестивые размышления. (Базилика Сант-Аполлинаре Нуово, базилика Сант-Аполлинаре ин Классе (Равенна, V в.), базилика Ульпия (Рим), базилика Максенция-Константина (307–312 гг.), базилика Святого Петра, Санта Мария Маджоре (432 г.), базилика Санта Агнесса и Сан Лоренцо, базилика Санта Сабина (425 г.) и многие другие).

Символическая тайнопись не исчезает, но наряду с ней теперь существует и иной способ изображения евангельских сюжетов в виде подробного живописного повествования в форме обширного мозаичного или фрескового цикла сцен из Священного писания. Иконы и стенные росписи должны были в наглядной форме не только доносить до верующих содержание основных христианских догматов, но и знакомить их с историей земного существования Христа, Богоматери и святых, с обстоятельствами мученической смерти Спасителя, Его воскресения и вознесения. Понятно, что при небольшом количестве людей, владеющих грамотой и способных самостоятельно читать церковную литературу, визуальное изображение, равно как и устная проповедь, должно было приобретать все большую актуальность. Так, уже на раннем этапе развития христианской культуры на произведения искусства начинают смотреть как на некое подобие «Библии для мирян», предлагающее верующим в доступной форме образцы достойной и добродетельной жизни.

Постепенно формируется система правил изображения в таких росписях персонажей и событий Священного Писания – своего рода канон, отступления от которого не допускались. Канон предусматривал жесткую композиционную закрепленность изобразительных мотивов того или иного сюжета. Например, при изображении Благовещения ангел всегда должен появляться с левой стороны (хотя уже много позднее возникают и другие варианты иконографии этого сюжета). В качестве примера можно привести несколько произведений различных авторов и эпох: «Благовещение», Охрид XIV в.; «Благовещение», базилика Санта Мария Маджоре, 1295 г.; «Благовещение», Дуччо ди Буонинсенья, 1308–1311 гг.; «Благовещение», Собор Рождества Богоматери, Дионисий, 1502 г.; «Благовещение», Фра Беато Анжелико, 1430–1432 гг.; «Благовещение», мозаики на двух столбах Софии Киевской, ок. 1040 г.; «Благовещение», Сандро Боттичелли, 1489–1490 гг.; «Благовещение», икона Андрея Рублёва, 1427–1430 гг.; «Благовещение», Леонардо да Винчи, 1472–1475 гг.; «Божья Матерь прядущая и Архангел Гавриил», русская икона XIX в.; «Благовещение», картина Баварского мастера, ок. 1500 г.; «Благовещение», византийская икона XIII в., монастырь Святой Екатерины, Синай. Одновременно идет жесткий отбор и самих сюжетов, которые должны будут отныне занять свое место в живописных циклах христианского искусства: одни отбрасываются как не имеющие важного догматического значения, другие, напротив, становятся обязательными для воспроизведения.

Здесь уместно сделать одно важное отступление. Иконопись в общем комплексе религиозного искусства занимает особое место. Она еще более строго, чем западная религиозная живопись, относится к канону, к незыблемым традициям, к неукоснительному соблюдению правил. Это не способствовало творческим новациям. Однако можно со всей определенностью сказать: лучшие иконы работы мастеров византийского мира, и в том числе русских иконописцев, не только исторические и общекультурные памятники, но и памятники живописного искусства мирового значения.

Процесс сложения христианской иконографии со строго оговоренной системой изображения библейских персонажей и сцен не ограничился эпохой раннего христианства. Он протекал на протяжении всего средневековья, когда и византийские и западноевропейские художники неустанно трудились над созданием все новых и новых изобразительных схем, со временем получивших статус закрепленных традицией иконографических канонов.

О том, как шла работа по «открытию» для средневекового искусства всего круга библейских сюжетов, можно судить на примере развития в нем темы Страстей Господних. Относящиеся к ней сюжеты появляются в искусстве достаточно рано, в середине IV в., когда возникают первые изображения сцены умывания Пилатом рук (в знак того, что он освобождает себя от ответственности за происходящее). К ним скоро добавляются другие эпизоды, рассказывающие о Страстях: Христос перед синедрионом, отречение Петра, несение креста и другие,

а наряду с ними и те сюжеты, которые повествуют о Воскресении Христа. Именно они были призваны подарить прихожанам христианских храмов надежду на воскресение. На протяжении V–VI вв. путем прибавления все новых сцен к ядру, состоящему из основных «страстных» сюжетов, и складывается цикл Страстей Христовых, который уже в достаточно разработанном виде предстает в мозаичной декорации церкви Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне [12] (около 520–530 гг.), содержащей изображение 13 сцен.

Но и это еще не все. Хотя мы и встречаем в раннехристианском искусстве изображение сцен поругания Христа (бичевание или коронование терновым венцом), они еще не получают достаточно широкого распространения. Дело здесь в том, что искусство того времени еще находилось под сильным воздействием античного мировоззрения с его культом героев и потому предпочитало не изображать Спасителя в такие моменты его жизни, когда он подвергается унижениям и насмешкам. Избегало оно показывать и мертвого Христа. Первые изображения с акцентом на мучения, принятые Спасителем во искупление людских грехов, появляются в византийской живописи только в начале IX в. Интерес к подобному живописному рассказу проявляется и во все более явном стремлении к наглядной демонстрации основных христианских догматов. Именно этим можно объяснить, например, появление в искусстве все в том же VI в. темы тайной вечери, которая имеет непосредственное отношение к важному христианскому таинству евхаристии (причастия).

Еще более откровенную тему Страстей Господних демонстрирует искусство позднего Средневековья, в заостренно-выразительной форме представляющее зрелище непереносимых мук Христа, среди сюжетов которых центральное место занимают сцены распятия. Подобная схема художественных приоритетов объясняется многими факторами, например воздействием на художников сочинений мистиков и театрализованных религиозных представлений, мистерий, в которых подобные сцены разыгрывались достаточно часто. Но все же главной причиной переориентации искусства на показ «жестоких» сцен нужно считать изменение самого религиозного сознания в ту эпоху, которое остро переживало чувство греховности мира, а потому с особенной силой воспринимало библейский рассказ о страданиях и смерти Христа, принятых во имя искупления людских грехов. Лишь так можно объяснить огромное распространение в позднесредневековом искусстве изображений мертвого Спасителя в различных иконографических редакциях.

Интерес к показу сцен Страстей Христовых не исчезает и в искусстве Возрождения, заимствовавшего многие изобразительные схемы средневекового искусства, но теперь основная задача формулируется несколько иначе. Главной целью средневекового искусства всегда было создание такого молельного образа (не важно, в форме иконы или фрески), который бы обращал сознание созерцающего его человека к благочестивым размышлениям. Этой цели служили и все изобразительные средства средневекового искусства, в котором с самого начала присутствуют элементы догматического, отвлеченно-условного художественного мышления. Призванное служить посредником между человеком и Богом, искусство было изначально обращено к миру божественному, ирреальному, и потому не должно было иметь ничего общего с окружающими человека в его повседневной жизни явлениями. Это выразилось, в частности, в отказе от изображения реального трехмерного пространства, которое в иконах обычно заменяет абстрактный золотой фон. В результате действие оказалось перенесенным в чисто умозрительную сферу идеального, а лишенные объемной телесности персонажи превращались в подобия бесплотных силуэтов.

Совсем иначе представляли свою задачу художники Возрождения. Они стремились к показу евангельских эпизодов именно как событий, то есть того, что было на самом деле, и что, следовательно, происходило в реальном мире, в окружении обычного житейского антуража. С этой целью они не только смело вводят в свои композиции жанровые и натюрмортные мотивы, но и радикально перестраивают весь художественный организм живописного произведения, навсегда порывая с условностью художественного языка, выработанного средневековым искусством. Благодаря изобретению правил линейной перспективы художники получают возможность создавать на плоскости иллюзию трехмерного пространства, а в нем – реальной жизненной среды своих героев. Так начинается процесс обмирщения религиозного искусства, достигающий кульминации в конце XV в., когда появляются на свет живописные произведения, которые порой трудно определить как принадлежащие области религиозного искусства, столь много в них мотивов повседневной жизни той эпохи.

Несмотря на свое широчайшее распространение, эта светская по своей сути тенденция вызывала резкие нарекания у многих церковников, видевших в ней угрозу самой природе ре-

лигиозного искусства, изначально призванного не развлекать досужего зрителя, но внушать ему понятие о сакральном значении библейских событий. Однако окончательные выводы из подобных идей суждено было сделать уже следующему столетию, когда в борьбе с протестантизмом католической церкви было необходимо установить жесткий контроль над всем тем, что напрямую касалось проблем истолкования священного писания. Согласно решениям, вынесенным на Тридентском соборе – отправной точке конференции (опубликованы в 1564 г.) [13], церковное искусство теперь должно было в первую очередь осуществлять дидактические функции, что выразилось, в частности, в повсеместном распространении в искусстве сцен мученичеств и образов святых мучеников, которые должны были послужить образцом твердости в вере для каждого истинного христианина. Всячески поощрялось и изображение сцен всевозможных «чудес», внушавших людям представления о всемогуществе божьем. Деятельность художников протекала теперь под опекой духовных «отцов» и «святой» инквизиции, что, несомненно, ограничивало свободу живописной трактовки библейских сюжетов.

Яркими представителями эпохи Возрождения являются следующие художники: Джотто, Мазаччо, Анджелико, Грюневальд, Иероним Босх, Сандро Боттичелли, Филиппо Липпи, Пьеро делла Франческо, Джорджоне, Ван дер Гус, Ханс Мемлинг, Ян Ван Эйк, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Паоло Веронезе, Тициан, Якопо Тинторетто, Питер Брейгель, Эль Греко, Ханс Гольбейн, Альбрехт Дюрер, Лукас Кранах и многие другие.

В искусстве XVIII–XIX вв., в связи с усиливавшимся интересом художников к показу сцен повседневной жизни и естественно вызванному этим обстоятельством развитию жанрово-бытовой тематики, библейские сюжеты постепенно уходят на периферию художественного процесса. Они сохраняют свое значение в глазах художников академического направления, стремившихся к воспроизведению образцов искусства далекого прошлого, но, впрочем, не только у них. К ярким представителям этого времени можно отнести таких художников, как: Рембрандт, Жорж де Латур, Н. Пуссен, Рубенс, Бартоломе Мурильо, Ф. Сурбаран, Х. Рибера, П. Караваджо, Доменико Гирландайо, Д. Креспи, Д. Паннини, Ф. Буше, А.П. Лосенко.

В искусстве XIX в. и особенно XX в. время от времени происходило возвращение к библейским сюжетам. И можно заметить, что это случалось в годы великих потрясений (например, накануне и после Первой мировой войны), когда остро актуальной, а значит, и с новой силой востребованной обществом становилась вся та общечеловеческая проблематика, которую содержит Библия, Книга книг мировой, но прежде всего западной цивилизации. Следует отметить таких великих мастеров того времени, как: И.П. Мартос, Ф.Ф. Щедрин, Н.С. Пименов, Ф.А. Бруни, И.К. Айвазовский, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, С.В. Иванов, Эдуард Гебхардт, Гофман, Б. Плокхорст, П. Туман, Шнорр, У. Тёрнер, П. Пикассо, С. Дали и многих других.

Сотни тысяч фресок, картин, икон, гравюр и скульптуры, созданные великими мастерами прошлого на сюжеты Священного Писания, были, есть и навсегда останутся гордостью всего человечества, а сами библейские сюжеты наверняка будут вновь и вновь привлекать художников грядущих времен.

Список литературы

1. Жилов И. свящ. Что говорят знаменитые люди о Библии? Юрьев: Тип. Эд. Бергмана, 1913. С. 78.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 100.
3. Келлер В. И все-таки Библия права. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 6.
4. Большой энциклопедический словарь под ред. А.М. Прохорова // Советская энциклопедия. Л.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. С. 1632. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/297130 (дата обращения 08.07.2014 г.).
5. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. [Электронный ресурс] URL: http://www.pravenc.ru/text/БИБЛИЯ%20%20I%20%20ОБЩИЕ%20СВЕДЕНИЯ.html (дата обращения 05.12.2013 г.).
6. Академик, Библейская энциклопедия Брокгауза http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/3733/%D0%A1%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B0 (дата обращения 03.12.2013 г.).
7. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. http://www.ozhegov.org/words/8644.shtml (дата обращения 04.12.2013 г.).
8. Большой словарь русского языка. http://www.dict.tmm.ru/search?text=%E7%E0%E2%E5%F2 (дата обращения 04.12.2013 г.).
9. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла http://www.pravenc.ru/text/182425.html (дата обращения 04.12.2013 г.).
10. Википедия. Свободная Энциклопедия http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EF%EE%EA%F0%E8%F4 (дата обращения 04.12.2013 г.).
11. Архиепископ Вениамин (Пушкарь). Священная Библейская история. Часть I. Ветхий Завет.

Часть II. Новый Завет. СПб.: Санкт-Петербургская типография № 6, 2006. 734 с.

12. Википедия. Свободная Энциклопедия http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%ED%E5%E4%F0%E8%EE%ED (дата обращения 05.12.2013 г.).

13. Википедия Свободная Энциклопедия http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%ED%F2-%C0%EF%EE%EB%EB%E8%ED%E0%F0%E5-%CD%F3%EE%E2%EE (дата обращения 06.12.2013 г.).

BIBLICAL SUBJECTS IN PAINTING

N.A. Rostovskaya

The Bible and the Bible stories are considered as a source of inspiration for the creation of a large number of works of world art culture, literature and music. The concept of the Bible is revealed, the evolution of the reflection of biblical scenes in painting is explored, the main factors that determine the relevant trends are identified.

Keywords: Bible, Biblical subjects, world art culture, world literature, painting, music, art history, music history, cultural impact, fresco, icon, temple.

References

1.Zhilov I. svjashh. Chto govorjat znamenitye ljudi o Biblii? Jur'ev: Tip. Jed. Bergmana, 1913. S. 78.

2. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L.: Nauka, 1976. T. 14. S. 100.

3. Keller V. I vsetaki Biblija prava. M.: Kron-Press, 1998. S. 6.

4. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' pod red. A.M. Prohorova // Sovetskaja jenciklopedija. L.: Fond «Leningradskaja galereja», 1993. S. 1632. [Jelektronnyj resurs] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/297130 (data obrashhenija 08.07.2014 g.).

5. Pravoslavnaja jenciklopedija pod redakciej Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Kirilla. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.pravenc.ru/text/BIBLIJa%20%20I%20%20OBShhIE%20SVEDENIJa.html (data obrashhenija 05.12.2013 g.).

6. Akademik, Biblejskaja jenciklopedija Brokgauza http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/3733/%D0%A1%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B0 (data obrashhenija 03.12.2013 g.).

7. Slovar' Ozhegova. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. http://www.ozhegov.org/words/8644.shtml (data obrashhenija 04.12.2013 g.).

8. Bol'shoj slovar' russkogo jazyka. http://www.dict.tmm.ru/search?text=%E7%E0%E2%E5%F2 (data obrashhenija 04.12.2013 g.).

9. Pravoslavnaja jenciklopedija pod redakciej Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Kirilla http://www.pravenc.ru/text/182425.html (data obrashhenija 04.12.2013 g.).

10. Vikipedija. Svobodnaja Jenciklopedija http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EF%EE%EA%F0%E8%F4 (data obrashhenija 04.12.2013 g.).

11. Arhiepiskop Veniamin (Pushkar'). Svjashhennaja Biblejskaja istorija. Chast' I. Vethij Zavet. Chast' II. Novyj Zavet. SPb.: Sankt-Peterburgskaja tipografija № 6, 2006. 734 s.

12. Vikipedija. Svobodnaja Jenciklopedija http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%ED%E5%E4%F0%E8%EE%ED (data obrashhenija 05.12.2013 g.).

13. Vikipedija Svobodnaja Jenciklopedija http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%ED%F2-%C0%EF%EE%EB%EB%E8%ED%E0%F0%E5-%CD%F3%EE%E2%EE (data obrashhenija 06.12.2013 g.).

УДК 316.663.5:17.035.3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИРОВАННОСТИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ИМЕЮЩЕГО ОПЫТ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

© 2014 г.

О.С. Хымович

Львовский национальный университет им. И. Франко

ksjyshonhello@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

Раскрывается позиция жителей Львовской области относительно представителей разных национальных групп на основе шкалы Богардуса, избранной для изучения этносоциальной дистанцированности. Представлено авторское определение «социальной дистанции». Продемонстрирована авторская методика для изучения взаимосвязи между опытом пребывания за рубежом и отношением к другим национальным группам. Проведен сравнительный анализ уровня дистанцированности по отношению к представителям «других» национальных/этнических групп на основе нескольких исследований, а именно: омнибус по городу Львову и области, проведенный кафедрой истории и теории социологии Львовского национального университета им. И. Франко, и Всеукраинский мониторинг «Украинское общество», проведенный Институтом социологии НАН Украины. Представлен сравнительный анализ уровня дистанцированности жителей Львовской области, которые имели опыт работы за границей, и тех, кто такого опыта не имел.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, дискриминация, дистанция, шкала Э. Богардуса.

В ситуации интенсификации глобализационных и миграционных процессов, а также усиления международных контактов в большинстве обществ возникает вопрос формирования принципов толерантного взаимодействия разных национальных групп, культурного обмена и взаимообогащения при необходимости сохранения основ своих самобытных культур. Соответственно особенную значимость в современной социологической науке приобретают дискуссии вокруг вопросов формирования мультикультурного общества, основанного на принципах толерантности и межнациональной терпимости. В исследованиях ксенофобии и негативных стереотипов отдельная роль уделяется влиянию непосредственных межнациональных контактов.

Особую актуальность эти вопросы приобрели и в Украине. Страна находится в средоточии миграционных потоков. Будучи страной, непосредственно граничащей со странами Евросоюза, Украина демонстрирует активные транзитные миграционные потоки. С другой стороны, она сама активно поставляет трудовых мигрантов в страны ЕС и ближнего зарубежья. Соответственно, за последние 20 лет в украинском социуме сформировалась достаточно большая группа граждан, имеющих опыт непосредственных контактов с представителями других национальных групп. Самый интенсивный опыт межкультурного взаимодействия – у трудовых мигрантов. Исходя из данных госкомстата Украины [1], по состоянию на май 2013 г. наиболее интенсивное давление со стороны миграционных потоков испытывают именно пограничные области, в частности Закарпатская, Черновицкая и Львовская. Однако большинство исследований, направленных на изучение современных миграционных процессов, а именно исследования О.М. Малиновской, У.Я. Садовой, О.Г. Рогожина и др., преимущественно сосредоточиваются на определении количества трудовых мигрантов, которые покидают страну; объяснении их мотивационных установок и институциональных факторов, способствующих миграционным процессам, а также вопросах адаптации трудовых мигрантов в странах-реципиентах. Гораздо меньше внимания уделяется изучению изменений и влияний, которым поддается общество-донор (в нашем случае украинский социум). В современной социологической литературе много говорится о роли прямых межнациональных контактов в формировании и преодолении межнациональных стереотипов и предубеждений, создании мультикультурного пространства в украинском обществе. В центре внимания оказываются или старые национальные диаспоры, или вновь прибывшие

сообщества мигрантов. Однако совсем не освещенным остается вопрос о том, какое влияние на эти процессы оказывают бывшие трудовые и сезонные мигранты, которые возвращаются из заграничных рабочих путешествий в свои локальные сообщества.

Целью нашего исследования является сравнение уровня дистанцированности жителей Львовской области по отношению к представителям разных национальностей. Поскольку Львовская область является одновременно и активным донором трудовых мигрантов, и активным реципиентом транзитных миграционных потоков, она формирует естественную «лабораторию» для изучения влияния этих процессов на уровень толерантности изучаемого общества.

Для исследования проявлений дискриминации/ксенофобии в межнациональных отношениях украинские исследователи чаще всего обращаются к шкале социальной дистанции Э. Богардуса, в частности речь идет о таких исследователях, как В. Паниотто, Н. Панина, О. Шестаковский и др.

Для изучения этносоциальной дистанцированности нами также была избрана именно шкала социальной дистанции Э. Богардуса, которая позволит сопоставить данные, полученные в результате нашего исследования (автор принимала участие в разработке инструментария кафедрального омнибуса, проведенного во Львове и области), с общеукраинскими результатами. Для начала нужно дать определение «*социальной дистанции*». Считаем необходимым предложить следующее определение понятия: это степень ощутимого отличия собственной социальной группы от другой/других, находящихся в процессе взаимодействия. Этносоциальная дистанция – мнимое иерархическое расположение этнических групп в системе межэтнических отношений на основе определенных маркеров и критериев (например, этническое происхождение, разница в уровне развития, культурные отличия, этнические обычаи и тому подобное) [2, с. 91].

По мнению В. Паниотто, социальная дистанция Богардуса не может служить «измерителем» уровня ксенофобии или толерантности, однако она без сомнения связана с этим уровнем. Так как у нас нет «настоящего показателя действительного уровня» ксенофобии/толерантности, мы не можем дать абсолютную оценку уровня ксенофобии/толерантности, однако, по мнению В. Паниотто, можем сравнить между собой разные социально-демографические группы, а также дать адекватную картину динамики процессов [3].

Шкала социальной дистанции Богардуса позволяет измерять психологическую готовность к сближению или, наоборот, к отторжению людей другой национальности или группы независимо от их личностных качеств и особенностей представителей другой национальности. Шкала Богардуса дает возможность определить ту дистанцию в социальных контактах, которую человек желает сохранять между собой и представителями другой/других этнической(их)/национальной(ых) групп [4, с. 88]. Уровень социальной дистанции между людьми из разных социальных или этнических (расовых) групп в единой социальной системе позволяет, по мнению Р. Парка, судить не только о степени интеграции и солидарности общества, но и об общем уровне развития демократической культуры. Среди украинских социологов, которые в своих исследованиях использовали шкалу Богардуса, следует отметить Н. Панину, которая не только адаптировала этот метод к украинским реалиям, но и неоднократно апробировала его в рамках всеукраинского мониторинга «Украинское общество». Большое количество исследований по изучению межнациональных отношений проводились с 1989 г. Центрально-Украинским отделом Всесоюзного центра изучения общественного и Институтом социологии НАН Украины [4, с. 88–89]. Однако по отношению к шкале Богардуса существуют и критические замечания, в частности следующее: воображаемое социальное расстояние не равняется его числовому выражению в виде шкалы. На шкале все отрезки являются одинаковыми, зато в социуме воображаемое расстояние между индивидом и семьей (0–1) и между семьей и друзьями (1–2) может быть очень разным; шкала Богардуса не учитывает социокультурную специфику разных обществ. Возникают трудности с «переводом» позиций шкалы. Например, позиция 3 в оригинале звучит как neighborhood – термин, актуальный для американских городов, который не совсем отвечает украинским реалиям. В связи с чем ставится вопрос о выборе соответствия; в Украине его переводят как «соседи». Предложенный Богардусом ряд категорий-шагов шкалы социальной дистанции может по-разному срабатывать в разных обществах. Например, для человека, живущего в современном мегаполисе, соседи могут представлять более отдаленный круг социальной дистанции, чем коллеги по работе, потому что он/она своих соседей никогда не видит. Хотя шкала Богардуса называется шкалой социальной дистанции, считается, что она измеряет именно этносоциальную дистанцию,

поскольку мы опрашиваем респондентов о представителях других этнических или национальных сообществ. Однако на измеряемую этносоциальную дистанцию могут также накладываться другие параметры отчуждения, например, религиозная дистанция, социально-классовая или расовая.

Толерантность в современном мире понимается *как терпимость к чужим мыслям, верованиям, поведению*. Межэтническая толерантность трактуется как терпимость к проявлениям иноэтнического менталитета в поведении, образе жизни, высказываниях и тому подобном. Стоит отметить, что именно межэтническая толерантность служит корректным и позитивным проявлением межэтнического взаимодействия, а главный признак – это готовность принять других такими, какие они есть [5, с. 232–233].

Проблему толерантности изучали следующие отечественные и зарубежные исследователи: Е. Головаха, Н. Панина, В. Паниотто, О. Хижняк, М. Уолтер и др. Проблему интолерантности исследовали Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, К. Маркс, И. Косуля, О. Лебедева.

По нашему мнению, одной шкалы Богардуса недостаточно для того, чтобы оценить уровень этносоциальной дистанцированности. Соответственно, нами была разработана *собственная* методика, включавшая открытый вопрос о том, были ли респонденты свидетелями случаев дискриминации по отношению к украинцам со стороны представителей других национальностей. Для того чтобы исследовать, существует ли взаимосвязь между опытом пребывания за рубежом и отношением к другим национальным сообществам, мы включили в опросник вопрос-фильтр о том, бывали ли респонденты когда-либо за рубежом, причем в случае утвердительного ответа мы просили респондентов указать цель поездки за границу. Позже это позволило нам выделить контрольную группу, а именно трудовых мигрантов, и сравнить показатели проведенного нами исследования с результатами мониторинга «Украинское общество».

Наша *исследовательская методика* впервые апробировалась в 2012–2013 гг. в рамках омнибуса, который проводится во Львовской области кафедрой истории и теории социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко с 2011 г. В общей сложности было опрошено 800 человек в возрасте от 18 лет. Выборочная совокупность была сформирована по принципу квот, рассчитанных по таким параметрам генеральной совокупности, как возраст, пол и тип населенного пункта, местожительство респондентов.

Омнибус состоял из следующих тематических блоков вопросов: межнациональные и межэтнические отношения, миграция, правовое сознание, экологическое сознание, рынок страхования, медицина и др. *Наша методика предусматривала* использование шкалы Богардуса для измерения социальной дистанции в отношении разных национальных групп, а также 7-балльного семантического дифференциала для обнаружения представлений о чертах, присущих той или другой национальной группе. С целью последующего сравнения в блоке вопросов, измерявших социальную дистанцию относительно заданного перечня национальностей, были использованы те же национальности, которые использовались в мониторинге «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины. Перечень был дополнен такими национальностями, как англичане, греки, португальцы, итальянцы, испанцы и французы, однако в наш список не вошли такие национальные и этнические группы, как азербайджанцы, афганцы, крымские татары и чеченцы. Упомянутые группы были включены или не включены в список на основе результатов глубинных интервью, проведенных автором с трудовыми мигрантами. Как показывают данные других исследований, именно эти страны являются реципиентами большого количества трудовых мигрантов из Западной Украины. Интересной оказалась реакция респондентов на предложенный нами перечень национальных групп. Во время проведения исследования интервьюеры столкнулись с критикой со стороны респондентов относительно таких групп, как «негры» и «цыгане», как некорректных (имеется в виду некорректность в названии групп). Причина заключалась в том, что нами был использован список национальных групп, который использовался в других исследованиях межнациональной дистанции, а потому для сохранения возможности сравнительного анализа результатов, полученных в ходе разных социологических опросов, нами было решено сохранить названия указанных групп, которые не являются толерантными. Однако при проведении следующих исследований мы исправим эту ошибку.

В дополнение респондентам было предложено высказать свое отношение по поводу черт определенного перечня национальных групп. Перечень черт был сформирован на основании результатов проведенных ранее глубинных интервью с трудовыми мигрантами. Одним из заданий, заложенных в опросник интервью, было задание описать жителей тех стран, которые они посещали, а также описать образ предста-

Таблица 1

Черты представителей разных национальных/этнических групп

№ шкалы	Содержание шкалы	№ шкалы	Содержание шкалы
1	Щедрые Жадные 1 2 3 4 5 6 7	6	Демократичные Недемократичные 1 2 3 4 5 6 7
2	Патриоты Не патриоты 1 2 3 4 5 6 7	7	Неагрессивные Агрессивные 1 2 3 4 5 6 7
3	Работящие Ленивые 1 2 3 4 5 6 7	8	Толерантные Не толерантные 1 2 3 4 5 6 7
4	Религиозные Не религиозные 1 2 3 4 5 6 7	9	Искренние Лицемерные 1 2 3 4 5 6 7
5	Богатые Бедные 1 2 3 4 5 6 7	10	Либеральные Консервативные 1 2 3 4 5 6 7

вителя той страны, в которой они находились. Перечень черт представителей разных национальных групп был переведен в формат шкалы и на его основе был сформулирован семантический дифференциал (см. табл. 1).

На основе данных омнибуса по Львовской области и мониторинга «Украинское общество» нами вычислено среднее значение этносоциальной дистанции относительно тех или других национальных/этнических групп, представленных в таблице 2.

Как видим, наибольшую этносоциальную дистанцию мы наблюдаем в отношении таких групп, как цыгане – 6.4, жители Африки – 5.9 и арабы – 6.0. В соответствии с мониторингом «Украинское общество» за 2010 г., относительно упомянутых социальных групп также наблюдается наивысший уровень социальной дистанции. По цыганам он составляет – 6.1; жителям Африки – 5.9 и арабам – 6.0. Н. Панина объясняет этот факт тем, что большинство населения Украины в первую очередь отстраняется от тех национальностей, которые ассоциируются с кровопролитными межнациональными конфликтами, стремится отмежеваться от всех участников конфликтов, даже не пытаясь определить правых и виноватых, потерпевших и преследователей [5, с. 327]. И с этим аргументом трудно спорить, однако, на наш взгляд, стоит учитывать и возможность иного объяснения: дистанцированность от других образуется из-за недостатка информации и опыта общения.

К другим национальным группам, относительно которых жители Львовской области демонстрируют высокий уровень дистанцированности, относятся: евреи – 5.7, китайцы – 5.6, турки – 5.6, молдаване – 5.3, румыны – 5.2 и грузины – 5.1. Результаты проведенного нами исследования демонстрируют общие тенденции с результатами общеукраинского исследования, проводимого Н. Паниной, начиная с 1994 года (Н. Панина является основателем мониторинга «Украинское общество»).

Следующую группу составляют португальцы – 4.9, греки – 4.9, венгры – 4.8, русские – 4.7, испанцы – 4.7, словаки – 4,6, итальянцы – 4.6, чехи – 4.6 и итальянцы – 4.3. Исследования миграции показывают, что это народы тех стран, куда львовяне чаще всего ездят на заработки, поэтому существует опыт общения, соответственно именно на территории этих национальных групп проживает немало украинцев. Следовательно, можем сделать предварительный вывод о том, что на уменьшение социальной дистанции влияет уровень общения и обмена опытом, который испытывают трудовые мигранты, находясь на территории того или иного государства.

Ближе всех к себе жители Львова и области располагают/допускают американцев – 4.0, англичан – 4.0, белорусов – 4.1 и поляков – 3.8. С такими группами, как белорусы и поляки, ситуация понятна, это наши ближайшие соседи, также это страны посткоммунистических режимов. Что касается американцев и англичан, то это можно объяснить тем, что эти государства позиционируют себя как наиболее демократические и открытые для всего мира.

Поэтому стоит заметить, что существует разница в уровне дистанцированности в омнибусе по Львовской области в сравнении с данными общеукраинского мониторинга. В частности, это различие четко прослеживается в отношении американцев: львовский омнибус – 4.0, мониторинг украинского общества – 5.5, соответственно немцы – 4.4 и 5.3,

Таблица 2

Средние значения этносоциальной дистанции относительно национальных групп среди населения Украины и Львовской области

№	Этническая группа	Омнибус по Львовской области	Мониторинг «Украинское общество»
1.	Американцы	4.0	5.5
2.	Англичане	4.0	–
3.	Арабы	6.0	6.0
4.	Белорусы	4.1	4.0
5.	Греки	4.9	–
6.	Грузины	5.1	5.5
7.	Евреи	5.7	5.1
8.	Испанцы	4.7	–
9.	Итальянцы	4.6	–
10.	Китайцы	5.6	5.9
11.	Молдаване	5.3	5.3
12.	Жители Африки	5.9	5.9
13.	Немцы	4.4	5.3
14.	Поляки	3.8	5.0
15.	Португальцы	4.9	–
16.	Русские	4.7	3.3
17.	Румыны	5.2	5.4
18.	Словаки	4.6	5.1
19.	Турки	5.5	5.7
20.	Венгры	4.9	5.2
21.	Украинцы	2.1	2.2
22.	Украинцы, живущие в других странах	2.6	3.1
23.	Французы	4.3	–
24.	Цыгане	6.4	6.1
25.	Чехи	4.6	5.2

поляки – 3.8 и 5.0. Возможно, наблюдается меньший уровень дистанцированности среди жителей Западной Украины из-за ситуации, связанной со стремлением вступить в НАТО и другие союзы с Европой, с одной стороны, и значительным опытом работы именно в этих странах – с другой.

Также стоит отметить и обратную сторону ситуации, а именно большую дистанцированность львовян и жителей области по отношению к представителям русской национальной группы. Ситуация выглядит следующим образом: львовский омнибус – 4.7, мониторинг «Украинское общество» – 3.3. Здесь возможна ситуация, связанная, во-первых, с историей и негативным советским опытом, а с другой стороны, с нежеланием западных регионов вступать в таможенный союз с Россией, но желание или нежелание жителей регионов вступать в те или другие союзы – это отдельная тема для дискуссии. Интересным для нас оказался и тот факт, что данные по таким национальным/этническим группам, как арабы, африканцы и цыгане, не отличаются ни в омнибусе по Львовской области, ни в мониторинге «Украинское общество». Возможно, ситуация связана еще и с тем, что эти группы являются «чужими» для всего украинского общества, а не только для отдельно взятого региона.

На следующем этапе нашей работы считаем необходимым проанализировать результаты, полученные на основе данных Львовского ом-

Таблица 3

Средние значения этносоциальной дистанции относительно национальных групп среди трудовых мигрантов

№	Этническая группа	Омнибус по Львовской области	Мониторинг «Украинское общество»
1.	Американцы	3.9	5.4
2.	Англичане	4.0	–
3.	Арабы	5.5	6.1
4.	Белорусы	3.7	4.1
5.	Греки	4.6	–
6.	Грузины	4.7	5.1
7.	Евреи	5.5	5.5
8.	Испанцы	4.5	–
9.	Итальянцы	4.4	–
10.	Китайцы	5.4	5.2
11.	Молдаване	5.1	5.3
12.	Жители Африки	5.7	5.4
13.	Немцы	4.4	5.9
14.	Поляки	3.8	5.2
15.	Португальцы	4.6	–
16.	Русские	4.3	5.0
17.	Румыны	5.0	3.4
18.	Словаки	4.6	5.4
19.	Турки	5.2	5.2
20.	Венгры	4.8	5.7
21.	Украинцы	2.4	2.3
22.	Украинцы, живущие в других странах	2.6	3.0
23.	Французы	4.4	–
24.	Цыгане	6.1	6.1
25.	Чехи	4.6	5.3

нибуса и мониторинга «Украинское общество». Позиция трудовых мигрантов по отношению к представителям «других» национальных/этнических групп представлена в таблице 3.

Итак, по результатам таблицы можно сделать вывод, что отношение трудовых мигрантов к представителям «других» национально-этнических групп кардинально от отношения среднестатистического украинца практически не отличается, что для нас явилось достаточно неожиданным. Исключение составляют две группы: русские и румыны. По отношению к обеим группам этносоциальная дистанция больше у трудовых мигрантов, нежели у респондентов, не имеющих опыта трудовой миграции. Так, если среднее значение в мониторинге украинского общества относительно русских составляет 3.3, то социальная дистанция к русской национальной группе среди трудовых мигрантов составляет 5.0. Что же касается львовского омнибуса, то здесь ситуация существенно не отличается: среднее значение относительно русской национальной группы составляет 4.7, а отношение трудовых мигрантов к русским – 4.3, что, наоборот, свидетельствует хотя и о незначительном, но все-таки уменьшении уровня дистанцированности по отношению к русской национальной группе.

Что касается румынской национальной группы, то здесь мы наблюдаем обратную ситуацию: среди трудовых мигрантов общеукраинской выборки обнаруживается уровень дистанцированности 3.4, что ниже, чем среднее значение социальной дистанции по отношению к румынам в Львовской области – 5.0.

По-видимому, описанная ситуация имеет объяснение. Так, относительно высокая этносоциальная дистанцированность по отношению к русским в общеукраинской выборке среди лиц, имеющих опыт трудовой миграции, может быть обусловлена тем, что в выборку мониторинга «Украинское общество» попали трудовые мигранты всех регионов Украины, в частности и восточного, который характеризуется высокой частотой трудовой миграции именно в Россию. Очевидно, что в выборку не попали респонденты, находящиеся в данный момент на территории России и продолжающие там свою трудовую деятельность. Поэтому в данной выборке присутствовали респонденты, чей опыт трудовой миграции в Россию по тем или иным причинам оказался не вполне удачным. Отсюда более высокий уровень дистанцированности относительно представителей русской национальной группы.

Что же касается румынов, по отношению к которым уровень дистанцированности во Львовской области выше, чем в целом по Украине, то, опять же, чаще всего с целью заработков в Румынию отправляются представители западных регионов. В нашей выборке (как и в случае с Россией) могли оказаться жители Львовской области, имеющие опыт трудовой миграции в Румынию, но не задержавшиеся в этой стране по причине сложностей различного характера.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что уровень толерантности украинского социума, в частности жителей и трудовых мигрантов Львова и региона, к представителям разных национальных групп является достаточно низким. Ведь по результатам нашего исследования и исследования, проведенного Институтом социологии Украины, наблюдается достаточно высокий уровень дистанцированности украинского общества по отношению к представителям «других» национальностей и этносов. Что же касается этносоциальной дистанции трудовых мигрантов, то есть отдельные признаки изменения сложившейся ситуации к лучшему, что частично опровергает нашу гипотезу о более высоком уровне дистанцированности среди трудовых мигрантов Львовщины и Украины к представителям «других» национальных/этнических групп. Указанные тенденции могут в перспективе сформировать основу для позитивной этносоциальной динамики в украинском социуме.

Список литературы

1. Міграційні процеси (за даними Держкомстату України). URL: www.ukrstat.gov.ua (дата обращения 14.07.2014 г.).
2. Середа В.В. Етносоціологія: Навчальний посібник. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. 106 с.
3. Паніотто В. Динаміка ксенофобії й антисемітизму в Україні (1994–2007). URL: www.kiis.com.ua (дата обращения 14.07.2014 г.).
4. Панина Н.В. Избранные труды по социологии: В трех томах. Том I. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / Сост., ред., вступ. статья Е.И. Головахи. К.: Факт, 2008. 472 с.
5. Арбєніна В.Л. Етносоціологія: Навчальний посібник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. 360 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ETHNO-SOCIAL DISTANCE AMONG THE POPULATION OF THE LVOV REGION HAVING LABOUR MIGRATION EXPERIENCE

O.S. Khymovych

The article reveals the position of Lvov region residents regarding members of other ethnic groups based on Bogardus scale chosen for the study of ethno-social distance. The author's definition of «social distance» is presented and the author's technique to study the relationship between the experience of staying abroad and the relationship to other national groups is demonstrated. A comparative analysis is made of the level of distancing in relation to the representatives of «other» national/ethnic groups on the basis of several studies, including an omnibus study of the city of Lvov and the region that was carried out by the Department of History and Theory of Sociology of the Franko Lvov National University, and the all-Ukraine monitoring «Ukrainian society» conducted by the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. A comparative analysis is presented of the level of distancing of the Lvov region inhabitants who had some work experience abroad, and those who had no such experience.

Keywords: tolerance, intolerance, discrimination, distance, Bogardus scale.

References

1. Migracijni procesi (za danimi Derzhkomstatu Ukraïni). URL: www.ukrstat.gov.ua (data obrashhenija 14.07.2014 g.).

2. Sereda V.V. Etnosociologija: Navchal'nij posibnik. L'viv: Vidavnichij centr LNU imeni Ivana Franka, 2007. 106 s.

3. Paniotto V. Dinamika ksenofobiï j antisemitizmu v Ukraïni (1994–2007). URL: www.kiis.com.ua (data obrashhenija 14.07.2014 g.).

4. Panina N.V. Izbrannye trudy po sociologii: V treh tomah. Tom I. Voprosy teorii, metodologii, tehnologii sociologicheskogo issledovanija i professional'noj jetiki / Sost., red., vstup. stat'ja E.I. Golovahi. K.: Fakt, 2008. 472 s.

5. Arbєnina V.L. Etnosociologija: Navchal'nij posibnik. Harkiv: HNU imeni V.N. Karazina, 2009. 360 s.

УДК 316.3

ОТНОШЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ К ТАБАКОКУРЕНИЮ (НА ПРИМЕРЕ г. КИРОВА)

© 2014 г.

В.В. Загребин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vladimir_zagrebin@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2014

На основании результатов авторского социологического исследования рассматривается формирование приобщения учащейся молодежи к употреблению психоактивных веществ, в частности распространённость табакокурения среди школьников старших классов и студентов города Кирова. В ходе исследования выявлено, что в настоящее время ежедневно курит каждый 5-й учащийся и каждый 10-й пристрастился к кальяну. Наблюдается стирание гендерной специфики потребления табачной продукции молодёжью. Даётся анализ результатов ранее проведенных аналогичных исследований в России и за рубежом.

Ключевые слова: психоактивные вещества, девиантное поведение, молодежь, курение, никотин, табак, социологические исследования.

До недавнего времени российское законодательство не относило курение к девиации, наверное, поэтому Россия до сих пор остается одной из самых курящих стран мира. По разным оценкам, в нашей стране курит 60–65% мужчин и более 25% женщин. В последнее десятилетие происходят изменения в социальном составе курильщиков за счет увеличения доли курящей молодежи и женщин [1]. В то же время Россия подписала Рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе с курением (2008 г.). С 2007 г. по 2010 г., по данным С.А. Ермакова [2, с. 259], в России наблюдается заметное снижение доли курильщиков среди взрослых мужчин и женщин в возрасте от 15 до 72 лет. У мужчин за 3 года доля курильщиков снизилась с 62% до 56%, у женщин падение с 18% до 16.6% менее заметно, но не менее значимо. По сравнению с 2008 г. в 2011 г., по данным ВЦИОМ [3, 4], доля курящих мужчин упала с 59% до 56%, а доля курящих женщин снизилась с 25% до 16%. Эти данные подтверждают указанную выше динамику.

Тем не менее проблема табакокурения молодёжи распространена во всем мире, о чем свидетельствуют многочисленные исследования. Например, в США регулярными курильщиками являются 11% девочек и мальчиков, обучающихся в 7–12 классах [5]. Среди школьников Хорватии ежедневно курят 19% мальчиков и 21% девочек [6]. В Иране курят 28% школьников в возрасте 14–15 лет и 26% студентов [7, p. 35]. В России среди 15-летних постоянно курят 20% мальчиков и 14% девочек. Российские мальчики начинают активно курить в 14 лет, у девочек этот процесс растянут от 13 до 16 лет. Среди возрастной группы 11–24 года регулярно курят табачные изделия 51%, или 14.5 млн человек. Среди юношей курят 56%, среди девушек – 42% [8].

По данным исследования М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [9], с 2001 г. по 2010 г. доля молодёжи, курящей табачные изделия, увеличилась с 49% до 51%, однако её численность уменьшилась на 1.8 млн человек, что является следствием «демографической ямы». Наиболее велика доля курящих среди неработающей молодёжи, учащихся ПТУ. Особенно высокий процент курящих среди старшеклассников, каждый второй одиннадцатиклассник курит. При этом многие исследователи отмечают, что распространенность табакокурения у юношей и девушек практически не отличается [10, с. 201].

По данным официальной статистики, в Кировской области наблюдается уверенный рост розничной продажи табачных изделий: так, продавцы выручили в 2008 г. 872 529 руб. и 2 млн руб. в 2012 г. [11]. Если цифры перевести в проценты, то увидим, что прибыль от продажи табачных изделий за пять лет увеличилась в 2.5 раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста розничной продажи табачных изделий по Кировской области в период с 2008 г. по 2012 г., руб.

Год	2008	2009	2010	2011	2012
Табачные изделия, руб.	872 529.0	991 000.0	1 389 985.0	1 755 807.0	2 175 760.0

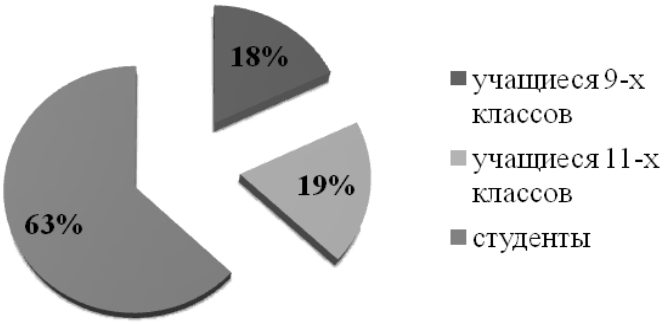


Рис. 1. Состав респондентов, %

В случае увеличения розничной продажи табачных изделий нельзя однозначно делать вывод о том, что увеличивается и число потребителей данной продукции. Это прежде всего связано с постепенным повышением цен на табачные изделия в России. Однако данные свидетельствуют о том, что курящих граждан не становится меньше. Курение остаётся серьезным фактором риска для здоровья молодого поколения, значительно ухудшающим показатели их физического здоровья, и без того невысокого (ниже, чем в Приволжском федеральном округе и в России), а также продолжительности жизни населения в Кировской области [12, с. 15].

В связи с этим является актуальным вопрос об исследовании распространённости табакокурения среди молодёжи в различных регионах, в частности в Кировской области. До настоящего времени исследования потребления табачной продукции молодёжью в городе Кирове не проводились.

Основной целью данной статьи является изучение распространенности и особенностей табакокурения среди учащейся молодёжи г. Кирова, а также выявление основных мотивов первой пробы курения. Теоретическая и практическая значимость статьи выражается в возможности использования результатов исследования при разработке молодёжных программ, направленных на профилактику табакокурения и формирование здорового образа жизни подрастающего поколения. Данный материал представляет интерес для специалистов в области социологии, молодёжных девиаций, педагогики, демографии.

В марте 2014 г. было проведено авторское социологическое исследование потребления алкоголя, табачных изделий, наркотиков среди учащихся 9-х, 11-х классов общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений города Кирова. Анонимная анкета включала 43 опроса, касающихся распространения потребления психоактивных веществ (ПАВ), а также отношения молодежи к их потреблению. Анамнестическая часть анкеты включала данные о возрасте, поле, месте учёбы, жилищных условиях, об отношениях с родителями.

В исследовании приняли участие учащиеся пяти общеобразовательных школ и двух крупнейших государственных заведений высшего профессионального образования города Кирова. Всего было опрошено 625 респондентов (51% юношей и 49% девушек) в возрасте от 16 до 24 лет, среди них 112 человек – учащиеся 9-х классов, 117 человек – учащиеся 11-х классов и 397 человек – студенты (рис. 1). Половозрастная структура респондентов отражает сложившееся соотношение жителей в данном возрасте в городе Кирове, поэтому полученные данные, с этой точки зрения, являются репрезентативными.

Результаты авторского социологического исследования свидетельствуют о наличии вредных привычек у 35% респондентов. При этом,

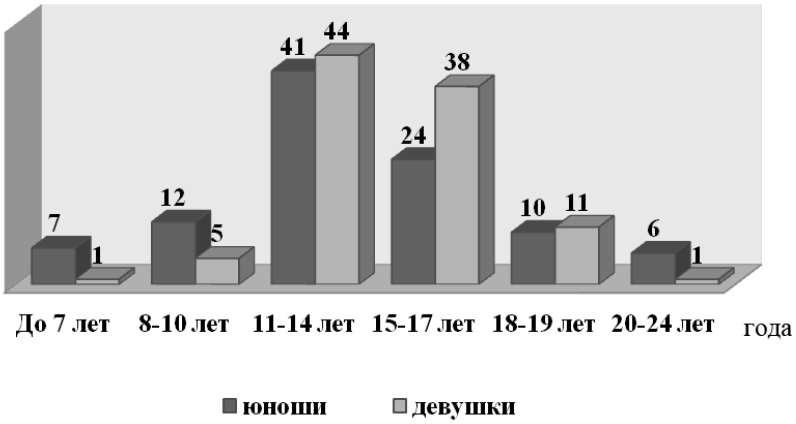


Рис. 2. Первая проба курения юношей и девушек (хи-квадрат Пирсона, p = 0.00), %

по мнению анкетируемых, вредные привычки имеются у каждого второго молодого человека (45%) и каждой четвёртой девушки (25%) (хи-квадрат Пирсона, p=0,00). Статистически значимых различий по возрастному признаку респондентов не было выявлено.

При исследовании проблемы распространения табакокурения в момент проведения исследования было установлено, что в среде молодежи больше половины опрошенных (54%) пробовали курить. Однако число ежедневно курящих невелико, но существенно – курит каждый 10-й респондент (11%). Также отметим, что 6% респондентов курят эпизодически и 12% отказались от этой вредной привычки. Кроме того, 8% респондентов признались, что курят только кальян. Различий по возрастному признаку и роду занятий среди учащихся также не было выявлено.

Важно отметить, что в последние годы в нашей стране приобрело большое распространение курение кальяна, особенно среди молодёжи. Оно стало неотъемлемой частью молодёжного образа жизни. Многие подростки плохо осведомлены о вреде кальяна, считая данное увлечение безвредным. Как правило, любители кальяна не считают себя девиантами или зависимыми от курения. Однако курение кальяна приводит к социальным и физическим опасным последствиям. Например, американские исследователи утверждают, что курение кальяна может вызвать интерес к некоторым наиболее опасным психоактивным веществам, например к гашишу, который, как известно, тоже курят через кальян [13].

Необходимо указать, что распределение ответов на вопросы «Сколько лет Вы курите?» и «Сколько сигарет в среднем Вы выкуриваете в день?» показало, что ежедневно курящих уже не 11% респондентов (как было указано выше), а 20% – каждый пятый опрошенный. При этом различий потребления табачных изделий в среде учащейся молодёжи по гендерному признаку не было выявлено. Так, школьники и студенты, понимая осуждающее отношение к курению в обществе, стараются умалчивать о наличии этой вредной привычки. Таким образом, в среде курящих учащихся 17% курят менее года, 58% – более года, 20% – больше пяти лет и 5% – более десяти лет. При этом 77% респондентов курят в среднем от одной до десяти сигарет в день, 21% – от 10 до 20 сигарет в день и 2% – выкуривают более пачки сигарет в день.

Практически половина курящих (46%) хотели бы в ближайшее время бросить курить, 24% – собираются это сделать, 15% – не хотят бросать курить вообще и столько же признались, что бросали много раз, но безуспешно. Молодежь в основном пробует курить в возрасте 11–14 лет (42%) и 15–17 лет (30%). Также респонденты, имеющие опыт курения, признались, что выкурили свою первую сигарету в возрасте до 10 лет – 14%, в возрасте 18–19 лет – 10% и 20–24 года – 4%. Отметим, что на время проведения исследования не пробовали курить 46% респондентов.

По возрасту первой пробы курения молодые люди и девушки распределены практически равномерно (рис. 2). Мальчики и девочки пробуют курить в возрасте 11–14 лет (41% и 44% соответственно) и 15–17 лет (24% и 38% соответственно). Примечательно, что каждый 5-й юноша (18%) выкурил свою первую сигарету в возрасте моложе 10 лет, среди девушек в том же возрасте – только каждая 20-я (6%), то есть девочки пробуют курить гораздо позднее мальчиков (хи-квадрат Пирсона, p = 0,00).

Согласно данным исследования, основными мотивами приобщения к курению у молодёжи выступают «баловство» (21%), «влияние дру-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Есть ли в Вашем окружении курящие?», %

Варианты ответов	%
Друзья	28
Родители	22
Только несколько друзей	21
Только несколько знакомых	19
Среди моих родителей, друзей, знакомых нет курящих	6
Другое	4
Итого	100

зей» (19%) и «чтобы успокоиться, снять стресс» (12%). Среди иных мотивов также называют «любопытство» (10%), «от нечего делать» (8%) и «просто так» (2%). Незначительное число респондентов (1%) отметили «быть, как все» и «чтобы похудеть». В свободном варианте ответа респонденты (27%) указывали такие причины, как «за компанию», «чтобы влиться в авторитетную компанию», «была стрессовая ситуация», «захотел, потому что курят родители», «не знаю», а также часть опрошенных вновь отметили, что не пробовали курить.

Большое влияние на несформировавшееся подростковое сознание оказывают окружающие. По результатам исследования, подавляющее большинство (94%) школьников и студентов находятся в окружении курящих друзей, знакомых, родителей (табл. 2). Так, 20% юношей и 26% девушек указали, что у них курят родители. Однако молодые люди больше времени проводят в окружении курящих, чем девушки. Еще 37% юношей и 23% девушек отметили, что имеют курящих друзей. Отдельно отметим, что 4% респондентов в альтернативном варианте ответа указывали, что среди социального окружения курят «почти все, кого я знаю», «все перечисленные», «родственники и друзья», «соседи», «отчим», «только папа».

Преобладающее большинство респондентов отрицательно или нейтрально относятся к курению. Так, 38% опрошенных заявляют о резко отрицательном отношении к курению, 37% – о толерантном, 22% – согласны, что люди должны курить только в специально отведённых местах, и лишь 3% респондентов ничего плохого в этом не видят. Вместе с тем 69% анкетируемых положительно относятся к введению ограничений на курение в общественных местах, 20% – нейтрально и лишь 11% – отрицательно.

«Устрашающие» картинки и текст, размещенные на пачках сигарет, ориентированы прежде всего на то, чтобы отбить тягу к курению у подрастающего поколения. Но они практически не оказывают на них влияния. С этим утверждением согласно большинство опрошенных (61%) молодых людей и девушек. Треть респондентов (27%) думают, что «страшные» картинки влияют только на некурящую молодёжь, лишь 12% считают, что такая «реклама» заставляет задуматься о своём здоровье. Данный факт подтверждается британскими исследованиями: изображения, призванные отбить тягу к курению у детей и подростков, практически не оказывают на них влияния [14].

Некоторые отечественные исследователи говорят о снижении числа курящих среди взрослого населения России. Однако в последнее десятилетие еще происходят изменения в социальном составе курильщиков за счет увеличения курящей молодежи. Можно с уверенностью говорить о том, что число курящих не становится меньше. Согласно официальной статистике, только в Кировской области за последние пять лет прибыль от продажи табачных изделий увеличилась в 2.5 раза. Вместе с этим зарубежные исследования свидетельствуют об остроте проблемы распространения табакокурения среди учащейся молодёжи во всём мире.

Для снижения остроты проблемы федеральными властями вводятся жёсткие ограничения на курение и продажу табачных изделий. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [15], с 1 июня 2014 г. запрещается продажа табака в киосках. Продажи будут происходить только в магазинах и торговых павильонах. С 1 июня 2013 г. действует запрет на курение на территории железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, портов, станций метрополитена, в поездах, самолетах, помещениях общего пользования многоквартирных домов, на рабочих местах, рынках, пляжах, детских площадках и пр. С 1 июня 2014 г. запрещается курение в общежитиях, гостини-

цах, торговых помещениях, в кафе, барах, ресторанах. Данный запрет распространяется и на курение кальянов на табаке. Кроме того, власти субъектов России смогут вводить дополнительные запреты на свое усмотрение.

Полученные результаты авторского исследования свидетельствуют о том, что курение является достаточно распространенной привычкой среди учащейся молодёжи г. Кирова. Так, треть анкетируемых отмечают у себя выраженные вредные привычки. На момент проведения исследования больше половины опрошенных учащихся пробовали курить, но ежедневно курит каждый 5-й учащийся и каждый 10-й пристрастился к кальяну. В основном учащиеся выкуривают за день от одной до десяти сигарет. Большинство курящих, понимая пагубность курения, желают бороться с этой привычкой. Согласно мнению респондентов, молодежь пробует курить преимущественно в возрасте 11–14 лет и 15–17 лет. Однако мальчики пробуют курить значительно раньше девочек. Основными мотивами первой пробы курения является «баловство» или влияние друзей. Большое влияние на подростков оказывают окружающие, среди них курящие родители, друзья и знакомые. Подчеркнём, что стираются различия между потреблением табачных изделий юношами и девушками города Кирова. Не было выявлено и статистически значимых различий по роду занятий среди учащихся.

Отношение к курению у большинства респондентов отрицательное и нейтральное. Кроме того, большинство опрошенных выражают одобрительное отношение к введению ограничения курения в общественных местах. Подавляющее большинство респондентов считают, что «страшные» изображения на упаковках табачных изделий практически не влияют на установки и поведение молодёжи.

Список литературы

1. Проект Концепции развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020. URL: http://nrma.ru/Reform/zdr_conception_2020.shtml (дата обращения: 15.04.2014 г.).

2. Ермаков С.А. Курение и экономическая активность // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Вып. 2. С. 258–275.

3. Пресс-выпуск № 1234 «Ограничения на курения табака: За и против», 2009 г. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11935 (дата обращения: 15.04.2014 г.).

4. Пресс-выпуск № 1776 «Где в России больше всего курильщиков?», 2011 г. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111689 (дата обращения: 15.04.2014 г.).

5. Simantov E., Schoen C., Klein J.D. Health-compromising behaviors: why do adolescents smoke or drink?: identifying underlying risk and protective factors. Arch Pediatr Adolesc Med. 2000. № 154 (10). URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11030855 (дата обращения: 15.04.2014 г.).

6. Becue-Bertaut M., Kern J., Hernandez-Maldonado M.L., Juresa V., Vuletic S. Health-risk behaviour in Croatia. Public Health. 2008. № 122 (2). URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17826808 (дата обращения: 15.04.2014 г.).

7. Ramezankhani A., Sarbandi Zaboli F., Zarghi A., Reza Masjedi M., Reza Heydari Gh. Smoking Habits of Adolescent Students in Tehran // Tanaffos. 2010. № 9 (2). P. 33–42. URL: http://www.tanaffosjournal.ir/files_site/paperlist/r_215_120919102020.pdf (дата обращения: 15.04.2014 г.).

8. Шубочкина Е.И. Курение подростков как проблема охраны здоровья // Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности: интернет-конференция 2007 г. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16206952/ (дата обращения: 13.12.2013 г.).

9. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

10. Глухова Е.С., Щеглова Э.А. Исследования особенностей табакокурения как форма проявления выученной беспомощности в молодёжной среде // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 201–206.

11. Справка № 17-01-14 от 03.03.2014 Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области (Кировстат).

12. Бушкова-Шиклина Э.В. Оценка конкурентоспособности человеческого потенциала и человеческого капитала Кировской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. 2011. № 4. С. 13–17.

13. Nuzzo E., Shensa A., Kim K.H., Fine M.G., Barnett T.E., Cook R., Primack B.A. Associations between hookah tobacco smoking knowledge and hookah smoking behavior among US college students // Health. Education. Research. 2013. № 28 (1). P. 92–100. URL: http://www.primack.net/professional/articles/r051her2012.pdf (дата обращения: 01.06.2014 г.).

14. Ford A., Moodie C., MacKintosh A.M., Hastings G. How adolescents perceive cigarette packaging and possible benefits of plain packaging // Education and Health. 2013. № 31 (2). P. 83–88. URL: http://hdl.handle.net/1893/16411 (дата обращения: 17.04.2014 г.).

15. Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2013/02/26/zakon-dok.html (дата обращения: 01.06.2014 г.).

YOUNG STUDENTS' ATTITUDE TO SMOKING (A CASE STUDY OF KIROV)

V.V. Zagrebin

Based on the results of the author's sociological research, the initiation of psychoactive substances use by students is considered, in particular, the prevalence of smoking among high school students and students of the city of Kirov. The research shows that currently every 5th student smokes daily and every 10th is addicted to hookah. According to our observations, gender-specific distinctions in the use of tobacco by young people are blurred. An analysis is given of the results of similar previous research in Russia and abroad.

Keywords: psychoactive substances, deviant behavior, youth, smoking, nicotine, tobacco, sociological research.

References

1. Proekt Koncepcii razvitija sistemy zdravoohranenija v Rossijskoj Federacii do 2020. URL: http://nrma.ru/Reform/zdr_conception_2020.shtml (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
2. Ermakov S.A. Kurenie i jekonomicheskaja aktivnost' // Vestnik Rossijskogo monitoringa jekonomicheskogo polozhenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe. 2012. Vyp. 2. S. 258–275.
3. Press-vypusk № 1234 «Ogranichenija na kurenija tabaka: Za i protiv», 2009 g. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11935 (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
4. Press-vypusk № 1776 «Gde v Rossii bol'she vsego kuril'shhikov?», 2011 g. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111689 (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
5. Simantov E., Schoen C., Klein J.D. Health-compromising behaviors: why do adolescents smoke or drink?: identifying underlying risk and protective factors. Arch Pediatr Adolesc Med. 2000. № 154 (10). URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11030855 (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
6. Becue-Bertaut M., Kern J., Hernandez-Maldonado M.L., Juresa V., Vuletic S. Health-risk behaviour in Croatia. Public Health. 2008. № 122 (2). URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17826808 (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
7. Ramezankhani A., Sarbandi Zaboli F., Zarghi A., Reza Masjedi M., Reza Heydari Gh. Smoking Habits of Adolescent Students in Tehran // Tanaffos. 2010. № 9 (2). P. 33–42. URL: http://www.tanaffosjournal.ir/files_site/paperlist/r_215_120919102020.pdf (data obrashhenija: 15.04.2014 g.).
8. Shubochkina E.I. Kurenie podrostkov kak problema ohrany zdorov'ja // Ohrana zdorov'ja: problemy organizacii, upravlenija i urovni otvetstvennosti: internet-konferencija 2007 g. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16206952/ (data obrashhenija: 13.12.2013 g.).
9. Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. Molodjozh' Rossii: sociologicheskij portret. M.: CSPiM, 2010. 592 s.
10. Gluhova E.S., Shheglova Je.A. Issledovanija osobennostej tabakokurenija kak forma projavlenija vyuchennoj bespomoshhnosti v molodjozhnoj srede // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 329. S. 201–206.
11. Spravka № 17-01-14 ot 03.03.2014 Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kirovskoj oblasti (Kirovstat).
12. Bushkova-Shiklina Je.V. Ocenka konkurentosposobnosti chelovecheskogo potenciala i chelovecheskogo kapitala Kirovskoj oblasti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo: Serija Social'nye nauki. 2011. № 4. S. 13–17.
13. Nuzzo E., Shensa A., Kim K.H., Fine M.G., Barnett T.E., Cook R., Primack B.A. Associations between hookah tobacco smoking knowledge and hookah smoking behavior among US college students // Health. Education. Research. 2013. № 28 (1). P. 92–100. URL: http://www.primack.net/professional/articles/r051her2012.pdf (data obrashhenija: 01.06.2014 g.).
14. Ford A., Moodie C., MacKintosh A.M., Hastings G. How adolescents perceive cigarette packaging and possible benefits of plain packaging // Education and Health. 2013. № 31 (2). P. 83–88. URL: http://hdl.handle.net/1893/16411 (data obrashhenija: 17.04.2014 g.).
15. Rossijskaja gazeta. URL: http://www.rg.ru/2013/02/26/zakon-dok.html (data obrashhenija: 01.06.2014 g.).

УДК 159.9+316.62

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ В КОНСТРУКТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

© 2014 г.

Г.М. Шигабетдинова

Ульяновский государственный технический университет

shigabetdinova@gmail.com

Поступила в редакцию 07.11.2014

Рассмотрена проблема достижения сложноскоординированности во взаимодействии субъектов на основе рефлексивного механизма. Представлена логика научного поиска в раскрытии феномена рефлексии. Показан потенциал разработки рефлексивного управления в решении проблем в различных областях знания. В статье с опорой на исследования динамики групповых процессов и анализа рефлексивного управления в социальных структурах представлен механизм рефлексии во взаимодействии социальных субъектов. Сделан вывод о роли интеграции рефлексивных оценок партнеров по взаимодействию в достижении сложноскоординированности действий субъектов взаимодействия.

Ключевые слова: рефлексия, самопознание, саморегуляция, рефлексивное управление.

В современном мире сложные проблемы требуют комплексной объективной оценки группами специалистов. Проблема достижения сложноскоординированности действий субъектов взаимодействия ждет своего разрешения. Сознательное принятие решений всегда осуществляется на основе рефлексивного механизма. Считаем необходимым изучить влияние рефлексии на достижение скоординированности действий субъектов взаимодействия.

Феноменология рефлексии привлекала внимание мыслителей с давних времен. Вместе с тем общая проблема рефлексии в современной науке не только не потеряла своей актуальности, но и становится предметом изучения в различных отраслях научного знания – философии, психологии, педагогике. Понятие рефлексии возникло от позднелатинского reflexio («обращение назад»). Феномен рефлексии стал предметом специального изучения в психологии благодаря А. Буземану, который трактовал ее как «всякое перенесение переживания с внешнего мира на самого себя» и предложил выделить специальную область психологической науки – психологию рефлексии. По Буземану, рефлексия – это любое «перенесение переживания с внешнего мира на самого себя» [Цит. по: 1]. Согласно современной трактовке зарубежных исследователей, представления о психическом (theory of mind) формируются постепенно и начинаются с понимания простейших психических состояний, таких как желания и намерения [2–3].

В отечественной психологии основы изучения рефлексии заложены в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. Ученые рассматривают рефлексию как объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом. Согласно Л.С. Выготскому, А.Н. Леонтьеву и др., рефлексия – это компонент структуры деятельности. Благодаря рефлексии происходит отражение во внутреннем плане осуществляемой деятельности, что дает субъекту материал, который можно наблюдать, подвергать критике и изменять.

Онтологическая значимость рефлексии определена в концепции П. Тейяр де Шардена: «Рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь…» [4, с. 136].

В контексте проблемы сознания и деятельности велась разработка проблемы рефлексии в Московском методологическом кружке и связана с именами Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра. Согласно Г.П. Щедровицкому, рефлексия – «особая кооперативная связь двух актов деятельности, особая структура кооперации, объединяющая кооператов или кооперантов» [5]. В споре с Г.П. Щедровицким формируется представление о рефлексии у В.А. Лефевра. Согласно позиции ученого, рефлексия – это «способность встать в позицию исследователя по отно-

шению к другому «персонажу», его действиям и мыслям» [6, с. 10]. Идеи Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра оказали большое влияние на развитие научной мысли в разработке проблематики рефлексии в философии, в психологии, педагогике и управлении.

Что касается зарубежной психологии, то процесс изучения рефлексии и там шел непоследовательно и сложно. Усиление влияния биохевиоризма и когнитивизма в двадцатые годы XX века привело к утрате интереса к проблеме рефлексии в психологии. Стоит все же отметить, что в когнитивной и гуманистической психологии рефлексия изучалась и рассматривалась как один из действенных факторов интеллектуального и личностного развития человека. Конец XX века характеризуется возрастанием интереса к данной проблематике, при этом отсутствие научной дифференциации феноменологии рефлексии приводит к тому, что в современном английском языке слово reflection имеет множество значений, в том числе относящихся не только к психологии, но и к точным наукам – математике, физике, информационным технологиям. В зарубежной научной литературе принято выделять следующие основные направления исследований рефлексии: склонность к самоанализу (psychological mindedness); интеллектуальная рефлексия (метакогнитивный подход, metacognitions); представления о психическом других людей (theory of mind); и проблема осознаваемости разных процессов и деятельностей (consciousness) [7].

Несомненный интерес ученых к феномену рефлексии вызван стремлением более широкого использования результатов имеющихся исследований в данной области для решения ряда прикладных задач в сфере педагогической, возрастной, инженерной, социальной и в патопсихологии.

По мнению А.В. Карпова, до сих пор сохраняется доминирование так называемого абстрактно-философского подхода к исследованию проблемы рефлексии над конкретно-научным. «Сам предмет исследований – рефлексия – в большей степени раскрыт лишь в общем плане и в гносеологическом аспекте, а не в качестве онтологически представленной и обладающей системой собственных закономерностей психической реальности, что препятствует развитию «позитивной науки о рефлексии», включающей в качестве важнейшей и собственно психологическую составляющую». Причину этому автор видит в длительной философской предыстории и достаточно короткой психологической истории исследования рефлексии [8]. Отсутствует не только целостная обобщающая психологическая концепция рефлексии, но и единый подход к ее разработке. Так, согласно А.В. Карпову, в современной науке можно выделить одиннадцать направлений изучения рефлексии: деятельностное, исследование рефлексии в контексте проблематики психологии мышления, изучение рефлексивных закономерностей организации коммуникативных процессов, анализ рефлексивных феноменов в структуре совместной деятельности, педагогическое направление, личностное направление, генетическое направление, «системомыследеятельностный» подход, метакогнитивная парадигма исследования рефлексивных процессов, исследование рефлексии как фундаментального механизма самопознания и самопонимания и, наконец, анализ рефлексивных закономерностей и механизмов управленческой деятельности и управления в целом.

И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов, обращая внимание на значение отечественных конкретно-экспериментальных работ, посвященных изучению рефлексии, придерживаются мнения, что рефлексия исследуется в четырех основных аспектах: кооперативном, коммуникативном, личностном и интеллектуальном. Первые два аспекта присутствуют в исследованиях коллективных форм деятельности и опосредствующих их процессах общения, а другие два – в индивидуальных формах проявления мышления и сознания [9].

Рассмотрим представление о рефлексии, сложившееся в современной психологии, подробнее.

В контексте проблематики психологии мышления рефлексия исследуется в работах Н.Г. Алексеева, А.В. Брушлинского, В.В. Давыдова, А.З. Зака, В.К. Зарецкого, Л.Н. Захаровой, Б.В. Зейгарник, Ю.Н. Кулюткина, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова и других. В.В. Давыдов, к примеру, считает, что рефлексия наряду с анализом и планированием является важным компонентом теоретического мышления: «В процессе усвоения теоретических знаний необходима ориентация на существенные отношения изучаемых предметов. Это предполагает осуществление мыслительных действий анализа, планирования и рефлексии содержательного характера» [10]. Проблемы отношения рефлексивного мышления и деятельности представлены в работах Л.Н. Захаровой: «Рефлексивное мышление является внутренним средством, приводящим в оптимальное сочетание мотивационную направленность субъекта, развиваемую концептуальную модель деятельности,

операциональное обеспечение, выступая своеобразной рефлексивной поддержкой процесса моделирования деятельности» [11, с. 4].

Метакогнитивная парадигма исследования рефлексивных процессов представлена в работах М.А. Холодной: «Метакогнитивные способности, будучи основой интеллектуальной рефлексии, предполагают возможность произвольного управления субъектом своими когнитивными ресурсами» [12, с. 38]. В зарубежной литературе метакогнитивный подход (metacognitive approach) развивается как продолжение изучения когнитивного развития ребенка. Метакогнитивные знания о субъекте и его познавательных особенностях представляют собой по сути рефлексивное знание, образ себя как человека познающего. Так, J. Flavell приходит к выводу, что в онтогенезе раньше всего появляется способность различать понятные и непонятные ребенку ситуации, позже – дифференцировать правильно и неправильно понятые [13].

Феномен рефлексии в контексте рассмотрения проблем творчества находим в работах Я.А. Пономарева, Ч.М. Гаджиева, С.Ю. Степанова, И.Н. Семенова. По мнению С.Ю. Степанова и И.Н. Семенова, рефлексия доминирует в структуре мышления, обеспечивая его самоорганизацию, интенсифицируется перед инсайтом, в зависимости от характера микроразвития мышления раскрывшиеся у субъекта качества мыслительного процесса закрепляются в виде свойств личности вплоть до формирования креативно-рефлексивных способностей [14].

Рефлексия как способность человека к самоанализу, самоосмыслению и переосмыслению стимулирует процессы самосознания, обогащает «Я-концепцию» человека, является важнейшим фактором личностного самосовершенствования. Роль рефлексии в названных процессах, т.е. личностный аспект рефлексии, разносторонне исследуется в работах отечественных психологов. В научных трудах в термине «рефлексия» подчеркивается ее особенность, заключающаяся в универсальности механизма ее действия, в основе которой лежит принцип обратной связи, проявляющийся на разных уровнях саморегуляции индивида: от нейрофизиологического уровня до личностного. Согласно А.Н. Леонтьеву, рефлексия – это своего рода поиск соответствия между строением внешней практической деятельности и внутренней умственной деятельностью. Это отношение к своему бытию, опосредованное совместной деятельностью, способствующее формированию определенного представления о себе самом как о способном на общественно-значимые поступки и действия [15, с. 24].

Исследование рефлексии как фундаментального механизма самопознания и самопонимания представлено в работе В. В. Знакова. Результатом самопонимания становится объяснение «человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы о своем характере, мировоззрении, отношении к себе и другим людям, а также о том, как они понимают его» [16]. Сложность определения личностной рефлексии заключается в том, что данная психическая реальность характеризуется и как функционально составляющая мыслительного процесса, и как деятельность, и как индивидуальная человеческая способность.

В зарубежной научной литературе функции рефлексии и осознания (consciousness) считаются взаимосвязанными, но не совпадающими, поскольку в случае осознания речь идет о функции достоверного знания о том, что происходит с самим собой, полученного путем непосредственного самонаблюдения, тогда как в случае рефлексии вопрос стоит скорее о функции наличия какого-либо представления об этом. Именно поэтому D. Wegner утверждает, что осознание представляет собой основу рефлексии [17].

Самоанализ рассматривается как высшая форма сознания, которая позволяет людям стать объектом нашего внимания и признать наше собственное существование. P.D. Trapnell и J.D. Campbell представили полный статистический повторный анализ Шкалы самосознания (SCS) и показали, что самоанализ – это не унитарная конструкция и она состоит из «саморефлексии» и «само-размышления» [18]. Саморазмышление мотивировано страхом и неуверенностью в себе, характеризуется тревожным вниманием к себе. Само-рефлексия же мотивируется познавательным интересом индивида к получению дополнительной информации о собственных эмоциях, ценностях, когнитивных процессах и приводит к улучшению его психологической адаптации, которая проявляется в саморегулировании поведения, лучшему приспособлению к социальному давлению, позволяет индивиду быть более устойчивым к давлению со стороны общества. В данном контексте проведено исследование эмпатии и самоанализа J. Джормэн и ее коллегами. Выводы, к которым пришли ученые: рефлексия усиливает эмпатию, в то время как само-размышление ухудшает ее [19]. Отказ от концептуализации самопознания как единого конструкта и выявление двой-

ственной природы самоанализа позволил авторам объяснить различные когнитивные и поведенческие последствия само-размышления и само-рефлексии.

Рефлексивные закономерности организации коммуникативных процессов представлены в работах Г.М. Андреевой, А.А. Бодалева, С.В. Кондратьевой, Б.Ф. Ломова и др. В процессы общения включены как минимум два человека, и каждый из них является активным субъектом. Анализ осознания себя через другого включает две стороны: идентификацию и рефлексию. Специалисты в социальной психологии, как подчеркивает Г.М. Андреева, под рефлексией понимают «осознание действующим индивидом того, как он воспринимается партнером по общению» [20].

Вслед за учеными И.Н. Семеновым и С.Ю. Степановым можно констатировать существование в современной психологии трех уровней понимания рефлексии: как объяснительного принципа психических явлений, как существенного компонента психических процессов и как предмета специального психологического исследования [21].

Наряду с понятием «рефлексия» в научной литературе встречаются понятия *рефлексивность, рефлексивная способность, рефлексивные возможности, рефлексивные умения, рефлексивно-перцептивные умения, рефлексивная культура, рефлексивная компетентность, рефлексивные ожидания*. Среди названных понятий лишь понятие *рефлексивность* получило необходимое теоретическое обоснование в работах А.В. Карпова, который предлагает рассматривать *рефлексивность* как один из модусов рефлексии, как психическое свойство личности, два других ее модуса – рефлексия в ее процессуальном статусе и рефлектирование – как особое психическое состояние. А.В. Карпов предложил не только теоретический конструкт, но и разработал процедуру и содержание методики диагностики рефлексивности. Согласно А.В. Карпову, «рефлексия – это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания» [8, с. 48]. В связи с этим рефлексию как индивидуальное психическое свойство, допускающее квантификацию и диагностирование, автор выделяет особо и предлагает называть рефлексивностью [22, с. 113].

Рефлексивность личности, по мнению специалистов, обладает личностным ресурсом, способствующим обеспечивать личности продуктивность мыслительных процессов, осуществлять эффективную коммуникацию с другими, осуществлять самознание с целью личностного развития. Помимо этого, рефлексивность личности является и социальным ресурсом, основой рефлексивного управления.

Концепция *рефлексивного управления* является одним из плодотворных направлений отечественной теоретической мысли. Американский специалист Т.Л. Томас выделил четыре исторических периода разработки рефлексивного управления в России: 1) исследовательский (с начала 1960-х до конца 1970-х); 2) практико-ориентированный (с конца 1970-х до начала 1990-х); 3) психолого-педагогический (с начала до середины 1990-х); 4) психосоциальный (с конца 1990-х) [23, с. 72].

Понятие *рефлексивное управление* введено в научный оборот В.А.Лефевром. Под *рефлексивным управлением* он понимает «процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому» [6, с. 44]. Он демонстрирует его действие в различных системах. В конфликтующих структурах рефлексивное управление представляют собой «любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще ложь произвольного типа». Конфликты, по мнению автора, выступают лишь частным случаем взаимодействия, в которых реализуются рефлексивные структуры, представляя собой инварианты различных типов взаимодействия [6, с. 44].

На сегодняшний день в сфере исследований рефлексивного управления на концептуальном уровне выделяются три основных методологических подхода: 1) гуманитарный (В.А. Лефевр, В.Е. Лепский, Ю.А. Шрейдер и др.); 2) системомыследеятельностный (Г.П. Щедровицкий, О.С. Анисимов, Г.Г. Копылов, В.Г. Марача, В.М. Розин и др.) и 3) натуралистический (В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, А.В. Карпов, Ю.Д. Красовский и др.) [24–27].

В различных методологических подходах рефлексия в рефлексивном управлении работает по-разному: с позиции первого подхода – в «механизме выбора», с позиции второго – в «механизме ликвидации разрывов деятельности», т.е. в «механизме связи», «организации деятельности», с позиции третьего – в «механизме обратной связи» [28].

Рефлексивное (сознательное) противопоставляется импульсивному (неосознанному). При этом индивидуальная рефлексия не обязательно истинна. В.А. Лекторский, называя акт рефлексии актом «осмысления, понимания», все же предостерегал от упрощения трактовки результатов рефлексии: «Результат рефлексии –

это, таким образом, не какие-то простые и самоочевидные истины, не совокупность совершенно бесспорных утверждений, которые выступают как «абсолютное основание» системы знания, к которому могут быть так или иначе сведены разные виды знания. Результат рефлексии – это такая теоретическая система, которая является относительно истинным отражением некоторых реальных зависимостей в определенном контексте и которая вместе с тем предполагает целый ряд допущений, определенное неявное «предпосылочное» знание» [29, с. 261]. В.Н. Усов также считает, что рефлексия помогает избегать импульсивности в деятельности. При этом отмечает, что процесс вывода заключений «может идти неправильно или правильно» [28]. Каков же путь преодоления границ субъективности в оценке проблемной ситуации для ее адекватного анализа? Мы считаем, что осознание человеком границ индивидуального опыта приводит его к пониманию необходимости объединения интеллектуальных ресурсов с другими. Существует ряд сложных проблем, трудноразрешимых для одного человека, требующих объединения усилий группы людей (часто это специалисты в разных областях), чтобы приблизиться к решению проблемы. В таком русле велись научные поиски Г.П. Щедровицкого и его коллег, которые видели возможность организации коллективного полидисциплинарного, комплексного и системного мышления в форме организационно-деятельностных игр [30].

Идея совместного решения проблем с помощью «планшета» как способа рефлексивного управления предложена В.А. Лефевром, который считал, что знаковый «планшет» – это достояние двух персонажей. Он превращает их в единую систему. Если каждый из персонажей в отдельности имел лишь «образ» другого, то вместе они владеют двумя «образами». И, тем самым, каждый из них в отдельности также становится обладателем двух образов: себя самого и партнера» [6].

Это позволяет выходить за рамки ограничений индивидуальной рефлексии и ведет к более адекватной (объективной) оценке как партнера по взаимодействию, так и себя и ситуации взаимодействия.

В психологии описана роль рефлексии в групповой динамике (W.R. Bion, А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик, М.И. Найденов). Так, W.R. Bion, изучая психодинамические групповые процессы, условно выделил два типа групп – базисные и рабочие. Члены базисной группы в процессе принятия решений в большей степени руководствуются собственными эмоциональными импульсами, и группа в целом функционирует автоматически и предопределенно, нерефлексивно, некритично и незрело. Рабочая же группа характеризуется способностью ставить перед собой и рационально решать прагматические задачи, тестировать реальность, стратегически планировать свою деятельность, придерживаться определенной тактики и преследовать общие цели, выдерживая напряжения и фрустрации, возникающие на пути их реализации. По мнению W.R. Bion, каждая группа развивается и дифференцируется, постепенно переходит от состояния зависимости, враждебности/атакуемости и иррациональной веры к состоянию зрелости и кооперации. Отличие базисной группы от рабочей заключается в способности участников групп осознавать процессы, которые происходят с ними и с другими участниками группы [31].

Согласно А.Л. Журавлеву, три основных признака – взаимосвязанность членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность – описывают субъектность группы. Названные свойства являются и тремя уровнями развития коллективного субъекта, где групповая саморефлексия – высший уровень развития коллективного субъекта. Способность группы к саморефлексии выражается в переживании своей принадлежности к группе, единении со своей группой и в групповом представлении о своей группе, ее оценке [32].

Согласно исследованиям М.И. Найденова, «расширение объема рефлексирования – адекватный путь овладения сложностью современного мира, альтернатива тенденции его неоправданного упрощения в управленческих системах. Проблема формирования системы рефлексивного управления при этом разрешается через поиск метакогнитивных путей создания пространства интерсубъектности – системы, в которой благодаря рефлексивной интервенции и социально-психологическому сопровождению обеспечиваются оптимальные условия достижения субъект-субъектного взаимодействия, интегрированности, целостности и полноты группового субъекта, осуществляющего рефлексивное управление» [33].

Принимая во внимание необходимость объединения рефлексивных оценок партнеров по взаимодействию, предлагаем механизм рефлексии взаимодействия, состоящий из 6 этапов: 1) Рефлексивный выход. Рефлексивное определение возможности поиска ресурсов решения проблемной ситуации в построении конструктивного взаимодействия. 2) Построение образа

ситуации взаимодействия. 3) Объективация рефлексивного представления. Построение партнерами дополнительных условий в разрешаемой ситуации и новых рефлексивных позиций, расширяющих смысловые горизонты ситуации. Объективизация высказываний партнеров как адекватное ее выражение в словесном, графическом или символическом виде. 4) Схематизация рефлектируемого содержания. 5) Преодоление различий в репрезентации ситуации, имеющихся у разных партнеров, таких как неполное представление о ситуации, фиксация внимания на очевидных, внешних аспектах ситуации без учета скрытых, неспособность объяснить собственные действия при построении своего представления о ситуации и т.д. 6) Создание саморефлексивной системы взаимодействия. Согласование образов проблемной ситуации с партнером по взаимодействию через соуправление процессом выработки и принятия норм, правил и ценностей конструктивного взаимодействия.

Данный механизм описывает объединение рефлексивных оценок партнеров. Интеграция рефлексивных оценок партнеров как способ удержания дискурса общего события (ситуации, задачи) делает возможным достижение сложноскоординированности действий субъектов взаимодействия.

Важным условием осуществления механизма рефлексии взаимодействия считаем формирование рефлексивного представления о внутренних характеристиках партнера. Рефлексивное представление о внутренних характеристиках партнера, основанное на процессе децентрации, опосредованное характером и содержанием совместной деятельности, независимое от эмоционального отношения к Другому, лежит в основе построения конструктивного взаимодействия.

Заключение

Проведенный нами теоретический анализ позволил сделать следующие выводы.

1. Понятие «рефлексия» прочно вошло в научный оборот. Ряд ученых утверждают существование самостоятельного направления – психология рефлексии.

2. Методики, предложенные зарубежными авторами конструктивны, результаты исследований существенно обогащают психологическое познание феноменов рефлексии.

3. Множественность формулировок рефлексии вызвана сложностью исследуемого феномена. Рефлексия рассматривается в философии, психологии, педагогике, а в психологии – в разных аспектах: в когнитивном, генетическом, личностном, деятельностном, коммуникативном. Данные парадигмальные различия проявляются в различных трактовках рефлексии. Нам близка позиция А.В. Карпова, согласно которой рефлексия – это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания. Рефлексию как индивидуальное психическое свойство, допускающее квантификацию и диагностирование, следует называть рефлексивностью.

4. Рефлексия участвует в принятии не только индивидуальных решений, но и коллективных. Для организации интеграции рефлексивных оценок субъектов взаимодействия необходимо создавать определенные условия. Более адекватным термином, подчеркивающим коллективный характер принятия решения при участии рефлексии, можно считать термин «рефлексивное со-управление».

5. Развитие системы рефлексивного соуправления принятием решений субъектами взаимодействия создает пространство интерсубъектности как свойства опыта о мире различных субъектов, связанного с объективностью, независимостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций.

Список литературы

1. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 228.

2. Wellman H.M., Liu D. Scaling of theory-of-mind tasks // Child Development. 2004. 75. 2. 523–541.

3. Flavell J.H. Development of childern's knowledge about the mental world // International Journal of Behavioral Development. 2000. 24 (1). 15–23.

4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

5. Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности // Вопросы методологии: Архив номеров (1991–1995). С. 157–188. http://www.circle.ru/archive/vm/nom

6. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.

7. Дударева В.Ю., Семенов И.Н. Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 101–120.

8. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.

9. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.

10. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.

11. Захарова Л.Н. Рефлексивное мышление: закономерности спонтанного использования возможности развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2001. № 1. С. 3–10.

12. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

13. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive de-velopmental inquiry // American Psychologist. 1979. 34. 906–911.

14. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье: ЗГУ, 1992.

15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

16. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 18–28.

17. Wegner D.M. Who is the controller of controlled processes? // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). The New Unconscious. Oxford university press, New York, 2005. P. 19–36.

18. Trapnell P.D., & Campbell J.D. Private self-consciousness and the Five-Factor Model of personality: Distinguishing rumination from reflection // Journal of Personality and Social Psychology, 1999. 76 (2). P. 284–304.

19. Joireman J.A., Parrott L., & Hammersla J. Empathy and the self-absorption paradox: Support for the distinction between self-rumination and self-reflection // Self and Identity. 2002. 1. P. 53–65.

20. Андреева Г.М. Социальная психология. М: Аспект Пресс, 1999. 375 с.

21. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.

22. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.

23. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 71–89.; http:/ /www.reflexion.ru.

24. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов / Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М.: Изд-во «Шк. культур, политики», 1995. С. 143–154.

25. Лепский В.Е. От редактора // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1. С. 4–5.

26. Лепский В.Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России: Матер. круглого стола, 5 марта 2001 г. / Ин-т психол. РАН; В.Е. Лепский, А.В. Брушлинский, В.Н. Панов и др. // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1. С. 6–33.

27. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23.

28. Усов В.Н. Рефлексивное управление: философско-методологический аспект: Монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. 220 с.

29. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Издательство «Наука», 1980. 358 с.

30. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра: Сборник текстов (1) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9 (1). М., 2004. 288 с.; Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (2) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9 (2). М., 2005. 320 с.

31. Bion W.R. Group dynamics: a review // International Journal of Psycho-Analysis. 1952. Vol. 33.

32. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 5. С. 72–80.

33. Найденов М.И. Неконфронтационная модель рефлексивного управления как решение проблемы сложнокоординированности // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 187–191.

THE ROLE OF REFLECTION IN CONSTRUCTIVE INTERACTION

G.M. Shigabetdinova

The problem of achieving complex coordination in the interaction of subjects on the basis of a reflexive mechanism is considered. The logic of scientific search in revealing the phenomenon of reflection is presented. The potential of the development of reflexive control in solving problems in different areas of knowledge is demonstrated. Drawing on the studies of the dynamics of group processes and the analysis of reflexive control in social structures, we present the mechanism of reflection in the interaction of social actors. The role of the integration of reflective assessments of interaction partners in achieving complex coordination of actions of interaction subjects is defined.

Keywords : reflection, self-knowledge, self-regulation, reflexive control.

References

1. Vygotskij L.S. Istorija razvitija vysshih psihicheskih funkcij // Sobr. soch.: V 6 t. M.: Pedagogika, 1983. T. 3. S. 228.

2. Wellman H.M., Liu D. Scaling of theory-of-mind tasks // Child Development. 2004. 75. 2. 523–541.

3. Flavell J.H. Development of childern's knowledge about the mental world // International Journal of Behavioral Development. 2000. 24 (1). 15–23.

4. Tejjar de Sharden P. Fenomen cheloveka. M., 1987.

5. Shhedrovickij G.P. Refleksija v dejatel'nosti // Voprosy metodologii: Arhiv nomerov (1991–1995). S. 157–188. http://www.circle.ru/archive/vm/nom

6. Lefevr V.A. Konfliktujushhie struktury. M.: Sovetskoe radio, 1973.

7. Dudareva V.Ju., Semenov I.N. Fenomenologija refleksii i napravlenija ee izuchenija v sovremennoj zarubezhnoj psihologii // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2008. T. 5. № 1. S. 101–120.

8. Karpov A.V. Refleksivnost' kak psihicheskoe svojstvo i metodika ee diagnostiki // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 5. S. 45–57.

9. Stepanov S.Ju., Semenov I.N. Psihologija refleksii: problemy i issledovanija // Voprosy psihologii. 1985. № 3. S. 31–40.

10. Davydov V.V. Problemy razvivajushhego obuchenija. M., 1986.

11. Zaharova L.N. Refleksivnoe myshlenie: zakonomernosti spontannogo ispol'zovanija vozmozhnosti razvitija // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2001. № 1. S. 3–10.

12. Holodnaja M.A. Psihologija intellekta: paradoksy issledovanija. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Piter, 2002. 272 s.

13. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. 34. 906–911.

14. Semenov I.N., Stepanov S.Ju. Refleksivnaja psihologija i pedagogika tvorcheskogo myshlenija. Zaporozh'e: ZGU, 1992.

15. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 s.

16. Znakov V.V. Samoponimanie sub"ekta kak kognitivnaja i jekzistencial'naja problema // Psihologicheskij zhurnal. 2005. T. 26. № 1. S. 18–28.

17. Wegner D.M. Who is the controller of controlled processes? // R.R. Hassin, J.S. Uleman, J.A. Bargh (eds.). The New Unconscious. Oxford university press, New York, 2005. P. 19–36.

18. Trapnell P.D., & Campbell J.D. Private self-consciousness and the Five-Factor Model of personality: Distinguishing rumination from reflection // Journal of Personality and Social Psychology, 1999. 76 (2). P. 284–304.

19. Joireman J.A., Parrott L., & Hammersla J. Empathy and the self-absorption paradox: Support for the distinction between self-rumination and self-reflection // Self and Identity. 2002. 1. P. 53–65.

20. Andreeva G.M. Social'naja psihologija. M: Aspekt Press, 1999. 375 s.

21. Stepanov S.Ju., Semenov I.N. Psihologija refleksii: problemy i issledovanija // Voprosy psihologii. 1985. № 3. S. 31–40.

22. Karpov A.V. Psihologija refleksivnyh mehanizmov dejatel'nosti. M.: IP RAN, 2004.

23. Tomas T.L. Refleksivnoe upravlenie v Rossii: teorija i voennye prilozhenija // Refleksivnye processy i upravlenie. 2002. T. 2. № 1. S. 71–89.; http:// www.reflexion.ru.

24. Shhedrovickij G.P. Metodologicheskij smysl oppozicii naturalisticheskogo i sistemodejatel'nostnogo podhodov / G.P. Shhedrovickij. Izbrannye trudy. M.: Izd-vo «Shk. kul'tur, politiki», 1995. S. 143–154.

25. Lepskij V.E. Ot redaktora // Refleksivnye processy i upravlenie. 2001. T. 1. № 1. S. 4–5.

26. Lepskij V.E. Nauchnoe i sociokul'turnoe znachenie refleksivnogo dvizhenija v Rossii: Mater. kruglogo stola, 5 marta 2001 g. / In-t psihol. RAN; V.E. Lepskij, A.V. Brushlinskij, V.N. Panov i dr. // Refleksivnye processy i upravlenie. 2001. T. 1. № 1. S. 6–33.

27. Lepskij V.E. Stanovlenie strategicheskih sub"ektov: postanovka problemy // Refleksivnye processy i upravlenie. 2002. T. 2. № 1. S. 5–23.

28. Usov V.N. Refleksivnoe upravlenie: filosofsko-metodologicheskij aspekt: Monografija. Cheljabinsk: Izdatel'skij centr JuUrGU, 2010. 220 s.

29. Lektorskij V.A. Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1980. 358 s.

30. Shhedrovickij G.P. Organizacionno-dejatel'nostnaja igra: Sbornik tekstov (1) / Iz arhiva G.P. Shhedrovickogo. T. 9 (1). M., 2004. 288 s.; Shhedrovickij G.P. Organizacionno-dejatel'nostnaja igra. Sbornik tekstov (2) / Iz arhiva G.P. Shhedrovickogo. T. 9 (2). M., 2005. 320 s.

31. Bion W.R. Group dynamics: a review // International Journal of Psycho-Analysis. 1952. Vol. 33.

32. Zhuravlev A.L. Kollektivnyj sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy // Psihologicheskij zhurnal. 2009. Tom 30. № 5. S. 72–80.

33. Najdenov M.I. Nekonfrontacionnaja model' refleksivnogo upravlenija kak reshenie problemy slozhnokoordinirovannosti // Refleksivnye processy i upravlenie. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnogo simpoziuma 15–16 oktjabrja 2009 g., Moskva / Pod red. V.E. Lepskogo. M.: Kogito-Centr, 2009. S. 187–191.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.07+37.04

РОЛЬ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛА (на примере профессии «психолог»)

© 2014 г.

О.А. Белобрыкина

Новосибирский государственный педагогический университет

belobryckina.olga@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Анализируется роль искусства в формировании образа профессионала. Отмечается дискуссионность проблемы профессиональной компетентности психологов в современных социокультурных условиях. Приводится краткая характеристика типологии образов психолога, существующих в обыденном сознании. Представляются результаты исследования профессионально-личностного портрета психолога, проведенного на материале произведений современной художественной литературы.

Ключевые слова: психолог, профессионально-важные качества, этические принципы, образ, эмоциональные состояния, художественная литература.

В условиях тотальной реформации общественного развития закономерно изменяется система требований, предъявляемых к специалисту как профессионалу своего дела. По А.К. Марковой, «профессионал – это специалист, овладевший высоким уровнем профессиональной деятельности, сознательно изменяющий и развивающий себя в ходе осуществления труда, вносящий свой индивидуальный творческий вклад в профессию, нашедший свое индивидуальное предназначение, стимулирующий в обществе интерес к результатам своей профессиональной деятельности и повышающий престиж своей профессии в обществе» [1, с. 48]. Процесс формирования личности профессионала, как отмечают Е.А. Климов [2], Н.С. Пряжников [3], А.Р. Фонарев [4] и ряд других исследователей, начинается с момента профессионального самоопределения и базируется на системе представлений о профессии, ее смысле и содержании, о субъекте конкретной профессиональной деятельности, его личностных свойствах и профессиональных характеристиках. С точки зрения Н.С. Пряжникова [3], Э.Ф. Зеер [5], формирование у человека адекватного представления о личности профессионала способствует учету им своих достоинств и недостатков и содействует успешному овладению профессией. Эту «целостную систему представлений субъекта о выбранной профессии и его отношение к ней» Л.Б. Шнейдер называет образом профессии [6, с. 133]. Образ как особое психологическое явление, представляет собой сложно структурированное, многоуровневое и полифункциональное образование. К важнейшим функциям образа относят смыслообразующую, мотивирующую, эмоциональную, прогностическую, регулирующую и корректирующую и др. [6–8]. Образ, полагают С.Д. Смирнов [9], Е.И. Сутович и Ю.А. Полещук [10], выполняет функцию медиатора, связующего звена между внутренним миром и миром внешних объектов. По Е.А. Климову, образы самосознания человека, наряду с образами окружающего мира, выступают необходимой основой целесообразной саморегуляции его профессионально-трудовой деятельности. Очевидно, без образа профессии и образа профессионала как особых профессиональных ориентиров невозможно построение личностью своего профессионального будущего и достижение профессиональной идентичности. Профессиональная идентификация, рассматриваемая в качестве основного механизма «врастания» личности в профессию, определяется Л.Б. Шнейдер как «функциональное и экзистенциальное соответствие человека и профессии, которое включает в себя понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции» [6, с. 156].

Заметим, что в настоящее время далеко не каждая профессия так широко известна, как профессия психолога. Возникновение профессиональной психологии, как отмечают

И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Н.С. Пряжников [11], Н.Ю. Стоюхина [12] и другие исследователи, было подготовлено не одним столетием духовных исканий, философских размышлений, естественно-научных и гуманитарных исследований. Сегодня психология представляет собой не только академическую научно-исследовательскую область, – она, в первую очередь, ориентирована на запросы различных областей человеческой практики. Вместе с тем в последние годы и в СМИ, и в профессиональном сообществе все чаще обсуждается проблема снижения уровня профессионализма современных психологов. В частности, отмечается, что психология становится наукой и практикой «без души», теряет свое истинное «лицо», а специалисты утрачивают способность к адекватной реализации своей профессионально заданной миссии [13–16]. Информация о психологе как о личности и профессионале приобретается человеком разными путями: через встречи со специалистом, от знакомых и родственников, из теле- и радиопередач, художественных или документальных фильмов, из книг и статей. Не редки ситуации, когда люди, не имеющие непосредственного соприкосновения с теорией и практикой психологии, считают, что каждый человек – сам себе психолог. Сегодня психолога можно встретить повсюду – это может быть и дипломированный специалист, и человек, имеющий любую другую профессию (продавец, рабочий, педагог и пр.). Профессия психолога считается престижной и, вероятно, поэтому все чаще встречаются «специалисты», не имеющие специального образования и оказывающие услуги соответствующего уровня. Такие «специалисты» и дают повод для создания анекдотов о психологах и возникновения нелицеприятных слухов о профессии в целом. В результате, на наш взгляд, в сознании многих людей формируется искаженный образ профессии.

Одним из «маркеров» обобщенного облика типичных представителей разных профессий, существующего в социальном сознании, выступает искусство, и в частности художественная литература. В художественном произведении аккумулируется определенное смысловое содержание, некоторый идейно-эмоциональный комплекс в образной, эстетически значимой форме. В терминологии М.М. Бахтина, художественное произведение – это сказанное писателем, поэтом «слово о мире», акт реакции художественно одаренной личности на окружающую действительность [17]. В отличие от других видов общественного сознания, искусство отражает жизнь в форме образов, используя такие уникальные предметы, явления, события, которые в своей конкретной единичности несут обобщение. В отличие от понятия, образ обладает большей «наглядностью», ему свойственна не логическая, а конкретно-чувственная, эмоциональная убедительность. Образность составляет основу художественности – как в смысле принадлежности к искусству, так и в смысле высокого мастерства: благодаря своей образной природе художественные произведения обладают особой эстетической ценностью. Созданное автором и воспринимаемое читателями художественное произведение начинает жить своей относительно самостоятельной жизнью, непосредственно или опосредованно реализуя ряд функции: гносеологическую, аксиологическую, онтологическую, эстетическую, воспитательную, коррекционно-развивающую и психологическую (актуализируя эмпатию, самовыражение, воображение, мотивацию, саморегуляцию, интересы и пр.). Об особом психологическом влиянии искусства говорил Л.С. Выготский, рассматривая на примере трагедии У. Шекспира «Гамлет» значимость эмоций как информационного феномена [18]. Очевидно, что восприятие эмоционально нагруженного образа, представленного в литературном тексте, закономерно инициирует у воспринимающего субъекта аналогичную эмоцию.

В последние годы психологи все чаще не только становятся участниками всевозможных шоу-программ и телепередач, но и фигурируют в качестве персонажей в произведениях киноискусства и на страницах литературных произведений. Как справедливо отмечает М.Н. Сартан, «с психологом на страницах журналов и экранах телевизоров наши соотечественники сталкиваются гораздо чаще, чем в жизни. И неудивительно, что тиражируемый образ в сознании людей доминирует. И дело даже не в том, что он вытесняет реальность, а в том, что вытеснять просто нечего – истинный образ не успевает даже сформироваться. Вместо него возникает очередной симулякр, некий виртуальный психолог, с готовностью отвечающий на откровенные и сокровенные вопросы и непременно подсовывающий пару-тройку развлекательных опросников, неизменно называя их тестами» [19, с. 35]. Именно перманентная дискуссионность проблемы профессионализма психолога обусловила наш интерес к исследованию его образа, представленного в произведениях современной художественной литературы. Следует отметить, что в связи с бурным развитием коммуникационно-информационных технологий, открывающих для читателей про-

стой и сравнительно недорогой доступ к оригинальным литературным источникам, исследователю представляется весьма перспективная возможность определить некий «срез» собирательного образа психолога, который представлен в художественных произведениях, имеющих высокий читательский рейтинг.

Понимание образа как психолого-аналитической категории, отражающей систему субъективных представлений о мире, позволяет применительно к цели нашего исследования обозначить типологию образов современного специалиста в области психологии и провести их сравнительно-сопоставительный анализ, выявив общее и различное.

Так, первый научно обоснованный тип – *образ «идеального» психолога* – задают этические принципы, составляющие основу профессионального кодекса и обозначенные в психограмме характеристики. Это – специалист, обладающий определенными профессионально важными качествами и способностями, зафиксированными в профессиограмме «психолог»; решающий профессиональные задачи в соответствии с этическими нормами и моральными принципами (конфиденциальности, компетентности, ответственности, этической и юридической правомочности, профессиональной кооперации и пр.); защищающий законные психологические права людей, с которыми он вступает в профессиональное взаимодействие; повсеместно укрепляющий авторитет психологической службы среди обучающихся, воспитанников, родителей и педагогической общественности и т.п. [20–21].

Второй, эмпирический тип – это *образ «реального» психолога*, формирующийся у субъекта в результате непосредственного взаимодействия со специалистом и соотнесения, сличения его профессиональных качеств и личностных особенностей с эталонным образом, который сформировался с опорой не столько на знание научных основ обозначенной профессии, сколько на систему собственных субъективных представлений о том, каким должен быть «хороший» психолог. Например, в ситуации обращения к психологу, когда человек, нуждающийся в его профессиональной помощи, не знает системы профессиональных требований к нему, он, в первую очередь, замечает позицию, занимаемую специалистом по отношению к себе как к клиенту, и его личностные качества. В этом случае личность психолога, по мысли Р. Мэй, воспринимается как важнейший профессиональный инструмент его деятельности, условие ее эффективности [22]. Так выстраивается социально желаемый портрет психолога, который в норме мыслится в контексте присущего специалисту стремления к профессиональному совершенству, с присущими ему в той или иной степени личностными характеристиками, позволяющими, в зависимости от внешних факторов, отходить от стандартов «идеального» образа в силу специфики индивидуального стиля деятельности.

Третий, художественный тип – *«синтетический» образ психолога*, воспринимаемый сквозь призму произведений искусства (литературных произведений, художественных фильмов[1]). Этот образ представляет собой собирательный портрет специалиста, облеченный в художественную форму и наделенный авторской трактовкой, даже в том случае, когда имеет конкретный прототип.

Непосредственно анализу «синтетического» образа психолога, представленного в ряде произведений современной художественной литературы, посвящено наше исследование[2]. Следует отметить, что серия мини-исследований, выполняемых студентами 1 курса факультета психологии в рамках освоения учебной дисциплины «Введение в профессию», показала, что портрет психолога в произведениях современного искусства зачастую задан в противоречивых дескриптивных характеристиках [23]. В связи с этим в качестве источников для расширенного анализа были выбраны литературные произведения, имеющие значительный тираж и высокий читательский рейтинг на интернет-сайтах (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о произведениях, избранных для исследования

№	Наименование	Автор	Выходные данные	Кол-во страниц	жанр	тираж	рейтинг
1	Пробка	Н.В. Андреева	СПб.: Нева, 2006	384	детектив	23000	4/5
2	Блуда и МУДО	А.В. Иванов	СПб.: Азбука-классика, 2007	576	роман	28000	4.5/5
3	Дневник сумасшедшего	А. Де Куатье	СПб.: Нева, 2004	192	фантастика	27000	4/5
4	Психолог, или ошибка доктора Левина	Б.Д. Минаев	М.: Время, 2011	712	роман	30000	4/5
5	Осколки чести	Л.М. Буджолд	М.: Альфа-книга, 2008	320	фантастика	25000	4.8/5

Основным методом исследования был избран контент-анализ, осуществляемый по следующим критериям: (а) количественный показатель информационных блоков в произведении, посвященных описанию профессионально-важных качеств (ПВК) психолога; (б) содержательная и (в) эмоциональная нагрузка информации в блоках, отражающих личность и особенности реализации профессиональной деятельности персонажа-психолога.

В общем объеме избранных для исследования художественных произведений дифференцировано 37 информационных блоков, посвященных описанию ПВК психолога: 18 блоков в романе «Психолог, или ошибка доктора Левина» (Б.Д. Минаев); 8 – в детективе «Пробка» (Н.В. Андреева); 5 – в романе «Блуда и МУДО» (А.В. Иванов); по 3 блока в фантастических произведениях «Дневник сумасшедшего» (Анхель Де Куатье) и «Осколки чести» (Л.М. Буджолд). Кроме того, количественный показатель информационных блоков позволяет выявить статус психолога в произведении: главным героем он является только в романе «Психолог, или ошибка доктора Левина», в остальных – выступает второстепенным персонажем. Анализ содержательной нагрузки каждого информационного блока осуществлялся на основе представленных в профессиограмме психолога компонентов [20]. Выявлялись прямые или косвенные описания, относящиеся к способностям, склонностям, интересам и личностным характеристикам специалиста, востребованным в профессии; к качествам, препятствующим эффективности профессиональной деятельности психолога, указывающим на приверженность профессионально-этическими принципами или пренебрежение ими (табл. 2).

По данным содержательного анализа, только два персонажа-психолога ориентированы на субъект-субъектный тип профессионального общения – это герои произведений «Дневник сумасшедшего» и «Психолог, или ошибка доктора Левина», причем психолог Лева, представленный в романе Б.Д. Минаева, не имеет психологического образования[3].

Для выявления эмоциональной нагрузки информационных блоков (табл. 3), в которых представлено описание характеристик, личностных черт и профессиональных способностей психолога, особенностей реализации им профессиональной деятельности, применялось следующее программное обеспечение.

1. Программное обеспечение «Имидж-эксперт Poisk», разработанное К.Л. Лидиным, М.Е. Суменковой и О.В. Тугариновой (номер государственной регистрации 2009611025 от 16.02.2009). Программа является разновидностью метода частотного контент-анализа, в основу которого положены психосемантический и психолингвистический подходы. Основным показателем анализа выступали наличие и интенсивность проявления базовых эмоций в анализируемых фрагментах текста (по К.Л. Лидину, это – совесть, радость-гордость, интерес, гнев, страх, отвращение, печаль, стыд [24]).

2. Программное обеспечение фоносемантического анализа «ВААЛ-мини» (В.П. Белянин, М.Н. Дымшиц, В.И. Шалак), в основу которого положен синтез метода «семантических дифференциалов» Ч. Осгуда [25] и принципов оценки фонетического воздействия на человека слов и текстов русского языка, предложенных А.П. Журавлевым [26]. Программа распространяется с закрытым исходным кодом, алгоритм анализа является собственностью «VAAL».

Все проанализированные нами произведения обладают интенсивной эмоциональной нагрузкой и актуализируют у читателя широкую гамму переживаний, связанных с образом психолога, содержание которого воспринимается на бессознательном уровне. Транслируемые авторами художественных произведений эмоциональные состояния указывают на одновременно действующие информационные потоки, приводящие читателя к амбивалентному эмоциональному реагированию: с одной стороны, это переживание стенических эмоций, интенсивных и ярких по характеру (гнев, радость – гордость, возбуждение – интерес), с другой – переживание эмоций астенического типа (стыд, печаль, отвращение). Очевидно, что подобное расщепление переживаний и нарушение целостности образа может привести читателя к эклектике в восприятии психолога и отношении к психологу как к реальному специалисту. Следует также отметить, что и авторское отношение (передаваемое при помощи определенных лингвистических конструктов) к персонажу-психологу довольно специфично. Так, портреты психологов-женщин, представленные в произведениях «Пробка», «Осколки чести» и «Блуда и МУДО», указывают на недостаточное соответствие отдельных личностных характеристик, способностей, стилевых особенностей деятельности, этической компетентности героинь требованиям профессии. Вместе с тем писатели Н.В. Андреева и Л.М. Буджолд демонстрируют в целом положительное отношение к персонажам-психологам, которое, при совпадении позиции читателя с авторской, может привести к формированию терпимого отношения к мани-

Таблица 2

Сводные результаты содержательного анализа образа психолога на соответствие требованиям профессиограммы

Автор, произведение	Персонаж – психолог	Обобщенная характеристика персонажа (психолога)	Преобладающий стиль деятельности	Соответствие образа профессиограмме психолога
Н.В. Андреева «Пробка»	Алина Лепехина	Личность целеустремленная, настойчивая, с развитым логическим мышлением и коммуникативными способностями. Героиня в целом обладает необходимыми качествами и способностями для успешной реализации в профессиональной деятельности. Однако профессионала определяют не столько способности и навыки, сколько цели, в достижении которых человек применяет свои природные и приобретенные навыки и качества. В случае с героиней – это достижение собственной выгоды путем аморальной манипуляции пациентами посредством личностных особенностей и имеющихся профессиональных знаний. Образ психолога в данном произведении чрезвычайно противоречив: с одной стороны, героиня отталкивает, пугает своей психической и эмоциональной неуравновешенностью, с другой стороны, притягивает своей харизмой, как и все персонажи, наделенные властью и силой	Манипулятивный	Не соответствует
Анхель Де Куатье «Дневник сумасшедшего»	Психолог	Эрудированная личность, с развитыми ораторскими способностями, находчивая, разносторонняя, отличающаяся оригинальностью подходов в решении конкретных профессиональных задач, умением выслушать, понять. Демонстрирует высокий профессионализм и соответствие принципам квалифицированной пропаганды психологии	Диалогический	Соответствует
Л.М. Буджолд «Осколки чести»	Джоан Спрейг, доктор Мехта	Военный психолог, работающий в условиях войны, демонстрирует целеустремленность, выдающиеся способности к самоконтролю, высокий уровень развития концентрации и устойчивости внимания, развитое логическое мышление и интуицию. Однако в своей работе специалист руководствуется не принципами благополучия клиента, а интересами одного из полюсов военного противостояния. Преследуя эти интересы как собственные, психолог пренебрегает принципами этической и юридической правомочности, профессионального кодекса и элементарной ответственности за жизнь и здоровье вверенного ему клиента	Директивно-формализованный	Не соответствует

Окончание табл. 2

Автор, произведение	Персонаж – психолог	Обобщенная характеристика персонажа (психолога)	Преобладающий стиль деятельности	Соответствие образа профессиограмме психолога
А.В. Иванов «Блуда и МУ-ДО»	Алиска	Личность с развитым в целом логическим мышлением и способностью прогнозировать не отдаленные во времени события. Вместе с тем не обладает широким спектром приобретенных компетенций в области психологии, многолетним опытом и выдающимися личностными характеристиками. Несмотря на это, она с энтузиазмом использует природные таланты для манипуляции людьми в собственных целях и интересах	Манипулятивный	Не соответствует
Б.Д. Минаев «Психолог, или ошибка доктора Левина»	Лева (Лев Симонович)	Личность с калейдоскопом способностей и качеств, в целом способствующих успешной профессиональной реализации в области психологии. Являясь практически идеальным психологом с житейской точки зрения, герой не является специалистом в профессиональном понимании, так как не имеет специального образования. Однако это не только не мешает, но даже способствует формированию нетипичного, но интуитивно верного, взгляда на ситуацию и пациента; суждений, не обусловленных постулатами и догмами определенной методы. Герой допускает минимальные отступления от норм компетентности и конфиденциальности, но руководствуется при этом исключительно принципом благополучия клиента	Далогический	Не соответствует

Таблица 3

Результаты анализа эмоциональной нагрузки при описании личности и деятельности психолога в художественных произведениях

Произведение	По данным программы «Имидж-эксперт Poisk»			По данным программы «ВААЛ-мини»	
	Преобладающие эмоции полного текста произведения	Интенсивность базовых эмоций в информационных блоках	Динамика интенсивности эмоций в информационных блоках по сравнению с целым текстом	Преобладающая эмоциональная окраска информационных блоков	Доля положительной нагрузки
Андреева Н.В. «Пробка»	гнев, отвращение, печаль, стыд, совесть, радость-гордость и интерес	отвращение, печаль, гнев, интерес, стыд	наибольший прирост – эмоция печали	положительная	54%
Анхель Де Куатье «Дневник сумасшедшего»	гнев, страх, отвращение, печаль и совесть	совесть, страх, интерес	наибольший прирост – эмоция страха	нейтральная	29%
Буджолд Л.М. «Осколки чести»	интерес, гнев, страх, отвращение, печаль и совесть	гнев, печаль, интерес, совесть, радость и гордость	наибольший прирост – эмоции гнева и печали	положительная	70%

Окончание табл. 3

Произведение	По данным программы «Имидж-эксперт Poisk»			По данным программы «ВААЛ-мини»	
	Преобладающие эмоции полного текста произведения	Интенсивность базовых эмоций в информационных блоках	Динамика интенсивности эмоций в информационных блоках по сравнению с целым текстом	Преобладающая эмоциональная окраска информационных блоков	Доля положительной нагрузки
Иванов А.В. «Блуда и МУДО»	печаль, страх и совесть	отвращение, печаль, гнев, интерес, стыд и совесть	наибольший прирост – эмоция совести	нейтральная	8.3%
Минаев Б.Д. «Психолог, или ошибка доктора Левина»	интерес, страх, отвращение, стыд и совесть	интерес, совесть, страх, стыд	наибольший прирост – эмоция страха	положительная	50%

пулятивной и директивно-формализованной стратегии в деятельности реального психолога, к признанию нормативности непрофессионализма в обыденном сознании. Психологи-мужчины в произведениях «Дневник сумасшедшего» и «Психолог, или ошибка доктора Левина» по своим характеристикам в целом соответствуют требованиям профессии, но к своему герою Анхель Де Куатье относится нейтрально, тогда как Б.Д. Минаев демонстрирует положительные чувства.

В обобщенном виде полученные с помощью контент-анализа результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. В четырех из пяти (80%) произведений современной художественной литературы образ психолога представляет собой собирательную характеристику, не соответствующую требованиям, представленным в профессиограмме специалиста в области психологии.

2. Отличительными характеристиками значительной доли (60%) портретов психолога, представленных в современной художественной литературе и не соответствующих требованиям к специалисту, обозначенным в профессиограмме, выступают: а) пренебрежение морально-этическими принципами профессиональной деятельности; б) достижение собственной выгоды за счет применения в процессе реализации профессиональной деятельности манипулятивных форм и средств взаимодействия с клиентами.

3. В 60% избранных для анализа произведений авторы косвенно формируют у читателя предвзятое отношение к личности психолога, характеризуя его как специалиста с «выдающимися» способностями, используемыми для воздействия на сознание людей, манипулирования им в собственных, эгоистически направленных целях. Соответственно, формируемое у читателя представление о психологе может оказать неблагоприятное влияние как на его отношение к специалисту в целом, даже в случае острой необходимости в психологической помощи, так и на уровень доверия в процессе взаимодействия со специалистом.

Подводя краткий итог, отметим, что портреты психолога в художественных произведениях не только являются отражением сложившихся в обществе представлений о специалисте, но и, обладая эмоциональной насыщенностью, могут выступать стимулом для их формирования или изменения в субъективном восприятии читателя. Художественная литература, по сути, есть особый ресурс по амплификации образа профессионала, особенно в тех случаях, когда персонаж-психолог наделен характеристиками, соответствующими научно обоснованным требованиям к представителям данной профессии. Это особенно значимо на начальных этапах освоения студентами избранной профессии, когда потребность в профессиональной идентификации актуальна. Не умаляется в плане профессионального саморазвития студентов и значение отрицательных портретов психолога, которые содержат характеристики, указывающие на низкий уровень профессиональной компетентности. Сравнительно-сопоставительный анализ таких портретов с требованиями профессиограммы важен как для развития аналитических способностей студентов, так и для адекватного самоопределения в профессионально-личностной перспективе.

Выражаем свою благодарность Константину Львовичу Лидину, кандидату технических наук, доценту кафедры менеджмента ИрГУПС, за предоставление программного продукта «Имидж-эксперт Poisk» и помощь в автоматизированной обработке данных.

Примечания

1. Например, фильмы «Бес» (Россия, 2008, режиссер Д. Родимин, в ролях Е. Сидихин, А. Мельникова), «Путь к себе» (Россия, 2010, режиссер А. Мазунов, в ролях Г. Тарханова, А. Финягин, М. Евланов), «Опасный метод» (Германия, Канада, 2011, режиссер Д. Кроненберг, в ролях К. Найтли, В. Мортенсен, М. Фассбендер, В. Кассель) и др. Перечень фильмов о психологии, психотерапии представлен на интернет-странице http://e-greenberg.livejournal.com/35552.html.

2. В проведении исследования принимали участие студенты факультета психологии НГПУ А.В. Кречетова, Т.С. Архипова, О.Ю. Горбатенко.

3. Заметим, что имя и отчество психолога в романе Б.Д. Минаева «Психолог, или ошибка доктора Левина» ассоциативно имени и отчеству Выготского, который так же, как и герой произведения, не имел психологического образования, но при этом достиг профессиональных вершин и общественного признания.

Список литературы

1. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.

2. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Институт практической психологии. Воронеж: МОДЭК, 1996. 400 с.

3. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2003. 480 с.

4. Фонарев А.Р. Психология становления личности профессионала. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2005. 240 с.

5. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М: Академический проект, 2008. 336 с.

6. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

7. Лидин К.Л. Психология имиджа. Иркутск: ИГУ, 2005. 104 с.

8. Байгужинова О.А., Белобрыкина О.А. Образ психолога в обыденном и профессиональном сознании: общее и особенное // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: Материалы Междунар. междисциплинарной науч.-практ. конф. / Под науч. ред. М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Альфа Виста, 2010. С. 20–23.

9. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985. 233 с.

10. Сутович Е.И., Полещук Ю.А. Формирование образа профессионала у будущих субъектов профессиональной деятельности посредством межвузовского взаимодействия // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: Сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. Вып. 11 / Под. ред. В.Ф. Беркова. Минск: РИВШ, 2011. С. 366–373.

11. Вачков И.В., Гриншпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2007. 464 с.

12. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. М.: Логос, 2012. 324 с.

13. Собчик Л.Н. Психодиагностика в профориентации и кадровом отборе. СПб.: Речь, 2002. 72 с.

14. Решетникова О.В. Безопасна ли психологическая культура // Школьный психолог. 2004. № 1. С. 26–27.

15. Савенков А.И. Психология лжи, или почему люди верят астрологам и хиромантам // Школьный психолог. 2006. № 5. С. 8–10.

16. Белобрыкина О.А. Профессия психолога в свете проблемы гуманизации образования // Развитие человека в современном мире: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. О.А. Белобрыкиной, О.А. Шамшиковой. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 195–201.

17. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. М.: Азбука, 2000. 336 с.

18. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. 344 с.

19. Сартан М.Н. Роль профессиональных и популярных СМИ в формировании образа психолога // Психолог и общество: диалог о взаимодействии. М.: Региональный общественный фонд «Центр русского языка», 2008. С. 35–36.

20. Романова Е.С. 147 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. М.: Аспект Пресс, 2011. 416 с.

21. Этические проблемы деятельности практического психолога: Материалы науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Ю.А. Шаранова. СПб.: Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии, 2008. 243 с.

22. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Класс, 1994. 144 с.

23. Белобрыкина О.А. Профессионально-личностный портрет психолога в современной художественной литературе как средство актуализации аналитических способностей студентов-психологов // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: Матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / Под науч. ред. М.Г. Чухровой. Новосибирск: Архивариус-Н, 2013. С. 112–126.

24. Лидин К.Л. Психологические механизмы воздействия образа на эмоциональную сферу личности. Иркутск: ИГУ, 2004. 116 с.

25. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. № 49. P. 197–237.

26. Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.

THE ROLE OF ART IN SHAPING THE IMAGE OF A PROFESSIONAL
(illustrated by the example of the profession "psychologist")

O.A. Belobrykina

The article analyzes the role of art in shaping the image of a professional. The debatable nature of the problem of professional competence of psychologists in modern social and cultural conditions is noted, which influences the shaping of a professional's image in society. A brief description of the typology of a psychologist's image existing in ordinary consciousness is given. The results of research of a professional and personal portrait of the psychologist being one of characters in the works of modern fiction are presented.

Keywords: psychologist, professionally relevant qualities, ethical principles, image, emotional conditions, fiction.

References

1. Markova A.K. Psikhologiia professionalizma. M.: Znanie, 1996. 308 s.
2. Klimov E.A. Psikhologiia professionala. M.: Institut prakticheskoi psikhologii. Voronezh: MODEK, 1996. 400 s.
3. Priazhnikov N.S., Priazhnikova E.Iu. Psikhologiia truda i chelovecheskogo dostoinstva. M.: Akademiia, 2003. 480 s.
4. Fonarev A.R. Psikhologiia stanovleniia lichnosti professionala. M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2005. 240 s.
5. Zeer E.F. Psikhologiia professii. M: Akademicheskii proekt, 2008. 336 s.
6. Shneider L.B. Professional'naia identichnost'. M.: MOSU, 2001. 272 s.
7. Lidin K.L. Psikhologiia imidzha. Irkutsk: IGU, 2005. 104 s.
8. Baiguzhinova O.A., Belobrykina O.A. Obraz psikhologa v obydennom i professional'nom soznanii: obshchee i osobennoe // Psikhologo-pedagogicheskie tekhnologii v usloviiakh innovatsionnykh protsessov v meditsine i obrazovanii: Materialy Mezhdunar. mezhdistsiplinarnoi nauch.-prakt. konf. / Pod nauch. red. M.G. Chukhrovoi, O.A. Belobrykinoi. Novosibirsk: Al'fa Vista, 2010. S. 20–23.
9. Smirnov S.D. Psikhologiia obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniia. M.: MGU, 1985. 233 s.
10. Sutovich E.I., Poleshchuk Iu.A. Formirovanie obraza professionala u budushchikh sub"ektov professional'noi deiatel'nosti posredstvom mezhvuzovskogo vzaimodeistviia // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: Sb. nauch. st. V 2 ch. Ch. 2. Vyp. 11 / Pod. red. V.F. Berkova. Minsk: RIVSh, 2011. S. 366–373.
11. Vachkov I.V., Grinshpun I.B., Priazhni-kov N.S. Vvedenie v professiiu «psikholog». M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2007. 464 s.
12. Stoiukhina N.Iu. Istoriia sovetskoi psikhotekhniki: psikhologiia vozdeistviia. M.: Logos, 2012. 324 s.
13. Sobchik L.N. Psikhodiagnostika v proforientatsii i kadrovom otbore. SPb.: Rech', 2002. 72 s.
14. Reshetnikova O.V. Bezopasna li psikhologicheskaia kul'tura // Shkol'nyi psikholog. 2004. № 1. S. 26–27.
15. Savenkov A.I. Psikhologiia lzhi, ili pochemu liudi veriat astrologam i khiromantam // Shkol'nyi psikholog. 2006. № 5. S. 8–10.
16. Belobrykina O.A. Professiia psikhologa v svete problemy gumanizatsii obrazovaniia // Razvitie cheloveka v sovremennom mire: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. / Pod red. O.A. Belobrykinoi, O.A. Shamshikovoi. Novosibirsk: NGPU, 2006. S. 195–201.
17. Bakhtin M.M. Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. M.: Azbuka, 2000. 336 s.
18. Vygotskii L.S. Psikhologiia iskusstva / Pod red. M.G. Iaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1987. 344 s.
19. Sartan M.N. Rol' professional'nykh i populiarnykh SMI v formirovanii obraza psikhologa // Psikholog i obshchestvo: dialog o vzaimodeistvii. M.: Regional'nyi obshchestvennyi fond «Tsentr russkogo iazyka», 2008. S. 35–36.
20. Romanova E.S. 147 populiarnykh professii. Psikhologicheskii analiz i professiogrammy. M.: Aspekt Press, 2011. 416 s.
21. Eticheskie problemy deiatel'nosti prakticheskogo psikhologa: Materialy nauch.-prakt. konf. / Pod obshch. red. Iu.A. Sharanova. SPb.: Sankt-Pe-terburgskii institut psikhologii i akmeologii, 2008. 243 s.
22. Mei R. Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniia. M.: Klass, 1994. 144 s.
23. Belobrykina O.A. Professional'no-lichnostnyi portret psikhologa v sovremennoi khudozhestvennoi literature kak sredstvo aktualizatsii analiticheskikh sposobnostei studentov-psikhologov // Psikhologo-pedagogicheskie tekhnologii v usloviiakh innovatsionnykh protsessov v meditsine i obrazovanii: Mater. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Pod nauch. red. M.G. Chukhrovoi. Novosibirsk: Arkhivarius-N, 2013. S. 112–126.
24. Lidin K.L. Psikhologicheskie mekhanizmy vozdeistviia obraza na emotsional'nuiu sferu lichnosti. Irkutsk: IGU, 2004. 116 s.
25. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. № 49. P. 197–237.
26. Zhuravlev A.P. Zvuk i smysl. M.: Prosveshchenie, 1991. 160 s.

УДК 378; 378.14

ОЦЕНКА БИОЭТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ КАК ЭТАП В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАНИЯ ПРИНЦИПАМ БИОЭТИКИ У СТУДЕНТОВ-БИОЛОГОВ

© 2014 г.

К.Д. Дятлова, И.М. Швец

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

xenia5204@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Представлены теоретические подходы к отслеживанию сформированности у студентов-биологов общекультурной компетенции ОК-1 – следования этическим и правовым нормам в отношении других людей и природы (биоэтической компетенции). Обоснованы позиции первого этапа – сформированности знаний по биоэтике. Даны материалы по составлению и апробации теста по биоэтике на основе не только содержания учебного предмета, но и принципов и приёмов, предлагаемых тестологической наукой и позволяющих определить знания по использованию принципов биоэтики в профессиональной и жизненной практике. Тесты были апробированы среди студентов биологического факультета Нижегородского госуниверситета в ходе педагогического эксперимента.

Ключевые слова: биоэтика, педагогический тест, компетенция, знания, апробация.

Первой общекультурной компетенцией (ОК-1), которую Федеральный государственный образовательный стандарт III поколения выделяет для выпускников биологических факультетов классических университетов, является следование принципам биоэтики – этическим и правовым нормам в отношении других людей и в отношении природы [1]. Выработка биоэтической компетенции – сложный, многоплановый долговременный процесс, реализующийся в ходе всего обучения в вузе и включающий несколько этапов, на каждом из которых ставятся свои цели и решаются соответствующие задачи. Схематично последовательность этих этапов может быть выражена цепочкой: формирование биоэтических знаний – формирование компетенции – формирование отношений – формирование убеждений – формирование компетентности. Для вуза по меньшей мере возможно отслеживание знаний, компетенции и отношений. Для оценки степени сформированности убеждений и компетентности потребуется долгий срок: необходимо накопление выпускником профессионального и жизненного опыта, а также контакт с ним при наличии у исследователя соответствующего инструментария.

В вузе же контроль сформированности биоэтических отношений следует проводить постоянно и последовательно в ходе всего обучения, что обусловливает необходимость разработки фонда оценочных средств, который должен включать в себя контрольно-измеритель-ные материалы по крайней мере трех видов (границы между которыми не всегда являются чёткими):

1) материалы для оценки знаний;

2) материалы для оценки компетентности (применения биоэтических принципов в деятельности);

3) материалы для оценки отношений [2].

Установление теоретической базы по разработке фонда оценочных средств, позволяющих отследить сформированность биоэтической компетенции, и определило **проблему** нашего исследования. Наиболее простой задачей представляется проверка усвоения полученных знаний о биоэтических проблемах и принципах (первый этап интериоризации биоэтических отношений). Здесь возможны любые формы контроля, но предпочтительным представляется использование педагогических тестов. Именно это и являлось **целью** данной работы. Радикальное отличие теста от обычных заданий состоит не в форме представления заданий, а в опоре на теорию педагогических измерений в процессе его создания и применения, что позволяет получить ряд важных преимуществ, отсутствующих в тех случаях, когда не используются тесты.

Так, В.А. Аванесов выделяет пять основных преимуществ настоящих тестов:

– высокая научная обоснованность, позволяющая получать объективированные оценки уровня подготовленности испытуемых;

– технологичность тестовых методов;

– точность измерений;

– наличие одинаковых для всех пользователей правил проведения педагогического контроля и адекватной интерпретации тестовых результатов;

– сочетаемость тестовой технологии с другими современными образовательными технологиями [3].

Расшифровывая и дополняя тезисную форму положений В.С. Аванесова, можно с уверенностью выделить следующие главные достоинства тестового педагогического контроля:

– 100-балльная шкала научно обоснованного тестирования позволяет значительно точнее и объективнее, чем традиционная 4-балльная шкала, оценить разницу между подготовленным и неподготовленным человеком;

– тест отличается от экзамена, контрольной работы и даже устного опроса большим количеством заданий и охватом всех или почти всех контролируемых элементов содержания учебного материала, что обеспечивает контролю его системность и связность;

– тест предлагается участникам в нескольких (2–10) параллельных вариантах, равнозначных по содержанию и трудности заданий, поэтому все тестируемые, в отличие от экзамена с «трудными» и «легкими» билетами, оказываются в равном положении;

– оценка выполнения теста строго формализована (тестовые задания составлены так, что имеют только один правильный ответ, никакие варианты толкования невозможны) и поэтому объективна, в отличие от экзамена с его субъективизмом, который объясняется возникновением межличностных отношений между экзаменующимся и экзаменаторами на устном экзамене или субъективным толкованием полноты и правильности ответа разными экзаменаторами при проверке письменного экзамена;

– «физиологическая стоимость» тестирования значительно ниже, чем устного и даже письменного экзамена: оно сопровождается менее выраженными вегетативными сдвигами, причем они носят качественно иной характер, свидетельствуя о реакции мобилизации (продуктивного эмоционального напряжения, – именно поэтому большинство учащихся предпочитает тестирование экзамену);

– технологическое преимущество тестов проявляется в автоматизации рутинных компонентов обучения и контроля знаний;

– возможность интеграции результатов тестового контроля в рейтинговую технологию оценки знаний и умений любой группы учащихся (класс, курс) делает контроль более объективным и «прозрачным» и позволяет осуществлять мониторинг индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося;

– тесты, в отличие от традиционных средств контроля, выявляют не только уровень подготовки, но и структуру знаний учащихся на содержательном и деятельностном уровнях, вернее, степень её отклонения от идеальной структуры, планируемой педагогом (типичные и/или индивидуальные ошибки и упущения на уровне вопроса, темы, раздела);

– работа с тестами способствует развитию у учащихся аналитических способностей, формирует системное мышление, позволяет лучше усвоить предмет [4].

К сожалению, большая часть тестов, которые все шире применяются для текущего, тематического, рубежного и итогового контроля, как правило, составлена педагогами-предметниками, не знающими правил и канонов тестологии, поэтому качество тестов невысоко, а следовательно, результатам такого тестирования нельзя доверять. До сих пор широкому кругу пользователей тестов (преподавателям вузов, студентам) остаются неизвестными принципы составления предметных педагогических тестов, критерии оценки успешности их выполнения, а главное – критерии качества самих тестов, поскольку общедоступных пособий по тестологии не существует. Работы российских ученых-тестологов (В.С. Аванесов, М.Б. Челышкова, А.И. Майоров, В.Ю. Переверзев) носят очень специальный характер и не ориентированы на рядового составителя тестов. Кроме того, даже имеющиеся тестовые материалы используются преподавателями непродуктивно: в результате тестирования только выставляется отметка студенту. А ведь качественный тест позволяет оценить структуру знаний отдельного ученика и группы на содержательном и деятельностном уровне. Тест выявляет типичные ошибки и их причины, показывает, какими видами знаний и умений обладает ученик и на каком уровне. Следовательно, по итогам тестирования можно индивидуализировать обучение, реализуя одну из важнейших современных тенденций образования. Специально составленные тесты способствуют развитию у учащихся аналитических способностей, формируют системное мышление, позволяют лучше усвоить предмет.

Мы попытались **создать итоговый тест по биэтике** для студентов четвертого курса биологического факультета университета, используя не только знание предмета, но и принципы и приемы, предлагаемые тестологической наукой. Наш тест отличается от большинства предлага-

емых и приближается к стандартизированным тем, что он:

– содержит спецификацию – полное и всеобъемлющее описание теста;

– содержит два параллельных варианта, составленных согласно спецификации и равнозначных по содержанию, форме, трудности и деятельностным характеристикам заданий благодаря использованию принципов обратимости и фасета при составлении заданий;

– является полиморфным, так как содержит закрытые и открытые задания четырех форм, позволяющие актуализировать разные операционные компоненты мышления (мыслительные операции): аналогию, классификацию, сравнение, обобщение;

– содержит задания, строго соответствующие по форме канонам отечественной тестологии;

– учитывает и оценивает не только содержательные, но и деятельностные характеристики заданий (уровень усвоения знаний).

Тест составлен на основе учебной программы курса «Биоэтика», разработанной проф. Н.А. Добротиной, и ряда учебников и учебных пособий [5–8]. Он является критериально ориентированным (максимальный охват содержания предмета, преобладание несложных заданий, сравнение ответов с нормами). На отметку «3» необходимо правильно выполнить более чем 40% заданий ($К_3$ = 40%), на «4» – более чем 60% ($К_4$ = 61%), $К_5$ = 80%. Тест состоит из двух вариантов, каждый содержит 25 заданий четырех форм.

Задания 1 и 2 являются открытыми тестовыми заданиями дополнения на установление аналогии.

Пример

Установите аналогию:

Этология: Ж.С. Сент-Иллер = Биоэтика : ? (В.Р. Поттер)

– Задание 3 является типичным открытым тестовым заданием дополнения в форме незаконченного предложения:

Пример

Психологический механизм самооценки, сравнивающий своё поведение через призму высших нравственных ценностей с теми идеалами, которым человек хотел бы следовать, – это … (совесть)

Задания 4–9 и 12–25 являются типичными закрытыми тестовыми заданиями множественного выбора одного правильного ответа из четырех предложенных (в форме незаконченных предложений).

Пример

Базовыми компонентами индивидуального морального сознания являются

1) разум
2) разум и чувства
3) разум, чувства, воля
4) разум, чувства, воля и поступки

Задания 10 и 11 являются закрытыми тестовыми заданиями множественного выбора одного правильного ответа из четырех предложенных на установление соответствия.

Пример

Установите соответствие:

Страна и эпоха	Основные этические положения
1. Древняя Индия 2. Древний Китай 3. Древняя Греция	А. Преданность и почитание родителей Б. Принцип ненасилия по отношению ко всему живому В. Мудрец придерживается принципа недеяния Г. Смысл жизни и судьбы – следование законам природы Д. Главное – всеобщая межчеловеческая любовь

1) 1АБ2ВД3Г
2) <u>1Б2АВД3Г</u>
3) 1Б2ГД3АВ
4) 1БГ2АВ3Д

При составлении тестовых заданий и теста в целом мы придерживались классической схемы: выбор контролируемого элемента содержания – выбор уровня усвоения знаний – выбор формы тестового задания – композиция теста [4]. Задания были сгруппированы в пять разделов и расположены в тесте согласно логике предмета (табл. 1). Оценка всех заданий дихотомическая (0–1 балл).

Неотъемлемой составляющей нашего теста является его план, входящий в спецификацию (табл. 1).

Наиболее интересной особенностью нашего теста является **атрибутирование тестовых заданий по уровням усвоения знаний**. Под уровнем усвоения знаний мы понимаем вид познавательной деятельности, которую необходимо актуализировать, чтобы выполнить данное задание. Как известно, все виды деятельности выполняются на основе усвоенной ранее информации. То есть «уровень усвоения» есть интегральный показатель, сочетающий содержательный и деятельностный компоненты. В настоящее время отсутствует устоявшееся мнение по поводу количества уровней усвоения. Но, поскольку ключевыми требованиями к учащемуся являются требования «знать»,

Таблица 1

План теста по курсу «Биоэтика»

№ задания в тесте	Элемент содержания (тема и вопросы)	Уровень усвоения знаний	Ориентировочная трудность задания*, %	Время выполнения задания, мин
1	**Введение в основы этики** Основные понятия морали	творческий	60	2
2	История биоэтики	творческий	50	2
3	Основные понятия морали	репродуктивный	30	2
4	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
5	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
6	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
7	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
8	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
9	Основные понятия морали	репродуктивный	70	1
10	Этика в древнем мире	репродуктивный	60	2
11	Этика в Европе (Средневековье – Новое время)	репродуктивный	60	2
12	**Основные концепции происхождения нравственности** Научные представления о природе нравственности	репродуктивный	70	1
13	**Научные и философские взгляды на проблему взаимоотношения человека с живым** Основная проблема биоэтики	репродуктивный	90	1
14	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	репродуктивный	70	1
15	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	репродуктивный	70	1
16	Философские взгляды, исторически определяющие отношение к живому	репродуктивный	70	1
17	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	репродуктивный	50	1
18	Философское обоснование прав животных	репродуктивный	90	1
19	Сферы интересов современной биоэтики	репродуктивный	80	1
20	Специфика этики использования живых организмов в разных видах человеческой деятельности	творческий	40	1
21	Специфика этики использования живых организмов в разных видах человеческой деятельности	творческий	60	1
22	Общественные движения в защиту живого	репродуктивный	80	1
23	**Правовое регулирование отношений к живому в современном мире** Нормативные документы в области биоэтики человека	репродуктивный	60	1
24	**Современные течения в биоэтике** Экологическая этика	репродуктивный	80	1
25	Современные общественные движения в защиту живого	репродуктивный	70	1
	Среднее значение		66.4	
	Всего			30

* Трудность тестового задания – процент респондентов, верно выполнивших данное задание.

«уметь», «применять знания и умения», число уровней усвоения учебных знаний большинство исследователей сводит к трем:

1) воспроизведение, цитирование, репродукция (понятийный уровень – «знать»);

2) решение по образцу, реализация стандартного алгоритма (алгоритмический уровень – «уметь» и «применять знания и умения»);

3) применение знаний в измененной или незнакомой ситуации (творческий, аналитический

уровень – «применять знания и умения в новой ситуации»); главное условие при этом – нестандартный характер содержательной части или формы задания, постановка вопроса, на который нет прямого ответа в используемых учебных пособиях [4; 9].

Как явствует из плана, мы оценивали знания только на репродуктивном и творческом уровнях усвоения. Алгоритмический уровень усвоения знаний в данном предмете нереализуем, поскольку биоэтические задачи не могут иметь жестких схем решения. Задания репродуктивного уровня усвоения доминировали в тесте.

Пример

Парадигму биоцентризма в этике впервые ввёл и аргументировал

1) И. Кант
2) Э. Фромм
3) Ч. Дарвин
4) А. Швейцер

Задания творческого уровня усвоения составляли всего 16% от общего число заданий в тесте.

Пример

Наиболее приемлемым с точки зрения биоэтики является

1) клонирование
2) ксенотрансплантация
3) использование абортивного материала
4) использование синтетических материалов для трансплантации.

Апробация данного теста была проведена в группе из 35 студентов четвертого курса биологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, прослушавших курс биоэтики (лектор – профессор Н.А. Добротина). Студенты не были предупреждены о тестировании и не готовились к нему. Средняя трудность тестовых заданий, полученная в результате апробации, приведена в таблице 2.

Таблица 2

Результаты апробации теста по курсу «Биоэтика»

№ задания в тесте	Элемент содержания (вопросы)	Ориентировочная трудность задания, %	Средняя трудность задания, %	
			1 вариант	2 вариант
1	Основные понятия морали	60	26	19
2	История биоэтики	50	31.5	87.5
3	Основные понятия морали	30	10	12.5
4	Основные понятия морали	70	74	62
5	Основные понятия морали	70	63	56
6	Основные понятия морали	70	26	31
7	Основные понятия морали	70	16	19
8	Основные понятия морали	70	37	25
9	Основные понятия морали	70	37	31
10	Этика в древнем мире	60	31.5	56
11	Этика в Европе (Средневековье – Новое время)	60	27	31
12	Научные представления о природе нравственности	70	47	25
13	Основная проблема биоэтики	90	68	81
14	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	70	37	62
15	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	70	68	56
16	Философские взгляды, исторически определяющие отношение к живому	70	42	32,5
17	Философские взгляды, определяющие отношение к живому в современном мире	50	16	19
18	Философское обоснование прав животных	90	63	75
19	Сферы интересов современной биоэтики	80	79	44
20	Специфика этики использования живых организмов в разных видах человеческой деятельности	40	23	37.5
21	Специфика этики использования живых организмов в разных видах человеческой деятельности	60	84	75
22	Общественные движения в защиту живого	80	42	37.5
23	Нормативные документы в области биоэтики человека	60	37	19
24	Экологическая этика	80	37	25
25	Современные общественные движения в защиту живого	70	63	62
	Среднее значение	66.4	43.4	43.22

Тест оказался более труден для студентов, чем ожидалось: средняя трудность равна 43%, то есть в целом группа ответила только на «тройку», что, безусловно, объяснимо, так как оценивались, по сути, остаточные знания после курса лекций.

Достоинством теста можно считать равную трудность первого и второго варианта. Равнозначность вариантов доказывает и то, что коэффициент корреляции трудностей заданий между ними высок ($r = 0.65$ при $p < 0.05$). Кроме того, соотношение студентов, выполнивших тест с низкой (менее 30%), средней (30–50%) и высокой (более 50%) успешностью оказалось схожим: при выполнении первого варианта 16%:74%:10%, второго – 19%:62%:19%.

Самым сложным для студентов оказалось открытое задание дополнения – ТЗ № 3 (подобное, впрочем, неоднократно упоминалось исследователями [3; 4; 9]). Задания на аналогию и классификацию были выполнены не лучшим образом, то есть эти мыслительные операции нуждаются в развитии и тренировке. Наиболее лёгкими оказались для студентов задания по темам «Основная проблема биоэтики», «Философское обоснование прав животных», «Специфика этики использования живых организмов в разных видах человеческой деятельности» и «Современные общественные движения в защиту живого», **следовательно, основные понятия и положения дисциплины ими усвоены**. Задания творческого уровня выполнены на уровне, выше среднего (51.2%), то есть студенты могут оперировать полученными знаниями, хотя собственно знаниевая подготовка на момент тестирования была недостаточна.

Безусловно, данные **результаты** могут быть расценены только как предварительные, но необходимые для коррекции теста. Главными направлениями модификации теста должны быть включение большего числа открытых тестовых заданий, заданий на установление аналогии и соответствия, а также заданий, оценивающих творческий уровень усвоения знаний. Внедрение корректированного теста в учебный процесс позволит адекватнее оценить биоэтические знания студентов и перейти к оценке компетенции и отношений.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Биоэтика как фактор развития профессионального биологического образования» № 12-06-00335.

Список литературы

1. Мелехова О.П. Методология перехода на уровневую систему подготовки в соответствии с новой нормативной базой высшего биологического образования. М.: МГУ, 2010. 254 с.
2. Дятлова К.Д., Швец И.М. Оценочные средства для мониторинга сформированности биоэтических отношений студентов биологических факультетов университетов // Методики и технологии обеспечения и оценки качества образования: Сборник материалов международной научной конференции, Украина, г. Киев, 26–28 июня 2013 г. [Электронный ресурс] / Под ред. В.В. Ткачевой. Киров: МЦНИП, 2013. С. 16–22. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
3. Аванесов В.С. Основы педагогической теории измерений // Педагогические измерения. 2004. № 1. С. 15–21.
4. Андреева Н.Д., Дятлова К.Д. Тестовый контроль биологических знаний: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 143 с.
5. Лукьянов А.С. Биоэтика с основами биоправа: Учебное пособие. М.: Научный мир, 2008. 360 с.
6. Биоэтика: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Лопатина. 4-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 272 с.
7. Введение в биоэтику: Учебное пособие / А.Я. Иванюшкин, В.Н. Игнатьев, Р.В. Коротких и др. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
8. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе: Учебное пособие. М.: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина, 1997. 148 с.
9. Челышкова М.Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: Учебное пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. 410 с.

ASSESSMENT OF BIOETHICAL KNOWLEDGE AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE GENERAL CULTURAL COMPETENCY (ADHERING TO BIOETHICS PRINCIPLES) IN BIOLOGY STUDENTS

K.D. Dyatlova, I.M. Shvets

The paper presents theoretical approaches to tracking the development of the general cultural competency GC-1 in biology students. The essence of this bioethical competency is to adhere to ethical and legal norms in relation to other people and nature. Special attention is given to the substantiation of the first stage, the development of knowledge in bioethics. The article discusses the question of compilation and application of a test in bioethics based not only on the content of the curriculum subject, but also on the principles and methods offered by testology and enabling the assessment of student knowledge of implementation of bioethical principles in professional work and life. Tests were tried out among students of the Faculty of Biology of the Nizhni Novgorod State University during a pedagogical experiment.

Keywords: bioethics, pedagogical test, competence, knowledge, testing.

References

1. Melekhova O.P. Metodologiia perekhoda na urovnevuiu sistemu podgotovki v sootvetstvii s novoi normativnoi bazoi vysshego biologicheskogo obrazovaniia. M.: MGU, 2010. 254 s.

2. Diatlova K.D., Shvets I.M. Otsenochnye sredstva dlia monitoringa sformirovannosti bioeticheskikh otnoshenii studentov biologicheskikh fakul'tetov universitetov // Metodiki i tekhnologii obespecheniia i otsenki kachestva obrazovaniia: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ukraina, g. Kiev, 26–28 iiunia 2013 g. [Elektronnyi resurs] / Pod red. V.V. Tkachevoi. Kirov: MTsNIP, 2013. S. 16–22. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). Zagl. s etiketki diska.

3. Avanesov V.S. Osnovy pedagogicheskoi teorii izmerenii // Pedagogicheskie izmereniia. 2004. № 1. S. 15–21.

4. Andreeva N.D., Diatlova K.D. Testovyi kontrol' biologicheskikh znanii: Uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2012. 143 s.

5. Luk'ianov A.S. Bioetika s osnovami bioprava: Uchebnoe posobie. M.: Nauchnyi mir, 2008. 360 s.

6. Bioetika: Uchebnik dlia vuzov / Pod red. V.P. Lopatina. 4-e izd. M.: GEOTAR-Media, 2009. 272 s.

7. Vvedenie v bioetiku: Uchebnoe posobie / A.Ia. Ivaniushkin, V.N. Ignat'ev, R.V. Korotkikh i dr. M.: Progress-Traditsiia, 1998. 381 s.

8. Pavlova T.N. Bioetika v vysshei shkole: Uchebnoe posobie. M.: MGAVMiB im. K.I. Skriabina, 1997. 148 s.

9. Chelyshkova M.B. Teoriia i praktika konstruirovaniia pedagogicheskikh testov: Uchebnoe posobie. M.: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2001. 410 s.

УДК 37.011.31 (597:470)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА УЧИТЕЛЕЙ ВЬЕТНАМА И РОССИИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

© 2014 г.

Май Куок Хань

Шуйский филиал Ивановского госуниверситета

khanhthao29@gmail.com

Поступила в редакцию 05.11.2014

Проводится сравнительный анализ профессионализма учителей начальной школы в феодальных Вьетнаме и России по следующим критериям: факторы, влияющие на формирование профессионализма; принципы, лежащие в основе профессионализма; письменность, которой владел учитель.

Ключевые слова: начальное образование, феодальный Вьетнам, феодальная Русь, сравнительный анализ, профессионализм.

Профессионализм, т.е. хорошее владение своей профессией [1, с. 646], ценился у всех народов и во все времена. Появление профессии учителя, как государственно значимой, уходит вглубь истории и, ввиду плохой сохранности документов и отсутствия прямых фактов, не поддается прямому изучению. Косвенные данные, тем не менее, позволяют сделать ряд выводов, достаточных для сравнительного анализа профессионализма учителей Вьетнама и России в феодальный период. Изучение такой важной категории, как педагогический профессионализм, применительно к разным странам способствует лучшему пониманию его современного состояния и позволяет избежать ошибок прошлого. Эпоха феодализма интересна тем, что именно в это время в разных странах активно начала проявлять себя группа людей, профессией которых было обучение молодежи.

В основе учительской деятельности, надо полагать, изначально лежал интуитивно сложившийся житейский педагогический опыт. Трансляция социального опыта и знаний в поколениях обозначала его передачу от «мастеров образования» к ученикам по типу передачи профессионального опыта от мастера к подмастерью. Из истории известно, что в первых образовательных учреждениях обучали в основном грамотности.

Представления о педагогическом профессионализме в феодальном Вьетнаме можно определить в результате анализа общественных требований, предъявлявшихся к педагогам. В то время учителя назывались Тхау До. По мнению исследователей образования Древнего Вьетнама [2, с. 11], учителем можно было стать при условии отличного обучения в школе. При этом не требовалось дополнительного получения более высокой квалификации. В учительскую профессию также приходили и те люди, которые имели соответствующую профессиональную подготовку, но не сдали государственный экзамен на получение должности чиновника. Учителями становились и бывшие чиновники – пенсионеры. Таким образом, можно выделить ведущий и минимально достаточный показатель, позволявший человеку занимать должность учителя – отличное обучение в школе. Вместе с тем отличники имели возможность получить государственные должности и стать чиновниками. В феодальном Вьетнаме были распространены государственные экзамены, устраиваемые монархами для того, чтобы определить профессиональную принадлежность претендентов. Как отмечалось, государственный чиновник, изначально обладавший знаниями, за время своей службы получивший огромный опыт и ушедший на пенсию, также мог стать учителем. К «знаниевому» показателю здесь можно прибавить опыт деятельности в государственном управлении. Таким образом, профессионализм учителя формировался в результате отличного обучения и факультативно в процессе накопления чиновником опыта управления.

Деятельность учителя в феодальном Вьетнаме находилась под сильным влиянием конфуцианства. Эта идеологическая система учений и доктрин, сформировавшаяся в Китае, называлась «Школой образованных людей». В образовании она проявилась в виде принципа «ученого книжника» [3, с. 321]. Конфуций считал, что «следует сохранять и должным образом развивать все лучшее, что осталось от прошлого» [4], эти взгляды проникли и в образование. Конфу-

ций нарисовал образ идеального человека, для которого была характерна система добродетелей. Так, одна из них, «Третья Постоянная Добродетель», характеризует человека как «человека знающего». Знания понимались как знание многочисленных правил жизни, в основном нравственных [4].

Можно полагать, что те люди, которые шли работать учителями во вьетнамские школы, обладали достаточным для своего времени профессионализмом. Об этом можно судить по тому, что направленность их профессиональной подготовки определялась китайским принципом «ученого книжника». Это подтверждается и описанием качеств, типичных для феодального учителя. Учительская профессия считалась «благородной». Учителя, согласно конфуцианскому учению, кроме хороших знаний должны были иметь высокие нравственные качества (в основе деятельности учителя лежал китайский принцип «нравственных назиданий»), обладать талантом, проповедовать идеи гуманизма. Высочайшее положение учителя в обществе хорошо отражает иерархическая триада «король, учитель, отец» [5]. Среди качеств, которыми обладали учителя феодального Вьетнама, отметим также любовь к своему народу и стране, расположенность к людям, контактность, высокое чувство ответственности за свое дело и владение методами передачи знаний школьникам [2, с. 11].

Заметим, что профессионализм (знания и первичный опыт) учитель мог приобрести разными путями. Это могло происходить в результате усвоения семейных традиций в том случае, если родители молодого человека были учителями. Распространен также был опыт приобретения профессии через самообучение – путем изучения книг и в общественной деятельности. Учителя могли организовывать учебные классы в деревнях и там накапливать опыт обучения молодежи [2, с. 12].

Обучение школьников во Вьетнаме велось на основе иероглифической письменности «Хан», заимствованой у китайцев в ходе культурного обмена (I в. до н.э.). За тысячу лет господства феодального Китая письменность «Хан» оказала сильное влияние на образование и культуру Вьетнама. Но уже с I в. н.э. стали употребляться отдельные слова национальной письменности «Ном», появление которой стало наиболее очевидным в VI в. А в XI–XIV вв. (начиная с династии Ли и до династии Чан), создание письменности «Ном» в основном было завершено [6].

Еще один аспект деятельности вьетнамского учителя-мастера связан с методикой обучения и также исходит из конфуцианства. Китайский консерватизм, проникший в образование Вьетнама, исследователи очень точно охарактеризовали словами Конфуция: «Я передаю, но не создаю» [3, с. 321]. В обучении использовались догматические методы: учитель в лекции приводил цитаты из книг Ты Тхы, Нгу Кинь или убеждения известных людей, объяснял изложенные мысли. Ученики внимательно слушали учителя, записывали. После каждого урока они должны были выучить наизусть записанные тексты и правильно и точно пересказать их [7, с. 15]. В контексте основополагающей идеи о «передаче знаний» от учителя к ученику, но не субъектного созидания знания самими учащимися и существовало все образование феодального Вьетнама.

Профессионализм учителя феодальной Руси определялся его грамотностью. Из источников известно, что в Древней Руси было много грамотных людей. Ученые считают, что славянская письменность распространялась на Руси вместе с проникновением христианства еще до его официального принятия [8, с. 148]. Распространение письменности и христианства совпадают по времени, и этот факт «явился чрезвычайно важным, определившим специфику педагогической культуры средневековой Руси» [8, с. 148]. При этом надо учитывать особенность русского населения, заключавшуюся в том, что христианское Священное писание воспринималось им достаточно критически. Это не было заимствование по типу копирования. Славянское языческое сознание постигало его книжную основу, «отбирая для себя в первую очередь то, что было близко и понятно» [8, с. 149]. Так порождалось православие, в котором акцент ставился «не столько на истинной добродетельной жизни христианина, сколько на требовании исполнения внешних обрядов – постов, праздников, причащений и т.п.» [8, с. 149]. Национальной особенностью Руси надо считать и тот факт, что славянская азбука была создана для своего, славянского языка Кириллом и Мефодием.

Первая школа «учения книжного» на Руси была открыта князем Владимиром Святославовичем вместе с принятием христианства; в X–XIII вв. учебные заведения существовали в крупных городах. В школе обучали грамоте, что было связано с большой потребностью государства в переписывании и переводе книг с иностранных языков на славянский [8, с. 150–151]. Соответственно, и требования к учителю были высокие. «Мастер грамоты» – так называли учителя – обучал учеников так же, как ремесленник обучал подмастерьев основам профессии: запоминание букв и произношения, трени-

ровка в написании, чтении; затем чтение молитв и переписывание псалтырных текстов. Начальный уровень образование предполагал обучение детей арифметике: нумерации и счету на счетной доске (на абаке). Это позволяло достичь довольно высокого уровня освоения элементарной грамотности [8, с. 155].

Учителями становились светские лица (мелкие служители канцелярий, приказных изб и т.д.), а также представители низшего духовенства (певчие, чтецы, диаконы) [8, с. 156].

Сравнительно-сопоставительный анализ профессионализма учителей феодального Вьетнама и Древней Руси мы провели по четырем критериям. Представим результаты сравнения.

1. *Факторы, которые влияли на формирование профессионализма учителя*, обнаруживают значительное различие. Во Вьетнаме профессионализм складывался в условиях консервативно заимствованного этико-религиозного китайского учения – конфуцианства. В феодальной Руси таким фактором явилось критически воспринятое и творчески переосмысленное христианство (ставшее православием), привнесенное в Древнюю Русь из Византии и принявшее национальные черты.

2. *Принципы, лежащие в основе профессионализма*. Во Вьетнаме профессионализм формировался на основе заимствованного китайского принципа «нравственных назиданий», выражавшийся в сформулированных Добродетелях. В феодальной Руси сложился национальный русский принцип неукоснительного исполнения внешних православных обрядов, канонов.

3. *Письменность, которой владел учитель*, на основе которой проводил обучение. Вьетнамские учителя использовали заимствованную китайскую письменность «Хан» (появилась в I в. до н.э.). Национальная вьетнамская письменность «Ном» окончательно сформировалась во время династии Чан (в XIV в.). В Древней Руси использовалась кириллица – славянская письменность, возникшая в IX в. (863 г.) для перевода религиозных греческих текстов на славянский язык.

4. *Парадигма обучения и методики* имели большое сходство. В обеих странах происходила передача информации от учителя к ученику. При этом ученик выступал в роли объекта обучения. В феодальном Вьетнаме ученики слушали и записывали цитаты и изречения, запоминали и пересказывали их. В феодальной Руси они должны были запоминать буквы и произношение, тренироваться в написании, чтении, переписывании религиозных текстов.

На основании рассмотренных критериев отчетливо видны и различия, и признаки общности в источниках возникновения начального образования во Вьетнаме и в России. Во Вьетнаме была заимствована нравственная основа китайского религиозно-этического учения без появления в нем национальных черт. Многие столетия использовался иностранный (китайский) язык. В Древней Руси было заимствовано христианство, которое в условиях глубоко укоренившегося язычества приобрело ярко выраженные национальные (православные) черты.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
2. Nguyễn, Gia Phu. Lịch sử giáo dục Việt Nam, Nhà xuất bản Đà Lạt, 1999.
3. Ерохин А.К. «Я передаю, но не создаю»: феномен Конфуция // Философия образования. 2007. № 4. С. 317–321.
4. Религии мира – Конфуцианство. – Режим доступа: http://schools.keldysh.ru/school1413/religija/conf.htm (дата обращения 19.03.2014).
5. Динь В.Т. Учитель в феодальном обществе Вьетнама. – Режим доступа: http://tcsgt.edu.vn/giao-dc-va-aj-to/bai-vit-v-giaj-dc/201-ban-v-ngi-thy-trong-xa-hi-phong-kin.html (дата обращения 14.04.2014).
6. История письменности во Вьетнаме. – Режим доступа: http//www.vnmilitaryhistory.net/index.php?topic=7774/0 (дата обращения 09.03.2014).
7. Bùi, Minh Hiền. Lịch sử giáo dục Việt Nam, Nhà xuất bản Đại học sư phạm Hà Nội, 2006.
8. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: Уч. пособие для пед. уч. заведений / Под ред. А.И. Пискунова. 2-е изд. М.: ТЦ Сфера, 2005. 512 с.

OMPARATIVE CHARACTERISTICS OF TEACHER PROFESSIONALISM IN FEUDAL VIETNAM AND RUSSIA

Mai Quoc Khanh

This paper presents a comparative analysis of the professionalism of primary school teachers in feudal Vietnam and Russia based on the following criteria: factors affecting the formation of professionalism; principles underlying professionalism; writing skills of the teacher.

Keywords: primary education, feudal Vietnam, feudal Russia, comparative analysis, professionalism.

References

1. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. M.: AZ", 1993. 960 s.

2. Nguyễn, Gia Phu. Lịch sử giáo dục Việt Nam, Nhà xuất bản Đà Lạt, 1999.

3. Erokhin A.K. «Ia peredaiu, no ne sozdaiu»: fenomen Konfutsiia // Filosofiia obrazovaniia. 2007. № 4. S. 317–321.

4. Religii mira – Konfutsianstvo. – Rezhim dostupa: http://schools.keldysh.ru/school1413/religija/conf.htm (data obrashcheniia 19.03.2014).

5. Din' V.T. Uchitel' v feodal'nom obshchestve V'etnama. – Rezhim dostupa: http://tcsgt.edu.vn/giao-dc-va-aj-to/bai-vit-v-giaj-dc/201-ban-v-ngi-thy-trong-xa-hi-phong-kin.html (data obrashcheniia 14.04.2014).

6. Istoriia pis'mennosti vo V'etname. – Rezhim dostupa: http//www.vnmilitaryhistory.net/index.php?topic=7774/0 (data obrashcheniia 09.03.2014).

7. Bùi, Minh Hiền. Lịch sử giáo dục Việt Nam, Nhà xuất bản Đại học sư phạm Hà Nội, 2006.

8. Istoriia pedagogiki i obrazovaniia. Ot zarozhdeniia vospitaniia v pervobytnom obshchestve do kontsa XX v.: Uch. posobie dlia ped. uch. zavedenii / Pod red. A.I. Piskunova. 2-e izd. M.: TTs Sfera, 2005. 512 s.

УДК 372.851

СПЕЦИФИКА ЗАДАНИЙ И ЗАДАЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА ТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО WEB-КВЕСТА

© 2014 г.

С.В. Напалков

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского

nsv-52@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Описывается специфика заданий и задачных конструкций тематического образовательного web-квеста, которые способствуют развитию познавательной самостоятельности школьников, что во многом способствует развитию интереса учащихся как к изучаемой теме, так и к математике в целом. Закладывается совокупность требований построения задачных конструкций дидактического назначения, адекватная целям и задачам, на достижение которых направлена задачная конструкция.

Ключевые слова: задачные конструкции, информационный контент, математическое образование, современные технологии обучения, тематический web-квест.

Введение

Современные образовательные задачи, решаемые учебными заведениями, связаны, в первую очередь, с развитием познавательной самостоятельности учащихся, для которого необходимо использование новых средств и технологий, в частности информационных. В качестве наиболее эффективного средства данной направленности следует признать тематические образовательные web-квесты. Однако эффективность реализации такой технологии определяется прежде всего спецификой тех поисково-познавательных заданий и задачных конструкций, которые составляют основу информационного контента.

Методология исследования

Особенности поисково-познавательных заданий во многом определяются основными положениями утвердившегося в методической науке деятельностного подхода к обучению математике, согласно которому решение задач является видом учебной деятельности, обеспечивающим и усвоение математического содержания, и формирование умений и навыков, и достижение развивающих целей образования. По мнению ряда современных отечественных педагогов-математиков (Я.И. Груденов, М.И. Зайкин, О.А. Иванов, Т.А. Иванова, Г.И. Саранцев, Л.М. Фридман, П.М. Эрдниев и др.), эффективность учебной работы напрямую определяется тем, какие именно задачи и в какой последовательности предлагаются учащимся, какими способами они решаются и насколько велика доля активности, самостоятельности учеников в процессе их решения.

При этом, как правомерно полагает профессор М.И. Зайкин, требуется приложить немало усилий для того, чтобы решение задач было ученикам в радость, доставляло им удовольствие, чтобы в процессе решения класс превращался в творческую мастерскую, в которой из фактического материала на глазах у всех рождались бы математические абстракции, возникающие при этом догадки будоражили пытливые детские умы, высказываемые гипотезы поражали своей смелостью, доказательства становились бы естественной потребностью стремления к истине [1].

Мы согласны с М.И. Зайкиным в том, что организовать такую работу детей по решению задач и управлять ею – большое искусство: здесь необходим сплав глубоких математических знаний и продуктивных методических идей, твердых педагогических убеждений и основательного коммуникативного опыта.

Весьма полезными могут оказаться не утратившие свою актуальность наставления французского педагога-математика начала прошлого столетия А. Лезана, считавшего, что нужно «сохранять видимость игры, уважать свободу ребенка, поддерживая иллюзию (если есть таковая) его собственного открытия истины» [2, с. 75].

К месту будут и указания известного американского педагога-математика Д. Пойа, который утверждал, что учащийся «должен приобрести как можно больше опыта самостоятельной работы. Но если он оставлен наедине с задачей без всякой помощи или если эта помощь недо-

статочна, – это может не принести ему никакой пользы. …Поэтому помощь учителя должна быть осторожной и неназойливой» [3, с. 125].

Ценными могут быть и советы многих выдающихся отечественных математиков и педагогов, учителей-новаторов, обычных школьных учителей математики, ежеурочно организующих решение задач на разных этапах усвоения учащимися математических знаний ([4–8] и др).

Но главное все же – это сами задачи, а точнее, задачные конструкции (системы, циклы, блоки, цепочки, серии и т.п.), подготовленные учителем или методистом к занятию.

«Именно они, − утверждает М.И. Зайкин, − могут по-настоящему и надолго увлечь школьников решением и вести их по ступеням познания к открытию математических истин, а, может быть, даже и к созданию небольших теорий. Именно они призваны и должны обеспечивать возникновение атмосферы продуктивной поисковой деятельности, а удел учителя – поддерживать накал взыгравшихся страстей, одухотворять познавательный процесс, насыщать его человеческими ценностями, направлять замыслы и устремления детей в нужное русло, следить за правильностью речевого общения и математических записей» [6, с. 14].

Поисково-познавательные задания – сердцевина и любого тематического образовательного web-квеста по математике. Все вместе они образуют задачную конструкцию особого рода, имеющую своё композиционное построение, функциональную направленность и лексическую форму.

В основу построения задачных конструкций дидактического назначения исследователями закладывается совокупность требований, адекватных целям и задачам, на достижение которых направлены данные конструкции. Различные авторы решают эту проблему по-разному.

Так, Г.И. Саранцев определяет общие требования к любой системе упражнений дидактического назначения, которая, по его мнению, должна:

– быть направлена на достижение сформулированной цели (формирование понятий, систематизация, усвоение знаний, умений, навыков);

– предусматривать определённую последовательность задач, причём число однотипных упражнений не должно превышать трёх;

– предупреждать установление ложных ассоциативных связей;

– включать задания на прямые и обратные операции, применение принципа единственного различия в сходных упражнениях;

– содержать упражнения на систематизацию изученного материала;

– отличаться разнообразием формулировок заданий [9].

В понимании В.И. Загвязинского каждый учебный курс может быть представлен в виде системы познавательных задач, которая должна соответствовать следующим основным показателям:

– содержать задачи, соответствующие иерархии учебных целей каждого уровня усвоения;

– отражать все основные виды структурных связей;

– обеспечивать постепенное восхождение по уровням сложности, определяющейся числом и соотношением познавательных шагов, необходимых для решения;

– охватывать всю типологию методов познания, специфичных для соответствующей предметной области знания;

– обеспечивать полноту процедур творческой деятельности [10, с. 102].

Данный набор требований, безусловно, обогащает имеющиеся представления о совокупности задач целевого назначения, он полезен и в практическом плане, поскольку ориентирует на отражение различных аспектов формирования личности учащегося в процессе обучения. Однако в нём нет конкретных указаний на то, каким образом может быть реализовано каждое из выделенных требований в обучении конкретному учебному предмету.

М.Е. Бершадский и В.В. Гузеев справедливо полагают, что при всей ценности отдельной задачи эффективность образовательного процесса обеспечивается всем множеством задач по каждой теме, которое должно образовывать систему, удовлетворяющую следующим требованиям:

− полнота (наличие задач на все понятия, факты и способы деятельности, изучаемые в курсе, в том числе мотивационных, подводящих под понятие, на аналогию и пр.);

− наличие ключевых задач (группировка остальных задач вокруг них);

− связность (вся система представляется связным графом, в узлах которого ключевые задачи, выше них – подготовительные, ниже – следствия и обобщения);

− возрастание трудности на каждом из основных уровней;

− целевая ориентация (каждая задача имеет свое место и назначение);

− целевая достаточность (наличие задач для усвоения и закрепления изученных понятий и

методов решения на уроке и дома, для организации различных видов контроля, для индивидуальных и групповых заданий разной направленности, для организации самостоятельной, в том числе исследовательской, деятельности учащихся и пр.);

– психологическая комфортность (ориентация на разные темпераменты, типы мышления, виды памяти и пр.) [11].

Имеются и иные перечни требований к совокупностям задач дидактического назначения. Анализируя их, Г.А. Клековкин и А.А. Максютин отмечают прежде всего свойственное им разнообразие и основной недостаток, заключающийся в том, что «в них нет чёткого подразделения на требования, которые характеризовали бы систему задач с предметной содержательно-логической стороны, и на требования, характеризующие её с процессуальной стороны» [12, с. 80].

По мнению Р.М. Зайкина, при создании методического обеспечения нужно учитывать, что систем задач дидактического назначения достаточно много (как много и самих дидактических задач, возникающих в учебном процессе), а также то, что эти системы различаются по целому комплексу параметров, неодинаково применимых ко многим из них. А это означает, что можно попытаться найти приемлемое решение через отражение специфики целевого назначения проектируемой системы задач в общесистемных принципах, задающих её [13].

С.В. Арюткина говорит о необходимости и целесообразности построения и использования в обучении математике циклов задач, направленных на формирование навыков применения обобщенных приемов решения алгебраических задач у школьников [4].

Обсуждение результатов исследования

Содержательная специфика задачной конструкции тематического образовательного web-квеста по алгебре определяется совокупностью требований, соотнесённых:

а) с целевой направленностью web-квеста;

б) с дидактическими задачами, решение которых связывается с его выполнением;

в) со структурными особенностями заданий;

г) с характером мыслительной деятельности, происходящей при их выполнении.

В *целевом плане* главной задачей, решение которой позволяют обеспечивать тематические образовательные web-квесты по математике, является развитие познавательной самостоятельности школьников. Сопутствующими задачами будут развитие интереса учащихся к занятию математикой, формирование навыков пользования образовательными интернет-ресурсами, формирование навыков виртуальной коммуникации и др.

В *дидактическом плане* выполнение заданий тематических образовательных web-квестов по математике подчинено требованиям обогащения изученных знаний, их обобщения, установления внутри- и межпредметных связей в изученном материале, его визуального представления, схематизации, структуризации и т.п.

Как показывают исследования ([14–17] и др.), не столько организационная новизна познавательной деятельности или игровая форма её выполнения, сколько содержательное богатство заданий тематического образовательного web-квеста по математике в существенной мере определяет развитие познавательной самостоятельности школьников.

В *структурном отношении* задания тематических образовательных web-квестов по математике должны удовлетворять требованиям подчинённости общей цели, единой логики следования в различных компонентах информационного контента, лексической идентичности формулировок и т.п.

Наконец, с точки зрения обеспечения необходимого *характера мыслительной деятельности*, к заданиям тематических образовательных web-квестов по математике важно предъявить требования поисково-собирательной направленности, сочетания репродуктивной и творческой деятельности, продуктивности.

Практическая часть

В качестве иллюстрации представим задание, созданное с учётом выделенных требований, по одному из компонентов тематического образовательного web-квеста.

Тема: «Квадратные уравнения». Задачная конструкция информационного контента компонента «ОШИБКИ» тематического образовательного Web-квеста:

УЗНАТЬ:

– распространённые ошибки, допускаемые при решении квадратных уравнений;

– заблуждения (недоразумения), возникающие при решении квадратных уравнений;

– математические софизмы, связанные с решением квадратных уравнений;

СОЗДАТЬ:

– банк математических ошибок по теме «Квадратные уравнения»;

– памятку «Так нельзя решать квадратные уравнения»;

– плакат-предостережение «Осторожно, ошибка!»;

ОФОРМИТЬ ОТЧЁТ (электронный ресурс).

Заключение

Резюмируя изложенное выше, подчеркнем, что специфика заданий и задачных конструкций тематического образовательного web-квеста заключается, прежде всего, в том, что они способствуют развитию познавательной самостоятельности школьников, требуют самостоятельного изучения ими дополнительного материала, самостоятельной деятельности по систематизации отдельных аспектов теории, а также исследовательской деятельности, что во многом способствует развитию интереса учащихся как к изучаемой теме, так и к предмету в целом.

Статья подготовлена по результатам научных исследований в рамках Федерального задания Минобрнауки России, регистрационный номер 01201458168 «Видовое многообразие задачных конструкций продуктивного обучения математике».

Список литературы

1. Зайкин М.И. От задания к заданию – в глубину познания. Опыт приобщения школьников к математическому творчеству. Арзамас: АГПИ, 2009. 148 с.
2. Лезан Ш.А. Развитие математической инициативы / Пер. с франц. М.: Изд-во И.Д. Сытина и К°, 1908. 166 с.
3. Пойа Д. Как решать задачу: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1961. 208 с.
4. Арюткина С.В. Особенности организации алгебраических задач в профильной школе на основе блочно-циклового подхода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5. Часть 2. С. 22–25.
5. Напалков С.В. Поисково-познавательные задания тематического образовательного web-квеста по математике как средство формирования ключевых компетенций учащихся // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-2. С. 469–474.
6. Зайкин М.И., Арюткина С.В., Зайкин Р.М. Цепочки, циклы и системы математических задач: Монография / Под общ. ред. М.И. Зайкина. Арзамас: АГПИ, 2013. 135 с.
7. Фридман Л.М. Теоретические основы методики обучения математике: Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2005. 248 с.
8. Цукарь А.Я. Схематизация и моделирование при решении текстовых задач // Математика в школе. 1998. № 5. С. 48–54.
9. Саранцев Г.И. Упражнения в обучении математике. М.: Просвещение, 1995. 240 с.
10. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация: Учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 192 с.
11. Бершадский М.Е., Гузеев В.В. Дидактические и психологические основания образовательной технологии. М.: Педагогический поиск, 2003. 256 с.
12. Клековкин Г.А., Максютин А.А. Задачный подход в обучении математике: Монография. М.–Самара: МГПУ, 2009. 184 с.
13. Зайкин Р.М. Реализация профессиональной направленности математической подготовки на юридических факультетах: Дис. ... канд. пед. наук. Арзамас: АГПИ, 2004. 148 с.
14. Напалков С.В., Зайкин М.И. Модельное представление использования тематических образовательных Web-квестов по математике в качестве средства развития познавательной самостоятельности школьников // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5(42). С. 262–265.
15. Напалков С.В. Тематические образовательные Web-квесты как средство развития познавательной самостоятельности учащихся при обучении алгебре в основной школе: Дис. … канд. пед. наук. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 2013. 166 с.
16. Лопатинская Т.Д. Компьютерная игра как практическое проявление трансформации феномена игры в условиях виртуализации современной культуры // В мире научных открытий. 2014. № 7 (55). С. 282–298.
17. Напалков С.В., Первушкина Е.А. Web-квест как средство развития инновационной стратегии образования // Приволжский научный вестник. 2014. № 8–2 (36). С. 51–53.

SPECIFIC FEATURES OF TASKS AND PROBLEM CONSTRUCTIONS OF THE INFORMATION CONTENT OF THE THEMATIC EDUCATIONAL WEB QUEST

S.V. Napalkov

We describe the specific features of tasks and problem constructions of a thematic educational Web quest that promote the development of cognitive independence of students, which largely contributes to the development of students' interest both in the topic being studied and in mathematics in general. A set of requirements is put forward for constructing didactic problem constructions. This set is adequate to the goals and objectives of a given problem construction.

Keywords: problem constructions, information content, mathematical education, modern training technologies, thematic web quest.

References

1. Zaikin M.I. Ot zadaniia k zadaniiu – v glubinu poznaniia. Opyt priobshcheniia shkol'nikov k matematicheskomu tvorchestvu. Arzamas: AGPI, 2009. 148 s.

2. Lezan Sh.A. Razvitie matematicheskoi initsiativy / Per. s frants. M.: Izd-vo I.D. Sytina i K°, 1908. 166 s.

3. Poia D. Kak reshat' zadachu: posobie dlia uchitelei. M.: Prosveshchenie, 1961. 208 s.

4. Ariutkina S.V. Osobennosti organizatsii algebraicheskikh zadach v profil'noi shkole na osnove blochno-tsiklovogo podkhoda // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 5. Chast' 2. S. 22–25.

5. Napalkov S.V. Poiskovo-poznavatel'nye zadaniia tematicheskogo obrazovatel'nogo web-kvesta po matematike kak sredstvo formirovaniia kliuchevykh kompetentsii uchashchikhsia // Fundamental'nye issledovaniia. 2014. № 8-2. S. 469–474.

6. Zaikin M.I., Ariutkina S.V., Zaikin R.M. Tsepochki, tsikly i sistemy matematicheskikh zadach: Monografiia / Pod obshch. red. M.I. Zaikina. Arzamas: AGPI, 2013. 135 s.

7. Fridman L.M. Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniia matematike: Uchebnoe posobie. M.: Editorial URSS, 2005. 248 s.

8. Tsukar' A.Ia. Skhematizatsiia i modelirovanie pri reshenii tekstovykh zadach // Matematika v shkole. 1998. № 5. S. 48–54.

9. Sarantsev G.I. Uprazhneniia v obuchenii matematike. M.: Prosveshchenie, 1995. 240 s.

10. Zagviazinskii V.I. Teoriia obucheniia: Sovremennaia interpretatsiia: Uchebnoe posobie dlia studentov vyssh. ped. ucheb. zavedenii. M.: Akademiia, 2004. 192 s.

11. Bershadskii M.E., Guzeev V.V. Didakticheskie i psikhologicheskie osnovaniia obrazovatel'noi tekhnologii. M.: Pedagogicheskii poisk, 2003. 256 s.

12. Klekovkin G.A., Maksiutin A.A. Zadachnyi podkhod v obuchenii matematike: Monografiia. M.– Samara: MGPU, 2009. 184 s.

13. Zaikin R.M. Realizatsiia professional'noi napravlennosti matematicheskoi podgotovki na iuridicheskikh fakul'tetakh: Dis. ... kand. ped. nauk. Arzamas: AGPI, 2004. 148 s.

14. Napalkov S.V., Zaikin M.I. Model'noe predstavlenie ispol'zovaniia tematicheskikh obrazovatel'nykh Web-kvestov po matematike v kachestve sredstva razvitiia poznavatel'noi samostoiatel'nosti shkol'nikov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia. 2013. № 5(42). S. 262–265.

15. Napalkov S.V. Tematicheskie obrazovatel'nye Web-kvesty kak sredstvo razvitiia poznavatel'noi samostoiatel'nosti uchashchikhsia pri obuchenii algebre v osnovnoi shkole: Dis. … kand. ped. nauk. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M.E. Evsev'eva, 2013. 166 s.

16. Lopatinskaia T.D. Komp'iuternaia igra kak prakticheskoe proiavlenie transformatsii fenomena igry v usloviiakh virtualizatsii sovremennoi kul'tury // V mire nauchnykh otkrytii. 2014. № 7 (55). S. 282–298.

17. Napalkov S.V., Pervushkina E.A. Web-kvest kak sredstvo razvitiia innovatsionnoi strategii obrazovaniia // Privolzhskii nauchnyi vestnik. 2014. № 8–2 (36). S. 51–53.

УДК 378.14.35.09+378.147.88

ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ АДАПТИРОВАННЫХ АВТОРСКИХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

© 2014 г.

В.И. Перова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mmes@mm.unn.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Предложена методика организации самостоятельной и научно-исследовательской работы на основе авторских учебных пособий, адаптированных к учебному процессу. Приведены требования, которым должны удовлетворять учебные пособия. Определено взаимодействие преподавателя и студентов, отражающее системный подход к применению активных методов обучения студентов при проведении учебных занятий. Показано, что обучение студентов на основе адаптированных авторских учебных пособий стимулирует их активную научно-исследовательскую деятельность, обеспечивая высокое качество подготовки.

Ключевые слова: исследования студентов, самостоятельная и научно-исследовательская работа, авторские учебные пособия, адаптированные к учебному процессу, системный подход, активные методы обучения, нейронные сети, информационные технологии, качество подготовки студентов.

Исследования студентов как элемент повышения качества подготовки

Хорошо известно, что одной из самых давних и традиционных проблем российского высшего образования является проблема обеспечения его качества. В числе важнейших факторов, способных влиять на качество образования, обычно упоминают *организацию учебного процесса*, *структуру и содержание* реализуемых образовательных программ, соответствие уровня подготовки обучающихся требованиям государственных образовательных стандартов и т.д. Одним из основных резервов российской высшей школы в деле повышения качества подготовки специалистов является пересмотр *принципов организации самостоятельной работы студентов* [1–3]. И в частности, в российских федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС) большая роль отводится именно самостоятельной работе [4]. Компетентностный подход в образовании предусматривает активную внеаудиторную работу студентов, широкое использование в учебном процессе компьютерных технологий с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. Внедрение в образовательный процесс, в том числе в такую его важную составляющую, как самостоятельная работа студентов, современных педагогических технологий, стимулирующих самостоятельную учебную работу, позволит выйти на принципиально новый, значительно более высокий уровень качества подготовки специалистов в российской высшей школе [1; 2]. Заметим, что проблема повышения качества самостоятельной работы студентов может решаться в рамках различных подходов и педагогических технологий (подробнее см., например, [5; 6]).

Проблема формирования навыков исследований студентов младших курсов

Уровень базовой подготовки абитуриентов, поступающих на первый курс Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), весьма различен. Как следствие, возникает ряд серьезных проблем при обучении студентов младших курсов в ННГУ (да и в других вузах). Одна из таких проблем – существенная разница в навыках самостоятельной учебной и исследовательской деятельности. В силу этого перед преподавателями встаёт задача такой организации учебных занятий, самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов, чтобы:

– у студентов возникала потребность в приобретении знаний, умений и навыков, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности;

– студенты формировали такие компетенции, как готовность к разрешению проблем, самообразованию, готовность к использованию информационных ресурсов, к социальному взаимодействию.

Решение указанной задачи зависит от характера взаимодействия преподавателя со студен-

тами и студентов между собой. От преподавателя требуется обозначить студентам цель изучения дисциплины, а также этапы и методы достижения этой цели. Система требований по выполнению учебной программы должна чётко выдерживаться, и ко всем студентам необходимо предъявлять одинаковые требования.

В этом отношении весьма эффективным является системный подход, который включает в себя создание комплекса адаптированных учебных пособий, с применением педагогических технологий, основанных на личностно-ориентированном подходе к обучению и коллективной работе студентов в исследовательских группах. Самостоятельная и научно-исследовательская деятельность студентов становится более продуктивной, если учебные пособия создаются преподавателем под ту методику или технологию, которая ближе всего самому автору. Представляется, что учебные пособия должны удовлетворять следующим требованиям.

1. Изложенный в пособии материал должен быть адаптирован к учебному процессу; он должен обеспечивать ясное понимание основ изучаемого предмета.

2. Материал должен быть изложен на высоком научном уровне.

3. Структура учебного пособия должна отражать порядок подачи учебного материала в процессе обучения и позволять студентам осваивать его в строгой логической системе – и теоретически, и практически.

4. Методическая и структурная проработка представленного в учебном пособии материала должна дать возможность студентам освоить его самостоятельно, то есть материал, содержащийся в пособии, должен быть доступным студентам, должен быть оптимальным по объёму и по методике изложения.

5. Учебное пособие должно содержать актуальные материалы и примеры, которые интересны в плане практического применения. Основываясь на них, студенты должны уметь самостоятельно формулировать задачи, создавать свои программы и т.д.

6. Учебное пособие должно в обязательном порядке содержать задачи, которые студент должен решить самостоятельно (что будет доказательством успешного освоения учебного курса).

7. Пособие должно содержать контрольные вопросы для проверки качества усвоения материала студентами.

При этом роль преподавателя определяется той технологией, которая используется им в учебном процессе.

Применение адаптированных авторских учебных пособий в исследованиях студентов

Весьма неплохие результаты были получены нами при взаимодействии со студентами первого курса механико-математического факультета ННГУ, обучающимися по направлению подготовки 080500 «Бизнес-информатика», в ходе преподавания дисциплины «Нечёткая логика и нейронные сети» с использованием ряда созданных нами учебных пособий [7–10].

Данные учебные пособия охватывают многие актуальные задачи современной бизнес-информатики, поскольку в настоящее время нейросетевые технологии интенсивно развиваются и все больше применяются при решении задач распознавания образов, обработки зашумленных данных, классификации, составления расписаний, оптимизации, прогноза, моделирования сложных процессов, а также в социально-общественных и финансово-экономических исследованиях (см., например, [11]).

Учебные пособия в необходимом количестве имеются в Фундаментальной библиотеке ННГУ и активно используются студентами механико-математического факультета (на учебных занятиях, при выполнении самостоятельной работы, при написании научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ), а также студентами других факультетов ННГУ.

Данные учебные пособия благодаря научной, методической и структурной проработке представленного в них материала дают преподавателю возможность методически грамотно построить процесс обучения студентов. Структура учебных пособий соответствует принципу «от простого – к сложному», что способствует более глубокому усвоению теории и её практическому применению.

При проведении практических и лабораторных занятий необходимо выполнение следующих действий, отражающих системный подход к применению активных методов обучения студентов.

1. Требуется активизация самостоятельной функции студентов по поиску реальной статистической информации для проведения исследований (то есть студенты под контролем преподавателя ставят себе учебно-исследовательскую задачу).

2. После обсуждения постановки задачи с преподавателем студенты на основе подробно изложенных в учебных пособиях теории и практических примеров вырабатывают свою версию решения задачи. При этом студенты обмениваются между собой информацией об

эффективных методах решения задач и формируют тем самым навыки совместной работы в исследовательской группе.

3. Полученные студентами результаты обсуждаются с преподавателем и проверяются на корректность. После этого студенты обязаны письменно сформулировать методику решения задачи и полученные результаты, сделать выводы по проведенным исследованиям и устный доклад. Тем самым студенты формируют научное мышление и приобретают навыки публичных выступлений.

4. Количество задач, поставленных перед студентами, объем этих задач и их содержание охватывают современное состояние науки по данному направлению, то есть студенты, начиная с первого курса, вовлекаются в круг актуальных научных проблем.

5. Стабильность текущих требований по выполнению учебных заданий и стабильность требований на зачетах и экзаменах формирует у студентов чувство ответственности за учебный процесс.

6. Признаком освоения учебного курса является выполнение студентами всех поставленных задач без исключения. Выполнение студентами заранее оговорённых учебных требований в соответствии с учебной программой по данной дисциплине является одной из составляющих качества их подготовки. Тем самым реализуется принцип «качество подготовки студентов не может быть половинчатым».

Следует отметить, что в рамках дисциплины «Нечёткая логика и нейронные сети» при проведении академических исследований студенты эффективно используют различные пакеты прикладных программ (MATLAB, STATISTICA®, DEDUCTOR, VISCOVERY SOMINE и др.), подробные инструкции по работе с которыми и примеры, основанные на реальных статистических данных, приведены в указанных выше учебных пособиях. Применение современных информационных технологий способствует качественному обучению студентов: оно помогает им эффективно использовать полученные знания в дальнейшей профессиональной деятельности.

Результаты использования авторских учебных пособий при обучении студентов

Написание авторских учебных пособий сопряжено с осмыслением и переработкой большого объёма информации, с постановкой задач и их решением и занимает много времени. Но подход к обучению студентов на основе авторских учебных пособий (и это особенно важно для студентов первого курса, не имеющих навыков ни самостоятельной, ни исследовательской работы) даёт положительные результаты, которые выражаются в следующем.

1. Получив на первом курсе во время учебных занятий и самостоятельной работы навыки проведения исследований, уже на третьем и последующих курсах студенты испытывают меньше трудностей при написании курсовых и научно-исследовательских работ.

2. Многие студенты уже на третьем курсе имеют научные публикации и участвуют с докладами на научных конференциях.

3. На старших курсах студенты участвуют с докладами на всероссийских и международных конференциях и имеют в соавторстве с преподавателями публикации в научных журналах, в том числе рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Студенты, которые уже с младших курсов умеют проводить научные исследования, анализировать их результаты, эффективно применять информационные технологии, по окончании обучения в ННГУ являются более конкурентоспособными на рынке труда. Таким образом, обучение на основе авторских учебных пособий, адаптированных к учебному процессу, формирует у студентов навыки индивидуальной и коллективной самостоятельной познавательной деятельности, стимулирует их активную научно-исследовательскую деятельность и обеспечивает высокое качество подготовки.

Список литературы

1. Кузнецов Ю.А., Семенов А.В. Инновационная модель подготовки экономистов в области математики и экономико-математического моделирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 71–75.

2. Бублик Т.А. Планирование и организация самостоятельной работы студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(1). С. 61–67.

3. Сметанина Н.В. Повышение эффективности самостоятельной работы студентов вузов: Дис. ... канд. пед. наук. М.: МПГУ, 2006. 153 с.

4. Переход российских вузов на уровневую систему подготовки кадров в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами: нормативно-методические аспекты / В.А. Богословский, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун и др. М.: Университетская книга, 2010. 248 с.

5. Кисова В.В., Кузнецов Ю.А., Семенов А.В. Сотрудничество как форма инновационного развивающего обучения на разных ступенях образовательной системы // Современные проблемы науки и

образования. 2013. № 6. – Режим доступа: http://www.science-education.ru/113-11685 (дата обращения: 16.01.2014).

6. Пидкасистый П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов. М.: Высшая школа, 2004. 231 с.

7. Перова В.И. Нейронные сети. Часть 1: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 155 с.

8. Перова В.И. Нейронные сети. Часть 2: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 111 с.

9. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 1. Нейронные сети, обучаемые с учителем: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 130 с.

10. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 2. Нейронные сети, обучаемые без учителя: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 135 с.

11. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Нейросетевое моделирование динамики инновационного развития регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 4 (331). С. 18–28.

STUDENT RESEARCH BASED ON ADAPTED AUTHOR'S MANUALS

V.I. Perova

We propose a methodology for conducting research and independent work by students on the basis of the author's manuals adapted to the educational process. The requirements to such manuals are listed. We describe the interaction between the teacher and students that reflects the systems approach to the use of active learning methods during classes. It is shown that the teaching of students on the basis of adapted author's manuals stimulates their active research work resulting in publications in scientific journals and proceedings of national and international conferences, thus contributing to the quality of their training.

Keywords: student research, independent and research work, author's manuals adapted to the educational process, systems approach, active learning methods, neural networks, information technology, quality of student training.

References

1. Kuznetsov Iu.A., Semenov A.V. Innovatsion-naia model' podgotovki ekonomistov v oblasti matematiki i ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniia // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 4(1). S. 71–75.

2. Bublik T.A. Planirovanie i organizatsiia samostoiatel'noi raboty studentov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 2(1). S. 61–67.

3. Smetanina N.V. Povyshenie effektivnosti samostoiatel'noi raboty studentov vuzov: Dis. ... kand. ped. nauk. M.: MPGU, 2006. 153 s.

4. Perekhod rossiiskikh vuzov na urovnevuiu sistemu podgotovki kadrov v sootvetstvii s federal'nymi gosudarstvennymi obrazovatel'nymi standartami: normativno-metodicheskie aspekty / V.A. Bogoslovskii, E.V. Karavaeva, E.N. Kovtun i dr. M.: Universitetskaia kniga, 2010. 248 s.

5. Kisova V.V., Kuznetsov Iu.A., Semenov A.V. Sotrudnichestvo kak forma innovatsionnogo razvivaiushchego obucheniia na raznykh stupeniakh obrazovatel'noi sistemy // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia. 2013. № 6. – Rezhim dostupa: http://www.science-education.ru/113-11685 (data obrashcheniia: 16.01.2014).

6. Pidkasistyi P.I. Organizatsiia uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov. M.: Vysshaia shkola, 2004. 231 s.

7. Perova V.I. Neironnye seti. Chast' 1: Uchebnoe posobie. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. 155 s.

8. Perova V.I. Neironnye seti. Chast' 2: Uchebnoe posobie. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. 111 s.

9. Perova V.I. Neironnye seti v ekonomicheskikh prilozheniiakh. Chast' 1. Neironnye seti, obuchaemye s uchitelem: Uchebnoe posobie. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. 130 s.

10. Perova V.I. Neironnye seti v ekonomicheskikh prilozheniiakh. Chast' 2. Neironnye seti, obuchaemye bez uchitelia: Uchebnoe posobie. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. 135 s.

11. Kuznetsov Iu.A., Perova V.I., Eivazova E.N. Neirosetevoe modelirovanie dinamiki innovatsionnogo razvitiia regionov Rossiiskoi Federatsii // Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika. 2014. № 4 (331). S. 18–28.

УДК 52(07. 07)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТЕВЫХ И МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

© 2014 г.

С.М. Пономарев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

s_m_pon@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Обсуждается возможность использования сетевых и мобильных технологий в практике астрономической подготовки студентов университета; в частности, для организации наблюдений с помощью профессиональных инструментов, обладающих функцией удаленного доступа (телескопы Фолкеса), и применения мобильной цифровой техники для выполнения отдельных работ.

Ключевые слова: астрономия, обсерватория, телескоп, информационно-коммуникационные технологии, сетевое обучение, мобильные технологии.

Введение

В настоящее время в образовании складывается достаточно проблемная и парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, стремительное развитие получают новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), а с другой, их применение продолжает оставаться неясным большинству преподавателей. Другими словами, техническая поддержка образовательных процессов нередко опережает их содержательное наполнение и методическое сопровождение.

Задачей современного образования является, среди прочего, разработка путей и методов преодоления этого отставания, активное включение новых ИКТ в процессы, протекающие в образовательном пространстве, апробация новых образовательных сервисов.

В качестве яркого примера, иллюстрирующего перспективы использования ИКТ в образовании, можно привести так называемое мобильное обучение, под которым мы понимаем активную учебную и исследовательскую деятельность за пределами аудитории при использовании мобильной цифровой техники (в том числе и самой обычной, «бытовой», типа повсеместно распространенных сотовых телефонов).

Благодаря развитию цифровых технологий в учебную практику приходят приборы и средства, с помощью которых студенты могут извлекать и использовать данные в ходе выполнения конкретных практических заданий на конкретном материале. Повсеместностое распространение компьютеров и мобильных технологий позволяет включить в процесс обучения различные открытые площадки за стенами вуза, превратив их в учебные аудитории.

Сегодня мобильные устройства позволяют получить исходный цифровой материал непосредственно в любой точке пространства. Координаты точки, цифровая фотография, аудио- и видеозапись – все это может быть зафиксировано при помощи недорогих мобильных устройств даже на улицах города. Достоинство этих приборов заключается прежде всего в том, что они позволяют хранить и обрабатывать информацию, а также обеспечивать доступ к информационным системам, дают возможность людям действовать и думать сообща.

Учебная деятельность с привлечением мобильных устройств может быть расширена за счет привлечения сетевых технологий. В результате этого расширения участники учебных проектов не только совершают действия в локальном контексте любой образовательной площадки, но и знакомятся с такими глобальными сетевыми концепциями, как базы данных, цифровые карты, открытые энциклопедии [1].

Следует отметить, что развитие информационных технологий и использование сетевых ресурсов коренным образом повлияло на состояние всех естественных наук. В целом ряде случаев оно привело к возникновению новых методов исследований и в значительной степени расширило возможности старых.

В данной работе мы рассмотрим несколько примеров использования сетевых и мобильных технологий в образовательном процессе в практике астрономической подготовки студентов.

Веб-технологии как средство организации дистанционных наблюдений

Астрономия – одна из наук, практически сразу испытавших на себе влияние и возможности ИКТ. Это вызвано в первую очередь особенностью методов астрономических исследований, выделяющих астрономию среди других естественных наук.

Важной составляющей астрономического образования всегда были и остаются астрономические наблюдения. Многие университеты имеют специально созданные для этого астрономические обсерватории, которые помимо учебных могут решать важные научные задачи. В настоящее время самой серьезной проблемой таких обсерваторий, особенно расположенных в городской черте или недалеко от крупных городов, является сильная загрязненность и засветка атмосферы. Пылевые загрязнения от городского транспорта и производства распространяются в атмосфере и образуют облако, постоянно висящее над городом и распространяемое воздушными потоками на большие расстояния. Оптические свойства пылевого облака таковы, что оно создает дополнительный фон свечения ночного неба, затрудняя обзор звезд и других небесных объектов. Кроме того, в черте города наблюдается повышенная турбулентность воздушных потоков, приводящая к неустойчивости изображения; наблюдается сотрясение здания и инструментов от проходящего транспорта и т.д. В результате университетская обсерватория способна решать очень ограниченное число наблюдательных научных астрономических задач. Экономически неоправданно комплектовать городскую обсерваторию прецизионным астрономическим оборудованием и большими светосильными телескопами [2].

Использовать для решения задач астрономического образования крупные астрономические обсерватории, расположенные в местах с хорошим астроклиматом, ранее по понятным причинам было практически невозможно. Однако стремительное развитие современных технологий, в первую очередь информационно-коммуникационных (ИКТ), позволило найти решение проблемы.

Возможность дистанционных наблюдений – самое важное, что дает астрономии Интернет. Все начиналось в середине 1990-х годов с небольших телескопов размером 30–50 см (Bradford robotic telescop). Сейчас подобные инструменты, управляемые и взаимодействующие с другими астрономическими инструментами через сеть, получают широкое распространение. Недавно такой полноценно работающий проект (Mobile Astronomical System of the TElescope-Robots) появился и в России [3].

Проект «Ттелескопы Фолкеса» – один из примеров, когда возможности профессиональных инструментов может использовать не только астроном-специалист, но и любитель астрономии, в том числе и студент. В России проект осуществлялся при поддержке Посольства Великобритании в Москве и при информационной поддержке агентства «ИнформНаука». Он стартовал 20 сентября 2006 г. в Москве в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга. С российской стороны в проекте участвовали 24 коллектива, в том числе 5 коллективов представляли Нижегородский регион. Координатором проекта от Нижнего Новгорода являлся автор данной статьи.

В проекте задействованы 2 телескопа расположенных на Гавайских островах и в Северной Австралии. Расстояние главного фокуса каждого телескопа – 8 метров, диаметр основного зеркала – 2 метра. Телескопы представляют собой полностью автоматизированную систему, управляемую дистанционно. Все, что требуется для работы с ними, – доступ в Интернет, операционная система Windows или Apple Macintosh. Система контроля и управления, расположенная в Великобритании, передает запрос от пользователя, который может находиться где угодно, к телескопу, который сначала определяет параметры погоды и, если погода достаточно хорошая, открывает купол, наводит фокус на заранее запланированный объект или точку в космосе и делает необходимые снимки [4–5].

Другой пример доступного сервиса удаленного доступа к телескопам – Сайт iTelescope.net. На нем доступны 19 телескопов, установленных на площадках в Австралии, Испании и США. Все они расположены вдали от городов, в горах [6].

Мобильные устройства – перспективные инструменты астрообразования

Возможности использования мобильных технологий в астрономии можно представить, анализируя уже существующие приложения для смартфонов и планшетных устройств.

В частности, в GooglePlay регулярно появляется много новых и полезных приложений для ОС Android в разделе «Образование» [7]. В астрономии они позволяют преподавателю «провести экскурсию» в планетарий (это всевозможные приложения виртуальных планетариев на GooglePlay), при свете Солнца посмотреть на звезды и планеты в реальном времени, увидеть

небо на другой стороне земного шара (SkyMap). Не пропустить ни одного интересного астрономического события позволяют такие приложения, как AstroPanel (Astronomy). Студент может «войти» в мир космического телескопа Хаббла, просматривать огромное количество космических снимков, читать последние новости и узнавать некоторые интересные факты о самом телескопе.

Познакомиться с геометрическими методами определения расстояний и размеров для решения таких практических задач, как определение моментов времени и азимутов восхода и захода светил или наблюдение смещения точек восхода и захода к северу (югу), поможет приложение «Теодолит Droid», а сформировать отчет с фотографиями – простая камера, встроенная в телефон. Решение такой исторической задачи, как определение долготы меридиана и радиуса Земли, возможно с приложением «GPS координаты». Расчет азимута и высоты Луны и Солнца над горизонтом, времени и точек их восходов и заходов, лунных фаз, времени наступления и окончания сумерек, астрономического полудня и др. поможет осуществить BC Surveyor (Солнце и Луна). А с Planet Droid можно вычислить время восхода, захода и верхней кульминации светила, азимуты точек восхода и захода, экваториальные и эклиптические координаты, расстояние в астрономических единицах, азимут и высоту объекта, уравнение времени, часовой угол и звездное время, видимый диаметр, видимую звездную величину, эфемериды Солнца и планет и многое другое [8].

Таким образом, любое Android-устройство сегодня можно превратить в инструмент для наблюдений и выполнения ряда лабораторных работ по астрономическим курсам.

Заключение

Использование сетевых мобильных технологий в вузовском образовании позволяет не только решать отмеченные выше задачи. Оно позволяет учиться людям с ограниченными возможностями: учебные материалы легко распространяются между пользователями благодаря современным беспроводным технологиям.

Большинство современных студентов технически и психологически готовы к использованию данных технологий. Поэтому необходимо искать новые возможности для более эффективной реализации потенциала мобильного и сетевого обучения.

Список литературы

1. Креативное обучение на основе сервисов Веб 2.0. / Е.Д. Патаракин, С.Б. Шустов, С.М. Пономарев и др. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. 68 с.
2. Концепция развития астрономической обсерватории педвуза как центра естественнонаучного образования / С.М. Пономарев, С.Б. Шустов, А.К. Киселев и др. // Современная астрономия и методика ее преподавания. СПб.: Изд-во РГПУ, 2006. С. 14–20.
3. http://observ.pereplet.ru (дата обращения 04.02.2013).
4. Пономарев С.М., Пичугина Л.Н. «Телескопы Фолкеса» как пример международных сетевых проектов в области астрономического образования // Новые подходы к использованию геоинформационных технологий в науке и образовании. Н. Новгород: Изд-во Ю.А. Николаева, 2006. С. 53–55.
5. http://www.faulkes-telescope.com (дата обращения 04.02.2013).
6. http://www.itelescope.net (дата обращения 04.02.2013).
7. https://play.google.com/store/apps/category/EDUCATION (дата обращения 04.02.2013).
8. Пономарев С.М., Пичугина Л.Н. Использование приложений платформы андроид в преподавании астрономии // Российские чтения – конкурс памяти нижегородских ученых. Н. Новгород: Проф-Ап, 2013. Т. 1. С. 56–60.

THE USE OF NETWORK AND MOBILE TECHNOLOGIES IN STUDENT ASTRONOMICAL TRAINING

S.M. Ponomarev

The possibility of using network and mobile technologies in the practice of astronomical training of university students is considered. In particular, the paper discusses the organization of observations with professional tools that have the remote access feature (Faulkes telescopes), and application of mobile digital technology to carry out individual types of work.

Keywords: astronomy, observatory, telescope, information and communication technologies, network learning, mobile technologies.

References

1. Kreativnoe obuchenie na osnove servisov Veb 2.0. / E.D. Patarakin, S.B. Shustov, S.M. Ponomarev i dr. N. Novgorod: Izd-vo NGPU, 2006. 68 s.

2. Kontseptsiia razvitiia astronomicheskoi observatorii pedvuza kak tsentra estestvennonauchnogo obrazovaniia / S.M. Ponomarev, S.B. Shustov, A.K. Kiselev i dr. // Sovremennaia astronomiia i metodika ee prepodavaniia. SPb.: Izd-vo RGPU, 2006. S. 14–20.

3. http://observ.pereplet.ru (data obrashcheniia 04.02.2013).

4. Ponomarev S.M., Pichugina L.N. «Teleskopy Folkesa» kak primer mezhdunarodnykh setevykh proektov v oblasti astronomicheskogo obrazovaniia // Novye podkhody k ispol'zovaniiu geoinformatsionnykh tekhnologii v nauke i obrazovanii. N. Novgorod: Izd-vo Iu.A. Nikolaeva, 2006. S. 53–55.

5. http://www.faulkes-telescope.com (data obrashcheniia 04.02.2013).

6. http://www.itelescope.net (data obrashcheniia 04.02.2013).

7. https://play.google.com/store/apps/category/ EDUCATION (data obrashcheniia 04.02.2013).

8. Ponomarev S.M., Pichugina L.N. Ispol'zovanie prilozhenii platformy android v prepodavanii astronomii // Rossiiskie chteniia – konkurs pamiati nizhegorodskikh uchenykh. N. Novgorod: Prof-Ap, 2013. T. 1. S. 56–60.

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНФОРМАТИКИ И ИКТ

© 2014 г.

М.А. Родионов, О.М. Губанова

Пензенский госуниверситет

olga.penza@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Рассматриваются методические особенности изложения линии моделирования и формализации в рамках курса «Теория и методика обучения информатике». Строится матрица компетенций будущего учителя информатики и ИКТ, лежащая в основе общей модели его профессиональной компетентности; приводится технологическая карта как основное средство реализации методической системы формирования профессиональных компетенций в области моделирования и формализации; описывается соответствующий диагностический инструментарий. В процессе проектирования технологической карты задается логическая структура учебного материала, представляющая собой последовательность изучения дидактических единиц, которые разбиваются на группы. Состав и структура этих единиц определяют число зон ближайшего развития обучаемого и временную продолжительность каждой зоны.

Ключевые слова: моделирование и формализация, проектирование, методическая система, технологическая карта.

Постановка проблемы

Современный этап развития общества в работах ряда ученых получил название постиндустриального, или информационного. Основными движущими силами на этом этапе являются информационные технологии, которые играют существенную роль во всех сферах деятельности человечества, включая образование [1].

На протяжении всего периода становления и развития школьной информатики изменялось её содержание, параллельно менялись и содержательные линии. В результате в различных вариантах стандартов и других нормативных документах наблюдаются их разночтения. Классической считается классификация, используемая М.П. Лапчиком в учебнике по теории и методике обучения информатике. Согласно данной классификации, в школьном курсе информатики имеется шесть содержательных линий: линия информации и информационных процессов, линия представления информации, линия компьютера, линия формализации и моделирования, линия алгоритмизации и программирования, линия информационных технологий. Содержание линии моделирования и формализации определено следующим перечнем понятий: моделирование как метод познания, формализация, материальные и информационные модели, информационное моделирование, основные типы информационных моделей [2].

Ключевой характеристикой оценки качества образования является компетентность специалиста в его профессиональной деятельности. Понятием «компетентность» охватывается единство теоретической и практической готовности будущего учителя к осуществлению профессиональной деятельности. В широком круге компетенций учителя информатики и ИКТ обязательно должна быть компетенция в области моделирования и формализации, поскольку эта линия является одной из основных, фундаментальных линий.

Методической особенностью линии моделирования и формализации является то, что для ее изучения от студентов требуется знание содержания всех остальных содержательных линий; соответственно, она изучается в конце курса теории и методики обучения информатике. С другой стороны, согласно действующему стандарту, основные понятия содержательной линии моделирования и формализации вводятся студентам в учебных предметах, предшествующих теории и методике обучения информатике. Они обычно направлены на раскрытие предметной области самой изучаемой науки, а содержание, важное для теории и методики обучения информатике, часто отходит на второй план [3]. Поэтому в курсе теории и методики обучения информатике приходится сначала повторять и углублять материал, изученный в предыдущих

курсах, а только потом рассматривать частные методические подходы. В результате учебное время расходуется непродуктивно, нарушается естественная логика развертывания предметно-методического содержания рассматриваемых разделов, что, в свою очередь, негативно отражается на формировании профессиональных компетенций студентов – будущих учителей информатики и ИКТ [4].

Методы исследования

Выходом из создавшегося положения является научно-педагогическое проектирование целостной методической системы формирования профессиональных компетенций будущих учителей информатики и ИКТ в области моделирования и формализации на основе метода технологического проектирования, представленного в авторской технологии В.М. Монахова. Суть педагогической технологии В.М. Монахова заключается в таком проектировании и конструировании учебного процесса, когда обеспечивается достижение учащимися запланированых результатов обучения, а ее составными частями являются логическая цепочка микроцелей по изучаемой теме, диагностика знаний, своевременное корректирование типичных ошибок учащихся [5].

Общую модель профессиональной компетентности будущего учителя информатики и ИКТ можно представить в виде двух составляющих:

– предметная компетентность в области информатики и ИКТ – требования, предъявляемые к подготовке выпускника по дисциплинам предметного блока ГОС ВПО;

– методическая компетентность в области способов формирования знаний, умений студентов по информатике.

Представим все составляющие профессиональной компетентности будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации в виде матрицы (табл. 1). По горизонтали в ней располагаются все методические компетенции по линии «Моделирование и формализация», отсортированные по темам; по вертикали – все предметные компетенции, формируемые у учителя по дисциплинам предметной подготовки ГОС в педвузе. Тогда все элементы столбца показывают, как различные предметные компетенции «применимы» к одной и той же методической компетенции, а все элементы строки показывают, как одна и та же методическая компетенция «работает» с различными предметными компетенциями. Элемент, расположенный в одной ячейке – это та, уже неделимая, «частица» (или минимальная профессиональная компетенция), которую нужно сформировать у будущего учителя в области моделирования и формализации и которая займет свое место в профессиональной компетентности.

Таблица 1

Матрица компетенций студентов педагогических вузов, формируемых в области моделирования и формализации

Предметы	Компетенции, формируемые в области моделирования и формализации					
	1. Моделирование как метод познания	2. Виды классификации моделей	3. Формализация	4. Этапы моделирования	5. Исследование на компьютере моделей из различных предметных областей	6. Модель процесса управления
1. Теоретические основы информатики			П3.1			П6.1
2. Программирование		П2.2		П2.5	П5.2	П6.2
3. Основы искусственного интеллекта	П1.3	П2.3				
4. ПО ЭВМ			П3.4	П3.5	П5.4	
5. ПРЗ на ЭВМ				П4.5	П5.5	
6. Компьютерное моделирование	П1.6	П2.6	П3.6	П4.6	П5.6	П6.6
7. Информационные системы	П1.7	П2.7				
8. КСиМТ			П3.8			
9. Архитектура компьютера						П6.9

Введем следующие обозначения:

Pi – предметные компетенции (i = 1, 2, 3, …, 9);

Ai – методические компетенции (i = 1, 2, 3, …, 51).

Тогда компонент *Пij* представляется как функция от *Pi* , *Ai* , т.е.

$$Пij = f\,(Pi\,,\,Ai).$$

Данная матрица показывает, когда какая тема начинается и завершается, в каком курсе предметного блока изучается, что помогает проектировать содержание методической системы при формировании профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации.

Данная матрица дает возможность спроектировать методическую систему так, чтобы у будущего учителя информатики и ИКТ были сформированы профессиональные компетенции в области моделирования и формализации, которые понадобятся ему для решения профессиональных задач. Матрица имеет входные и выходные данные: тестовые задания входного и итогового контроля знаний студентов.

Состав и структура методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ

Первым компонентом методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ является диагностический блок, позволяющий преподавателю выявить имеющиеся недостатки в усвоении материала, а студентам – сориентироваться в преодолении дальнейших ошибок, выделить основные слабые звенья в процессе усвоения.

Для релазицации указанного блока целесообразно проводить мини-тесты. Задания с выборочным ответом направляют усилия студентов на использование определенного приема мыслительной деятельности, побуждают к самооценке и самоконтролю знаний и их комплексному применению на практике, намечают перспективы дальнейшей работы в данном направлении.

Предложенные тесты и тезисы в большой степени учитывают сложный характер изучаемого раздела (моделирование и формализация) и ориентируют преподавателя на использование разнообразных методов подачи нового материала, помогают спланировать дальнейшую работу по изучению линии (внесение корректировок, смещение главных акцентов, работа по восстановлению пробелов в знаниях студентов по данной теме).

В процессе формирования у будущего учителя информатики и ИКТ системы профессиональных компетенций нужно контролировать (по определенным критериям) сформированность той или иной компетенции. Значит, нужно знать определенные количественные или качественные параметры каждой компетенции и по некоторой шкале диапазонов давать оценки того, в какой степени она сформирована. Шкала диапазонов составляется исходя из системы предметных и методических компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации.

В области моделирования и формализации нами выделяется три уровня сформированности профессиональных компетенций:

– низкий: у студента сформирована только предметная компетенция, состоящая из дидактических единиц предметного цикла, т.е. студент владеет теоретическими знаниями по линии «Моделирование и формализация» в блоках дисциплин предметной подготовки;

– средний: у студента сформирована предметная составляющая компетентности и частично методическая составляющая, т.е. студент владеет теоретическими знаниями по линии «Моделирование и формализация» в блоках дисциплин предметной подготовки и частично способен формировать методику изложения данной линии;

– высокий: у студента в одинаковой степени сформированы обе составляющие компетентности.

Следующей составляющей методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации является технологическая карта.

Технологическая карта – это «паспорт» проекта учебного процесса по изучаемой теме. В технологической карте отражено пять главных компонентов, представляющих пять выбранных параметров учебного процесса: целеполагание (система микроцелей), диагностика, дозирование самостоятельной деятельности, логическая структура проекта, коррекция.

Все компоненты взаимосвязаны:

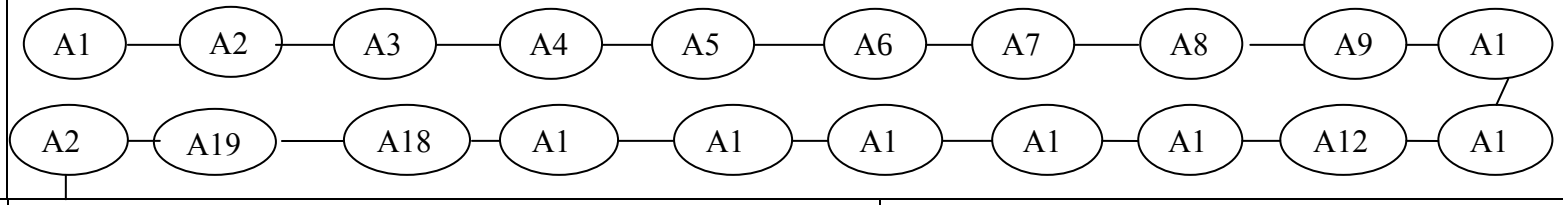
– содержание микроцели определяет содержание диагностики;

– содержание диагностики задает содержание, объем, сложность и трудность компонента дозирования домашних заданий;

– содержание дозирования проверяется как достаточное или недостаточное при проведении диагностики;

Таблица 2

Фрагмент технологической карты. Содержательно-методическая линия «Моделирование и формализация»

Логическая структура учебного процесса			
Установка тем	**Диагностика**		**Коррекция внешних связей**
В1: Моделирование как метод познания	А1-А9		основы искусственного интеллекта, компьютерное моделирование, информационные системы
В2: Виды классификации моделей	А10-А29		программирование, компьютерное моделирование, основы искусственного интеллекта, информационные системы
В3: Формализация	А30-А32		теоретические основы информатики, ПО ЭВМ, компьютерное моделирование, КСиМТ
В4: Этапы моделирования	А33-А41		программирование, ПО ЭВМ, компьютерное моделирование, практика решения задач на ЭВМ
В5: Исследование на компьютере моделей из различных предметных областей	А42-А46		программирование, ПО ЭВМ, компьютерное моделирование, практика решения задач на ЭВМ
В6: Модель процесса управления	А47-А51		теоретические основы информатики, программирование, информационные системы, компьютерное моделирование, архитектура компьютера
Внеаудиторная самостоятельная работа			
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
В1: Моделирование как метод познания	Объясните, почему моделирование представляет собой один из основных методов познания	Приведите примеры, когда модели объектов реальной действительности используются для: - представления материальных предметов; - объяснения известных фактов; - построения гипотез; - получения новых знаний об исследуемых объектах; - прогнозирования; - управления	Выделите как можно больше различных свойств (признаков) объекта моделирования и отметьте, какие из них являются существенными с точки зрения цели моделирования. Объект моделирования – новый процессор. Цель моделирования – организовать рекламную кампанию по его продвижению на рынок

– логическая структура – это органичное и динамичное единство содержательного, процессуального и мотивационного в проекте учебного процесса;

– компонент коррекции – это фактическая программа деятельности учителя с учениками, не прошедшими диагностику.

На нашей технологической карте (табл. 2) по линии «Моделирование и формализация» представлены следующие составляющие:

– установка тем;

– диагностика;

– логическая структура;

– коррекция внешних связей;

– внеаудиторная самостоятельная работа.

Результатом первого этапа (установка тем) является построение дидактических единиц учебной темы. Объем этих единиц должен быть достаточно небольшим, чтобы была возможность рассмотреть их за 2–3 учебные пары. Определение системы дидактических единиц в технологической карте обусловлено необходимостью построения учебной траектории достижения студентом основной цели обучения.

Диагностика как процедура проектирования технологической карты предполагает установление факта достижения (недостижения) конкретной цели изучения очередной дидактической единицы. Преподаватель должен определить уровни усвоения для каждой дидактической единицы (низкий, средний и высокий).

Блок внеаудиторной самостоятельной работы содержит дозированный объем заданий для организации самостоятельной работы студентов, необходимой для укрепления соответствующего уровня освоения дидактической единицы или перехода на следующий уровень.

Логическая структура представляет собой выстроенную последовательность изучения дидактических единиц, которые разбиваются на группы. Число и содержание дидактических единиц определяют число зон ближайшего развития обучаемого и продолжительность каждой зоны. Каждый временной отрезок заканчивается выполнением самостоятельной работы.

Блок коррекции внешних связей представляет собой отсылку к тем учебным предметам, которые предшествуют курсу теории и методики обучения информатике. Эти предметы должны привнести в изучение дидактической единицы предметное содержание, в результате целью занятия станет только методическое наполнение. Это позволит освободить методику изучения темы от «скатывания» до изучения самой темы, обеспечит ее надпредметный характер.

Выводы

Таким образом, проект методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации включает в себя:

– систему тестовых заданий входного и выходного контроля знаний студентов;

– дидактические материалы для самостоятельного повторения основных понятий линии, которые изучались в курсах, предшествующих теории и методике обучения информатике;

– учебные материалы для студентов и методические материалы для преподавателей;

– матрицу формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации;

– траекторию обучения;

– технологическую карту.

Эта совокупность и выступает как теоретическая база и концепция деятельности по проектированию методической системы формирования профессиональных компетенций будущего учителя информатики и ИКТ в области моделирования и формализации.

Список литературы

1. Родионов М.А., Акимова И.В., Губанов В.А. Пути и средства информатизации школьного математического образования: Учебное пособие. Пенза: ПГПУ, 2008. 112 с.

2. Губанова О.М. Методика обучения линии моделирования и формализации в курсе теории и методики обучения информатике педагогических вузов // Наука и школа. 2009. № 2. С. 59–60.

3. Чернецкая Т.А., Родионов М.А. Интерактивные творческие среды как средство формирования у школьников элементов математической деятельности исследовательского характера // Информатика и образование. 2014. № 3. С. 36–41.

4. Родионов М.А., Губанова О.М. Теория и методика обучения информатике: Учебное пособие. Ч. 1. Общая методика. Пенза: ПГПУ, 2012. 43 с.

5. Губанова О.М. Проектирование курсов методической направленности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Физико-математические и технические науки. 2011. № 26. С. 446–451.

DESIGN FEATURES OF THE METHODOLOGICAL SYSTEM FOR DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCIES OF FUTURE TEACHERS OF COMPUTER SCIENCE AND ICT

M.A. Rodionov, O.M. Gubanova

The article considers some methodological peculiarities of presenting the material related to modeling and formalization in the framework of the course "Theory and methods of teaching computer science". A matrix of competencies of future teachers of computer science and ICT is built, which provides the basis for the general model of the teacher's professional competence. A technological map is presented as the main tool for the realization of the methodological system for developing professional competencies in the field of modeling and formalization, appropriate diagnostic tools are described. In the course of the technological map design, a logical structure of the curricular material is specified in the form of a sequence of didactic units to be studied, which are divided into groups. The composition and structure of these units determines the number of zones of the learner's nearest development and the duration of each zone.

Keywords: modeling and formalization, design, methodological system, technological map.

References

1. Rodionov M.A., Akimova I.V., Gubanov V.A. Puti i sredstva informatizatsii shkol'nogo matematicheskogo obrazovaniia: Uchebnoe posobie. Penza: PGPU, 2008. 112 s.
2. Gubanova O.M. Metodika obucheniia linii modelirovaniia i formalizatsii v kurse teorii i metodiki obucheniia informatike pedagogicheskikh vuzov // Nauka i shkola. 2009. № 2. S. 59–60.
3. Chernetskaia T.A., Rodionov M.A. Interaktivnye tvorcheskie sredy kak sredstvo formirovaniia u shkol'nikov elementov matematicheskoi deiatel'nosti issledovatel'skogo kharaktera // Informatika i obrazovanie. 2014. № 3. S. 36–41.
4. Rodionov M.A., Gubanova O.M. Teoriia i metodika obucheniia informatike: Uchebnoe posobie. Ch. 1. Obshchaia metodika. Penza: PGPU, 2012. 43 s.
5. Gubanova O.M. Proektirovanie kursov metodicheskoi napravlennosti // Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Fiziko-matematicheskie i tekhnicheskie nauki. 2011. № 26. S. 446–451.

УДК 373.31

МЕТОД ПРОЕКТОВ В ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2014 г.

В.А. Тестов [1]***, О.Н. Кострова*** [2]

[1] Вологодский государственный педагогический университет
[2] Вологодский педагогический колледж

o.n.kostrova@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Рассматриваются педагогические особенности применения метода проектов при обучении младших школьников элементам геометрии с использованием программных средств учебного назначения. С учетом этих особенностей представлена программа внеурочной деятельности для учащихся II–IV классов, содержащая комплекс проектов по геометрическому материалу и методические рекомендации по организации работы над проектами. Показана методическая эффективность предложенных рекомендаций по реализации метода проектов при обучении элементам геометрии во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: метод проектов, младшие школьники, элементы геометрии, внеурочная деятельность.

Постановка проблемы

Внедрение Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования влечет изменение результатов освоения основных образовательных программ, заключающихся не только в получении предметных знаний, но и в умении применять эти знания в практической деятельности, а также в овладении умением использовать средства ИКТ для решения поставленных задач. Одним из вариантов решения этих задач современного школьного образования при обучении элементам геометрии является использование во внеурочной деятельности метода учебных проектов. Оно позволяет сформировать у младших школьников умение применять полученные знания, в том числе умение использовать геометрический материал при решении важных проблем, способность к осуществлению практической деятельности.

Анализ педагогической ситуации

В современном информационном обществе меняются формы деятельности. Социально-экономические процессы породили такую форму организации труда, как *проектная деятельность.* Она является одной из основных и при реализации компетентностного подхода в образовании. Теоретические предпосылки использования проектов в обучении сложились еще в индустриальную эпоху. Но уже тогда стало ясным, что проектное обучение есть лишь полезная альтернатива классно-урочной системе и оно отнюдь не должно вытеснять ее и становиться некоторой панацеей.

Современные исследования применения проектов в обучении выявили широкие возможности учебных проектов с использованием ИКТ, позволяющие углублять, обновлять знания, формировать умение самостоятельно приобретать их, ориентироваться в информационном пространстве. Исследователи отмечают, что эффективность реализации учебных проектов достигается, если они связаны между собой, сгруппированы по определенным признакам, а также если они систематически используются на всех этапах усвоения содержания предмета: от овладения основными математическими знаниями до глубокого понимания математических закономерностей и применения их в различных ситуациях.

Надо признать, что практика применения «проектного метода» в школьном обучении математике достаточно ограничена. Зачастую здесь все сводится к нахождению учеником в Интернете какой-то информации на заданную тему и к оформлению «проекта». Во многих случаях получается просто имитация проектной деятельности. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении проектов «по математике», – это практически полное отсутствие собственно математической деятельности в большинстве из них. Тематика таких проектов связана преимущественно с историей математики (возможные темы – «Золотое сечение», «Числа Фибоначчи», «Мир многогранников» и т.п.).

Идеологи проектной деятельности на первый план выдвигают не усвоение знаний, а сбор и систематизацию некоторой информации. В математической деятельности сбор и систематизация информации является только первым этапом работы над решением проблемы, притом самым простым. Для решения математической задачи требуются специальные умственные действия, невозможные без усвоения знаний. Математические знания обладают специфическими особенностями, игнорирование которых приводит к их вульгаризации. Знание в математике – это переосмысленная информация, прошедшая ступени анализа, проверку на непротиворечивость, генетическую совместимость со всем предыдущим опытом, последовательно переведенная с уровня «абстрактного» на уровень «обыденного». Это не позволяет называть «знанием» владение фактами, считать способность к их воспроизведению полноценным усвоением.

Однако для младших школьников в силу их возрастных особенностей изучение математического материала, в частности геометрического, носит чисто ознакомительный характер. Поэтому указанные выше недостатки проектов по математике для начальной школы не играют существенной роли. В то же время они позволяют заложить у младших школьников понимание роли геометрии в реальных жизненных ситуациях, пробудить интерес к дальнейшему изучению геометрии.

Условия и методика реализации метода проектов в начальной школе

Использованию метода проектов в начальной школе в различных предметных областях образования посвящено значительное количество исследований. Большая часть этих исследований связана с образовательной областью «Технология» и экологическим воспитанием. Значительно меньше исследований посвящено применению этого метода в обучении младших школьников математике (см., например [1]); а подобных исследований в области обучения геометрии вообще не проводилось. В связи с этим наиболее интересными представляются исследования по применению метода проектов при обучении младших школьников именно элементам геометрии. При выполнении соответствующих проектов вполне возможно применение различных программных средств учебного назначения.

Метод проектов при обучении геометрическому материалу в начальной школе может быть реализован при выполнении ряда условий (организационных, методических, технических и личностных).

К организационным условиям применения данного метода следует отнести прохождение учителями соответствующих курсов, участие в работе семинаров, консультации с методистами, педагогами, применяющими в своей педагогической практике проектные технологии. Учитель должен быть компетентен в решении профессиональных задач, т.е. должен уметь отбирать программные продукты, наиболее подходящие для реализации каждого учебного проекта, осуществлять организацию процесса работы над учебным проектом.

Эффективность процесса обучения элементам геометрии с использованием метода проектов достигается при условии разработки и внедрения в учебный процесс примерной программы, содержащей комплекс проектов по элементам геометрии, методических рекомендаций по организации работы над учебными проектами с использованием программных средств. При этом необходимо ставить и учитывать цели и задачи изучения геометрического материала в начальной школе, его содержание, предметные результаты освоения, особенности содержания и процесса изучения геометрического материала по учебно-методическому комплекту, используемому для обучения младших школьников, а также имеющийся у них уровень владения начальными навыками работы на компьютере.

К техническим условиям следует отнести требования к оборудованию и оснащению кабинета, в котором будет осуществляться работа над учебными проектами.

Осуществляя организацию работы над любым проектом, важно заинтересовать учеников, т.е. мотивировать на его выполнение. Следует подчеркнуть ценность полученных на уроках математики знаний и приобретенных умений, показать возможность их применения в практической деятельности, а также необходимость приобретения новых знаний и умений по элементам геометрии, самостоятельного открытия математических фактов, их доказательств, тем самым пробуждая у учеников познавательный интерес к изучаемым вопросам. Необходимо также учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей младшего школьного возраста.

При подготовке к работе над проектом следует определить, какие средства обучения потребуются для реализации метода проектов в геометрической подготовке младших школьников.

Одним из таких средств является сам учебный проект. К средствам обучения следует так-

же отнести научно-методическое обеспечение и адаптированное программное обеспечение. Научно-методическое обеспечение включает в себя примерную программу, контрольно-диагностические материалы, научно-методическое обеспечение мониторинга реализации метода проектов в начальной школе, материалы для проведения курсов и семинаров для учителей, методические рекомендации по использованию адаптированных программных средств.

Для реализации большинства проектов по геометрическому материалу подходят различные компьютерные среды. В начальной школе, по нашему мнению, целесообразно использовать интегрированную компьютерную среду ПервоЛого, программу Microsoft Office PowerPoint, а также электронное учебное пособие «Математика и конструирование» и ИИСС «Геометрическое конструирование на плоскости и в пространстве», которые представлены в Электронной коллекции цифровых образовательных ресурсов и предназначены для свободного применения в учебном процессе. Выбор данных программных продуктов обусловлен тем, что они соответствуют возрастным особенностям учащихся начальной школы, являются доступными для использования в учебном процессе, предоставляют большие возможности для реализации проектного метода [2].

В математике и объектом изучения, и методом развития личности является решение задач. Поэтому, применяя «проектный метод» при обучении математике, не нужно забывать, что решение задач должно оставаться основным видом учебной деятельности [3]. Эту специфическую особенность учебного предмета следует учитывать при разработке проектов, поэтому учебные проекты должны являться средством отработки младшими школьниками навыков решения задач, проверки уровня знаний, формирования познавательного интереса к предмету.

Предлагаемая методика

Практика обучения младших школьников элементам геометрии показывает, что учащиеся начальной школы имеют в основном низкий уровень сформированности геометрических представлений, недостаточно понимают возможности применения знаний и умений по элементам геометрии в практической деятельности. Об этом свидетельствуют, в частности, полученные в ходе проведенного нами констатирующего эксперимента результаты анкетирования учащихся и выполнения ими практических заданий по элементам геометрии. Для успешного решения данной проблемы была разработана программа внеурочной деятельности, содержащая комплекс проектов по геометрическому материалу и методические рекомендации для учителей по организации работы над проектами. Основная цель примерной программы – формирование геометрических представлений младших школьников на основе использования метода учебных проектов. Работа по реализации комплекса проектов направлена на углубление и расширение знаний учащихся по геометрическому материалу, познание окружающего мира с геометрических позиций, формирование умения применять полученные знания в ходе решения учебно-познавательных и учебно-практических задач с использованием программных средств, формирование пространственного и логического мышления.

Представленный в программе комплекс проектов рассчитан на применение во 2–4 общеобразовательных классах. В каждом классе предусмотрена реализация 5 учебных проектов общей продолжительностью во 2-м классе – 16 часов, в 3-м классе – 22 часа, в 4-м классе – 17 часов. Учитель может изменять представленное в программе количество часов, учитывая уровень подготовки учащихся по геометрическому материалу и информационным технологиям, а также наличие компьютерной поддержки проектов. Содержание комплекса проектов соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта начального общего образования, охватывает практически все основные вопросы по геометрическому материалу в начальной школе.

Примерной программой предусмотрено углубленное изучение таких тем, как «Многоугольники», «Окружность. Круг», «План. Масштаб», «Объемные фигуры», а также знакомство с осевой симметрией с представлением числовых данных площади и объема в виде диаграмм. Работа над некоторыми проектами предусматривает использование исторического и краеведческого материала, что способствует повышению познавательного интереса к изучению геометрического материала.

Комплекс проектов представлен следующими темами:

– «Мир линий», «Старинные единицы измерения длины», «Красота узоров из многоугольников», «Флаги районов Вологодской области», «Геометрическая сказка» (II класс);

– «Орнаменты Вологодской области», «Паркет», «Заметка в газету о круге или окружности», «Меандр», «Дачный участок» (III класс);

– «Углы», «Загадка пирамиды», «Улицы нашего города», «Расчетные работы при строительстве», работа с конструкторами (IV класс).

В педагогической литературе рассматриваются различные этапы работы над учебным проектом. При определении этапов работы над учебным проектом по элементам геометрии мы придерживались идей Н. Ю. Пахомовой [4], как наиболее точно отвечающих специфике применения метода проектов в начальной школе. Работа над учебным проектом осуществляется через прохождение учащимися следующих этапов: погружение в проект, организация деятельности, осуществление деятельности, презентация.

Приведем примеры проектов, реализуемых во втором классе, и перечислим основные геометрические знания и умения, отрабатываемые в процессе работы над каждым проектом (табл. 1).

При изучении вопросов математики, связанных с различными видами линий, был реализован проект «Мир линий».

Тип проекта – исследовательский; межпредметный (математика, информатика, технология, изобразительное искусство); индивидуальный; средней продолжительности.

Цель – объединить различную информацию о линиях, расширить и углубить знания и представления учащихся о линиях.

Планируемый результат – создание многостраничного альбома с собранной информацией о линиях.

Покажем, каким образом организовывалась и осуществлялась деятельность по реализации проекта «Мир линий». Основные этапы работы над проектом, деятельность учителя и учащихся для большей наглядности отразим в таблице 2.

В процессе работы над проектами учащиеся выполняют построение плоских и объемных геометрических фигур, конструирование и моделирование из геометрических фигур других фигур, разнообразных объектов, проводят небольшие исследования по геометрическому материалу.

Использование метода проектов при изучении геометрического материала предполагает применение знаний и умений из других предметных областей, что способствует всестороннему развитию учащихся. Данный метод реализует деятельностный подход к обучению; способствует развитию умения планировать свою учебную деятельность, решать проблемы, а также развитию компетентности в работе с информацией, коммуникативной компетентности.

Эффективность процесса формирования геометрических представлений при работе над проектами была оценена в ходе педагогического эксперимента, проведенного в 2008–2012 гг. на базе общеобразовательной школы № 8 и начальной школы № 10 г. Вологды. Статистическая обработка результатов диагностики уровня сформированности геометрических представлений младших школьников проводилась с использованием критерия χ^2, разработанного К. Пирсоном.

Экспериментальная методика формирования геометрических представлений на основе метода проектов в процессе внеурочной деятельности с использованием программных средств позволяет получить более высокие результаты, чем при традиционном обучении геометрическому материалу [5].

Изменение уровня сформированности геометрических представлений на констатирующем и заключительном этапах эксперимента у учащихся экспериментальной и контрольной групп представлено на рисунке 1.

Выводы

Таким образом, разработанная нами методика реализации метода проектов при обучении элементам геометрии в процессе внеурочной деятельности способствует эффективному формированию геометрических представлений младших школьников.

Таблица 1

Основные характеристики проектов, реализуемых во 2 классе

Название проекта	Основные знания и умения по геометрическому материалу, отрабатываемые в ходе работы над проектом
«Мир линий»	Иметь представление о прямой и кривой линиях, ломаной и ее элементах; замкнутых и незамкнутых ломаных и кривых линиях; непересекающихся, пересекающихся и самопересекающихся линиях; о взаимном расположении точек и линий относительно друг друга, о взаимном расположении линий на плоскости. Знать термины линия, прямая, кривая, ломаная, замкнутая, незамкнутая, непересекающаяся, пересекающаяся, самопересекающаяся; элементы ломаной. Уметь чертить прямую, кривую и ломаную линии; замкнутые и незамкнутые линии; непересекающиеся, пересекающиеся и самопересекающиеся линии; показывать вершины и звенья ломаной; находить в окружающем мире знакомые линии
«Старинные единицы измерения длины»	Иметь представление о мерах длины, в том числе о старинных русских мерах длины (вершок, пядь, локоть, маховая и косая сажень, аршин, верста) и иностранных мерах длины (дюйм, фут, ярд). Уметь измерять небольшие расстояния и длины объектов, используя различные меры длины. Уметь решать задачи на нахождение расстояний
«Красота узоров из многоугольников»	Иметь представление о прямоугольнике (квадрате), многоугольнике и его элементах, правильном многоугольнике (правильном треугольнике); о свойствах сторон и углов правильного многоугольника. Знать термины прямоугольник (квадрат), треугольник, многоугольник (правильный многоугольник); свойства сторон и углов прямоугольника (квадрата), правильного многоугольника. Уметь различать многоугольники и его элементы, строить прямоугольник (квадрат), выделять геометрические фигуры на сложном чертеже
«Флаги районов Вологодской области»	Иметь представление о плоскостных геометрических фигурах: отрезке, ломаной и кривой линиях, прямоугольнике (квадрате), ромбе, треугольнике, многоугольнике, круге. Знать свойства прямоугольника (квадрата), ромба, правильного многоугольника (правильного треугольника). Уметь выделять геометрические фигуры в строении флагов; выполнять построение отрезка, ломаной и кривой линий, прямоугольника (квадрата), треугольника (правильного треугольника)
«Геометрическая сказка»	Иметь представление о плоскостных геометрических фигурах (кривой, прямой и ломаной линиях, отрезке, прямоугольнике (квадрате), треугольнике, правильном многоугольнике, круге, прямом угле); о такой величине, как длина, и способах ее измерения. Знать свойства прямоугольника (квадрата), правильного многоугольника. Уметь строить следующие геометрические фигуры: кривую, прямую и ломаную линии, отрезок, прямоугольник (квадрат), треугольник, правильный многоугольник. Уметь выделять в объектах данные геометрические фигуры; находить длину ломаной, используя различные мерки

Таблица 2

Содержание деятельности учителя и учащихся по реализации проекта «Мир линий»

Деятельность учителя	Деятельность учащихся
1. Погружение в проект	
В ходе беседы выясняет, что ученики знают о линиях, какие бывают линии, где в жизни можно увидеть разнообразные линии. Предлагает собрать различную информацию о линиях, в том числе и ту, с которой не знакомились на уроках математики, оформить многостраничный альбом в ПервоЛого. Формулирует цель проекта, предлагает различные варианты названия проекта	Соглашаются с поставленной учителем целью проекта (принятие цели). Выбирают название темы проекта
2. Организация деятельности	
Ставит перед учащимися вопросы, на которые им нужно будет ответить в ходе работы над проектом. 1. Какие бывают линии? 2. Где в окружающем нас мире мы можем увидеть различные линии? 3. Как могут быть расположены линии относительно друг друга?	Совместно с учителем разрабатывают план работы над проектом. Выясняют, сколько страниц будет содержать альбом и какая информация будет представлена на каждой странице:

Окончание табл. 2

Деятельность учителя	Деятельность учащихся
4. Существуют ли стихи, загадки и задания о линиях? 5. Какие линии вы знаете? Предлагает составить план работы над проектом согласно ответам на поставленные вопросы	на 1 странице – примеры различных линий, их изображение; на 2 странице – изображения объектов, в которых можно выделить линии; на 3 странице – ответы на поставленные учителем вопросы; на 4 странице – задания и их решения, загадки, стихи о линиях
3. Осуществление деятельности	
Помогает в выборе источников необходимой информации. Оказывает помощь ученикам при возникновении затруднений. Осуществляет проверку выполненных заданий, при необходимости указывает на ошибки и просит их исправить	Отбирают из предложенных учителем источников необходимую информацию. Подбирают сами или с помощью родителей дополнительную информацию. Каждая группа создает свой вариант альбома
4. Подготовка и презентация результатов проекта	
Предлагает примерный план презентации результатов. Репетирует с учениками презентацию, допускает группу к защите. Организует деятельность по анализу выполненной работы, задает наводящие вопросы. Помогает обучающимся проанализировать свою деятельность, увидеть удачно выполненные фрагменты работы, а также фрагменты, над которыми еще нужно поработать	Защищают выполненные работы. Каждая группа представляет свой альбом, показывает, что было сделано. В ходе защиты отвечают на вопросы учителя, участников проекта из других групп. Проводят анализ выполненных работ

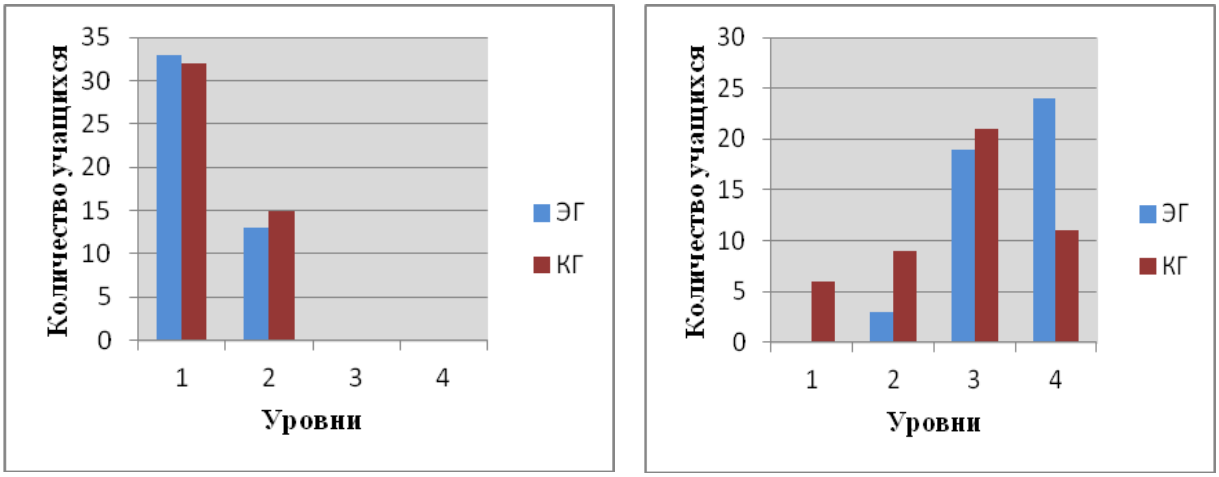


Рис. 1. Распределение учащихся экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп по уровням сформированности геометрических представлений на констатирующем и заключительном этапах эксперимента

Список литературы

1. Замошникова Н.Н. Метод проектов в обучении математике как средство развития познавательного интереса младших школьников: Дис. … канд. пед. наук. Чита: ЗГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2006. 196 с.

2. Кострова О.Н. Программные средства в реализации метода проектов при изучении элементов геометрии младшими школьниками // Научное обозрение: теория и практика. 2012. № 2. С. 41–48.

3. Тестов В.А. Математическое образование в условиях сетевого пространства // Образование и наука 2013. № 2. С. 111–121.

4. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: Пособие для учителей и студентов педагогических вузов. М.: АРКТИ, 2008. 112 с.

5. Кострова О.Н. Формирование геометрических представлений младших школьников во внеурочной деятельности с использованием программных средств: Автореферат дисс. … канд. пед. наук. Ярославль: ЯрГПУ, 2013. 23 с.

PROJECT METHOD IN GEOMETRICAL TRAINING OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

V.A. Testov, O.N. Kostrova

The article discusses the use of pedagogical features of the project method in teaching primary school students the elements of geometry with the use of educational software. With the account of these features, a program of extracurricular activities for students of grades II – IV is presented, which contains a set of projects based on geometric material and the guidelines for the organization of work on such projects. The methodological effectiveness of the proposed recommendations for the implementation of project-based training with elements of geometry in extracurricular activities is shown.

Keywords: project method, primary school students, elements of geometry, extracurricular activities.

References

1. Zamoshnikova N.N. Metod proektov v obuchenii matematike kak sredstvo razvitiia poznavatel'nogo interesa mladshikh shkol'nikov: Dis. … kand. ped. nauk. Chita: ZGPU im. N.I. Chernyshevskogo, 2006. 196 s.

2. Kostrova O.N. Programmnye sredstva v realizatsii metoda proektov pri izuchenii elementov geometrii mladshimi shkol'nikami // Nauchnoe obozrenie: teoriia i praktika. 2012. № 2. S. 41–48.

3. Testov V.A. Matematicheskoe obrazovanie v usloviiakh setevogo prostranstva // Obrazovanie i nauka 2013. № 2. S. 111–121.

4. Pakhomova N.Iu. Metod uchebnogo proekta v obrazovatel'nom uchrezhdenii: Posobie dlia uchitelei i studentov pedagogicheskikh vuzov. M.: ARKTI, 2008. 112 s.

5. Kostrova O.N. Formirovanie geometricheskikh predstavlenii mladshikh shkol'nikov vo vneurochnoi deiatel'nosti s ispol'zovaniem programmnykh sredstv: Avtoreferat. diss. … kand. ped. nauk. Iaroslavl': IarGPU, 2013. 23 s.

УДК 37.013.42

АКАДЕМИЧЕСКОЕ КУРАТОРСТВО В ИННОВАЦИОННОМ ВУЗЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

© 2014 г.

Т.Т. Щелина

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского

arz65@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2014

Раскрыта роль института кураторов в условиях изменившейся психологии студенчества и меняющейся ситуации в сфере развития высшего образования в России. Представлен опыт разработки и реализации воспитательной системы факультета с учетом специфики социономических профессий. Обозначены актуальные и перспективные направления деятельности куратора в инновационном вузе.

Ключевые слова: психология современного студенчества, воспитательная система факультета, институт кураторства, профессиональная социализация, механизмы профессиональной социализации в вузе.

Изменения в стране, и в частности в сфере образования, обусловили смену ценностей, формирование новых идеологических установок и параллельно – поиск новых направлений и технологий развития личности будущего специалиста, способного осуществлять самопроектирование и реализацию профессиональной карьеры в условиях серьезных противоречий между требованиями рынка труда и рынка специалистов. Об этом свидетельствует активизация (особенно в последние пять лет) исследований, в которых отражается обеспокоенность прогрессивного вузовского сообщества судьбой молодого поколения, острая необходимость перехода государственных вузов на качественно новую ступень в области воспитания, возрождения четко организованной работы по формированию и развитию ценностных ориентиров в студенческой молодежной среде [1].

Помимо негативных явлений в ценностно-ориентационной сфере студенчества постперестроечных лет [2] и «поколения NEXT» [3; 4] подготовке квалифицированных специалистов препятствует проблема недостаточной социальной и психологической зрелости молодых людей, поступающих в вузы. Эта проблема является следствием не решенных к окончанию школы задач развития личности и не преодолевается, по данным медицинских психологов и психотерапевтов, даже в пределах одного-двух возрастных этапов. С начала 2000-х гг. у студентов отмечались примитивность интересов и увлечений; несформированность учебной деятельности; отсутствие самостоятельности, инициативности и предприимчивости; неразвитость самосознания, рефлексии и абстрактно-логического мышления; выраженные нарушения возрастно-психологического, личностного и социального развития [5]. Зафиксированные психологами к 2010 г. неразвитость внутреннего плана действия и сниженный уровень любознательности и воображения детей, недоступность того, с чем легко справлялись их ровесники три десятилетия назад; неблагоприятные тенденции в развитии социальной и коммуникативной компетентности, эмоциональной и духовно-ценностной сферы; увеличение числа детей с ограниченными возможностями здоровья подтверждают неблагоприятный прогноз дальнейших изменений в сфере общего психического развития и формирования личности ребенка в ближайших поколениях россиян [6]. Выявленные тенденции актуализируют проблему социального воспитания в профессиональном образовании, связанную с разработкой в высшей школе моделей воспитательных систем, способствующих развитию и коррекции личностной готовности студентов к обучению в вузе, обеспечению их профессионального самоопределения, личностного и профессионального развития в ходе освоения профессии.

Анализ инновационного опыта вузов показывает, что эффективность профессиональной социализации студентов во многом обусловлена органичным сочетанием реализуемых в вузе концепции профессиональной подготовки будущих специалистов и воспитательной системы вуза (соответствующего факультета). При этом

основа концепции профессиональной подготовки будущего специалиста заложена во ФГОС ВПО по направлению или специальности, ее ценностно-содержательное наполнение, организационно-деятельностное и процессуально-технологическое обеспечение воплощается в воспитательной системе. В современной педагогике такая система рассматривается как упорядоченная совокупность структурных компонентов (цель, задачи, деятельность, субъект деятельности, отношения, освоенная социальная среда, этапы развития), взаимодействие которых обеспечивает создание благоприятных психолого-педагогических и социально-педагогических условий для целенаправленного развития личности будущего специалиста в процессе профессиональной подготовки в вузе.

С позиций методологии обеспечения успешной социализации, благоприятными условиями позитивного развития считаются такие, которые обеспечивают адекватное решение возрастных задач и личностно значимых проблем посредством социально приемлемых и социально полезных и ценных способов. Период обучения в вузе совпадает с юношеским этапом возрастного развития, современное понимание основных задач которого в контексте изменений психологии студенчества и высшего образования раскрываются следующим образом [6]:

– адаптация к обучению в вузе: новому статусу, новым социально-психологическим ролям, требованиям и правилам;

– адаптация к осваиваемой профессии: этическому кодексу, содержанию и технологиям профессиональной деятельности, коллегам и партнерам;

– развитие учебно-профессиональной деятельности, при необходимости – формирование ее мотивации;

– реализация себя в социальном служении людям, в улучшении социальной действительности;

– завершение кризиса идентичности личности (целостности, верности себе и своим принципам);

– реализация потребности в творческом самовыражении в различных видах деятельности, в продуктивных хобби;

– реализация потребности в общении со сверстниками своего и противоположного пола; формирование установок на гуманистические отношения с противоположным полом, на создание семьи;

– формирование продуктивной психологической защиты от стрессов и трудных жизненных ситуаций;

– формирование установок на здоровый образ (стиль) жизни.

Результаты наших исследований социально-психологических особенностей студентов – представителей социономических профессий с 2000 г. стабильно показывают, что отсутствие в вузе условий для решения юношами и девушками этих задач (особенно на младших курсах) приводит к увеличению дезадаптивных форм поведения. Как правило, такие формы поведения проявляются в нарушении учебной дисциплины и правил внутреннего распорядка, снижении успеваемости, избегании учебно-про-фессиональной деятельности, отвержении и прекращении ее, что завершается отчислением из состава студентов. В то же время целенаправленное создание условий для профилактики дезадаптации студентов в первые годы обучения в вузе посредством коррекции (доразвития) ведущих видов деятельности предыдущих возрастов (особенно подросткового и раннего юношеского) существенно сокращает «группу риска» на каждом курсе [7]. Дальнейшие исследования профессионального самоопределения современных студентов (2008–2013 гг.) позволяют провести аналогию между формированием и коррекцией психологической готовности ребенка к школе и личностной готовности студентов к обучению в вузе. Подобная аналогия в очередной раз доказывает необходимость целенаправленной работы со студентами по организации их общения, взаимодействия и совместной деятельности со сверстниками и педагогами, развития мотивации учебно-про-фессиональной деятельности на основе профессионального самоопределения и др. [8] – как необходимость доразвития предшественников учебной деятельности, не сформированных у ребенка к моменту поступления в школу.

Понимая, сколь сложно вузовскому сообществу принять реалии современной социально-психологической действительности и перестроить свое отношение к содержанию преподавательской деятельности – ее существенно увеличивающейся психологической нагруженности взаимодействия со студентами, мы намеренно акцентируем внимание на разработке факультетами воспитательных систем как упорядоченных организационно, содержательно и деятельностно обеспеченных структур управления развитием личности будущего специалиста. Причем особое место и особая роль в таких целостных систем управления развитием личности студентов отводится кураторству как важной составляющей современного вуза, вынужденного конкурировать за привлечение и сохранение каждого обучающегося.

Высказанные идеи и сформулированные положения реализованы и совершенствуются в опыте психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, системообразующим компонентом воспитательной системы которого являются *цель и задачи*, для реализации которых она создана:

– обеспечение студентам субъектной позиции в учебно-профессиональной деятельности и в освоении позитивного опыта социально-профессионального взаимодействия;

– формирование у студентов гуманистических социальных установок по отношению к будущей профессии, партнерам и самим себе как субъектам социально-профессионального взаимодействия;

– оказание студентам индивидуальной помощи в личностном и профессиональном саморазвитии.

Цель и задачи воспитательной системы психолого-педагогического факультета обеспечиваются *деятельностью*, реализуемой в трех направлениях: учебно-профессиональная деятельность; жизнедеятельность академических групп; индивидуальная помощь в личностном и профессиональном саморазвитии.

Учебно-профессиональная деятельность предполагает освоение дисциплин учебного плана в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, организацию практики и научно-исследовательской работы. Практика и научно-исследовательская работа как составные части учебно-профессиональной деятельности студентов связаны не только с закреплением и отработкой теоретических знаний и профессиональных умений, научным осмыслением явлений и фактов социально-педагогической действительности, но и с освоением позитивного опыта социально-профессионального взаимодействия. Это достигается посредством содержательного и технологического обеспечения практики и научно-исследовательской деятельности студентов, органичного включения их в деятельность академических групп и факультета в целом.

Жизнедеятельность академических групп рассматривается нами как взаимосвязанная совокупность различных видов учебно- и социально-профессиональной деятельности студентов, их межличностного общения и взаимодействия, которая обеспечивает удовлетворение потребностей каждого из них, коллектива, группы с учетом возрастных и личностно значимых задач, требований и потребностей факультета, вуза, более широкой социальной среды и всего общества. С этих позиций в вузе необходимо создавать условия для участия студентов в посильном оформлении и сохранении помещений (учебных, спортивных, информационно-библиотечных, культурно-досуговых и др.), условия для обучения взаимодействию друг с другом и возможными социальными партнерами при подготовке и проведении разнообразных по содержанию и формам мероприятий с учетом задач возраста и осваиваемой профессии.

Индивидуальная помощь студентам в их личностном и профессиональном саморазвитии предполагает сознательно организованную и технологически обеспеченную деятельность по созданию условий для освоения социальных и профессиональных компетенций, реализация которых обеспечивает успешную социализацию и профессионализацию будущих специалистов, их самореализацию и самоутверждение – как в период обучения в вузе, так и в последующие периоды развития. При этом учитываются социально-психологические характеристики, уровень сформированности профессионального самоопределения осваивающих профессию студентов и другие особенности, образовательные возможности и потребности.

В структуре воспитательной системы среди ее компонентов выделяется *субъект* деятельности, ее реализующий и в ней участвующий. В нашем варианте субъектом деятельности является тот единый воспитательный коллектив, в который входят преподаватели, сами студенты, представители учреждений – баз практики, представители администрации города, районов области, представители общественности и общественных организаций, родители. Такой качественный состав субъекта деятельности воспитательной системы факультета обусловлен прежде всего заинтересованностью соответствующих административных, управленческих и силовых структур и общественности в создании единого воспитательного пространства на территории города и обеспечении его квалифицированными специалистами. Это позволяет привлекать студентов к реализации задач социального воспитания в учреждениях образования, социальной защиты и помощи населению, осуществлению профилактической работы с детьми и подростками различных групп риска по месту жительства в микрорайонах и близлежащих селах.

Следующим компонентом разработанной нами воспитательной системы психолого-педагогического факультета являются рождающиеся в общении и совместной деятельности *отношения* между участниками – субъектами. С учетом специфики осваиваемой профессио-

нальной деятельности студентов в воспитательной системе представлены отношения доброжелательности, принятия, психологической безопасности; уважение точки зрения другого, его права иметь собственное мнение; отношения взаимопомощи, взаимной мобилизации ресурсов друг друга; отношения взаимной ответственности. Они реализуются в процессе учебно-профессиональной деятельности студентов, в жизнедеятельности академических групп, в ходе оказания студентам индивидуальной помощи. Анализ результатов практической деятельности показал, что такие отношения вначале воспринимаются как профессионально обязательные, нормативные, но благодаря использованию в повседневной жизнедеятельности группы становятся привычными и даже необходимыми, поскольку обеспечивают эффективность профессионального и межличностного взаимодействия.

Важным компонентом воспитательной системы психолого-педагогического факультета является та социальная *среда*, которая освоена субъектом деятельности. С учетом месторасположения филиала (г. Арзамас – центр южной части Нижегородской области) и специфики профессиональной деятельности специалистов психолого- и социально-педагогической сферы среда, на освоение которой направлена воспитательная система факультета, включает учреждения образования; учреждения системы социальной защиты населения (центр социально-психологической помощи семье, центр социальной помощи детям, центр реабилитации детей-инвалидов, муниципальный центр помощи населению); детские оздоровительные лагеря и базы отдыха; комитеты территориального самоуправления; учреждения ГУФСИН (воспитательная колония); подразделения отдела МВД по работе с несовершеннолетними; отделы опеки, попечительства и усыновления департаментов образования города и района; отделы по работе с семьей департаментов социальной защиты населения города и района; межведомственную комиссию по делам несовершеннолетних при Администрации города.

Воспитательная система охватывает весь факультет и каждого в отдельности, поэтому предполагает последовательное (по курсам) усложнение содержания, форм и способов организации учебно-профессиональной деятельности; жизнедеятельности академических групп; индивидуальной помощи в личностном и профессиональном саморазвитии. Управление воспитательной системой осуществляется на следующих уровнях:

1) *ученый совет филиала (института), директорат* – принятие и одобрение концепции воспитательной системы факультета, кадровое обеспечение ее руководящего состава;

2) *ученый совет факультета, деканат* – разработка концепции воспитательной системы, обеспечение ее стратегического и тактического функционирования и развития, контроль и координация деятельности кафедр, кураторов, студенческого самоуправления, планирование и осуществление взаимодействия с социальными партнерами;

3) *кафедры* – участие в разработке концепции воспитательной системы, непосредственное обеспечение ее функционирования посредством института кураторов, взаимодействие со студентами, помощь им, координация их деятельности, установление и поддержание связей с социальными партнерами;

4) *студенческое самоуправление* – организация жизнедеятельности академических групп, помощь преподавателям в организации учебно-профессиональной деятельности (педагогическая практика, научно-исследовательская работа), внесение новых идей и социальных инициатив в управление воспитательной системой.

Управление функционированием и развитием воспитательной системы психолого-педагогического факультета строится на основе следующих *принципов*, определяющих важнейшие требования, выполнение которых обеспечивает эффективность воспитательной системы, соответствие ее результата цели и задачам:

– *принципа системности*, обеспечивающего структурную упорядоченность и последовательность взаимодействия взаимосвязанных друг с другом компонентов системы, подчиненность их основной цели;

– *принципа реальности*, гарантирующего адекватность задуманного действительности, выполнимость поставленных целей и задач, доступность среды и партнеров по взаимодействию;

– *принципа открытости и развития*, позволяющего системе, сохраняя свои характерные особенности и черты, адаптироваться к новым условиям, совершенствоваться, развиваться;

– *принципа гуманистической направленности*, обеспечивающего создание условий для позитивной духовно-ценностной ориентации личности будущих специалистов, формирования у них гуманистических социальных установок по отношению к профессиональной деятельности и субъектам социально-профессионального взаимодействия;

– *принципа максимальной приближенности к профессиональной деятельности*, обеспечи-

вающего освоение профессии и развитие личности будущего специалиста в реальной деятельности и взаимодействии в соответствии с актуальными для возраста студентов задачами и содержанием будущей профессии.

Разработанная система обеспечивает целенаправленность, планомерность, систематичность, упорядоченность и стабильность организованного влияния на развитие личности студентов, сплочение коллектива преподавателей и повышение их социально-педагогической компетентности. Особо отметим, что успешность представленной деятельности зависит от того, в какой мере воспитательная система изначально рассматривается педагогическим коллективом как *важнейшее средство (инструмент) и условие* эффективной подготовки будущего специалиста к профессиональной деятельности. Реализация разработанной системы определяет успешность социализации студентов на основе обеспечения их социально-психологической адаптации к обучению в вузе, к осваиваемой профессии, нормативного социально-профессионального развития и профилактики личных кризисов, кризисов учебной деятельности, формирования социально дезадаптивного поведения, а также создает возможность освоения соответствующих профессиональных технологий. В определенной мере реализация воспитательной системы выступает гарантией стабильности жизнедеятельности факультета, чувства защищенности у преподавателей (особенно у начинающих и у тех, кому сложно взаимодействовать с современной молодежью) в условиях освоения ФГОС ВПО и новых для вуза направлений профессиональной подготовки.

Деятельность кураторов в разработанной и реализуемой системе занимает особое место, являясь ее системообразующим ядром и связующим звеном в общей системе управления развитием факультета. Обобщенно миссию института кураторства в нашем случае можно сформулировать как содействие формированию у студентов чувства сопричастности к группе, факультету, вузу на основе сплочения в совместной деятельности и взаимодействии, психолого-педагогическое сопровождение студентов в процессе освоения и реализации ими субъективной позиции в жизни факультета и вуза.

В этом смысле кураторство можно охарактеризовать как особую форму действия институционального (по А.В. Мудрику) [9] механизма социализации в системе профессионального образования. Именно этот механизм, по определению, функционирует в процессе взаимодействия человека с институтами общества и различными организациями, как специально созданными для его социализации, так и реализующими социализирующие функции параллельно с основными.

В вузе как в воспитательной организации, специально созданной для целенаправленной профессиональной социализации, институциональный механизм позволяет обеспечить нарастающее накопление студентами соответствующих знаний, компетенций и позитивного опыта доступной профессиональной деятельности и взаимодействия. В наших исследованиях [10] мы рассматриваем *институциональный механизм* как регламентацию образовательной деятельности вуза, учебно-воспитательного процесса в нем, более или менее четкую характеристику профессии, ее сущности, квалификационных требований и соответствующих профессионально важных личностных качеств и умений студентов, применение необходимых и целесообразных санкций (как позитивных, так и негативных) для их формирования и развития. Это обеспечивает планомерность, определенную последовательность, выбор средств, методов и технологий организации процесса профессиональной социализации студентов, контролируемость ее результатов и ответственность за них на уровне профессорско-преподавательского состава, самих студентов и потенциальных работодателей.

В этом смысле кураторство является тем системообразующим ядром и связующим звеном, которое не разрозненно, не ситуативно, а именно последовательно и планомерно, систематически и целенаправленно позволяет аккумулировать и транслировать влияние вузовской среды и осваиваемой профессии на становление и развитие будущего специалиста. Это становится возможным, если в воспитательной системе вуза (факультета) для организации усвоения студентами позитивного социального опыта кураторами используются возможности:

– этикета и традиций (как факультетских, вузовских, так и профессиональных и созданных группой);

– норм и правил взаимодействия, а также правил поведения куратора или любого другого преподавателя, реализующего профессионально-этический кодекс осваиваемой профессии;

– разноуровневых процессов персонификации пространства академической группы, факультета, образовательного учреждения (вуза);

– организации взаимодействия и обучения ему в рамках жизнедеятельности факультета и вуза.

В то же время специфика кураторства в вузе обусловлена особыми характеристиками субъектов образовательного процесса как партнеров социально-профессионального взаимодействия (причем, как правило, независимо от уровня психологического и социального развития – в любом случае это «такое вот партнерство»). В этом случае кураторство может быть рассмотрено и как особая форма действия *межличностного* механизма профессиональной социализации в системе высшего образования. В наших исследованиях [11] показано, что установление доверительных отношений со значимыми для студентов людьми (кураторами, сверстниками, старшекурсниками, преподавателями), психологическая поддержка и помощь обеспечивают возможность самораскрытия, искреннего, все более осознаваемого стремления быть похожим на них, стать достойным их внимания и уважения. Благодаря привлекательности и авторитету «значимых других» в среде студентов, их собственному позитивному опыту взаимодействия обеспечивается ненасильственное воспроизведение позитивных образцов поведения и межличностного и профессионального взаимодействия. С учетом специфики осваиваемой профессии и изучаемых предметов, непреднамеренно провоцирующих обострение различных неразрешенных кризисов развития (возрастных, личных, семейных, школьных и т.д.), межличностный механизм становится весьма эффективным при необходимости коррекции развития на основе эмоционального переживания студентом отношения к себе как к личности и субъекту со стороны значимых для него людей.

В этой связи академическое кураторство в инновационном вузе – это целенаправленная, систематически и последовательно осуществляемая деятельность, направленная на:

– изучение, анализ и прогнозирование развития студенческой группы и составляющих ее микрогрупп, личностно-профессионального становления конкретных студентов в процессе взаимодействия со сверстниками и преподавателями;

– создание условий для осознания субъективной (и социальной) значимости осваиваемой профессии и формирования позитивного социального опыта во взаимодействии с различными партнерами в процессе профессиональной подготовки;

– поиск, разработку и реализацию технологий индивидуальной и групповой помощи студентам в учебно-профессиональной деятельности, личностном и профессиональном саморазвитии.

Это значит, что деятельность куратора в воспитательной системе инновационного вуза предполагает:

– содействие развитию интереса к профессии и к самим себе как субъектам профессионального взаимодействия;

– обеспечение субъектной позиции в освоении опыта доступной социально-профессиональной деятельности;

– содействие расширению и освоению диапазона социально-профессиональных ролей;

– содействие формированию и развитию готовности к диалогу и сотрудничеству в процессе социально-профессионального взаимодействия с различными партнерами.

Именно на это в разработанной и реализуемой нами воспитательной системе и деятельности кураторов направлены:

– выездной адаптивный лагерь для первокурсников;

– насыщенная профессионально ориентированная волонтерская деятельность;

– работа студенческой психолого-педагогической службы (СППС) и студенческого научно-исследовательского института социально-гуманитарного образования (СНИИСГО);

– пропедевтическое сопровождение и психолого-педагогическое обеспечение межсессионных аттестаций;

– студенческая профориентационная служба и служба содействия трудоустройству.

Результатом становятся изменения в мотивации освоения профессии и профессионального взаимодействия, степени адекватности самооценки профессиональных качеств и перспектив трудоустройства, принятии решения о трудоустройстве по специальности.

Такое понимание сущности кураторства и ее реализация позволяют совершенствовать процесс адаптации студентов к обучению в вузе и освоению профессии, осуществлять профилактику и коррекцию личностных кризисов, содействовать развитию профессионального самоопределения и социальной успешности студентов. Об этом свидетельствует существенное сокращение к окончанию вуза выявленных на каждом курсе «групп риска», а также достаточно высокий процент трудоустройства по профессии либо в близких к полученной профессии сферах. Представленный подход отражает современное понимание диалектики педагогического процесса в высшей школе, обеспечивающего общее и профессиональное становление личности специалиста с учетом соответствующего уровня и характера развития, степени

личностной и социальной зрелости студента и группы.

В статье использованы материалы исследования, выполненного при финансовой поддержке в рамках гранта РГНФ «Теоретико-методические основы воспитания студентов в системе уровневого психолого-педагогического образования» № 14-06-00798.

Список литературы

1. Стронгин Р.Г., Петров А.В. О ценностных ориентирах российского студенчества и воспитательной работе в вузе // Высшее образование в России. 2013. № 7. С. 3–9.
2. Лисовский В.Т. Динамика ценностных ориентаций молодежи в период реформ // Молодежь в условиях социально-экономических реформ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 3–12.
3. Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет современного студенчества // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 57–63.
4. Иванова И.Н. Молодежный рынок труда в контексте социальной политики // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 63–69.
5. Щелина Т.Т. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения студентов в системе высшего гуманитарного образования // Вестник образования и науки. Педагогика. Психология. Медицина. Международный научный журнал. 2012. Вып. 2 (4). С. 15–18.
6. Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Вопросы воспитания. 2010. № 2(3). С. 9–20.
7. Щелина Т.Т. Духовно-ценностная ориентация социальных педагогов: Монография. М.: МПГУ, 2006. 385 с.
8. Беганцова И.С., Завражнов В.В., Щелина Т.Т. Психолого-педагогическое обеспечение профессионального самоопределения современных студентов: проблемы, подходы, технологии // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 158–164.
9. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику: Учебное пособие для студентов. М.: Институт практической психологии, 1997. 365 с.
10. Глебова Л.Н., Щелина Т.Т. Характер и условия проектирования подготовки специалистов социальной сферы // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 9–14.
11. Щелина Т.Т. Психолого-педагогические механизмы формирования и развития учебной группы студентов в процессе профессиональной социализации в вузе // Педагогическая психология: теория и практика: Сборник материалов международного научного симпозиума, Москва, 27–31 августа 2013 г. / Под ред. Т.Т. Щелиной. Киров: МЦНИП, 2013. С. 69–82.

ACADEMIC SUPERVISION IN AN INNOVATIVE UNIVERSITY: PSYCHOLOGICAL VALIDITY AND TEACHING EFFECTIVENESS

T.T. Shchelina

The article deals with the role of the institution of academic supervisors in the changing situation of higher education in Russia and in the conditions when the psychology of students has changed. We present the experience of developing and implementing an educational system at a faculty with the account of specific features of socionomic professions. The author identifies currently relevant and future activities of the academic supervisor in an innovative university.

Keywords: psychology of modern students, educational system of a faculty, institution of academic supervisors, professional socialization, professional socialization mechanisms at the University.

References

1. Strongin R.G., Petrov A.V. O tsennostnykh orientirakh rossiiskogo studenchestva i vospitatel'noi rabote v vuze // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. № 7. S. 3–9.
2. Lisovskii V.T. Dinamika tsennostnykh orientatsii molodezhi v period reform // Molodezh' v usloviiakh sotsial'no-ekonomicheskikh reform. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1995. S. 3–12.
3. Stegnii V.N., Kurbatova L.N. Sotsial'nyi portret sovremennogo studenchestva // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2010. № 2. S. 57–63.
4. Ivanova I.N. Molodezhnyi rynok truda v kontekste sotsial'noi politiki // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2010. № 2. S. 63–69.
5. Shchelina T.T. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'nogo samoopredeleniia studentov v sisteme vysshego gumanitarnogo obrazovaniia // Vestnik obrazovaniia i nauki. Pedagogika. Psikhologiia. Meditsina. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal. 2012. Vyp. 2 (4). S. 15–18.
6. Fel'dshtein D.I. Prioritetnye napravleniia psikhologo-pedagogicheskikh issledovanii v usloviiakh znachimykh izmenenii rebenka i situatsii ego razvitiia // Voprosy vospitaniia. 2010. № 2(3). S. 9–20.
7. Shchelina T.T. Dukhovno-tsennostnaia orientatsiia sotsial'nykh pedagogov: Monografiia. M.: MPGU, 2006. 385 s.
8. Begantsova I.S., Zavrazhnov V.V., Shchelina T.T. Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie professional'nogo samoopredeleniia sovremennykh studentov:

problemy, podkhody, tekhnologii // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2012. № 7. S. 158–164.

9. Mudrik A.V. Vvedenie v sotsial'nuiu pedagogiku: Uchebnoe posobie dlia studentov. M.: Institut prakticheskoi psikhologii, 1997. 365 s.

10. Glebova L.N., Shchelina T.T. Kharakter i usloviia proektirovaniia podgotovki spetsialistov sotsial'noi sfery // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 8. S. 9–14.

11. Shchelina T.T. Psikhologo-pedagogicheskie mekhanizmy formirovaniia i razvitiia uchebnoi gruppy studentov v protsesse professional'noi sotsializatsii v vuze // Pedagogicheskaia psikhologiia: teoriia i praktika: Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, Moskva, 27–31 avgusta 2013 g. / Pod red. T.T. Shchelinoi. Kirov: MTsNIP, 2013. S. 69–82.

АВТОРЫ

Абросимова Елена Борисовна – декан факультета подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов НИУ «ВШЭ» (Н. Новгород); к.т.н., доц.; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12.

Барлукова Оксана Дмитриевна – доц. каф. философии Бурятской госуд. сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова; к.соц.н.; 670034, Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8; сл. тел. 8 (3012) 44-19-20; e-mail: oxana106@mail.ru

Башук Елена Николаевна – ст. преп. каф. психологии управления ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 468-34-31; e-mail: bashuk@fsn.unn.ru

Белобрыкина Ольга Альфонсовна – доц. каф. общей психологии и истории психологии Новосибирского госуд. педагогического университета; к.психол.н.; 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, каб. 405; сл. тел. 8 (383) 341-22-17; e-mail: belobryckina.olga@yandex.ru

Богатырев Андрей Владимирович – доц. каф. экономики фирмы Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-902-303-77-54; e-mail: 9103879512z@gmail.com

Болдыревский Павел Борисович – зав. каф. экономико-математических методов и моделей в предпринимательской деятельности Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; проф., д.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-43-41; e-mail: bpavel2@rambler.ru

Веселова Наталья Валерьевна – доц. каф. мировой экономики и региональных рынков Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-967-285-31-93; e-mail: Veselovv@gmail.com

Возьмитель Андрей Андреевич – зав. сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН; к.филос.н., д.соц.н.; 117217, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: Vozmitel@isras.ru

Городнова Анфиса Алексеевна – доц. каф. общего и стратегического менеджмента НИУ «ВШЭ» (Н. Новгород); к.соц.н.; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-95-39; e-mail: agorodnova@hse.ru

Губанова Ольга Михайловна – доц. каф. алгебры и методики обучения математике и информатике Пензенского госуниверситета; к.пед.н.; 440026, Пенза, ул. Красная, 40, корп. 13; сл. тел. (8412) 54-88-13; e-mail: olga.penza@mail.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна – с.н.с. лаб. социальной и экономической психологии Института психологии РАН; к.психол.н.; 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1; сл. тел. (495) 682-72-70; e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Дятлова Ксения Дмитриевна – проф. каф. биохимии и физиологии растений ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н., доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-909-289-95-99; e-mail: xenia5204@mail.ru

Ермилова Алёна Васильевна – магистрант каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 201; e-mail: alena.ermilova@mail.ru

Ефимова Ольга Ильинична – с.н.с. Центра исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании, социально-педагогической поддержки детей и молодёжи; к.психол.н., доц.; 129366, Москва, ул. Тихвинская, 39; моб. тел. 8-916-250-62-53; e-mail: efimovao@mail.ru

Жураковская Наталья Юрьевна – выпускница ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; e-mail: natalya.zhurakovskaya@gmail.com

Загребин Владимир Владимирович – асп. каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 201; моб. тел. 8-909-132-10-11; e-mail: zagrebin_vladimir@mail.ru

Казаков Михаил Анатольевич – проф. каф. прикладной политологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.полит.н.; 603005, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2; сл. тел. (831) 462-35-05; e-mail: kazakov_mihail@list.ru

Кистанова Людмила Анатольевна – асп. каф. экономико-математических методов и моделей в предпринимательской деятельности Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-904-790-72-12; e-mail: lakistanova@mail.ru

Коган Евгения Александровна – доц. каф. социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института; к.соц.н.; 125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4; сл. тел. (495) 158-49-92; e-mail: kogan2502@yandex.ru

Коробейникова Елена Владимировна – нач. отдела по работе с персоналом Нижегородского НИИ радиотехники; к.психол.н.; 603009, Н. Новгород, ул. Бонч-Бруевича, 2-14; сл. тел. (831) 469-59-05; e-mail: jara7777@mail.ru

Кострова Ольга Николаевна – преп. Вологодского педагогического колледжа; к.пед.н.; 160001, Вологда, ул. Батюшкова, 2; сл. тел. (8172) 26-62-41; e-mail: o.n.kostrova@mail.ru

Куконков Павел Иванович – с.н.с. Приволжского филиала ИС РАН; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Холодный, 4; e-mail: kukonkov07@rambler.ru

Лебедева Оксана Валерьевна – доц. каф. классической и практической психологии Нижегородского госуд. педагогического университета им. К. Минина; к.психол.н.; 603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1; сл. тел. (831) 436-19-55; e-mail: lebedeva-oksana.nn@yandex.ru

Лысцев Михаил Сергеевич – доц. каф. методологии, истории и философии науки НГТУ им. Р.Е. Алексеева; к.полит.н.; 603163, Н. Новгород, Казанское шоссе, д. 12, корпус 6; сл. тел. (831) 257-86-51; e-mail: Mlystsev@gmail.com

Май Куок Хань – асп. каф. экологии и географии Шуйского филиала Ивановского госуниверситета; 155908, Ивановская обл., Шуя, ул. Кооперативная, 20, общ. 3, ком. 68; сл. тел. 8 (49351) 3-06-40; e-mail: khanhthao29@gmail.com

Максимов Юрий Васильевич – доц. каф. экономики народного хозяйства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 60; сл. тел. (831) 430-39-41; e-mail: mciqre@yandex.ru

Макушева Юлия Андреевна – доц. каф. экономики фирмы Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-39-42; e-mail: sjm2@yandex.ru

Маурицио Помпелла – зам. директора школы экономики и менеджмента Университета г. Сиены (Италия); профессор.

Мизиковский Игорь Ефимович – зав. каф. бухгалтерского учета Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; моб. тел. 8-910-120-42-99; e-mail: mossad1313@rambler.ru

Напалков Сергей Васильевич – ст. преп. каф. прикладной информатики Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 607220, Нижегородская обл., Арзамас, ул. К. Маркса, 36, каб. 88; моб. тел. 8-950-620-03-30; e-mail: nsv-52@mail.ru

Насыбуллин Алексей Альбертович – исп. директор продюсерского центра «3R» Казанского национального исследовательского технологического университета; к.соц.н.; 420012, Республика Татарстан, Казань, ул. Маяковского, 20, офис 18; моб. тел. +7-927-677-84-83; e-mail: red-green2003@gmail.com

Орлов Александр Владимирович – доц. каф. психофизиологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.б.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; моб. тел. 8-920-019-84-68; e-mail: orav@mail.ru

Перова Валентина Ивановна – доц. каф. математического моделирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 6; сл. тел. (831) 465-88-27; e-mail: mmes@mm.unn.ru

Петровская Юлия Александровна – зав. каф. социальной работы Петрозаводского госуниверситета; к.соц.н.; 185005, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. А. Невского, 8, каб. 307; сл. тел. (8142) 73-19-57; e-mail: julia_petrovskaya@yahoo.com

Плотников Михаил Вячеславович – проф. каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.соц.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 201; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: plotnikovm@gmail.com

Пономарев Сергей Михайлович – доц. каф. кристаллографии и экспериментальной физики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-02; e-mail: s_m_pon@mail.ru

Прончатова-Рубцова Наталия Николаевна – асп. каф. финансов и кредита ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; моб. тел. +7-904-900-26-65; e-mail: pronat89@mail.ru

Родионов Михаил Алексеевич – зав. каф. алгебры и методики обучения математике и информатике Пензенского госуниверситета; д.пед.н., проф.; 440026, Пенза, ул. Красная, 40, корп. 13; сл. тел. (8412) 54-88-13; e-mail: do7tor@mail.ru

Ростовская Наталия Андреевна – учитель английского языка ГБОУ СОШ № 121; к.культурологии; 117393, Москва, ул. Гарибальди, 28, к. 3; моб. тел. 8-965-112-78-02; e-mail: narostovskaya@mail.ru

Рузанов Александр Иванович – проф. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.т.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-929-044-87-20; e-mail: pavelr70@mail.ru

Рузанов Павел Александрович – доц. каф. математических и естественно-научных дисциплин Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 245-54-11, доб. 215; e-mail: pavelr70@mail.ru

Сергеева Оксана Михайловна – асс. каф. общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.психол.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-55-00; e-mail: sergeeva_oxana@bk.ru

Сизова Ирина Леонидовна – проф. каф. общего и стратегического менеджмента НИУ «ВШЭ» (Н. Новгород); д.соц.н.; 603093, Н. Новгород, ул. Родионова, 136; моб. тел. 8-962-516-39-37; e-mail: sizovai@mail.ru

Тестов Владимир Афанасьевич – проф. каф. математики и методики преподавания математики Вологодского госуд. педагогического университета; д.пед.н.; 160035, Вологда, ул. С. Орлова, 6; сл. тел. (8172) 76-91-96; e-mail: vladafan@inbox.ru

Трофимов Олег Владимирович – зав. каф. экономики фирмы Института управления и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; д.э.н., проф.; сл. тел. (831) 240-09-66; e-mail: oleg_trofimov@mail.ru

Фомина Наталья Вячеславовна – доц. каф. классической и практической психологии Нижегородского госуд. педагогического университета им. К. Минина; к.психол.н.; 603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1; сл. тел. (831) 436-19-55; e-mail: fominataly@yandex.ru

Хусяинов Тимур Маратович – магистрант каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 201; моб. тел. +7-950-606-84-91; e-mail: timur@husyainov.ru

Хымович Оксана Степановна – асс. каф. истории и теории социологии Львовского национального университета им. И. Франко, Николаев, Львовская обл., ул. Грушевского, 2-37; e-mail: ksjyshonhello@yandex.ru

Швец Ирина Михайлована – проф. каф. биохимии и физиологии растений ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-903-060-20-25; e-mail: shvets@hotmail.com

Шигабетдинова Гузель Мирхайзановна – доц. каф. политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского госуд. технического университета; к.пед.н.; 432027, Ульяновск, ул. Северный Венец; сл. тел. 8 (842) 243-06-43; e-mail: shigabetdinova@gmail.com

Щелина Тамара Тимофеевна – декан психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н., проф.; 607220, Нижегородская обл., Арзамас, ул. К. Маркса, 36; сл. тел. (83147) 4-66-50; e-mail: priem@arz.unn.ru; arz65@mail.ru

Яшина Надежда Игоревна – проф. каф. финансов и кредита ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 430-28-54; e-mail: sitnicof@mail.ru

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (36)

2014

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 34,8. Усл. печ. л. 30,6. Тираж 100 экз. Заказ № 661.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Оригинал-макет подготовлен к печати отделом дизайна РИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Компьютерная верстка: М.Л. Тимошенко, В.В. Шеина

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-59595 от 10.10.2014 г.